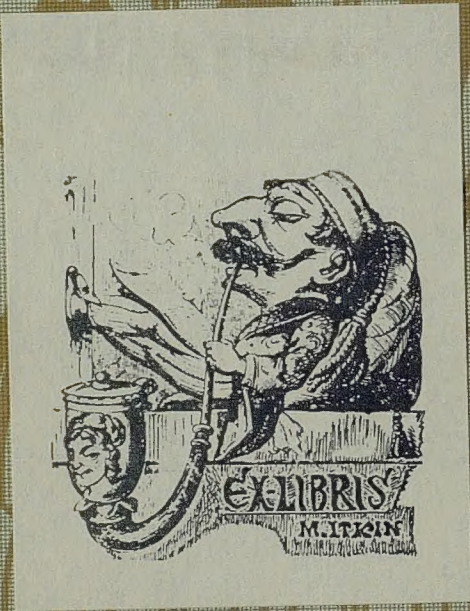

История
Русско-Японской
Войны

Дарю на память государю Шмидта
от Виталия Курдюмова.
Получите его скоро.
А.А. Курдюмов 22-го-го-го

AP 925.176.3

K8 2442/3

„Исторія Русско-Японской войны“.

Томъ III.

Редакторы-издатели:
М. Е. Бархатовъ и В. В. Функе.

РЕДАКЦІЯ и СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

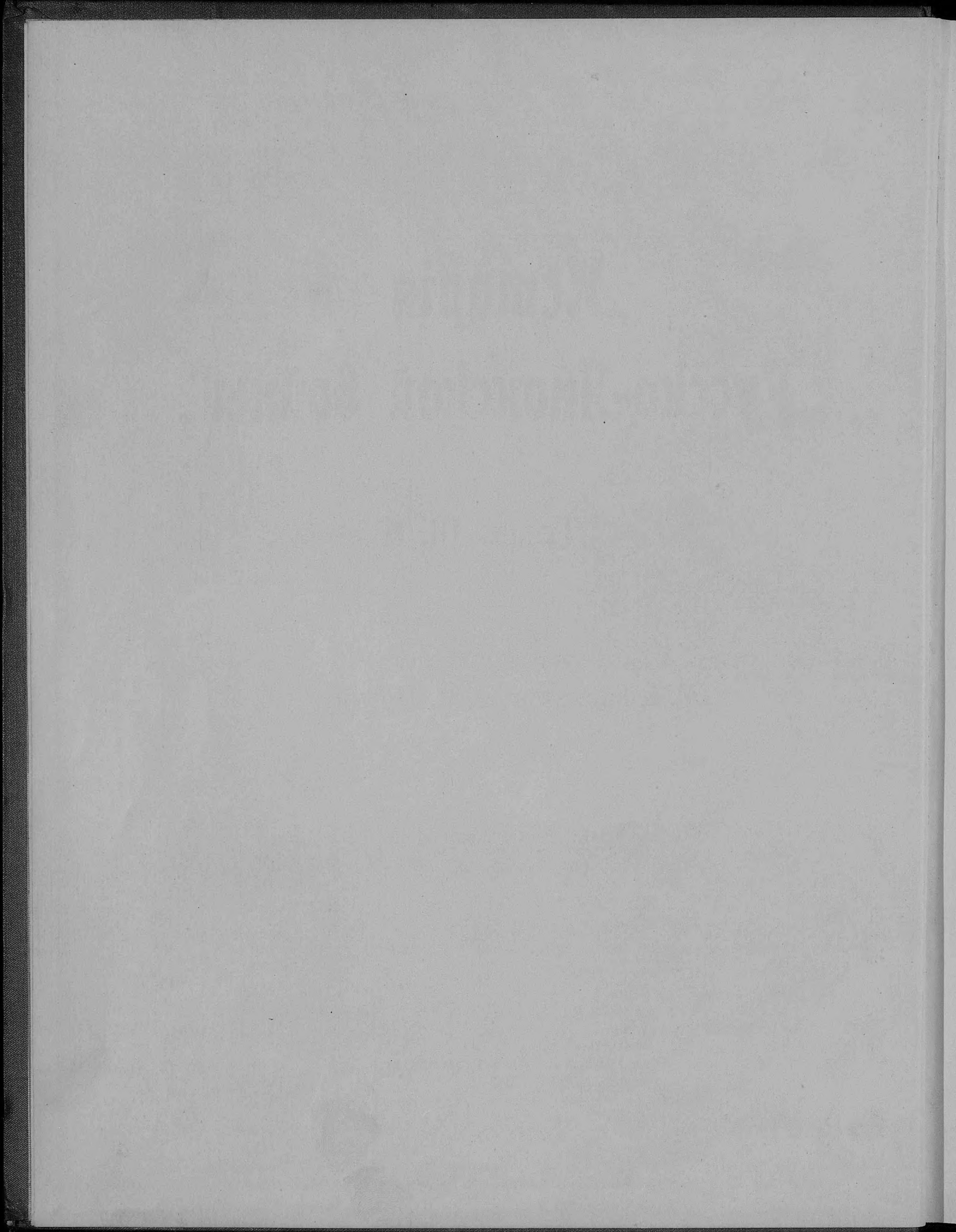
СПБ. Пушкинская, 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ, Звенигородская, 11.

1907.

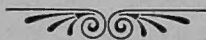

СПИСОКЪ ИСТОЧНИКОВЪ, КОИМИ ПОЛЬЗОВАЛИСЬ ПРИ СОСТАВЛЕНІИ III-го тома.

1. „Иллюстрированная лѣтопись Русско-Японской войны“. **Ө. И. Булгаковъ**. Изданіе 1904 и 1905 гг.
2. „Лѣтопись войны съ Японіей“ **Дубенскаго**.
3. Русско-Японская война въ сообщеніяхъ Николаевской академіи генеральнаго штаба. **А. Баіовъ**.
4. Изъ переписки между главнокомандующимъ генераломъ Куропаткинымъ и командующимъ II-ю манджурской арміей г.-л. Каульбарсомъ по поводу Мукденскихъ боевъ.
5. Сандепу. **В. О. Новицкій**.
6. Краткій очеркъ операций на Шахе и подъ Мукденомъ. **Сухановъ**. Изданіе 1906 г.
7. Стоянка на Шахе, Мукденскій погромъ, Сипингайскія позиціи. **Д. П. Парскій**. Военное книгоиздательство Шпеуръ.
8. Набѣгъ на Инкоу. **Свѣшниковъ**. 1906 г.
9. Мукденское сраженіе. Переводъ съ нѣмецкаго П. Х. Попова. 1907 г.
10. Русско-Японская война. Военныя сообщенія и желѣзно-дорожныя войска. **Караульщикова**.
11. Бой подъ Сандепу. **Галкинъ**. Журналъ „Война и Миръ“ 1906 г.
12. Какъ погибъ 5-й Стрѣлковый полкъ подъ Мукденомъ. Воспоминанія Генеральнаго Штаба полковника Циховича. 1908 г.
13. Куропаткинъ. **В. А.**
14. 215-й пѣхотный Бузулукскій полкъ въ войнѣ съ Японцами 1904—1905 гг.
15. Стратегическій очеркъ Мукденской операціи съ 7-го по 26-е февраля 1904 г. **Добролюбовскій**.
16. Изслѣдованіе Мукденскаго сраженія. **Рихардъ фонъ-Флекъ**. Переводъ съ нѣмецкаго П. Х. Попова.
17. Studie über Ljaojan und Mukden von Hauptmann des Geniestabes Julius Ritter Malczewski von Tarnawa.
18. Записная книжка штабнаго офицера во время Русско-Японской войны. **Г. Л. Гамильтонъ**. Томъ II-й. Переводъ съ англійскаго Лазаревича.
19. La guerre Russo-Japonaise. **R. Meunier**. Paris.
20. The Russo-Japanese War (official reports). Tokyo, Japan.
21. Cassell's History of the Russo-Japanese War.
22. Русско-Японская война. **Иммануэль**. Переводъ съ нѣмецкаго Адарида. Выпускъ II-й.
23. Die Schlacht am Shaho. Zählheft zum Militär-Wochenblatt. 1906.
24. „Развѣдчикъ“ за 1904 и 1905 гг.
25. „Русскій Инвалидъ“ за 1904 и 1905 гг.
26. Дневники, записки и документы участниковъ войны.

ОГЛАВЛЕНІЕ III-го ТОМА.

	СТР.
Положеніе сторонъ передъ наступленіемъ на Шахе	503
Стоянка на Шахе	583
Набѣгъ на Инкоу	596
Наступленіе на Сандепу	629
Мукденское сраженіе	670

Ляоянским погромомъ закончился второй періодъ нашей войны съ японцами. Впечатлѣніе было таково, какъ будто мы, проигравъ одну войну, должны были готовиться къ новой, которая имѣла какъ бы и другія цѣли и задачи. Въ первый періодъ кампаніи генераль Куропаткинъ главной задачей своей ставилъ доведеніе своей арміи до той численности, которую онъ считалъ достаточною для борьбы съ врагомъ, побѣда въ это время ставилась на второй планъ и объ ней, какъ мы видѣли, Куропаткинъ и не думалъ, такъ какъ таковая признавалась неизбѣжной, какъ только мы доведемъ нашу армію до желаемыхъ размѣровъ; поэтому Куропаткинъ спокойно относился къ предшествовавшимъ пораженіямъ и спокойно упускалъ случаи нанести пораженіе врагу, которые ему неоднократно представлялись, доводя такое направленіе своей дѣятельности до утрировки, когда приказывалъ передъ Ляояномъ, въ моментъ нашей побѣды, покидать удержанныя нами позиціи и отступалъ передъ полуразбитымъ и удивленнымъ противникомъ. Но къ моменту паденія нашего Ляояна, на театръ войны стали подходить наши подкрѣпленія и силы манджурской арміи стали, наконецъ, приближаться къ намѣченному предѣлу, а послѣдовавшія затѣмъ мобилизаціи частей войскъ европейской Россіи обеспечивали дальнѣйшее усиленіе арміи.

Непосредственно послѣ ляоянскихъ боевъ, у насъ было семь корпусовъ или по нормальной численности около 200.000 человекъ, которые цѣликомъ находились непосредственно въ рукахъ генерала Куропаткина. Такая численность

должна была быть, наконецъ, признанной достаточной для рѣшительныхъ операцій, этого не могъ отрицать даже и Куропаткинъ, и, такимъ образомъ, онъ является вынужденнымъ фактически перейти къ активнымъ операціямъ и поставить себѣ

Обозы у Мукденскаго моста.

главной задачей уже не усиленіе арміи, а разбитіе непріятельской арміи, и не отступать, какъ это онъ дѣлалъ до сихъ поръ, а побѣдить. Но авторитетъ его былъ теперь уже до нѣкоторой степени подорванъ, и въ армію стало проникать нѣкоторое недовѣріе къ своему вождю и своимъ силамъ, почему Куропаткинъ громкогласно объявляетъ о своемъ таковомъ рѣшеніи всей своей арміи и всему міру, какъ бы предупреждая о своихъ намѣреніяхъ противника и предлагая послѣднему

особенно готовиться къ этому. Трудно сказать, насколько это рѣшительное выступленіе на бумагѣ было съ его стороны искренне и насколько самъ Куропаткинъ въ дѣйствительности вѣрилъ въ успѣхъ своего предпріятія. Ближайшее ознакомленіе съ обстановкой, однако, можетъ привести къ выводу, что столь громогласное заявленіе о наступившемъ приливѣ энергіи и рѣшительности было нужно Куропаткину просто въ своихъ личныхъ цѣляхъ и, подъ давленіемъ обстановки, было, пожалуй, даже и неизбежно. Въ дѣйствительности нашъ сухопутно-морской главнокомандующій адмиралъ Алексѣевъ, съ мѣста оказавшійся не годнымъ для высшаго руководства флотомъ на морѣ, на сушѣ только мѣшалъ Куропаткину своими многочисленными и малообдуманнми требованіями на мѣстѣ и интригами въ Петербургѣ. Не признавая данныхъ, которыми руководствовался Куропаткинъ, онъ требовалъ наступательныхъ дѣйствій отъ сухопутной арміи, въ то же время не признавая таковыя возможными для флота, который находился въ большей степени готовности, да и долженъ былъ находиться въ таковой, это съ одной стороны, а съ другой — потеря Ляояна, на который всѣ такъ рассчитывали, вызвала недоумѣніе и недовѣріе къ Куропаткину; не только среди дѣйствующей арміи, но и въ Россіи авторитетъ его пошатнулся и продолжать дальнѣйшую политику „терпѣнія“ было уже рискованно. Такимъ образомъ, возникалъ вопросъ уже не о судьбѣ кампаніи, а болѣе близкій къ сердцу вопросъ о самомъ себѣ, и надо было, во что бы то ни стало, удержаться на пьедесталѣ величія на казенный счетъ. Надо было публично заявить о своей энергіи и рѣшительности, и онъ не упускаетъ этотъ

Бродъ черезъ р. Хунхэ ниже моста у Мукдена.

моментъ. Оно и принесло свои плоды. Куропаткинъ не только удержался на своемъ посту, но даже и шагнулъ впередъ. Россія еще разъ повѣрила своему избранному вождю и вручила ему власть главнокомандующаго всѣми своими силами на Дальнемъ Востокѣ.

Съ самаго начала мы не были готовы къ войнѣ съ Японіей, и находившіяся на Дальнемъ Востокѣ наши силы были малочисленны и, кромѣ того, такъ расположены, что въ минуту необходимости мы не могли ими воспользоваться. Когда грянулъ громъ, у насъ на мѣстѣ не оказалось ни одного человѣка, способнаго къ выполнению предстоящей серьезной задачи, и который могъ бы управлять войсками въ широкомъ смыслѣ этого слова. Необходимо было найти такого человѣка,

Домъ намѣстника въ Харбинѣ.

и выборъ палъ на Куропаткина, какъ на единственнаго, который могъ, хоть сколько-нибудь, совмѣстно дѣйствовать съ намѣстникомъ Дальняго Востока. Въ дѣйствительности дѣло было поставлено въ зависимость отъ взаимныхъ соглашеній этихъ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и мы видѣли, что такая политика не принесла хорошихъ плодовъ. Поэтому послѣ Ляояна, въ преддверіи какъ бы новой начинающейся кампаніи, въ Петербургѣ стали подумывать о болѣе рациональномъ устройствѣ высшаго управленія арміей. Управлять арміей въ 200.000 человѣкъ не подъ силу одному человѣку, какими бы выдающимися способностями онъ ни обладалъ. Исторія показала, что предѣломъ единоличнаго управленія можетъ быть армія не болѣе, какъ въ 150.000 человѣкъ, у Куропаткина же было значительно болѣе, да еще ожидалось дальнѣйшее числительное увеличеніе силъ. Естественнo, что при такихъ условіяхъ высшее управленіе вооруженными силами не могло оставаться въ томъ видѣ, какъ это было до сихъ поръ. Образецъ былъ налицо. Передъ нами находилась японская армія, во главѣ которой стоялъ маршалъ Ойяма, но всѣ японскія силы были раздѣлены на три арміи, руководимыя такими дѣльными и способ-

ными генералами, каковы были: Куроки, Нодзу и Оку, подобныхъ которымъ у насъ не было. Каждый изъ нихъ, имѣя одну общую цѣль, имѣлъ и свои отдѣльныя задачи, къ выполненію которыхъ стремился вполнѣ самостоятельно, и маршалъ Ойяма командовалъ не сотнями тысячъ людей, а только тремя талантливыми генералами, и дѣло шло вполнѣ правильно. Другое дѣло было у насъ, гдѣ ни на комъ нельзя было остановиться, чтобы предоставить ему самостоятельность дѣйствій.

Церковь Красноярскаго пѣхотнаго полка.

Старшимъ былъ генералъ Линевицъ, прозванный войсками „папашей“, но онъ былъ, во-первыхъ, очень старъ, а во-вторыхъ, понаторѣвшій практически въ мелочахъ командованія, не могъ выше нихъ подняться и, не имѣя высшаго ни общаго, ни спеціального образованія, не могъ должнымъ образомъ управлять значительными силами изъ трехъ родовъ оружія и ему рискованно было довѣрить какія-нибудь широкія самостоятельныя задачи. Затѣмъ слѣдовалъ генералъ Бильдерлингъ, но самостоятельныя дѣйствія его на правомъ берегу Тайцзыхе подъ Ляо-яномъ только указывали, что его силы и способности требовали еще испытанія, прежде чѣмъ довѣрить ему широкія задачи. Генералъ Штапельбергъ значительно дискредитировалъ себя при выполненіи вафангоуской операціи, генералъ Зарубаевъ не имѣлъ случая развернуть и выказать свои способности, такъ какъ все время находился подъ опекой генерала Куропаткина, оставались

еще генералы, подобные Мищенко, Ренненкампу и другимъ, которые, кромѣ плохихъ намековъ на стремительность, ничего другого не выказали, что же касается до генерала Засулича, то выходящее изъ ряда вонъ плохое командованіе его на Ялу не допускало и мысли признать его годнымъ къ серьезному дѣлу. До очевидности было ясно, что при такихъ условіяхъ генералъ Куропаткинъ съ двухсотъ-тысячной арміей управиться не можетъ, а потому и необходимо было что-нибудь сдѣлать для прочнаго устройства высшаго управленія арміей, тѣмъ болѣе, что дѣло слагалось такъ, что все происшедшее казалось лишь только прелюдіей къ настоящей войнѣ, которая теперь только должна была начаться. Высказывались даже мнѣнія, что эта новая война должна будетъ

начаться съ весны будущаго года. Это обстоятельство, въ связи съ поразившею всѣхъ подвижностью японцевъ, которая приписывалась организаціи ихъ высшаго армейскаго управленія, дало идею и у насъ приступить къ формированію второй манджурской арміи, вполнѣ независимой отъ первой, при чемъ командованіе все-таки должно было оставаться въ рукахъ Куропаткина. Въ командующіе этой второй манджурской арміей намѣчалось нѣсколько кандидатовъ, но выборъ остановился на бывшемъ командующемъ Виленскимъ Военнымъ Округомъ генералѣ Гриппенбергѣ. Приводимъ Высочайшій рескриптъ на его имя, которымъ сопровождалось его назначеніе: „Оскаръ Казимировичъ!

Крайнее напряженіе, съ которымъ ведетъ настоящую войну Японія, и проявленныя японскими войсками упорство и высокія боевыя качества побуждаютъ Меня значительно увеличить на театрѣ войны наши вооруженныя силы, дабы въ скорѣйшее, по возможности, время достигнуть рѣшительныхъ успѣховъ“.

„Такъ какъ при этомъ число войсковыхъ единицъ достигнетъ той цифры, при которой оставленіе ихъ въ составѣ одной арміи не можетъ быть допущено безъ ущерба удобствамъ управленія и подвижности войскъ, то Я призналъ необходимымъ подраздѣлить войска, назначенныя для дѣйствія въ Манджуріи, на двѣ арміи, сохранивъ командованіе надъ первой изъ нихъ въ рукахъ генер.-адъютанта Куропаткина и назначивъ Васъ командующимъ второй арміей“.

„Продолжительное служеніе Ваше отечеству, отмѣченное боевыми подвигами и обширнымъ опытомъ въ дѣлѣ подготовки войскъ, даетъ Мнѣ полную увѣренность, что Вы, руководствуясь общими указаніями главнокомандующаго, будете успѣшно направлять къ достиженію цѣлей войны дѣятельность ввѣренной Вамъ арміи и что подъ Вашимъ начальствомъ наши доблестныя войска проявятъ присущія имъ мужество и стойкость въ борьбѣ съ врагомъ на защиту чести и достоинства Родины“.

„Благослови Васъ Богъ на высокое служеніе Мнѣ и Россіи“.

„Пребываю къ Вамъ неизмѣнно благосклонный“.

Въ приведенномъ рескриптѣ болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе слова: „руководствуясь общими указаніями главнокомандующаго“—являлся вопросъ, кто именно подразумѣвался подъ словомъ „главнокомандующій“. Адмиралъ Алексѣевъ еще смѣненъ не былъ и находился на театрѣ военныхъ дѣйствій. Только въ половинѣ октября послѣдовали рескрипты адмиралу Алексѣеву и генералу Куропаткину: первому объ освобожденіи его отъ обязанностей главнокомандующаго, а второму

Завтракъ подъ Мукденомъ 23-го февраля.

о назначеніи его таковымъ. Вотъ эти рескрипты: „Евгеній Ивановичъ! Съ сожалѣніемъ уступая настойчивымъ просьбамъ Вашимъ объ освобожденіи Васъ отъ обязанностей главнокомандующаго вооруженными силами Моими на Дальнемъ Востокѣ, Я выражаю Вамъ Мою искреннюю признательность за всѣ Ваши многосложные труды по формированію войсковыхъ частей Намѣстничества, по сосредоточенію ихъ въ районѣ военныхъ дѣйствій и за высшее руководство вооруженными силами на Дальнемъ Востокѣ въ тяжелый начальный періодъ войны“.

„Пребываю къ Вамъ неизмѣнно благосклонный“.

Генералу Куропаткину: „Алексѣй Николаевичъ! Освобождая Намѣстника Моего на Дальнемъ Востокѣ, генераль-адъютанта Алексѣева, отъ обязанностей главнокомандующаго вооруженными силами на Дальнемъ Востокѣ, Я призналъ за благо назначить Васъ главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами, дѣйствующими противъ Японіи“.

Раздача георгіевскихъ крестовъ ген. Церпицкимъ нижнимъ чинамъ Елецкаго полка.

„Ваша боевая опытность, упроченная военными дѣйствіями въ Манджуріи, даетъ Мнѣ увѣренность, что во главѣ Моихъ доблестныхъ армій Вы сломите упорство вражескихъ силъ и тѣмъ обеспечите миръ Россіи на Дальнемъ Востокѣ“.

Съ 25-го сентября, т. е. съ мо-

мента рѣшенія формировать вторую манджурскую армію и назначенія ея командующимъ генерала Гриппенберга до назначенія главнокомандующимъ генерала Куропаткина прошелъ почти мѣсяцъ времени, что указываетъ на то, что все это прошло не безъ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ треній, всегда сопровождающихъ всякія перемѣны въ высшемъ составѣ управленій. Это, конечно, не могло не оставаться безъ вліянія на общее положеніе и ходъ дѣла. Такъ многіе оказывались какъ бы выбитыми изъ своей колеи, не зная нѣкоторое время чего или кого держаться. Если вспомнимъ, что все это происходило въ періодъ подготовки нашей къ знаменитому наступленію на Шахе и даже во время его выполненія, то это достаточно освѣщаетъ обстановку, при которой зарождалась и происходила задуманная операція. Говоря о назначеніи Гриппенберга командующимъ второй манджурской арміей, иностранная печать указываетъ на то, что онъ выдѣлился въ дѣлѣ подъ Арабаконакомъ въ войну 1877 и 78 годовъ, былъ

аттестованъ, какъ человѣкъ способный къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, но указывала на то, что онъ не русскаго происхожденія: по однимъ свѣдѣніямъ—германецъ, по другимъ—финнъ, во всякомъ случаѣ не православный.

Нельзя не признать, что положеніе Куропаткина во время всѣхъ этихъ перемѣнъ должно было быть не легкое: хотя и были сообщены всѣ мотивы формировація второй манджурской арміи, и хотя онъ назывался единственнымъ командующимъ манджурскихъ войскъ,

тѣмъ не менѣе дѣятельность его одного не была признана достаточной; впрочемъ, послѣдующія распоряженія должны были успокоить его. Назначеніе Гриппенберга Куропаткинъ, по крайней мѣрѣ, по наружности, встрѣтилъ весьма сочувственно, онъ поздравилъ его съ этимъ назначеніемъ и въ письмѣ къ нему по этому поводу выражалъ удовольствіе встрѣтиться съ старымъ туркестанскимъ товарищемъ, котораго называлъ даже своимъ учителемъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, насколько все это было искренне.

Формированіе второй манджурской арміи и оставленіе генерала Куропаткина командующимъ первой, само собою, выдвинуло вопросъ о болѣе опредѣленномъ высшемъ управленіи нашими войсками, находящимися тамъ. Присутствіе адмирала Алексѣева на театрѣ войны и его роль главнокомандующаго были совершенно невозможны, получалось невѣроятное положеніе, когда морякъ являлся главнымъ руководителемъ дѣйствій на сушѣ двухъ

Походная церковь.

сухопутныхъ армій и еще при условіи, что всякія коопераціи арміи и флота были совершенно не мыслимы. Адмиралъ Алексѣевъ чувствовалъ, что симпатіи склоняются

Станція Гунджулинъ.

на сторону Куропаткина, и просилъ объ освобожденіи его отъ обязанностей главнокомандующаго, но ходили слухи, что онъ сильно интриговалъ противъ Куропаткина, находя возможнымъ все-таки оставить за собой первенствующую роль, если не въ качествѣ главнокомандующаго сухопутными операціями, то въ качествѣ Намѣстника. Въ Петербургѣ, впрочемъ, понимали всю ненормальность положенія и искали лицо, на которое могли бы быть возложены обязанности главнокомандующаго, говорили, что по этому вопросу было собрано маленькое совѣщаніе, на которомъ, кромѣ Государя, при-

Китайскіе фокусники.

существовало очень немного лицъ, и разбирался вопросъ о выборѣ главнокомандующаго; по слухамъ, на эту должность предназначался Великій Князь Николай Николаевичъ и генералъ Драгомировъ, — послѣдній, впрочемъ, сразу же отказался, говоря, что онъ „слишкомъ немоощенъ“. Въ концѣ концовъ, на упомянутомъ

совѣтѣ восторжествовало назначеніе генерала Куропаткина, на котораго надѣялись, что онъ съумѣетъ въ будущемъ загладить всѣ свои непростительные промахи и ошибки, когда получитъ мощь главнокомандующаго. Звѣзда Алексѣева закатилась, но вліяніе его было все-таки еще довольно сильно, такъ какъ еще нѣкоторое время послѣ этого онъ принималъ косвенное участіе въ дѣлахъ въ Манджуріи.

Окончательное сформированіе второй манджурской арміи могло состояться только къ веснѣ будущаго года, но, кромѣ того, существовало еще предположеніе и о формированіи еще третьей манджурской арміи, но это послѣднее могло лишь начаться къ веснѣ будущаго года. Въ результатѣ всѣхъ этихъ комбинацій высшее управленіе всѣми нашими силами на Дальнемъ Востокѣ вылилось въ слѣдующую форму: во главѣ сталъ главнокомандующій генералъ Куропаткинъ, въ непосредственномъ подчиненіи которому продолжала находиться и первая манджурская армія и Гриппенбергъ, какъ самостоятельный начальникъ второй арміи; впрочемъ, командующимъ первою манджурской арміей предполагалось назначить генерала Линевича.

Выше мы выразили предположеніе, что громогласное объявленіе о переходѣ въ наступленіе, выраженное въ вышеприведенномъ во 2-мъ томѣ нашего труда

приказъ Куропаткина, было результатомъ не столько дѣйствительной готовности арміи къ этому, сколько вытекало изъ соображеній иного сорта. Это, между прочимъ, находить себѣ подтвержденіе и въ томъ состояніи, въ которомъ находились наши войска въ періодъ времени, непосредственно послѣ Ляоянскаго погрома. Со времени послѣднихъ боевъ ничто не измѣнилось настолько къ лучшему, чтобы рѣшиться на наступленіе, т. е. на то, на что не признано было возможнымъ рѣшиться тогда, когда подъемъ духа войскъ достигъ своего апогея, когда войска еще слѣпо вѣрили въ своего полководца и когда истомленные упорнымъ сопротивленіемъ японцы уже подумывали отходить назадъ. Можно съ увѣренностью сказать, что теперь положеніе арміи, въ смыслѣ наступленія, находилось въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ было раньше, и менѣе отвѣчало условіямъ активности дѣйствій. Хотя Куропаткинъ и доносилъ на Высочайшее имя, что армія отдохнула и вновь готова къ бою, но это было невѣрно, да и самъ онъ, конечно, вѣрить этому не могъ. Прежде всего, армія была разбита и матеріально, и морально, армія потеряла вѣру въ своего вожда и понесла огромныя потери, которыя теперь разсматривались какъ совершенно напрасныя, на нихъ смотрѣли какъ на бесполезныя жертвы неспособности Куропаткина. Въ числительномъ отношеніи, мы получили нѣкоторое увеличеніе, но оно было, въ общемъ, не такъ уже велико, число частей было, дѣйствительно, больше, но составъ ихъ далеко не отвѣчалъ своему значенію. Хотя на театръ войны и подошли европейскіе резервы, но они еще не были вполне подтянуты. Пополненіе

Футутунки.]

Кн. Васильчиковъ и С. С. Боткинъ пробуютъ одноколку для перевозки раненыхъ.

убыли въ частяхъ войскъ происходило, главнымъ образомъ, на счетъ другихъ, напоминая собою отчасти знаменитую исторію „тришкина кафтана“. Нравственная надломленность, какъ неизбежное слѣдствіе Ляояна, не могла пройти въ двухнедѣльный періодъ времени и не могла также не отражаться на вновь прибывающія

войска, которыя еще по пути слѣдованія дышали отравленнымъ воздухомъ тыла, гдѣ изнанка войны давала себя сильно чувствовать, гдѣ царило недовольство; преувеличенные и перевранные рассказы и разнузданные разговоры не могли спо-

собствовать поднятію духа вновь прибывающихъ войскъ, къ тому же и революціонная пропаганда не дремала и многообразныя прокламаціи и воззванія во множествѣ распространялись между нижними чинами. Въ смыслѣ продовольствія и прочихъ видовъ снабженія, положеніе арміи также не улучшилось, скорѣе ухудшилось, такъ какъ громадныя запасы всего, собранныя въ Ляоянѣ, были частью сожжены нами, частью попали въ руки непріятеля, во всякомъ случаѣ, были для насъ потеряны. Кромѣ того, у насъ не было карты, которой можно было бы руководствоваться при дальнѣйшихъ операціяхъ; мы такъ были увѣрены въ несокрушимости Ляояна, что даже не позаботились о составленіи карты сѣвернѣе параллели этого города. Не могъ генераль Куропаткинъ всего этого не знать, и потому его рѣшимость на активныя дѣйствія въ данную минуту съ большой вѣроятностью можно признать или навязанною ему извнѣ, или вынужденною собственными, чисто личными соображеніями.

Прибытіе транспорта лошадей для пополненія кавалерскихъ частей тыла.

Высказанное, между прочимъ, находитъ себѣ подтвержденіе и въ иностранной печати; встрѣчаются намеки, что переходъ Куропаткина въ наступленіе, подобно Вафангоу, былъ навязанъ ему адмираломъ Алексѣевымъ и даже, что, будто бы, его знаменитый приказъ былъ писанъ не имъ. Несомнѣннымъ кажется только одно, что если Куропаткинъ считалъ себя недостаточно готовымъ для активныхъ дѣйствій въ концѣ августа, то теперь онъ былъ готовъ не болѣе, если не менѣе.

Въ то же время нашъ врагъ находился совсѣмъ въ другомъ положеніи. Поднятіе духа ихъ войскъ, оказавшихся побѣдителями, въ моментъ, когда они считали себя разбитыми, было громадно, но Ойяма не увлекся этимъ и не бросился въ преслѣдованіе Куропаткина; хотя, впрочемъ, трудно сказать, что было причиной, что японцы насъ не преслѣдовали, не довершили своего успѣха и дали Куропаткину возможность, сравнительно, благополучно уйти, а главное, позволили удержаться впереди Мукдена; возможно, что они и тутъ проявили свою осторожность, которая и раньше характеризовала ихъ дѣйствія, а возможно, что они были сильно разстроены и физически неспособны къ энергичному преслѣдованію. Они понесли огромныя потери въ людяхъ, да и боевые припасы ихъ сильно истощились и требовали пополненія. Прикрывъ себя непроницаемой завѣсой своихъ сторожевыхъ и развѣдывательныхъ отрядовъ, они остановились у Ляояна, расположившись на

высотъ янтайскихъ копей, и зорко слѣдили за противникомъ, укрѣпляя занятые ими мѣста цѣлымъ рядомъ фортификаціонныхъ сооружений, такъ что, по выраженію генерала Гамильтона, „съ головой закопались въ землю“ и вышибить ихъ оттуда было крайне трудно. Они ни на іоту не нарушили своей организаціи и даже не измѣнили относительнаго расположенія своихъ армій, собираясь, вѣроятно, въ будущемъ повторить свою ляоянскую операцію. Они получили фактическія укомплектованія и части ихъ быстро были доведены до своего полного боевого состава, огнестрѣльные припасы были пополнены. Заботиться о своемъ тылѣ особенно имъ было нечего, онъ былъ достаточно обезпеченъ отъ покушеній непріятеля, все населеніе страны было на ихъ сторонѣ, китайскія же власти находились въ ихъ рукахъ,—однимъ словомъ, находились какъ бы у себя дома. Они обстроили свой лагерь хорошими полевыми дорогами и уже къ концу сентября, передѣлавъ нашу желѣзную дорогу на узкоколейную, снабдили ее подвижнымъ составомъ и прочно соединили себя съ моремъ, на которомъ они были единственными и полными хозяевами. Однимъ словомъ, сравнивая положеніе обѣихъ борющихся сторонъ, оказывается, что положеніе японцевъ значительно улучшилось во всѣхъ отношеніяхъ, тогда какъ наше оставалось тѣмъ же, если не считать нѣкотораго увеличенія въ числительномъ отношеніи.

А. А. Биддеръ любуется башней въ Мукденѣ.

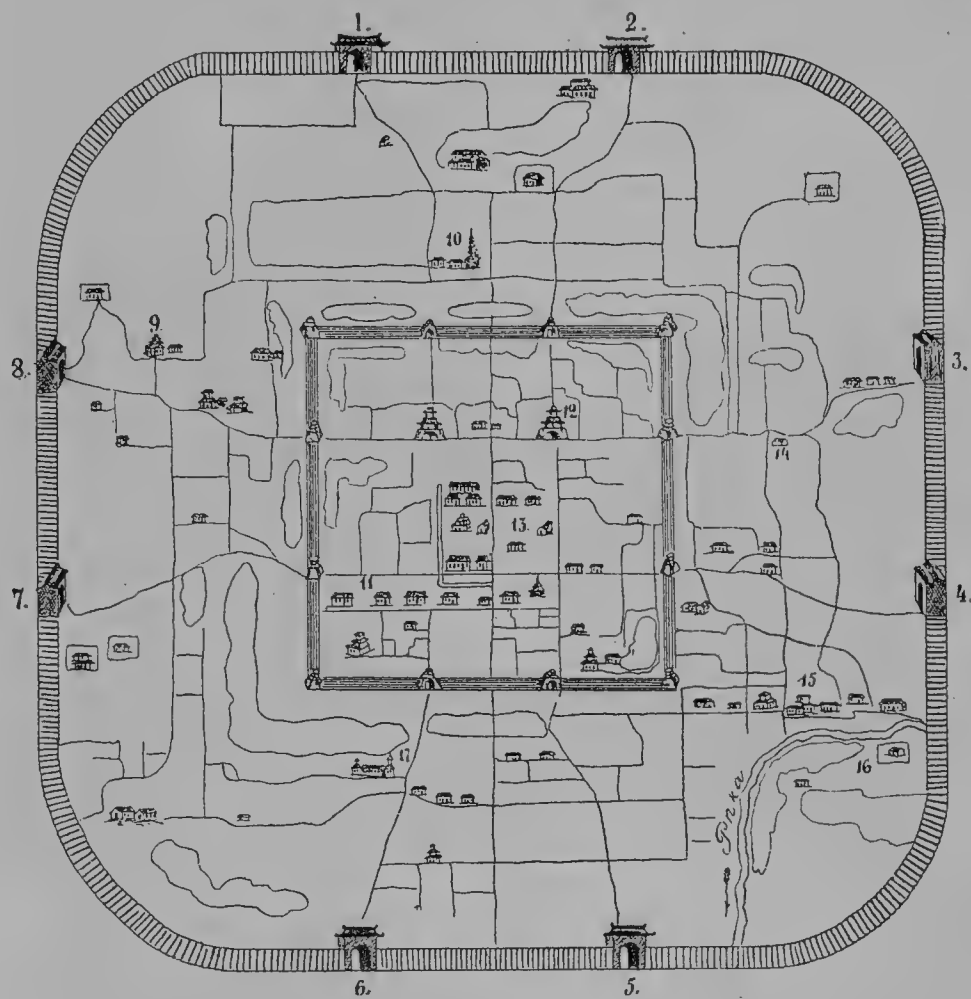
Опорный пунктъ на Хатолинской позиціи.

ронительныя линіи; въ низовьяхъ своихъ эти долины расширяются и имѣютъ наносную почву. Изъ рѣкъ наибольшее значеніе имѣли: Хунхе и Тайцзыхе съ ея притоками: Шахе и Шилихе. Собственно говоря, Хунхе есть также одинъ изъ притоковъ

Мы уже говорили въ общихъ чертахъ, въ концѣ второго тома, о главныхъ свойствахъ новаго театра военныхъ дѣйствій. Теперь мы остановимся на описаніи его нѣсколько подробнѣе. Мѣстность между Ляояномъ и Мукденомъ, на пространствѣ около 60 верстъ, прорѣзана множествомъ рѣчекъ, текущихъ сначала съ востока на западъ и поворачивающихъ затѣмъ къ югу. Долины этихъ рѣчекъ, чрезвычайно узкія въ своихъ верховьяхъ, представляютъ собою естественныя обо-

Тайцзыхе; рѣка эта сначала течетъ съ востока на западъ, но, пройдя Мукденъ, почти у самаго города, круто поворачиваетъ на югъ. Къ западу отъ Мукдена и въ 14 миляхъ южнѣе, главную дорогу пересѣкаетъ Шахе около селенія Шахепу, а въ 20 миляхъ южнѣе послѣдняго императорскую дорогу пересѣкаетъ рѣка Шилихе, текущая въ этомъ мѣстѣ съ востока на западъ въ очень тѣсномъ и глубокомъ ложѣ. На большей части своего теченія рѣка Шахе имѣетъ отлогіе, песчаные берега;

Китайскій планъ Мукдена.

на южномъ берегу имѣются песчанья дюны, покрытыя отдѣльно растущими деревьями. Въ описываемое время Шахе имѣла стремительное теченіе и воды ея широко разливались въ стороны, имѣя до 2-хъ футовъ глубины. Западнѣе императорской дороги Шахе вступаетъ въ узкое извилистое русло, во многихъ мѣстахъ съ обрывистыми берегами, здѣсь вода очень глубока и дно илистое. Черезъ рѣку имѣлся только одинъ мостъ, но железнодорожный, почему передвиженіе войскъ было довольно

затруднительно. Селеніе Шахепу было когда-то маленькимъ городкомъ, который былъ разрушенъ наводненіемъ, и на его мѣстѣ теперь проходило русло рѣки. Къ югу же отъ рѣки, среди рытвинъ, протягивающихся къ югу, имѣется теперь маленькое, дворовъ въ 20 селеніе, весьма немного поднимающееся надъ низменной, грязной долиной рѣки. Все пространство между желѣзной и мандаринской дорогами раздѣлялось на двѣ части: на западъ отъ этихъ дорогъ, почва наносная, превращающаяся во время періодическихъ дождей въ непролазную грязь; вся мѣстность покрыта многочисленными деревьями, представляющими собою прекрасные опорные пункты; все кругомъ густо засѣяно гаолянѣмъ, кукурузой и просомъ, такъ что въ лѣтнее время это мѣсто очень неудобно для передвиженій, но въ концѣ октября и въ октябрѣ происходитъ уборка хлѣбовъ, дожди перестаютъ и мѣстность становится открытой, не представляющей никакихъ затрудненій для

передвиженій и обстрѣла. Къ востоку отъ указанныхъ дорогъ, въ направленіи съ востока на западъ, протягиваются отроги Далинскаго горнаго хребта, на которомъ берутъ начало рѣки Шахе и Шилихе и всѣ притоки лѣваго берега Хунхе, впадающіе въ послѣднюю, между Фушунемъ и Мукденомъ. Всѣ пути на этомъ пространствѣ идутъ по долинамъ лѣвыхъ притоковъ Хунхе и сходятся между селеніями Баньяпуцза и Коутулинъ, откуда можно проникнуть въ долину Тайцзыхе тремя путями: 1) изъ Коутулина на Тяньцзанцзеу; 2) изъ Суншунцзицзеу и 3) Баньяпуцзы къ Бенсиху черезъ Тумынлинскій перевалъ. Всѣ эти дороги постепенно сближаются между собою и въ сѣверной части долины Тайцзыхе соединяются одной поперечной дорогой, идущей отъ Тяньцзанцзеу на перевалъ Оцзулинъ, пересѣкающій

Укрѣпленіе № 1-й, 37-го пѣхотнаго Сѣвскаго полка.

дорогу на Югу. Дальше этотъ путь идетъ черезъ перевалъ Куанлинъ, выходя потомъ къ Тавангоу. Кромѣ этихъ путей, имѣлась еще одна дорога по долинѣ Тайцзыхе, между Тяньцзанцзеу и Бенсиху. Деревня Баньяпуцза являлась узломъ путей, ведущихъ изъ долинъ Хунхе, Шахе, Шилихе и Тайцзыхе, и потому имѣла особо важное стратегическое значеніе, но не меньшее значеніе имѣла также и Бенсиху, служившая узломъ сообщеній на Фынъ-Хуанъ-Ченъ, Саймацзы, Ляоянъ и Мукденъ. Бенсиху служила центромъ расположенія арміи Куроки. Вся эта восточная часть новаго театра военныхъ дѣйствій представляла собою крайне пересѣченную горную страну, гдѣ дороги были плохи и представляли большія затрудненія для передвиженій и дѣйствій; кромѣ того, этотъ участокъ былъ крайне бѣденъ въ продовольственномъ отношеніи, а рѣдко разбросанныя и бѣдныя деревушки представляли мало удобствъ при остановкахъ на отдыхъ. Главнѣйшими крупными населенными пунктами, которымъ предстояло сыграть роль въ грядущихъ событіяхъ послѣ Ляояна, были: Мукденъ и Тѣлинъ. Мукденъ представляетъ собою почти правильный четырехугольникъ, окруженный стѣнами, около версты длиною каждая. Каждая стѣна двумя воротами дѣлится на три равныя части, отъ каждаго воротъ до противоположныхъ ведутъ совершенно прямыя улицы черезъ весь городъ, такъ

что онъ дѣлится четырьмя улицами на равныя части. Мукденъ, первая столица Манджуріи, имѣетъ большое торговое значеніе, но главное его значеніе заключается въ императорскихъ могилахъ,—отсюда вытекаетъ и его стратегическое значеніе. Въ

Китайскія укрѣпленія Тѣлина.

смыслѣ обороны мѣстность около Мукдена не представляетъ особыхъ преимуществъ. Самый городъ расположенъ на равнинѣ и только въ 10 верстахъ къ востоку отъ него начинаются горы и онъ является какъ бы открытымъ для нападенія. Лишь только съ юга онъ прикрывается рѣкою Хунхе, впрочемъ, многоводною она бываетъ

только въ періодъ дождей. Эта рѣка хотя и была естественной защитой, но все же она не была непреодолимой преградой для наступающаго; кромѣ того, къ городу подходитъ множество дорогъ, въ особенности съ запада, почему онъ легко подвергался угрожающему обходу съ этой стороны и оборона его была крайне затруднительна, но все же городъ былъ обращенъ нами въ крѣпость и укрѣпленія его были хорошо построены.

Гораздо болѣе удобствъ въ оборонительномъ смыслѣ представляетъ городъ Тѣлинъ и позиціи около него. Въ окрестностяхъ его нѣтъ равнинъ, даже на западѣ Ляохе, протекая черезъ Монголію, перпендикулярно подходитъ къ желѣзной дорогѣ и затѣмъ круто поворачиваетъ на югъ верстахъ въ двухъ къ западу отъ Тѣлина, на незначительномъ пространствѣ течетъ параллельно линіи дороги и затѣмъ уже поворачиваетъ въ юго-западномъ направленіи. Весь лѣвый берегъ ея въ этомъ мѣстѣ сопровождается цѣпью холмовъ, представляющихъ собою хорошую позицію для обороны. Также и съ востока Тѣлинъ обрамленъ рядомъ хотя и невысокихъ, но все же представляющихъ хорошую оборонительную позицію холмовъ. Во всякомъ случаѣ, позиція эта была лучшею изъ всѣхъ, какія можно было встрѣтить на протяженіи между Харбиномъ и Инкоу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Тѣлинъ представляетъ собою пунктъ богатый продовольственными запасами, а въ 30 верстахъ отъ него расположенъ городъ Кайюань, служащій однимъ изъ большихъ хлѣбныхъ рынковъ Манджуріи. Позиціи у Тѣлина также были укрѣплены нами.

Мы уже имѣли случай говорить, что наступательный планъ генерала Куропаткина заключался въ томъ, что, занимая японцевъ демонстраціями на ихъ лѣвый

флангъ, съ большими силами обрушиться на армію Куроки, составлявшую крайній правый флангъ всего ихъ расположенія, опрокинуть его за Тайцзыхе и выйти на ихъ сообщенія черезъ Корею. Конечно, въ общемъ, нельзя ничего возразить противъ этого плана, но вспомнивъ обстановку, въ которой онъ долженъ былъ приводиться въ исполненіе, нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя странности, которыя не вполне отвѣчали мѣстнымъ условіямъ. Вспомнимъ, что мѣстность была такова, что армія Куроки, занимая мѣстность гористую, представляющую большія затрудненія для передвиженій наступающему, имѣла на своей сторонѣ всѣ выгоды обороны, и достиженіе успѣха наступленія въ этомъ мѣстѣ было поставлено въ тяжелыя условія и требовало огромнаго напряженія и затраты силъ. Кромѣ того, войска наши были непривычны къ дѣйствіямъ въ горахъ и не имѣли для этого ни соотвѣтствующаго снаряженія, ни обозовъ, ни даже вооруженія, такъ какъ у насъ не было достаточнаго количества горной артиллеріи, недостатокъ въ которой сильно давалъ себя чувствовать и раньше. Одновременно съ этимъ энергичное наступленіе противъ лѣваго японскаго фланга должно было бы разыграться на равнинѣ, свободной въ это время года отъ галюна и прочихъ посѣвовъ, не представляющей никакихъ естественныхъ оборонительныхъ позицій непріятелю и никакихъ затрудненій движенію наступающаго, тѣмъ болѣе, что дожди, обращавшіе мѣстность въ болото, теперь прекратились; кромѣ того, здѣсь мы могли предоставить болѣе широкое поле для боевой дѣятельности нашей кавалеріи, если бы она къ этому была способна. Казалось бы, что и результаты направленія главнаго удара въ лѣвый флангъ японцевъ, въ случаѣ успѣха, могли повлечь болѣе серьезныя для нихъ послѣдствія. При успѣхѣ атаки праваго фланга японцевъ мы опрокидывали армію генерала

Звонница при церкви Красноярскаго полка.

Куроки или за Тайцзыхе или на равнину, и въ послѣднемъ случаѣ прямо выходили на ихъ сообщенія черезъ Корею, но это не было особенно опасно маршалу Ойямѣ: у него оставалось море, къ которому они примыкали черезъ Инкоу, который былъ у нихъ въ

рукахъ, корейскіе же порты, въ виду наступающаго зимняго времени, скоро должны были замерзнуть. Успѣхъ же атаки лѣваго японскаго фланга давалъ намъ гораздо больше. Мы отбрасывали японцевъ въ горы, въ районъ сильно уже истощенный предыдущими военными дѣйствіями, и отрѣзывали его отъ Инкоу, а слѣдовательно, и отъ важнѣйшей ихъ базы, возвращали себѣ желѣзную дорогу на Портъ-Артуръ и получали, такимъ образомъ, возможность оказать ему скорѣйшую помощь. Мы не знаемъ всѣхъ данныхъ, которыми руководствовался главнокомандующій при выборѣ направленія для главнаго удара, но считаемъ себя въ правѣ высказать только что приведенныя соображенія. Помянутая выше трудность дѣйствій на восточномъ участкѣ театра войны усиливалась еще отсутствіемъ картъ, что, при незнаніи языка, невозможности имѣть надежныхъ лазутчиковъ и шпіоновъ, даже проводниковъ, и вообще

Бивуакъ у д. Пантіоны 34 пѣх. Сѣвскаго полка.

при враждебномъ къ намъ мѣстномъ населеніи, до крайности затрудняло веденіе операций и мало подавало надежды на успѣхъ предпріятія. Имѣя передъ собою непроницаемую завѣсу изъ самостоятельныхъ отрядовъ, японцы были непроницаемы для нашихъ жидкихъ развѣдывательныхъ развѣздовъ и мы знали только, что, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время, наступать они не намѣрены и что они заняты укрѣпленіемъ занятыхъ ими позицій, о силахъ же и расположеніи непріятеля мы имѣли довольно смутныя представленія. Куропаткинъ думалъ, что своимъ громогласнымъ приказомъ о переходѣ въ наступленіе онъ захватитъ инициативу въ свои руки, и, мѣрѣя противника на свой аршинъ пассивной обороны, полагалъ, что японцы будутъ ожидать его ударовъ, сидя на мѣстѣ, но не такъ произошло въ дѣйствительности. Японцы, отлично освѣдомленные о всемъ, что у насъ происходило, а также и о томъ, что мы намѣрены были дѣлать, и зная въ точности время начала нашего наступленія, въ тотъ же моментъ сами перешли въ наступленіе и уже однимъ этимъ сразу опрокинули весь планъ Куропаткина, они направили свой ударъ на нашъ центръ, который, какъ они отлично знали, былъ слабъ.

Въ половинѣ сентября къ арміи стали подходить подкрѣпленія: 1-й армейскій и 6-й сибирскій корпуса сосредоточились въ Гунчжулинѣ и къ арміи присоединились три горныхъ батареи, одна осадная рота, воздухоплавательная рота и одинъ пон-

тонный батальонъ. 11-го сентября послѣдовало Высочайшее повелѣніе о сформированіи 2-й манджурской арміи, въ составъ которой должны были войти 6-й сибирскій корпусъ, 8-й армейскій корпусъ, 61-я пѣхотная дивизія и 4-я казачья войска Донского дивизія. Въ половинѣ сентября боевая сила манджурской арміи была 181 тысяча штыковъ. До окончательнаго сформированія 2-ой манджурской арміи Намѣстникъ, какъ главнокомандующій, подчинилъ временно 6-й корпусъ генералу Куропаткину, но безъ включенія его въ составъ 6-й арміи при условіяхъ, что корпусъ будетъ дѣйствовать въ совокупности и въ строго опредѣленномъ районѣ. Это распоряженіе трудно разсматривать иначе, какъ мелкій уколъ Куропаткину,—адмиралъ Алексѣевъ не упустилъ случая какъ-нибудь ограничить Куропаткина,—ибо видимой надобности въ такомъ распоряженіи усмотрѣть нельзя.

Группа плѣнныхъ японцевъ съ Путиловской сопки за трапезой.

*) Расположеніе нашихъ войскъ въ половинѣ сентября было слѣдующее:

1. 10-й корпусъ генерала Случевского въ составѣ 9-й и 31-й пѣхотныхъ дивизій, 6-го сапернаго батальона, 5-го мортирнаго полка и 1-го Оренбургскаго казачьяго полка занималъ предмостную укрѣпленную позицію, имѣя авангардъ у деревни Хуаншанъ.

Остатокъ 1-го Вост.-Сиб. стр. полка послѣ Мукденскаго боя.

2. 17-й корпусъ подъ начальствомъ генерала Волкова въ составѣ 3-й и 35-й пѣхотныхъ дивизій, 17-го сапернаго батальона и 2-й кавалерійской бригады расположился у южной окраины Мукдена. Авангарды его находились:

а) 5 батальоновъ, 5 эскадроновъ и 16 орудій у Сахепу.

б) Два батальона, 8 орудій и полъ-эскадрона у Линшинпу — Куанлинпу.

в) Одинъ батальонъ и полъ-эскадрона у Куанлинпу.

3. Отрядъ генерала Дембовскаго въ составѣ: 6-ти батальоновъ 54-й пѣхотной дивизіи, 4-хъ батальоновъ 71-й пѣхотной дивизіи, 24-хъ орудій 28-й артиллерійской бригады, 5-го Восточно-Сибирскаго сапернаго батальона, 6-ти сотенъ Терско-Кубан-

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

скаго полка и 4-хъ сотенъ Аргунскаго казачьяго полка. Всего: 10 батальоновъ, 10 сотенъ и 24 орудія располагались у деревни Сыфанту.

4. Кавалерія стояла въ двухъ группахъ:

а) Генерала Самсонова—4-й, 5-й и 8-й Сибирскіе казачьи полки и 20-я конная батарея у Фындяпу.

б) Генерала Грекова—11-й и 12-й Оренбургскіе казачьи полки и 11-я конная батарея у Пхуцзыяна.

5. 3-й сибирскій корпусъ подъ начальствомъ генерала Иванова въ составѣ: 3-й и 6-й вост.-сиб. стрѣлковыхъ дивизій, 6-го Енисейскаго пѣхотнаго полка, 7-го

Красноярскаго пѣхотнаго полка, 2-го вост.-сиб. сапернаго батальона и 2-го Читинскаго казачьяго полка, находился въ Фушунѣ.

6. 2-й сибирскій корпусъ генерала Засулича въ составѣ 5-й в.-с. стрѣлковой дивизіи и 3-го в.-с. сапернаго батальона стоялъ у деревни Тиндяюй.

7. Отрядъ генерала Ренненкампа въ составѣ: 4-хъ батальоновъ 54-й пѣхотной дивизіи, одного батальона 1-й сибирской пѣхотной дивизіи, 8 орудій 26-й артиллерійской бригады, 6 сотенъ 2-го Нерчинскаго казачьяго полка, 6 сотенъ 2-го Аргунскаго казачьяго полка, находился у деревни Фаншинѣ.

8. Отрядъ генерала Петерева въ составѣ: 3-хъ батальоновъ разныхъ полковъ 54-й пѣхотной дивизіи, 1-й сибирской пѣхотной дивизіи, 4-хъ орудій 26-й артиллерійской бригады, одной сотни 10-го Оренбургскаго казачьяго полка и 6 сотенъ Дагестанскаго полка, находился на Далинскомъ перевалѣ.

2-я рота 1-го В.-С. воздухопл. батальона на походѣ.

9. Отрядъ генерала Экка въ составѣ: 8 батальоновъ 71-й пѣхотной дивизіи, 16 орудій 26-й артиллерійской бригады и 2-хъ сотенъ 1-го Аргунскаго казачьяго полка, занималъ деревню Инпань.

10. У Синзинтина находился синзинтинскій отрядъ въ составѣ одного батальона 71-й пѣхотной дивизіи, 4-хъ орудій 26-й артиллерійской бригады и 2-хъ сотенъ Амурскаго казачьяго полка.

Связью между обѣими группами лѣваго и праваго фланговъ служилъ 1-й сибирскій корпусъ генерала Штакельберга въ составѣ: 1-й и 9-й в.-с. стрѣлковыхъ

дивизій, 1-го в.-с. сапернаго батальона и Приморскаго драгунскаго полка. Этотъ корпусъ располагался въ окрестностяхъ Фулина.

Для охраны фланговъ были:

Правого. 4 батальона 71-й пѣхотной дивизіи, одинъ батальонъ 1-й сибирской пѣхотной дивизіи, 8 орудій 28-й артиллерійской бригады, 4 орудія 4-го сибирскаго артиллерійскаго дивизиона и 3 сотни Амурскаго казачьяго полка подѣ начальствомъ

Видъ съ воздушнаго шара, примѣрный снимокъ на 150 метровъ высоты.

генерала Косоговскаго стояли у Каутулина. Лѣвый флангъ охранялъ отрядъ полковника Мадритова въ составѣ одного батальона 1-й сибирской пѣхотной дивизіи, 4-хъ сотенъ 10-го Оренбургскаго казачьяго полка, одной сотни Уссурийскаго казачьяго полка, одной сотни кавказцевъ и двухъ охотничьихъ командъ.

Въ общемъ армейскомъ резервѣ было: 56 батальоновъ, 7 инженерныхъ ротъ, 6 сотенъ и 200 орудій. Резервъ этотъ располагался въ двухъ группахъ: 8 батальоновъ 2-й сибирской пѣхотной дивизіи, 16 батальоновъ 3-й сибирской пѣхотной дивизіи, 4-й в.-с. саперный батальонъ, 32 орудія 1-й сибирской артиллерійской бригады, 60 орудій сибирскихъ артиллерійскихъ дивизионовъ, составлявшія 4-й сибирскій корпусъ генерала Зарубаева, стояли у Мукдена.

Другую группу составлялъ 1-й армейскій корпусъ генерала барона Мейендорфа. Въ составѣ его входили: 22-я и 37-я пѣхотныя дивизіи, 7-я и 43-я артиллерійскія бригады, 7-й сибирскій казачій полкъ и 1-й саперный батальонъ. Корпусъ этотъ стоялъ въ окрестностяхъ Пухе Тава.

Кромѣ того, въ Мукденѣ находились еще части, не вошедшія въ составъ отрядовъ, а именно: одинъ батальонъ 1-й сибирской пѣхотной дивизіи, 5 сотенъ Уссу-

рійскаго и одна сотня Амурскаго казачьихъ полковъ, Восточно-Сибирскій понтонный батальонъ, воздухоплавательная и осадныя роты и 1-я, 3-я и 4-я горныя батареи.

Началомъ нашего наступленія было назначено 21-е сентября. Согласно отданной на этотъ день диспозиціи, войска манджурской арміи были раздѣлены на слѣдующія группы:

1) Западный отрядъ подъ начальствомъ генерала Бильдерлинга. Въ составъ его входили: 10-й корпусъ генерала Случевского, 17-й корпусъ генерала Волкова, отрядъ генерала Дембовскаго и отрядъ генерала Грекова.

2) Отрядъ генерала Штакельберга. Въ составъ его входили: 1-й сибирскій корпусъ генерала Гернгросса, 2-й сибирскій корпусъ генерала Засулича, 3-й сибирскій корпусъ генерала Иванова, отрядъ генерала Ренненкампа, отрядъ генерала Самсонова.

Передвиженіе резерва въ тылу арміи.

3) Отдѣльный конный отрядъ генерала Мищенко, который до этого былъ расположенъ у Канхутуня и занимался развѣдками.

4) Общій резервъ подъ начальствомъ ген. Мейендорфа въ составѣ 1-го армейскаго и 4-го сибирскихъ корпусовъ.

5) Для охраны тыла былъ назначенъ 6-й сибирскій корпусъ.

6) Для охраны лѣваго фланга былъ сформированъ особый отрядъ, силою въ 5 батальоновъ, 17 сотенъ и 30 орудій.

7) Правый флангъ охранялся отрядомъ изъ 6 батальоновъ, 3 сотенъ, 12 орудій. Въ гарнизонѣ Мукдена оставалось: одинъ батальонъ и 2 сотни.

Западный отрядъ получилъ приказаніе наступать между желѣзной и мандаринской дорогами, при чемъ ему указывалось дойти только до Шахе. Восточный же отрядъ долженъ былъ наступать на Баньяпуцзу, Каутулинскій и Хуанлинскій перевалы и въ обходъ праваго фланга противника, его задача заключалась въ томъ, чтобы отбросить противника къ янтайскимъ копямъ, но ему указывалось дойти только до Тайцзыхе. Общему резерву, составлявшему 25% всѣхъ наступавшихъ силъ, приказано слѣдовать за промежуткомъ между восточнымъ и западнымъ отрядами.

Въ началѣ этого наступленія японскіе передовые отряды вездѣ отходили назадъ передъ нашими авангардами, которые продвинуться значительно впередъ не могли, такъ какъ встрѣчаемы были изъ глубины выстрѣлами артиллеріи. Какъ мы уже упоминали выше, японцы были отлично освѣдомлены какъ о нашемъ наступленіи, такъ и о времени начала его, имъ не былъ только извѣстенъ планъ его и подробная группировка нашихъ силъ. Поэтому вначалѣ они вели рядъ рекогносцировочныхъ боевъ, съ цѣлью раскрыть наше расположеніе и намѣренія, но какъ только 28 сентября все было ими достаточно выяснено, они окончательно выработали планъ своего контръ-наступленія. Послѣдній заключался въ слѣдующемъ: арміи Куроки должна была задерживать наступленіе нашего лѣваго фланга, а въ то же время арміи Нодзу и Оку должны были всѣми силами обрушиться на нашъ правый флангъ и, разбивъ его, опрокинуть насъ къ Мукдену. Поэтому уже 27-го сентября 5-я японская дивизія получила приказаніе наступать противъ нашего 10-го корпуса, но это наступленіе не имѣло успѣха. На другой день, т. е. 28-го сентября, японцы перешли въ наступленіе противъ всего нашего праваго фланга и противъ центра. Часть ихъ 10-й дивизіи и гвардейская бригада наступали противъ авангарда генерала Мау, другая же часть этой дивизіи противъ генерала Мищенко и авангардовъ 4-го, 18-го корпусовъ. Въ результатъ дѣйствій 28-го сентября получилось: авангарды 10-го и 17-го корпусовъ удержались на своихъ позиціяхъ, но къ ночи японцы заняли деревню Ендоніулу, авангардъ генерала Мау долженъ былъ отойти къ Тунсанхе, авангардъ 4-го корпуса отошелъ съ Сяолихуецзы, а восточный отрядъ не выполнилъ своей задачи сбить японцевъ съ переваловъ. Къ 29-му сентября наше расположеніе представляло длинную линію корпусовъ и отрядовъ, не представлявшую особой прочности, такъ какъ резервы были сильно израсходованы. Въ частномъ резервѣ за правымъ флангомъ не оставалось ничего, а за лѣвымъ флангомъ 2-й сибирскій корпусъ, въ общемъ же резервѣ оставались 22-я пѣхотная дивизія и 6-й сибирскій корпусъ, изъ которыхъ первая была расположена за центромъ, а 6-й корпусъ за правымъ флангомъ западнаго отряда. Въ это время японцы 24-мя своими батальонами удерживали нашъ восточный отрядъ, а съ остальными силами перешли въ рѣшительное наступленіе. Армія Оку наступала въ охватъ нашего праваго фланга, армія Нодзу противъ 10-го и лѣваго фланга 17-го корпусовъ и противъ 4-го сибирскаго корпуса. 29-го сентября японцы продолжаютъ свое энергичное наступленіе и къ ночи нашъ

Разливъ послѣ дождя.

западный отрядъ былъ вынужденъ отойти за рѣку Шахе. Восточный же отрядъ, несмотря на кровопролитные бои, понесъ большія потери, не имѣлъ никакого успѣха, отогнать японцевъ съ переваловъ ему не удалось.

Съ отходомъ западнаго отряда на Шахе положеніе восточнаго отряда оказалось слишкомъ выдвинутымъ впередъ и потому опаснымъ, да и центръ нашъ былъ слишкомъ слабъ, поддержать его было нечѣмъ, такъ какъ резервы были уже всѣ

израсходованы.

Поэтому на 30-е сентября Куропаткинъ приказалъ восточному отряду отойти на высоту западнаго, а послѣднему было отдано приказаніе держаться на Шахе во что бы то ни стало. Въ резервахъ въ этотъ день были: въ общемъ ничего; въ

Наполненіе шара 2-й ротой В.-С. полка воздухопл. батальона подъ Мукденомъ.

частныхъ же: за правымъ флангомъ 6-й сибирскій корпусъ, за центромъ ничего, а за лѣвымъ флангомъ 2-й сибирскій корпусъ. Ночью на 1-е октября японцы заняли южную часть деревни Сахепу и положеніе становилось опаснымъ. Дальнѣйшіе успѣхи японцевъ въ этомъ направленіи угрожали окончательному прорыву нашего центра, и кромѣ того, что они отбрасывали восточный отрядъ въ горы, они прямо выходили къ Мукдену. Въ центрѣ мы предпринимаемъ рядъ контръ-атакъ, изъ которыхъ нѣкоторыми руководилъ самъ Куропаткинъ, эти мѣры помогли намъ удержаться на своихъ мѣстахъ. 1-го и 2-го октября японцы бѣшено атаковали 17-й корпусъ, стараясь взять его во флангъ, но ихъ атаки не имѣли успѣха, 2-го октября восточный отрядъ отошелъ къ деревнѣ Баньяпуцза. Чтобы усилить центръ, изъ принимавшихъ участіе въ бою корпусовъ были взяты части и образованъ за центромъ резервъ силою до 40 батальоновъ. Въ ночь на 3-е октября японцы взяли у насъ сопку съ деревомъ, впослѣдствіи названную Путиловскою. Сопка эта сильно вдавалась въ наше расположеніе и фланкировала наши позиціи. Оставлять ее въ рукахъ непріятеля было никакъ нельзя, поэтому былъ сформированъ особый отрядъ подъ начальствомъ генерала Путилова, который самъ, впрочемъ, при взятіи сопки не присутствовалъ и взятіемъ ея не руководилъ. Послѣ продолжительнаго и отчаяннаго ночного боя, понесъ огромныя потери, мы вернули сопку обратно и, несмотря на настойчивыя атаки японцевъ, удержали ее за собой. При этомъ мы захватили 11 японскихъ орудій, немногіе изъ трофеевъ, взятыхъ нами въ эту несчастную войну. Нахожденіе сопки съ деревомъ въ нашихъ рукахъ дѣлало положеніе япон-

цевъ у Сахепу крайне затруднительнымъ, и въ ночь на 6-е октября они стали очищать занятые ими позиціи и отошли отъ Сахепу. 10-й корпусъ вновь занялъ южную часть Сахепу и выдвинулся къ Хоуханьтайской сопкѣ. Съ этого времени начинается позиціонная война и скучнѣйшее стояніе другъ противъ друга на занятыхъ позиціяхъ, сопровождавшееся постоянными тревогами и безцѣльными боями, стоившими однако большихъ потерь. Знаменитое наступленіе Куропаткина кончилось почти не начинаясь, такъ какъ со второго же дня мы обратились изъ наступающаго въ обороняющагося.

Не имѣя за собою никакого стратегическаго интереса, операція на Шахе тѣмъ не менѣе по числу войскъ съ обѣихъ сторонъ, въ ней участвовавшихъ, по огромному пространству, на которомъ происходили бои, и по громаднымъ понесеннымъ потерямъ (съ 21-го сентября по 7-е октября мы потеряли около 45.000 человекъ, чуть не цѣлую армію),—эта операція заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, представляя большой интересъ въ тактическомъ отношеніи, съ нашей стороны, правда, болѣе отрицательный. Для удобства мы будемъ разсматривать ходъ дѣлъ въ каждой изъ главныхъ группъ нашихъ войскъ отдѣльно.

Мы уже знаемъ, что въ составъ западной группы нашихъ войскъ, подчиненныхъ генерала Бильдерлингу, входили 10-й и 17-й армейскіе корпуса, отрядъ генерала Дембовскаго, Оренбургская казачья дивизія, 10 саперныхъ и 2 понтонныхъ роты, или 74 батальона, 42 сотни и около

250 орудій, въ общемъ резервъ находились 1-й армейскій и 4-й сибирскій корпусъ, или 56 батальоновъ, 7 инженерныхъ ротъ, 6 сотенъ и 230 орудій. Правый флангъ охранялся ляохейскимъ отрядомъ генерала Косоговскаго, въ составѣ 6 батальоновъ, 3 сотни и 12 орудій. Въ огромный промежутокъ между западнымъ и восточнымъ отрядами былъ двинутъ генералъ Мищенко на копи Янтай, а

Сигнальщики.

слѣдомъ за нимъ шли два полка 31-й пѣхотной дивизіи въ видѣ авангарда 10-го армейскаго корпуса подъ начальствомъ генерала Мау. Ближайшей задачей западнаго отряда было достиженіе рѣки Шахе. Передъ началомъ наступленія войска западнаго отряда занимали слѣдующія мѣста: *) 10-й армейскій корпусъ стоялъ на

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

Банкхяопу и къ востоку отъ направленія Хуанмынканъ, Люфантунъ, Таку, копи Янтай. 17-й армейскій корпусъ долженъ былъ пользоваться путями въ полосѣ между линіей желѣзной дороги и линіей Мукденъ-Тасудяпу-Даліантунъ. Въ теченіе 22-го сентября и всего 23-го числа встрѣчъ съ японцами не было, и войска, двигаясь безпрепятственно, дошли: 10-й корпусъ со своими передовыми частями до Санянцзы у Тусанхе, а правый авангардъ до деревни Хоунбатай, имѣя передовыя части у Синзуаня. Главныя же силы въ составѣ 9-й пѣхотной дивизіи и 9-й артиллерійской бригады, всего 16 батальоновъ, 48 орудій, 2 сотни и одна рота саперъ достигли деревни Сахепу. 17-й армейскій корпусъ своимъ авангардомъ дошелъ до линіи деревень Ліусандіаза—

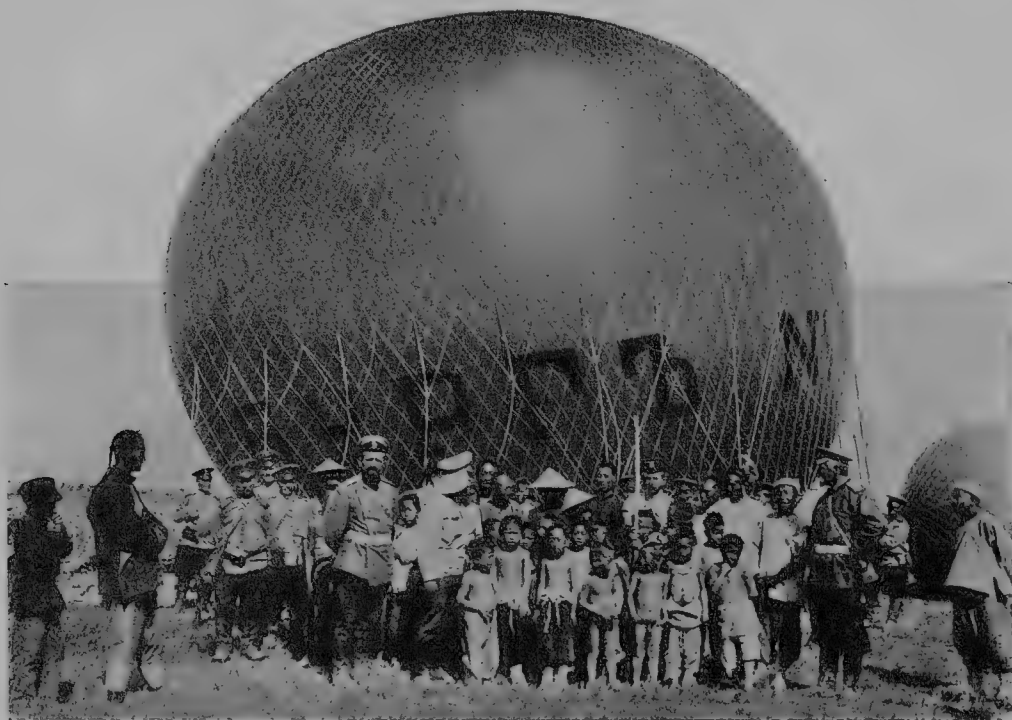

Фотографія съ шара укрѣпленной деревни Сандепу—крайняго лѣваго фланга японской арміи къ 16-му января 1905 г. у р. Хунхе, съ 3¹/₂ вер. 400 метр. высоты.

Хунлинпу съ передовымъ отрядомъ у Цунлунцзятуня. Главныя силы его расположились въ двухъ группахъ: 2 полка 3-й пѣхотной дивизіи у Даліантуня, а 35-я пѣхотная дивизія у Линшинпу, уступомъ позади слѣдовалъ отрядъ генерала Грекова, который обезпечивалъ правый флангъ и поддерживалъ связь съ отрядомъ генерала Дембовскаго, находившимся на правомъ берегу Хунхе. Были выбраны также позиціи, на которыхъ предполагалось принять бой въ случаѣ наступленія противника, позиціи эти было приказано укрѣпить и онѣ находились для 10-го корпуса на линіи деревень Хоухуцзянь—Юдела—Ламатунъ и для 35-й пѣхотной дивизіи на линіи Ламатунъ-Линшинпу, для 1-й же бригады 3-й пѣхотной дивизіи на линіи Сыфантай-Кудяза, авангарды укрѣпились на позиціяхъ у Маньяфыня и Яндшатуня. Все 24-е сентября войска оставались на мѣстахъ, продолжая работы по укрѣпленію позицій, для развѣдки были посланы небольшія части отъ 10-го корпуса на деревни Кушунцзы, Чугуантунъ, Илфансы, а отъ 17-го корпуса къ западу отъ желѣзной дороги на Тадуминсу. Эти рекогносцировочныя отряды заняли съ боя деревни: Инпань, Кушунцзы, южную Улиге и Тадуминсу, но японцы получили подкрѣпленія

и мы вынуждены были отдать эти пункты обратно. Около Чанзятуня обнаружено было до двухъ батальоновъ японской пѣхоты. Противъ 17-го корпуса непріятель былъ обнаруженъ у Эльктайцзы и замѣчено было большое движеніе непріятельскихъ войскъ къ Бенсиху, куда въ это время, по свѣдѣніямъ, была перенесена главная квартира генерала Куроки. Къ этому времени японскія арміи группировались: 1-я къ югу отъ перевала Тумыелина, 2-я по линіи желѣзной дороги у деревни Янтай и

Группа китайцевъ на фонѣ шара 2-й роты Учебнаго Воздухоплавательнаго парка.

4-я къ югу отъ копи Янтай. Нашъ восточный отрядъ въ это время продолжалъ безпрепятственно продвигаться впередъ и достигъ уже подножія переваловъ, куда отошли японцы. Западный же отрядъ и все 25-е сентября простоялъ на мѣстѣ, когда, наконецъ, было получено извѣстіе, что на 26-е и 27-е число надо ожидать рѣшительныхъ дѣйствій. Съ цѣлью поддержать движеніе восточнаго отряда, главнымъ силамъ 10-го и 17-го корпусовъ приказано было продвинуться на линію авангардовъ, а этимъ послѣднимъ пройти впередъ на линію Улиге-Фындятунь. 25-го сентября произошли небольшіе, но неудачные для насъ бои. Авангардъ 10-го корпуса послѣ непродолжительной подготовки артиллерійскимъ огнемъ занялъ деревни Сяфыньдьятунь и Кушунцзы, а также и сопку къ западу отъ послѣдней, одинъ батальонъ занималъ деревню Фындятунь, три же батальона съ 24 пушками стали у деревни Санцзуань, авангардъ 17-го корпуса вышибъ японцевъ изъ деревень Кадегоу и Улитайцзы и Эльтхацзы, а генералъ Грековъ вновь занялъ Тадусанпу. Къ вечеру 25-го сентября главныя силы 10-го корпуса расположились у Хунбоасаня, 1-й же корпусъ сталъ на линіи Ляндянсань-Ліутхангоу-Ліусандіаза. 26-го сентября войска опять простояли на мѣстѣ, занимаясь укрѣпленіемъ позиціи на линіи Панкляопу-Ченліутхангоу. 27-го сентября авангардъ 10-го корпуса былъ сильно обстрѣленъ

огнемъ японской артиллеріи и ночью отбилъ нѣсколько атакъ, но имѣя въ виду приказаніе не ввязываться въ упорный бой, къ утру 27-го сентября отошелъ назадъ на линію Хундязуань-Сяофендьятунь. Въ этотъ же день, т. е. 27-го сентября, авангардъ 17-го корпуса сталъ сильно тѣсниться японцами и вынужденъ былъ отойти на линію Сяодунтай-Шилихе, при чемъ занятая имъ новая позиція дѣлилась на два участка: правый отъ Сяодунтая до Задпніулу былъ занятъ 5-ю батальонами и лѣвый отъ Эндоніулу до Шилихе, гдѣ стали также 5 батальоновъ; общая длина всей позиціи доходила до 6-ти верстъ и для прочнаго занятія ея десяти батальоновъ было мало, въ резервѣ находились три батальона, одинъ батальонъ занималъ укрѣпленія у деревни Эршидіаза. Правый флангъ этихъ войскъ обезпечивался однимъ батальономъ, 6 эскадронами и 2 орудіями подъ начальствомъ полковника Стаховича, находившимися у Яндіавана. Такимъ образомъ была расположена 3-я пѣхотная дивизія. 34-я пѣхотная дивизія стояла на прежнемъ мѣстѣ и только одинъ батальонъ выдвинула въ деревню Цулуннятунь съ приказаніемъ укрѣпить эту деревню. Такъ совершалось начало нашего наступленія въ западномъ отрядѣ, при чемъ выигранныя

Крестовоздвиженская община Краснаго Креста.

нами пространства мы тотчасъ же отдавали врагу. Впрочемъ главный ударъ долженъ былъ нанести нашъ лѣвый флангъ. 28-го сентября японцы перешли въ рѣшительное наступленіе по всему фронту западнаго отряда.

Наступали армія Оку и часть арміи Нодзу. Въ составъ арміи Оку входили: 3-я, 4-я и 6-я дивизіи и столько же соотвѣтственныхъ резервныхъ бригадъ, двѣ артиллерійскихъ бригады и двѣ кавалерійскихъ, всего 60 батальоновъ, 21 эскадронъ и 42 батареи. 3-я и 6-я дивизіи направлялись на фронтъ, 4-я же на Юдіаденза и Лидіантунь. На крайній же правый флангъ наступала кавалерійская бригада въ

направленіи Сандепу и Хекеутай, она же обеспечивала лѣвый флангъ японцевъ отъ нашей кавалеріи съ запада. Еще 27-го числа генералъ Куропаткинъ, опасаясь атаки своего крайне слабаго центра, выслалъ на лѣвый флангъ 10-го корпуса 35 батальоновъ и 72 орудія 4-го сибирскаго корпуса подъ начальствомъ генерала Зарубаева, которому подчинили авангардъ генерала Мау и развѣдочный отрядъ генерала Мищенко. Ночью генералъ Зарубаевъ выдвинулся впередъ и занялъ позицію у Панлясанцзы, которую и сталъ укрѣплять. 28-го сентября четыре японскихъ дивизіи изъ арміи Нодзу и Куроки одновременно атаковали войска генерала Зарубаева съ двухъ сторонъ, вслѣдствіе чего онъ вынужденъ былъ отойти нѣсколько назадъ

6-го декабря Куропаткинъ пьетъ чару за здоровье Государя.

и къ ночи занялъ позицію у Сяолихуецзы и Лихуецзы, гдѣ и сталъ окапываться. Мы знаемъ уже, что 10-й и 17-й корпуса къ вечеру 27-го числа вынуждены были нѣсколько податься назадъ, почему на 28-е сентября они получили приказаніе вновь выдвинуться впередъ и вернуть потерянные нами раньше пункты. Для отобранія деревни Кушуцзы и сопки къ западу отъ нея требовалось не менѣе дивизіи пѣхоты съ соотвѣт-

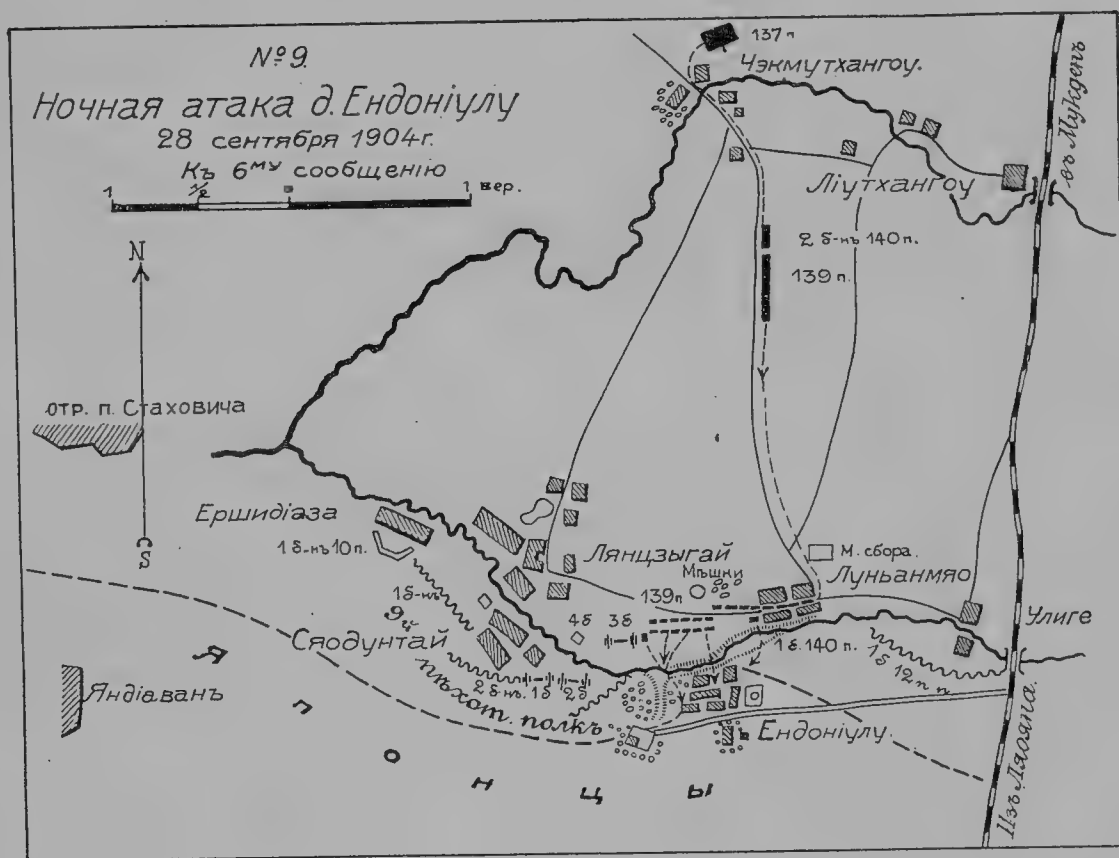
ствующей артиллеріей,—вслѣдствіе этого изъ резерва 17-го корпуса былъ посланъ туда одинъ полкъ съ дивизіономъ артиллеріи, а 10-му корпусу приказано было поддержать сначала артиллерійскимъ огнемъ, а затѣмъ взять деревню Инпань, которая около 4 часовъ дня и была взята двумя батальонами изъ состава главныхъ силъ этого корпуса. Въ то же время японцы рѣшительно атаковали позицію авангарда 10-го корпуса, и, чтобы удержаться, пришлось взять еще два батальона изъ состава главныхъ силъ. Японцы вели атаку со стороны деревни Кушуцзы, вслѣдствіе чего положеніе праваго фланга отряда генерала Зарубаева становилось довольно затруднительнымъ и потому наша атака на Кушуцзы была отложена, авангардъ 10-го корпуса удержался на своихъ позиціяхъ. Въ 17-мъ корпусѣ въ это время происходило слѣдующее: японцы стали обстрѣливать со стороны Кедогоу занятую нами деревню Ендоніулу и нашу артиллерію, расположенную на правомъ участкѣ позиции, которая отвѣчать на огонь не могла, такъ какъ Ендоніула закрывала цѣль и мѣшалъ гаолянъ, который къ этому времени еще не былъ убранъ. Одновременно

[illegible]

531

артиллерія лѣваго участка 3-й пѣхотной дивизіи стала сосредоточивать огонь по деревнѣ Ельтхацзы, гдѣ находились японцы, одинъ полкъ былъ отозванъ для подготовки арьергардной позиціи на линіи деревень Ченліутхангоу—Хулинпу, а одинъ батальонъ этого полка занялъ деревню Цунлуньятунъ для поддержки связи съ отрядами Грекова и Стаховича. Къ концу дня положеніе наше нѣсколько ухудшилось: подъ вечеръ получилось извѣстіе, что Ендоніула занята японцами, два японскихъ батальона стали наступать отъ желѣзной дороги на деревню Ельтхацзы, а 5 ихъ батарей стали обстрѣливать деревни Сяодянтунъ, Лянцзыгай и Ершидіаза и обнаружилось наступленіе японцевъ на дер. Юзунпу, которая была занята однимъ батальономъ изъ отряда полковника Стаховича; кромѣ того, какъ уже раньше было упомянуто, вслѣдствіе затруднительнаго положенія праваго фланга генерала Зарубаева атаку Кушунцзы пришлось отмѣнить. Самымъ неприятымъ фактомъ былъ захватъ противникомъ Ендоніулы, почему и рѣшено было, собравъ возможно большія силы у Лууанмяо, отобрать эту деревню обратно. Начинало темнѣть и бой затихъ на нѣкоторое время. Потеря Ендоніулы была настолько не желательна, что командующій корпусомъ приказалъ начальнику 35-й пѣхотной дивизіи во что бы то ни стало овладѣть этой деревней. Для этой атаки назначены были: Моршанскій полкъ и два батальона Зарайскаго полка, а на случай неудачи ночной атаки, которую приказано было произвести безъ

выстрѣла, былъ передвинутъ въ Ченліутхангоу послѣдній резервъ въ видѣ Нѣжинскаго пѣхотнаго полка. Всѣ части, назначенныя для ночной атаки, направлялись черезъ Лууанмяо отъ Ченліутхангоу. Моршанскій полкъ слѣдовалъ впереди. Во

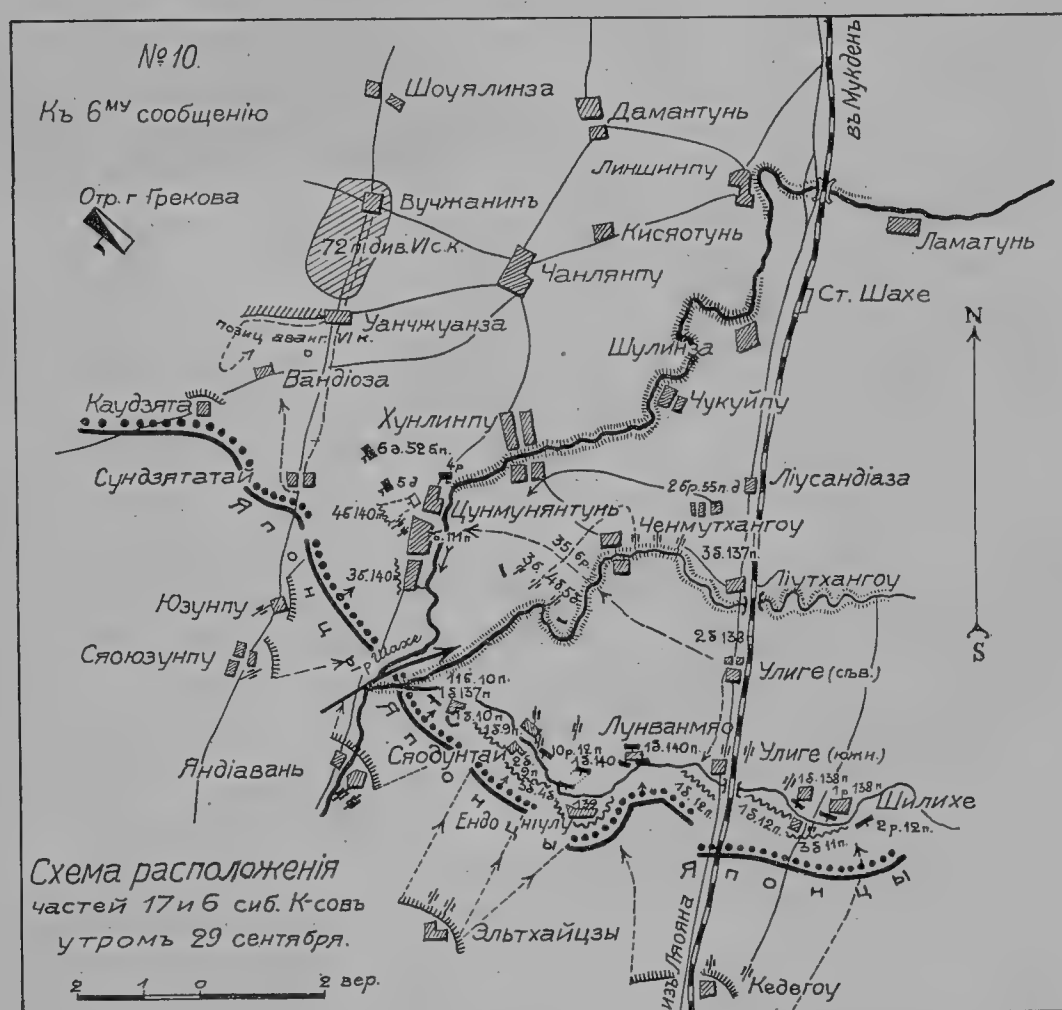
время этого движенія вдругъ поднялась стрѣльба со стороны деревни Сяодунтай. Это остановило на нѣкоторое время атакующую колонну, но стрѣльба скоро прекратилась и пошли дальше. За темнотою и высокимъ гаоляномъ трудно было ориентироваться: не только ничего не было видно, что произошло у Сяодунтая, но нельзя было даже опредѣлить разстояніе до Ендоніулу. Въ Лууанмяо люди оставили свои вещевые мѣшки и перестроились для атаки. Одна рота заняла эту деревню, двѣ роты разсыпались цѣпью въ пространствѣ между дорогой Лууанмяо-Лянцзыгай, имѣя одну роту позади себя въ резервѣ. Три батальона Моршанскаго полка перестроились поротно въ двѣ линіи. Одинъ батальонъ Зарайскаго полка былъ оставленъ въ резервѣ, а другой долженъ былъ атаковать Ендоніулу съ востока. Когда стали подходить къ цѣли близко, японцы открыли сильнѣйшій огонь пачками, но въ темнотѣ выстрѣлы шли черезъ головы и Зарайцы съ востока, а Моршанцы съ сѣвера и запада безъ выстрѣла ворвались въ деревню и началась отчаянная и упорная штыковая свалка. Мы овладѣли деревней; когда разсвѣло, насчитали свыше 1000 японскихъ труповъ. Это дѣло помогло 17-му корпусу удержаться на занятыхъ позиціяхъ, хотя мы дорого заплатили за это: всѣ резервы были израсходованы. На крайнемъ правомъ флангѣ дѣла складывались очень плохо. По полученнымъ свѣдѣніямъ, генераль Грековъ отошелъ далеко на сѣверъ, и для противодѣйствія глубокому обходу нашего праваго фланга мы ничего не имѣли, кромѣ оставшихся въ резервѣ 15 ротъ Нѣжинскаго пѣхотнаго полка, что было, конечно, недостаточно и потому всѣ ожидали подхода 6-го сибирскаго корпуса, о которомъ въ теченіе всего 28-го числа ничего не было слышно; всѣ надѣялись, что къ утру онъ подойдетъ и отброситъ обходящихъ правый флангъ японцевъ. 6-й сибирскій корпусъ, оставивъ одну бригаду 55-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями для охраны позиціи подъ Мукденомъ, 26-го числа двинулся къ югу и прибылъ въ районъ Татай-Тудясанпу-Ланшаньпу, а 27-го его авангардъ въ составѣ одной бригады 72-й пѣхотной дивизіи остановился южнѣе Ланшаньпу. Какъ разъ въ это время была получена телеграмма отъ Куропаткина: „*) Въ случаѣ перехода противника въ рѣшительное наступленіе противъ западнаго отряда мною предоставлено генералу Бильдерлингу, если потребуется помощь 17-му корпусу, обратиться къ вамъ за содѣйствіемъ. Благоволите исполнить это, но отнюдь не мелкими частями и по возможности не дробя ни бригадъ, ни дивизій. Помните, что вы составляете мой стратегическій резервъ“. Въ этой телеграммѣ, по всей вѣроятности, сказала заботливость адмирала Алексѣева о цѣлости 6-го сибирскаго корпуса, предназначеннаго въ

Ген. Каульбарсъ раздаетъ Зн. Воен. Отл. 100-му Островскому полку за Мукденскіе бои.

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

составъ будущей 2-й манджурской арміи. Вслѣдствіе этого начальникъ авангарда 6-го корпуса не исполнилъ просьбы Стаховича и Грекова поддержать ихъ, также точно и генералъ Соболевъ не исполнилъ и просьбы генерала Бильдерлинга, просившаго его выдвинуться впередъ, чтобы обезпечить его правый флангъ, и обѣщавшаго только прикрыть его правый флангъ въ случаѣ его отступленія съ занятыхъ позицій, но сдвинуться съ мѣста не рѣшился. Наконецъ, только въ 12 часовъ дня по настоятельной просьбѣ начальника западнаго отряда Куропаткинъ приказалъ авангарду 6-го корпуса выдвинуться къ деревнѣ Уанчжуинзы и съ главными силами

перейти на линію Шоулинза-Даліятунь. Движеніе это было исполнено только къ 4 часамъ дня 28-го сентября и въ то же время Стаховичъ и Грековъ вновь обращаются за помощью, вслѣдствіе чего въ деревню Сундзятатай было послано три батальона, которые сначала было и заняли эту деревню, но вскорѣ, вслѣдствіе дальнѣйшаго отхода генерала Грекова, отошли на свои главныя силы. Ночью на 29-е число генералъ Бильдерлингъ просилъ Куропаткина о высылкѣ ему одной бригады 6-го сибирскаго корпуса къ Лиутхангоу, бригада эта и прибыла туда, поступивъ въ распоряженіе начальника западнаго отряда. Но 6-й сибирскій корпусъ не былъ подчиненъ генералу Бильдерлингу и поэтому ему приходилось только просить и за всѣмъ обращаться къ Куропаткину, что влекло за собой проволочку времени весьма

выгодную для успѣха японскаго обхода. День 29-го сентября начался съ того, что получено было приказаніе Куропаткина: „*) Западному отряду немедленно отойти на главную позицію Ліутхангоу-Хунбоасань, а командиру 10-го корпуса предписывалось собрать въ резервъ корпуса не менѣе дивизіи, которую беречь отъ расхода возможно болѣе“. Тѣмъ не менѣе генералъ Бильдерлингъ рѣшилъ не отходить, какъ ему было приказано, а остаться на мѣстахъ, мотивируя это такъ: что войска держатся крѣпко и что отступление днемъ повлекло бы за собой большія потери, такъ какъ непріятель былъ слишкомъ близко, что же касается до обхода праваго фланга, то полагалъ его парализовать атакою 6-го корпуса, почему и просилъ о подчиненіи его ему; но въ этомъ ему было отказано и получилъ его только на другой день, когда уже было поздно.

Внутренность офицерскаго жилища.

Между тѣмъ 29-го сентября японцы сильно атаковали генерала Зарубаева, они сосредоточили противъ него массу артиллеріи и взяли его съ двухъ сторонъ, какъ бы въ тиски, съ одной стороны чуть не вся армія Нодзу, а съ другой гвардейская и 12-я японскія дивизіи изъ арміи Куроки, но до полудня японцы не атаковали, по всей вѣроятности они рассчитывали, что развивающійся успѣхъ арміи Оку противъ нашего праваго фланга заставитъ генерала Зарубаева очистить позицію и безъ атаки. Противъ сосѣдняго 10-го корпуса японцы атакъ не вели, а ограничились лишь артиллерійской перестрѣлкой. Что же касается до 17-го армейскаго корпуса, то тамъ дѣло уже близилось къ развязкѣ. За минувшую ночь японцы построили въ гаолянѣ траншеи, изъ которыхъ нѣкоторыя находились отъ 300 до 400 шаговъ отъ нашихъ окоповъ. Опасно было положеніе нашего праваго фланга, лучше сказать, оно было отчаянное, тѣмъ болѣе, что резервы всѣ были израсходованы. Присутствіе 6-го сибирскаго корпуса не приносило никакой пользы, въ качествѣ неприкосновенной собственности генерала Куропаткина онъ былъ только свидѣтелемъ происходившаго. Перемѣшка частей сражавшихся была полная, такъ: „***) Въ деревнѣ Цунлуньянтунъ у полковника Стаховича были: два батальона 140-го полка, полу-батальонъ 11-го полка, одна батарея 35-й артиллерійской бригады, два орудія 3-й, 6 эскадроновъ 52-го драгунскаго Нѣжинскаго полка и охотничья команда 10-го полка“.

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

***) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

„На участкѣ Ершидіаза-Сялдунтай-Ляндзыгай: справа одинъ батальонъ 137-го полка, два батальона 10-го полка, весь 9-й полкъ, 6 ротъ 12-го полка, три батареи 3-й артиллерійской бригады“.

„Деревню Ендоніулу занималъ 139-й полкъ, за нимъ и въ деревнѣ Лууанмяо находились два батальона 140-го полка и одинъ батальонъ 10-го полка“.

„Между Лууанмяо и Шилихе полтора батальона 138-го полка и двѣ батареи 3-й артиллерійской бригады“.

„Въ деревнѣ Шилихе два съ половиной батальона 11-го полка, 6 ротъ 138-го полка, двѣ роты 12-го полка, три батареи 35-й артиллерійской бригады“.

„Въ резервѣ у деревни Улиге одинъ батальонъ 138-го полка и два эскадрона 51-го драгунскаго полка и т. д.“.

29-го сентября, на разсвѣтѣ, японцы яростно атаковали нашъ правый флангъ, но были встрѣчены такимъ сильнымъ огнемъ, что пріостановились и открыли артиллерійскій огонь, при чемъ мы несли огромныя потери, но войска все-таки бодро держались на своихъ мѣстахъ. Бездѣйствіе 6-го сибирскаго корпуса предоставляло японцамъ возможность все болѣе и болѣе захватывать нашъ правый флангъ, они усиленно насѣдали на деревню Цунлуньянтунъ, гдѣ находился отрядъ полковника Стаховича, которому приходилось сражаться на два фронта, на югъ и на западъ, а авангардъ 6-го корпуса спокойно стоялъ въ деревнѣ Кандіаза. Еще раньше посланный изъ резерва остатокъ Нѣжинскаго полка усилилъ собою участокъ позиціи Ліутхангоу-Ченліутхангоу, а три батареи развернулись на западъ отъ послѣдней

Чтеніе смертнаго приговора.

деревни. Въ это время густыя цѣпи японской пѣхоты стали двигаться на Сяодунтай и Ершидіаза. Управлять боемъ, вслѣдствіе невѣроятнаго перемѣшанія частей, было невозможно, резервовъ же совсѣмъ не было, многіе изъ начальниковъ частей выбыли изъ строя. Мы стали очищать правый участокъ позиціи, при чемъ 16 орудій не могли взять на передки и они попали въ руки непріятеля, попытки перейти въ контръ-атаку и отобрать обратно потерянные орудія, при разрозненности дѣйствій, не привели ни къ чему.

Деревня Ендоніула, однако, еще

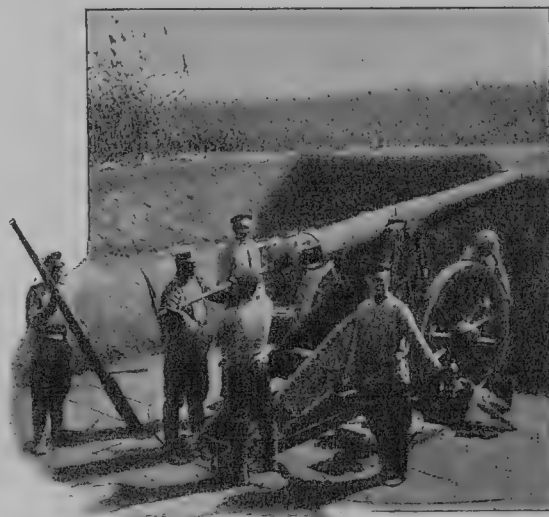
продолжала оставаться въ нашихъ рукахъ. На поддержку праваго участка около полудня изъ Ченліутхангоу былъ отправленъ Юхновскій полкъ, но онъ былъ быстро опрокинутъ сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ и, понеся большія потери,

отошелъ назадъ. Наконецъ, когда уже совершенно стало яснымъ, что возстановить бой нельзя, начальникъ 3-й пѣхотной дивизіи приказалъ отходить на позицію Ченліутхангоу-Панкхейопу. Въ это время Стаховичъ хотѣлъ сдѣлать попытку перейти въ наступленіе, но такъ какъ при этомъ онъ легко могъ быть отрѣзанъ со стороны деревни Сунцзятатай, то пришлось отказаться отъ этого намѣренія. Сообщая о своемъ трудномъ положеніи, онъ просилъ начальника авангарда 6-го сибирскаго корпуса выдвинуться впередъ; но лишь только въ 4 часа дня рѣшились выслать три роты Кирсановскаго полка съ охотничьей командой для занятія деревни Сунцзятатай, которая и была ими занята, но до японцевъ, находившихся южнѣе этой деревни, роты не дошли и скоро вернулись къ Вандіазѣ. Тѣмъ же окончилась и попытка 2-й роты Мценскаго полка въ направленіи къ деревнѣ Кауцзятатай. Въ это время два батальона Зарайцевъ, три—Нѣжинцевъ, Моршанскій полкъ у Ченліутхангоу и у Ліутхангоу, части Нѣжинскаго, Болховскаго и Епифанскаго полковъ у Хунлину еще сдерживали наступленіе японцевъ, когда получено было приказаніе командующаго корпусомъ: „*) Командующій корпусомъ приказалъ держаться на занятыхъ позиціяхъ до наступленія темноты, а затѣмъ отходить на позицію Панкхейопу—Ліутхангоу—Ченліутхангоу—Хунлину, на позиціи этой расположиться 35-й пѣхотной дивизіи на участкѣ Панкхейопу—Ченліутхангоу включительно, бригадѣ 55-й пѣхотной дивизіи вправо отъ 35-й дивизіи до Хунлину и отряду полковника Стаховича въ Хунлину; 3-й пѣхотной дивизіи остановиться въ общемъ резервѣ у Шулинзы“.

„Во исполненіе вышеизложеннаго начальнику 35-й пѣхотной дивизіи собирать отходящія съ позиціи части, устраивать ихъ и занимать ими вторую позицію; 3-й пѣхотной дивизіи проходить, не задерживаясь на второй позиціи, собраться у Шулинзы, разобратся и стать въ резервномъ порядкѣ; бригадѣ 55-й пѣхотной дивизіи, присоединивъ части, выведенныя изъ боя, расположиться на указанной позиціи, часть коей занималась и сегодня. Всѣ занятые такимъ образомъ участки оборонять. Связь съ 6-мъ корпусомъ установить полковнику Стаховичу; связь съ 10-мъ корпусомъ начальнику 35-й пѣхотной дивизіи. Обозы второго разряда всего корпуса съ разсвѣтомъ вытянуть колонной вдоль желѣзной дороги, имѣя хвостъ ихъ въ Суятунѣ, въ головѣ обозъ 35-й пѣхотной дивизіи, въ хвостѣ обозъ 3-й пѣхотной дивизіи, прикрытіе назначить распоряженіемъ начальниковъ дивизій и т. д.“...

Диспозиція эта сочинена и подписана генераломъ Волковымъ. Это великолѣпное академическое упражненіе, въ которомъ не забытъ ни одинъ пунктъ,

Осадное орудіе въ редутѣ.

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

опредѣляющій строгій порядокъ, къ сожалѣнію, характеризуется словами старой солдатской севастопольской пѣсенки: „славно писано въ бумагѣ, да забыли про овраги“... Указывая на величіе спокойствія корпуснаго командира въ моментъ разбитія ввѣреннаго ему корпуса, оно совсѣмъ не было соображено съ обстановкой и было по-просту неисполнимо, во-первыхъ, потому что, чтобы собрать, устроить, указать и развести по новымъ участкамъ въ хаотическомъ безпорядкѣ разбросанныя на шестиверстномъ пространствѣ части надо было время, между тѣмъ японцы настойчиво наседали, и у Ченліутхангоу уже завязалась ружейная перестрѣлка, а внутренность позиціи обстрѣливалась непріятельской артиллеріей до деревни Чукуйпу, а во-вторыхъ, потому что, какъ мы выше видѣли, части были перемѣшаны до рота включительно и начальники не знали, гдѣ находятся ввѣренные имъ части, а эти послѣднія не знали, гдѣ ихъ начальники, и потому некому было приказывать и некому было исполнять. Такимъ образомъ, эта диспозиція являлась не болѣе какъ канцелярской отпиской для собственнаго обезпеченія. Тяжелое впечатлѣніе производитъ этотъ историческій документъ, писавшійся карандашемъ или чернилами въ то время, какъ войска оставляли свои историческіе документы, написанные собственной кровью. Единственно, что еще можно было сдѣлать, это дать возможность войскамъ собираться къ желѣзной дорогѣ, и по распоряженію частныхъ начальниковъ два батальона Зарайскаго полка были отправлены вдоль полотна желѣзной дороги къ Улиге, а Нѣжинцамъ было приказано держаться до послѣдняго въ окопахъ между деревнями Ченліутхангоу и Ліусандіаза, чтобы дать возможность разбитымъ частямъ собраться къ желѣзной дорогѣ. Крайне медленно сходились разстроенныя части и сдѣлать что-нибудь для улучшенія положенія было нельзя, а потому рѣшено было отойти за рѣку Шахе; но и эта операція представляла большія трудности: надо было

Наблюденіе за ходомъ боя.

эвакуировать на станцію Шахе, гдѣ было много раненыхъ, дивизіонныя лазареты и госпитали и интендантскіе склады. Для прикрытія эвакуаціи станціи были выдвинуты три батальона Орловскаго полка, еще раньше взятые изъ состава 10-го корпуса, командиръ котораго, узнавъ объ отходѣ 17-го корпуса, самъ рѣшилъ отойти на позицію у деревни Сахепу,

но получилъ приказаніе держаться у Хунбоасаня, такъ какъ въ главной квартирѣ все еще рассчитывали вернуть потерянные 17-мъ корпусомъ мѣста. Но ночью 30-го сентября было получено приказаніе генерала Бильдерлинга отходить всѣмъ на рѣку

Шахе и занять позицію на фронтѣ: Ламатунь—Юделаза—Хоутхай—Кудяза и Чан-лиза. Въ это время нашъ восточный отрядъ также отошелъ назадъ, и положеніе сильно выдвинутого впередъ генерала Зарубаева было очень опасно; атакованный

Устройство периль на мосту.

съ двухъ сторонъ, онъ еле держался и въ ночь съ 30-го на 1-е октября отошелъ къ Шахе. Въ 10-мъ корпусѣ все время дѣло ограничивалось артиллерійской перестрѣлкой. 30-го сентября 17-й армейскій корпусъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: „Правый участокъ отъ желѣзной дороги черезъ Линшинпу до ея западной окраины 139-й пѣхотный Моршанскій полкъ“.

„Правѣ его два батальона и уступомъ за нимъ два батальона 139-го пѣхотнаго Моршанскаго полка“.

„Лѣвый участокъ отъ желѣзной дороги до восточной окраины деревни Ламатунь—14 ротъ 138-го пѣхотнаго Болховскаго полка“.

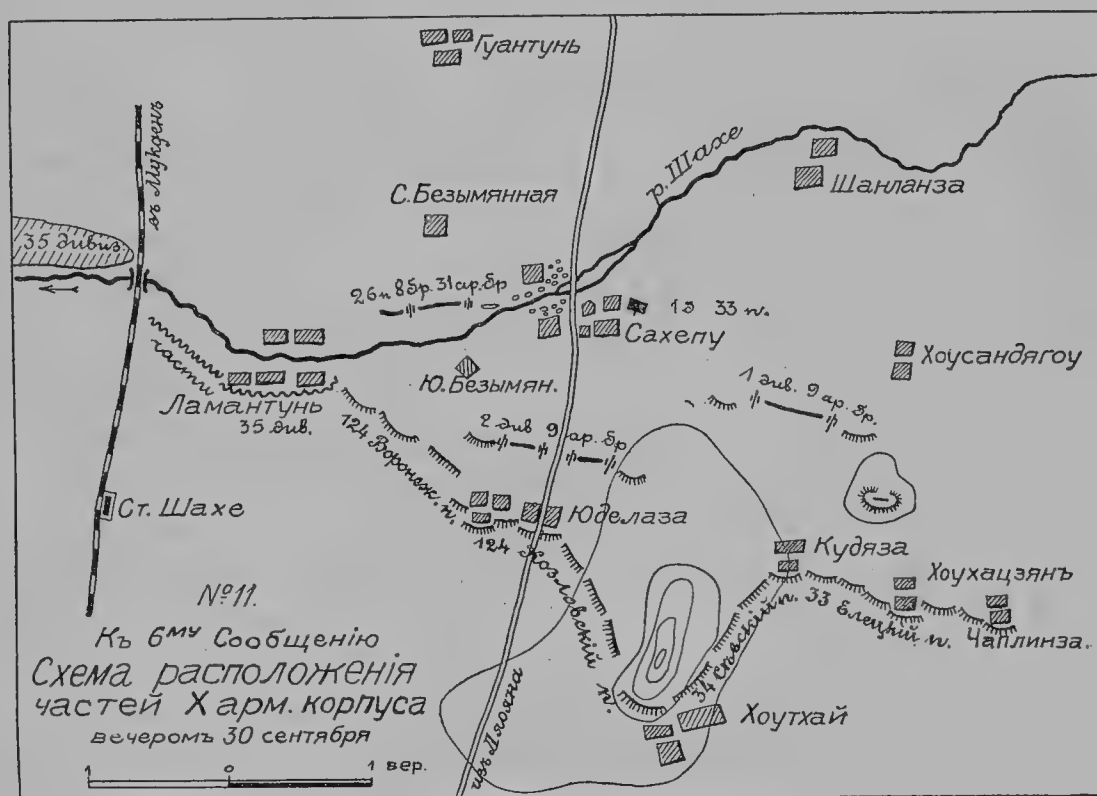
„Артиллерія: 6 батарей 35-й артиллерійской бригады между желѣзной дорогой и линіей Линшинпу — Сыфантай; 140-й пѣхотный Зарайскій полкъ за деревней Ингуа“.

„Части 3-й пѣхотной дивизіи; 11-й и 12-й полки съ оставшейся артиллеріей на участкѣ Сыфантай — Кудяза; 9-й и 10-й полки, переформированные въ три батальона, за деревней Сыяантай“.

„36-й пѣхотный Орловскій полкъ за деревней Ингуа; два батальона 35-го пѣхотнаго Брянскаго полка за деревней Ингуа, позднѣе (около 10 часовъ утра) въ деревнѣ Ламатунь“.

Съ утра японцы къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ не приступали, они только открыли артиллерійскій огонь по Линшинпу и окопамъ, которые заняты нами не были, наша артиллерія стала отвѣчать. Около трехъ часовъ дня замѣчено было движеніе значительныхъ силъ съ лѣвой стороны желѣзной дороги въ направленіи на западъ, видимо, что японцы собирались атаковать нашъ правый флангъ, гдѣ на линіи Линшинпу—Пендіаза стоялъ 6-й сибирскій корпусъ, продолжавшій еще находиться въ подчиненіи генералу Куропаткину. Начальникъ 35-й пѣхотной дивизіи приказалъ укрѣпить деревни Ингуа, Сыфантай и участокъ позиціи около нихъ, на что былъ назначенъ одинъ батальонъ Орловскаго полка; у деревни Ханченпу былъ построенъ редутъ. Участокъ Ингуа—Сыфантай былъ занятъ Орловскимъ полкомъ, а два батальона Брянскаго полка и одинъ Зарайскаго полка стали въ промежуткѣ между 17-мъ и 10-мъ корпусами. Къ ночи 30-го сентября 6-й сибирскій корпусъ былъ наконецъ подчиненъ генералу Бильдерлингу, извѣстіе объ этомъ было получено вмѣстѣ съ приказаніемъ на 1-е октября перейти въ наступленіе. Странное впечатлѣніе производитъ исторія съ подчиненіемъ генералу Бильдерлингу 6-го сибир-

скаго корпуса: не далѣе какъ 24 часа тому назадъ, несмотря на настоятельныя просьбы и вопіющую необходимость, не признавали возможнымъ подчинить его генералу Бильдерлингу, и теперь вдругъ подчинили; правда, что при этомъ возлагалась на послѣдняго и трудная задача. Созерцательное положеніе, которое занималъ 6-й сибирскій корпусъ въ теченіе двухдневнаго тяжелаго боя 28-го и 29-го сентября, привело къ разстройству двухъ корпусовъ: 17-го — непосильнымъ боемъ и 10-го,

раздерганнаго на поддержку перваго. Упрямое желаніе провести теоретическій принципъ подчиненія резерва старшему начальнику стоилъ намъ большихъ жертвъ и мы потеряли занятые раньше позиціи... Въ минуту нужды 6-й сибирскій корпусъ бездѣйствовалъ, и вотъ теперь собрались отнимать у противника то, что не считали нужнымъ удерживать раньше, зная по опыту, что японцы не легко отдаютъ то, что разъ забрали. Задачей, поставленной на 1-е октября генералу Бильдерлингу, было занятіе деревень Хунлипу и Сянцзатата, для облегченія этого было приказано отряду генерала Дембовскаго занять районъ Пажентунъ — Фудядуенза и обѣщано было содѣйствіе резерва. Итакъ, когда еще сутки тому назадъ вмѣшательство 6-го корпуса могло бы привести къ разбитію врага, теперь оно могло помочь лишь только сохранить свои позиціи. День 1-го октября начался съ того, что 3-я японская дивизія повела атаку на Хоунтхайскую сопку, но атака эта была отбита, затѣмъ, въ пять часовъ утра, они повторили атаку, но съ такимъ же успѣхомъ; въ концѣ концовъ, впрочемъ, послѣ цѣлаго ряда атакъ сопка попала въ руки непріятеля, центръ нашъ оказался прорваннымъ, послѣднюю атаку японцы вели также и на деревню Юделазз и наши окопы между послѣдней и деревней Ламатунъ, они взяли тутъ 16

нашихъ орудій, у которыхъ была перебита вся прислуга. Теперь завязался бой за деревню Шахепу, кончившійся тѣмъ, что находившіяся тутъ части 10-го корпуса вынуждены были отойти за рѣку Шахе до Подявязы, гдѣ и начали укрѣпляться. Бой за обладаніе Шахепу продолжался и послѣдующіе дни, но по неизвѣстнымъ причинамъ японцы сами очистили эту деревню, мы же до 7-го октября оставались у Подявязы. Въ районѣ 17-го армейскаго корпуса, между прочимъ, произошло слѣдующее: ночью на 1-е октября японцы дѣлали пробныя атаки и не рѣшались на окончательную атаку, съ разсвѣтомъ же они повели рѣшительное наступленіе на пространство между Линшинпу и Даліан-тунемъ и на обѣ эти деревни. Положеніе у Ламатуня становилось серьезнымъ, со взятіемъ Юделазы японцами, позиція стала фланкироваться артиллерійскимъ огнемъ и, по полученнымъ свѣдѣніямъ, у станціи Шахе стали собираться большія непріятельскія силы, группировавшіяся въ окрестностяхъ Шулинцзы, Кисяотуня и Чегойпу; 6-й сибирскій корпусъ еще не вступалъ въ дѣло, а резервовъ не было, если не считать разстроенныхъ боемъ двухъ батальоновъ Зарайскаго полка, которые раньше были въ отрядѣ полковника Стаховича. Утромъ 1-го октября эти батальоны были посланы на поддержку въ Ламатунь. Части Болховскаго и Зарайскаго полковъ отбивали атаки непріятеля со стороны деревни Юделаза, а наша артиллерія успѣшно обстрѣливала японцевъ со стороны Ламатуня. На правомъ участкѣ дѣло сложилось нѣсколько иначе. Какъ мы уже знаемъ, въ 7 часовъ утра японцы приступили къ настойчивымъ атакамъ праваго участка. Съ этою цѣлью ихъ артиллерія открыла огонь по Линшинпу, а пѣхота двумя колоннами стала наступать на эту деревню. Линшинпу была занята двумя батальонами Нѣжинскаго полка, которые находились на южной опушкѣ деревни. Наступленіе велось со стороны Шулинцзы и Чагоупу. Наступленіе велось настолько большими силами, что въ виду полученнаго приказанія держаться до штыка, требовались подкрѣпленія и туда были посланы одинъ батальонъ 9-го и одинъ батальонъ Великолуцкаго полка. Около 3-хъ часовъ дня дѣйствія японцевъ приняли самый рѣшительный характеръ и атака кончилась тѣмъ, что они завладѣли южною частью Линшинпу и нашими окопами въ окрестностяхъ станціи Шахе. Начальникъ праваго участка былъ убитъ. Приказано было во что бы то ни стало выбить противника изъ южной части Линшинпу, но три лихихъ атакъ нашихъ ротъ не увѣнчались успѣхомъ. Къ вечеру бой затихъ и въ такомъ положеніи мы оставались до насту-

22-саженная вышка капитана Кустова.

пленія полной темноты 1-го октября и на ночь на 2-е октября. На 1-е октября генераль Бильдерлингъ отдалъ приказаніе 6-му корпусу перейти въ наступленіе на деревни Сандіаза и Синьтайцзы, которыя и были взяты нами, что въ значительной

Вышка въ 12 сажень капитана Дубровскаго.

мѣрѣ облегчило положеніе 17-го армейскаго корпуса, такъ какъ правый флангъ его получилъ теперь фактическое обезпеченіе. 2-го октября случился одинъ эпизодъ, который чуть не стоилъ намъ полного отступленія съ занятыхъ позицій: командиромъ корпуса приказано было начальнику 35-й пѣхот. дивизіи вернуть всѣ части 3-й пѣхотной дивизіи, выданныя ему на поддержку. Великолуцкій полкъ еще раньше назначенъ былъ для выбитія японцевъ изъ Линшинпу, а батальонъ 9-го полка былъ раздѣленъ пополамъ и двѣ роты назначены были на усиленіе передовыхъ окоповъ у Линшинпу, а двѣ роты назначались въ резервъ, на участокъ между Линшинпу и желѣзной дорогой; первыя двѣ послѣ взятія японцами окоповъ отошли назадъ, вторыя же были оставлены въ видѣ заслона со стороны Линшинпу, почему онѣ очутились рядомъ съ Нѣжинцами и у обоихъ были фуражки съ красными околышами. Получивъ приказаніе высланныя на поддержку части вернуть въ резервъ къ Ханченпу, начальникъ 35-й пѣхотной дивизіи про-

силъ разрѣшенія сдѣлать это съ наступленіемъ ночи, но ему категорически приказано исполнить немедленно. Одновременно съ этимъ начальникамъ участковъ позиціи были посланы секретными записками предупрежденія о порядкѣ отхода съ позиціи, если бы въ этомъ встрѣтилась настоятельная надобность, въ то же время и штабъ корпуса распорядился занять деревни Ханченпу и Гуаньтунъ и послалъ приказаніе начальнику лѣваго участка о порядкѣ отступленія. И вотъ, во время происшедшаго маленькаго перерыва боя, бывшія въ заслонѣ двѣ роты 9-го полка стали одинъ за однимъ отбѣгать изъ своихъ окоповъ. Увидѣвъ это, сталъ отходить и весь правый участокъ. Лѣвый же участокъ получилъ перевранное приказаніе: въ случаѣ отхода праваго участка безостановочно отходить на линію Ханченъ—Гуантунъ. Покамѣстъ на правомъ участкѣ подъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ объясняли людямъ происшедшую ошибку, лѣвый участокъ началъ отходить въ свою очередь. Потребовалось много времени на возстановленіе порядка, и мы понесли при этомъ большія потери. Къ тому же времени стали приходить свѣдѣнія о сосредоточеніи большихъ силъ японцевъ въ районѣ Шулинцзы и Кисяотуня, т. е. противъ нашего праваго фланга. Можно было предположить, что японцы знали наше расположеніе на линіи Линшинпу — станція Шахе, и хотѣли оттянуть всѣ наши резервы и затѣмъ, съ

полною надеждою на успѣхъ, обрушиться на крайній правый флангъ и въ обходъ его съ тыла. Въ Ханченпу находился одинъ только 10-й полкъ. Приближался критическій моментъ общей атаки, но резервовъ у насъ уже не было и подкрѣпить войска было нечѣмъ. Тогда рѣшили прибѣгнуть къ содѣйствию артиллеріи; батареямъ былъ указанъ порядокъ стрѣльбы по площадямъ, гдѣ предполагалось скопленіе большого числа японскихъ войскъ и было приказано стрѣлять на предѣльные, по дальности, дистанціи. Для наблюденія за результатами стрѣльбы были назначены особые офицеры. Это произвело хорошій эффектъ: уже первые залпы поселили среди японцевъ большое замѣшательство, большія массы ихъ войскъ разсыпались, люди старались укрыться въ фанзахъ или просто разбѣгались въ разныя стороны; потери ихъ были очень велики, по свѣдѣніямъ, армія Оку только у желѣзной дороги потеряла около 5.000 человекъ убитыми и 6.500 ранеными.

Такой успѣхъ нашей артиллеріи заставилъ японцевъ отказаться отъ дальнѣйшихъ наступательныхъ предпріятій, и вечеромъ 2-го октября войска наши остались на своихъ мѣстахъ. 2-го октября къ району дѣйствій подошелъ и 5-й сибирскій корпусъ и своимъ присутствіемъ обезпечилъ флангъ 6-го сибирскаго корпуса. На 3-е октября было назначено общее наступленіе всѣми частями, но въ то время,

Мирная бесѣда.

когда подготовка его артиллерійскимъ огнемъ была уже начата, вдругъ оно было отмѣнено. Причина такой внезапной отмѣны осталась невыясненной; могло быть, что это было послѣдствіемъ взятія японцами сопки съ деревомъ, на которой не удержались войска генерала Мау,—эта сопка, какъ мы уже говорили, фланкировала наши позиціи. Въ ночь съ 3-го на 4-е октября мы сопку отобрали обратно, вслѣдствіе чего положеніе японцевъ въ Шахепу сильно измѣнилось къ худшему и 7-го октября они очистили его окончательно. Въ исторіи борьбы за сопку съ деревомъ, впослѣдствіи названную Путиловскою, мы имѣемъ нѣкоторыя интересныя подробности въ иностранныхъ военныхъ сочиненіяхъ. Эта сопка была частью холмистой мѣстности на южномъ берегу Шахе къ западу отъ Шахепу. Она представляла собою двѣ возвышенности, раздѣленные между собою пространствомъ въ 2.000 шаговъ, которыя командовали всей окружающей мѣстностью и имѣли, такимъ образомъ, большое значеніе. На одной изъ этихъ вершинъ росло отдѣльное дерево, которое было видимо со всѣхъ точекъ горизонта. Высота эта была взята у насъ войсками генерала Ямата. 3-го октября, около 12 часовъ дня, генералъ Куропаткинъ приказалъ

взять эту сопку обратно. Для атаки ее были назначены части 1-го армейского корпуса и 1-го сибирского корпуса под общим начальством генерала Путилова. Войска эти были разделены на три колонны: в правую входили 19-й и 20-й вост.-

Въ бродъ.

сибир. стр. полки и одна рота Сѣвскаго полка, среднюю колонну составляли 86-й, 87-й и 88-й Семипалатинскій полки, а лѣвая состояла изъ 36-го в.-сиб. стр. полка. Всего 23 батальона. Временемъ для начала атаки сопки было назначено 6 часовъ вечера. Начальникъ отряда, находившагося передъ сопкой, послѣ полученія вышеупомянутаго приказанія Куропаткина поѣхалъ къ генералу Путилову, чтобы посоветоваться какъ лучше выполнить возложенное порученіе. Въ это время японская артиллерія буквально засыпала наши траншеи, находившіяся передъ сопкою. Офицеры, которые сидѣли въ этихъ траншеяхъ, чтобы не нести напрасныя потери отъ огня рѣшили между собою теперь

же, не откладывая до вечера, взять сопку у японцевъ, и рискъ этого предпріятія взялъ на себя одинъ изъ полковниковъ Вильманstrandскаго полка. Онъ увѣдомилъ о предпріятіи генерала Путилова, прося его поддержки, но послѣдній отвѣтилъ: „пусть атакуютъ, что касается меня, то я приду въ 6 часовъ вечера“. Атака началась въ 4 часа дня, батальоны 86-го, 87-го и 88-го пѣхотныхъ полковъ бросились на сопку въ штыки и послѣ непродолжительнаго, но жаркаго боя сбросили японцевъ съ высоты и захватили сопку съ деревомъ. Послѣ этого дали войскамъ нѣсколько оправиться и приготовились къ атакѣ западной высоты. Эта атака послѣдовала въ 7 часовъ вечера; она въ значительной мѣрѣ была уже облегчена взятіемъ высоты съ деревомъ. Она была произведена 19-мъ и 20-мъ вост.-сиб. стр. полками, поддержанными 36-мъ такимъ же полкомъ уже подъ руководствомъ генерала Путилова. Японцы подпустили атакующихъ на дистанцію ближняго ружейнаго огня, но, несмотря на убійственный огонь, стрѣлки ворвались во вражескіе окопы, гдѣ и завязалась отчаянная штыковая свалка. Начиная со 2-го октября въ 17-мъ армейскомъ корпусѣ дѣлались разныя попытки, чтобы отобрать у японцевъ занятую ими южную часть деревни Линшинпу, но при невозможности артиллерійской подготовки, вслѣдствіе недостатка снарядовъ, эти попытки не увѣнчались успѣхомъ, точно также не увѣнчались успѣхомъ и попытки японцевъ прорвать наше расположеніе; войска противниковъ такъ и остались стоять другъ противъ друга на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застала пріостановка боя.

Мы уже знаемъ, что въ составъ восточной группы войскъ, начальникомъ которой былъ назначенъ генералъ Штакельбергъ, входили: 1-й, 2-й и 3-й сибирскіе корпуса и

сибирская казачья дивизія, въ составѣ 72 батальоновъ, 106 скорострѣльныхъ пушекъ и 2 батальоновъ саперъ. Лѣвый флангъ этихъ войскъ обезпечивался отрядомъ генерала Ренненкампа, въ составѣ 13 батальоновъ, 26 орудій, 16 сотенъ при 4 горныхъ пушкахъ и одной саперной роты, и отрядомъ полковника Мадритова въ составѣ одного батальона, двухъ конно-охотничьихъ командъ, двухъ сотенъ и двухъ орудій. Въ общемъ резервъ за серединой всего нашего расположенія находились: 4-й сибирскій и 1-й армейскій корпуса. Согласно первому предположенію, расчетъ движенія былъ сдѣланъ такъ, чтобы къ тому времени, когда западная группа достигнетъ линіи Линшинпу-Сахепу-Лиодянтунъ, восточная группа должна была достигнуть линіи Падяцза-Хисинпу-Тайдямянцза. Далѣе задачи уже значительно разнились и въ то время, когда войска западной группы должны были пріостановиться и заняться укрѣпленіемъ занятыхъ позицій, войска восточнаго отряда должны были овладѣть непріятельскими позиціями у Баньяпуцза. Въ особой инструкціи, данной генералу Штакельбергу, ему указывалось не только атаковать правый флангъ противника, но и произвести еще охватъ его. Упоминалось также о демонстраціи западнаго отряда, посредствомъ которой надѣялись наибольшія силы врага притянуть къ ихъ лѣвому флангу, что должно было облегчить задачу восточнаго отряда. Отрядъ генерала Штакельберга раздѣленъ былъ на три колонны: правая состояла изъ 1-го сибирскаго корпуса подъ начальствомъ генерала Гернгросса; средняя—изъ 2-го сибирскаго корпуса подъ начальствомъ генерала Засулича, и лѣвая—изъ 3-го сибирскаго корпуса подъ начальствомъ генерала Иванова. Для исполненія возложеннаго порученія назначены были правая и лѣвая колонны, — лѣвая колонна должна была поддерживать связь съ отрядомъ генерала Ренненкампа и также атаковать Баньяпуцзу, а Ренненкампа долженъ былъ взять Синминтинъ и, двигаясь лѣвымъ берегомъ Тайцзыхе, наступать, равняясь по лѣвой колоннѣ. Былъ сформированъ особый конный самостоятельный отрядъ подъ начальствомъ генерала Самсонова, которому было поручено освѣщать мѣстность и производить развѣдки въ районѣ на пространствахъ Табегоу, Каотайцзы и Баньяпуцза — Сашиканцзы. Войска

Въ тылу позицій.

начали наступленіе утромъ 22-го сентября и безпрепятственно, не встрѣчая нигдѣ непріятеля, къ вечеру 23-го достигли со своими авангардами линіи Цадзятунъ, гдѣ остановился авангардъ 1-го сибирскаго корпуса. Импань, гдѣ сталъ авангардъ 2-го

сибирскаго корпуса, и Хуанлинь, гдѣ расположился авангардъ 3-го сибирскаго корпуса, ставъ у деревни Падзяца. Отрядъ генерала Самсонова 23-го сентября достигъ линіи Хуанлинь-Чаухуанцзай, его задачей было разыскать пути отъ линіи Табе-

гоу—Каотайцзы къ Баньяпуцзы и Сяншацзы, послѣднее было необходимо въ виду отсутствія удовлетворительныхъ картъ мѣстности, кромѣ того, генераль Самсоновъ поддерживалъ связь съ генераломъ Ренненкампфомъ, передовыя части котораго находились въ Сянсяцзы; другая часть кавалерійскаго отряда Самсонова подъ начальствомъ генерала Грекова находилась-Сяолихуецзы-Баньяпуцза и производила развѣдки подступовъ къ позиціи японцевъ отъ Баньяпуцзы къ Нанчжану и поддерживала связь съ кавалеріей западнаго отряда. Японцы занимали укрѣпленную позицію на высокомъ скалистомъ кряжѣ къ югу отъ Баньяпуцзы и стояли на два

фронта: правый былъ обращенъ на сѣверо-востокъ и простирался до меридіана Табегоу, а лѣвый—на юго-западъ, какъ видно изъ приложеннаго чертежа. Мѣста эти на выданную войскамъ карту нанесены не были, и мы не имѣли ни малѣйшаго представленія о свойствахъ мѣстности и не знали даже какъ туда пробраться, и разыскивали дороги. Кромѣ только что указанной главной позиціи, японцы имѣли еще передовую: на линіи Чанхезай-Бупазу-Хушитай. 24-го сентября войскамъ была дана дневка. Имѣя активную задачу нанесенія главнаго удара въ правый флангъ непріятеля, послѣ двухъ дней марша, казалось бы, не слѣдовало дѣлать остановку и терять напрасно время, дневка эта не вызывалась обстановкой, тѣмъ болѣе, что и усиленія ждать было неоткуда, такъ какъ извѣстно было, что общій резервъ генераль Куропаткинъ двинулъ впередъ для заполнения огромнаго промежутка между западной и восточной группами. 24-го сентября положеніе войскъ восточнаго отряда оставалось то же, что и наканунѣ, за исключеніемъ лишь 3-го сибирскаго корпуса, части котораго заняли деревню Чанхизай, да кавалеріи Самсонова, которая вытѣснила японцевъ изъ района перевала Шинхуалинь—Лидіадутанъ. Генераль Штакельбергъ рѣшилъ 26-го сентября атаковать передовую японскую позицію и поэтому продержалъ свои войска на мѣстахъ и все 25-е число, занимаясь подтягиваніемъ главныхъ силъ корпусовъ. Японцы, видя наши превосходныя силы и опасаясь обхода своихъ фланговъ, отошли съ передовой позиціи безъ боя и заняли главную на протяженіи отъ перевала Чегоулинъ до горы Лаутхелаза. Какъ только японцы оставили передовую позицію, наши авангарды вечеромъ 25-го сентября выдвинулись впередъ и заняли: 1-й корпусъ Сунмунцзу, гдѣ сталъ укрѣпляться и выдвинулъ передовой отрядъ къ Нанчжану, авангардъ 2-го корпуса занялъ пози-

Крушеніе поѣзда съ человѣческими жертвами.

цію къ юго-востоку отъ Видзигоу, гдѣ тоже укрѣпился, 3-й сибирскій корпусъ, наступавшій двумя колоннами, правой дошелъ до деревни Холоудзягоу, а лѣвой до высоты деревень Чуйгапуцза—Лидіатунъ. Значительно впередъ подалась конница

КАРТА, ВЫШЕДШАЯ ИЗ РАССПРОСЖЕНІИ ВОЙСКО
И ШТАБОВЪ ВОСТОЧНАГО ОТРАДА ВЪ ДНИ
БЕГЪ НА Р. ДНІПРѢ.
ВЪ 1917 ГОДУ.

№ 13

1:50,000

548

гласила: „Диспозицію получилъ, предлагаю ограничиться завтра 26-го атакою только передовой позиціи у Беняпуцза“, и другая слѣдующаго содержанія: „Если противникъ угрожаемый обходомъ генерала Иванова очиститъ передовую позицію сего 25-го сентября или въ ночь на завтра безъ боя, я все же не признаю насъ достаточно подготовленными, въ особенности со стороны участія въ атакѣ генерала Ренненкампа и войскъ 4-го корпуса, дабы завтра 26-го атаковать главную позицію. Назначаю для атаки главной позиціи 27-е. Если встрѣтятся большія затрудненія въ условіяхъ мѣстности и въ многочисленности против-

Укрѣпленіе деревни Сифунтуанъ.

ника, то таковую атаку вести послѣдовательно въ теченіи нѣсколькихъ дней“. Такимъ образомъ теперь уже Куропаткинъ задерживаетъ наступленіе, что далеко не характеризуетъ собою рѣшительнаго удара на правый флангъ непріятеля. Несмотря, однако, на категорическое назначеніе атаки на 27-е сентября, генераль Штакельбергъ, вѣроятно сильно увлеченный первымъ успѣхомъ въ видѣ очищенія японцами передовой позиціи, 26-го числа двигаетъ ввѣренныя ему войска впередъ и даетъ имъ задачей овладѣть долиной переваловъ Чегоулинъ—Тумынлинъ и деревни Уй-

4-я батарея 28-й артиллер. бригады во время боя подъ Мукденомъ.

нюнинъ и овладѣть бродами черезъ Тайцзыхе у Іансуля. Генералу Ренненкампу было предложено наблюдать пространство къ юго-востоку отъ Сянянцзы. Отрядъ Самсонова долженъ былъ занять Бенсиху, а конница Грекова содержать связь съ кавалеріей западнаго отряда. Наступленіе началъ 1-й сибирскій корпусъ двумя колоннами, но правая колонна, назначенная къ Нанчжану, не

могла выйти къ этому пункту, не найдя къ нему дороги, она запуталась между сопками и вышла въ тылъ своей лѣвой колоннѣ, свернувъ на Шанпин-

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

тайцзы. Здѣсь колонна приостановилась, думая черезъ Чоусалинскій переваль пройти къ Нанчжану. Несомнѣнно, что къ этому пункту были и другія, болѣе прямая дороги, но, за отсутствіемъ сколько-нибудь сносныхъ картъ, мы ихъ не знали. Лѣвая колонна, подойдя къ Баньяпуцза, выслала два авангарда: одинъ на Сяншацзы, другой на Тавангоу. Лѣвый авангардъ подъ начальствомъ полковника Мусхелова попалъ подъ огонь японской батареи у деревни Яддагай, другой же авангардъ подполковника Лисовскаго продвинулся къ югу къ Бенсиху и черезъ Сяншацзы вошелъ въ связь съ 24-мъ вост.-сиб. стр. полкомъ, входившимъ въ составъ 3-го сибирскаго корпуса. Главныя силы лѣвой колонны 1-го сибирскаго корпуса расположились у деревни Сянчигуза. Боковой отрядъ вошелъ въ связь съ 4-мъ сибирскимъ корпусомъ отряда генерала Зарубаева, къ этому моменту уже выдвинутого впередъ,

Загражденіе изъ кольевъ, частью разрушенное взрывомъ динамитныхъ патроновъ. Вдали проволочныя загражденія. Группа съ ген. Линевичемъ.

и совмѣстно съ его войсками выбилъ непріятеля, занимавшаго деревню Халентай. Этотъ отрядъ занялъ также деревню Сихуецзы и къ вечеру 26-го сентября еще Падіазу. Конница генерала Грекова, шедшая впереди бокового отряда, заняла деревню Мяохунпу. Генераль Самсоновъ свернулъ на юго-западъ и наткнулся у высотъ Тумынлинскаго перевала на непріятеля; на поддержку ему со стороны Ліушидія былъ посланъ 24-й вост.-сиб. стр. полкъ, но тутъ японцы оказали столь сильное сопротивленіе, что стрѣлки вынуждены были отойти и заняли позицію къ югу отъ Сяншацзы. 2-й сибирскій корпусъ, находившійся въ центрѣ и игравшій роль резерва восточнаго отряда, вечеромъ 26-го сентября расположился въ районѣ между Баньяпуцза и Сяопинтайцзы. Главныя силы 3-го сибирскаго корпуса къ вечеру 26-го числа стали у деревни Югу, оттуда былъ посланъ на лѣвый берегъ Тайцзыхе отрядъ подъ

начальством полковника Дружинина, который и занял позицию против Уйнюнина. Отряд генерала Ренненкампа шел по долине левого берега Тайцзыхе двумя колоннами; правая шла правым берегом реки, под начальством генерала Петерева, и, дойдя до деревни Ходягоу, наткнулась на японцев. Начался бой, который поддерживали два батальона с 6-ю горными пушками, выдвинутыми из 3-го сибирского корпуса к югу от Каотайцзы, чтобы поддержать не дошедший трех верст и остановленный наш отряд. Бой у Ходягоу не кончился для нас ничем, японцы удержались на занятой ими позиции. Казалось, что наше наступление имело успех, но мы не могли получить никаких данных ни о позиции противника, ни о том, как она занята неприятелем, и не могли обнаружить, какие силы перед нами; плохая карта с множеством совсем не зачерченных мест не давала возможности судить о впереди лежащей местности, приходилось действовать с закрытыми глазами, что приводило нас к неожиданным и плачевным результатам. Прежде чем решиться на что-нибудь, необходимо обрекогносцировать как местность, так и неприятеля,—очевидно, это сознавал и Куропаткин, потому что рекомендовал Штакельбергу особую осторожность при дальнейшем наступлении. Видя полную невозможность разобраться в расположении противника, Штакельберг отдал на 27-е число нижеследующее приказание:

„*) Вверенному мне восточному отряду завтра оставаться на занятых местах:

„1-му сибирскому корпусу занять главными силами деревню Сяшичаза и пункт к северо-востоку от Нанчжанпу, имея авангарды на линии Сяшичанцзы-Тавангоу-Тумынлин“.

„3-му сибирскому корпусу—главными силами следовать на деревни Каотайцзы и Югуае, имея авангарды у деревни Уйнюнин“.

„2-му сибирскому корпусу, составив общий резерв, расположиться у Баньпуцзы“.

„Завтра 27-го употребить на рекогносцировку неприятельских передовых позиций, каждому корпусу в своем районе, с целью выяснить подступы к этим позициям и главным образом обходные пути в тыл их. Кроме того, должны быть выяснены силы противника на занимаемых ими позициях“.

Позиция Тобольского полка у дер. Ламатунь.

*) Сообщения, читанные в Академии Генер. Штаба.

„Конницѣ генерала Самсонова перейти изъ Сяншацзы въ Хоелинъ, откуда производить развѣдку въ долину Куалинза—Бенсиху и служить связью между 1-мъ и

Улица Гирина.

3-мъ корпусами. Изслѣдовать всѣ пути до тропъ включительно, которые ведутъ въ названную долину, въ обходъ занятыхъ противникомъ переваловъ“.

„Охрана лѣваго фланга обеспечивается отрядомъ генерала Ренненкампа, котораго прошу содѣйствовать наступленіемъ на Бенсиху лѣвымъ берегомъ Тайцзыхе, выставивъ предварительно заслонъ въ деревню Сяндзяцзы для обезпеченія тыловаго пути 3-го корпуса“.

Такимъ образомъ, генераль Штакельбергъ 27-е простоялъ

на мѣстѣ и его войска занимались мелкими стычками съ непріателемъ, стараясь такимъ путемъ добыть какія-нибудь свѣдѣнія о расположеніи противника. Но къ концу 26-го числа воззрѣнія Куропаткина на характеръ дѣйствій восточнаго отряда мѣняются, и, вмѣсто рекомендованной раньше осторожности, онъ на 27-е сентября посылаетъ генералу Штакельбергу слѣдующее приказаніе: „*) Предлагаю вамъ съ войсками восточнаго отряда произвести захожденіе лѣвымъ флангомъ впередъ. Опираясь этимъ флангомъ въ рѣку Тайцзыхе, двигайтесь въ направленіи на западъ противъ праваго фланга расположенія противника. Тѣсня передъ собою тѣ силы японцевъ, которыя будутъ противъ васъ выставлены, имѣйте цѣлью движенія занять фронтъ отъ Тайцзыхе у деревни Каквантуня на лѣвомъ флангѣ до высотъ къ востоку отъ деревни Тянгоу на правомъ“.

Транспортъ раненыхъ.

„Для обезпеченія тыла и лѣваго

фланга выдѣлите достаточныя силы. Предложите генералу Ренненкампу временно оставаться въ Бенсиху, охраняя Тайцзыхе къ востоку отъ этого пункта“.

*) Сообщенія, читанныя въ Академіи Генеральнаго Штаба.

„Вашъ правый флангъ будетъ обезпеченъ расположеніемъ 4-го сибирскаго корпуса и бригады 31-й дивизіи, которая заняла сего числа высоты восточнѣе Танхайши“.

„Возможно безотлагательно дайте мнѣ знать, до какихъ пунктовъ полагаете вы достигнуть завтра къ вечеру 28-го сентября. Сего числа главныя силы 4-го сибирскаго корпуса ночуютъ у Хамытана“.

„Донесите о дѣйствіяхъ сего числа къ 27-го сентября“.

Это приказаніе было получено Штакельбергомъ 27-го числа, писано же было Куропаткинымъ 26-го въ 11 часовъ вечера.

Имѣя въ виду прежнія указанія генерала Куропаткина и удивленный такой перемѣной направленія, происшедшей всего въ нѣсколько часовъ времени, генераль

Освященіе воды.

отвѣтилъ телеграммой, въ которой подробно описывалъ положеніе восточнаго отряда: „Предписаніе № 10053 получилъ. Противникъ занимаетъ сильную позицію на линіи Бенсиху 2 Чаняпуца фронтомъ на сѣверо-востокъ, владѣя впереди сильно укрѣпленными позиціями на перевалахъ, какъ передовые опорные пункты: Ченгоулинъ, Тумынлинъ и три ряда переваловъ на пути Бенсиху—Уйнюнинъ. Сегодняшній день назначенъ для производства рекогносцировокъ подступовъ путей обходовъ передовыхъ позицій, а завтра, 28-го сентября, предполагалъ атаковать лишь передовыя позиціи. Видимо мое донесеніе, выясняющее обстановку моего отряда, вы еще не получили. Предписанное мнѣ захожденіе могу лишь выполнить, когда займу позицію у Бенсиху, что выполнить лишь 29-го, 30-го сентября при нормальномъ и благополучномъ для насъ ходѣ дѣлъ у меня въ отрядѣ. На имѣющихся у насъ картахъ, районъ предстоящаго мнѣ наступленія представляетъ собою бѣлое пятно, съ указаніемъ лишь одного пути съ востока на западъ (изъ Бенсиху къ Янтай-

скимъ копьямъ) безъ всякаго рельефа, а между тѣмъ мѣстность, по которой намъ приходится идти, чрезвычайно гориста и для артиллеріи врядъ ли проходима. От-

сутствие дорогъ на картѣ лишаетъ меня даже возможности назначить колонные пути, для выбора которыхъ мнѣ въ будущемъ придется назначить развѣдки. Такъ напри- мѣръ, дорога изъ Тангоу черезъ Падьяза въ Ліухедзы у перевала Чуасанлинъ—тропа, совершенно непроходимая для артил- леріи и обозовъ“.

„О вышеуказанномъ доношу въ ожиданіи дальнѣй- шихъ приказаній“.

„Если въ штабѣ арміи имѣются карты назначеннаго мнѣ для дѣйствія района, то ходатайствую о высылкѣ ихъ“.

На это былъ полученъ краткій отвѣтъ: „Директивы, данныя вамъ, остаются въ силѣ. Время исполненія опе- раціи предоставляется вашему усмотрѣнію, но нельзя те- рять ни одного дня безъ серьезной въ томъ надобности, въ особенности если противъ васъ небольшія силы“.

Ген. Ивановъ рекогносцируетъ
дер. Сандепу.

Послѣ этого генераль Штакельбергъ отдалъ слѣ- дующій приказъ: „Завтра 28 сентября предписываю атаковать противника на его передовыхъ позиціяхъ съ цѣлью сбить его съ послѣднихъ и во что бы то ни стало занять перевалы“.

Надо замѣтить, что къ этому времени выдвинутый впередъ 4-й сибирскій кор- пусъ остановился на мѣстѣ и сталъ укрѣплять позицію, 1-й армейскій корпусъ стоялъ въ окрестностяхъ Ліуфантуня и 6-й корпусъ у Шеншинпу, только же что переправившійся на лѣвый берегъ 5-й корпусъ расположился у Сянсинтайцзы. Во исполненіе вышеприведеннаго приказа генерала Штакельберга, войска приступили къ атакѣ японской позиціи къ сѣверу отъ Бенсиху, 1-й и 3-й сибирскіе корпуса на- ходились въ боевой линіи, 2-й сибирскій корпусъ со- ставлялъ общій резервъ и продвинулся къ деревнѣ Ся- шичауза. 1-му сибирскому корпусу была поставлена за- дача сшибить противника съ переваловъ Ченгоулинъ и Тумынлинъ, 3-й же сибир- скій корпусъ долженъ былъ сбросить ихъ съ переваловъ

Китайскіе военные, объѣзжающіе районъ расположенія русскихъ войскъ 16-го корпуса, близъ ст. Мепшацзы (В.-К. ж. д.).

по дорогѣ Уйнюнинъ-Худягоу и, двигаясь далѣе по лѣвому берегу Тайцзыхе въ тылъ позиціи Бенсиху, способствовать атакѣ 1-го сибирскаго корпуса. Отряды Ренненкампа

и Самсонова были подчинены командиру 3-го сибирского корпуса. Въ боевой части 1-го сибирского корпуса было введено 58 батальоновъ, 28 эскадроновъ и сотенъ и 122 орудія. Съ утра началась артиллерійская подготовка и бой длился цѣлый день, мы приблизились къ непріятелю на ружейный выстрѣлъ, кое-гдѣ и ближе, но прогнать японцевъ съ переваловъ не могли. Въ одномъ мѣстѣ стрѣлки наткнулись на отвѣсныя скалы и сильно поражаются огнемъ, взобраться же на нихъ или обойти не было никакой возможности. Обходъ праваго фланга противника тоже не удался. Кавалерія Самсонова наткнулась на значительныя силы, и генералъ Любавинъ долженъ былъ отойти къ Уйнюнину. Бой былъ крайне труденъ, капризно набросанныя сопки не позволяли видѣть общаго положенія дѣла, а горное эхо, обманывающая слухъ, мѣшало судить о мѣстѣ, гдѣ въ дѣйствительности происходилъ бой. Невѣрно сведенные маршруты были причиною, что войска блуждали и натыкались на неожиданныя и трудно одолимые препятствія. Управлять боемъ приходилось посредствомъ разсылки ординарцевъ, которые также блуждали и путались, и приказанія и донесенія или совсѣмъ не попадали туда, куда слѣдовало, или запаздывали и приходили не во-время. Ко всѣмъ этимъ трудностямъ горнаго боя надо еще прибавить нашу неприспособленность къ горной войнѣ вообще, и тогда становится совершенно яснымъ, насколько неправильно было рѣшеніе Куропаткина нанести главный ударъ непріятелю въ горахъ. Общая обстановка дѣла 28-го сентября сложилась для насъ неблагопріятно. 4-й сибирскій корпусъ вынужденъ былъ отойти назадъ и правый флангъ 1-го сибирского корпуса оказался такимъ образомъ открытымъ, и къ вечеру японцы стали обходить 3-й вост.-сиб. стр. полкъ. Для противодѣйствія этому обходу былъ выдвинутъ 20-й вост.-сиб. полкъ. Къ вечеру 28-го сентября генералъ Штакельбергъ отдалъ слѣдующія приказанія: „Немедленно ночью, пользуясь темнотою, оттянуть съ боевой линіи все, что можно, для усиленія корпусныхъ резервовъ“.

„На занятыхъ позиціяхъ окопаться“.

„Отрядный резервъ, усиленный частью артиллеріи 3-го сибирского корпуса, сосредоточить у деревни Сяопинтайцзы и укрѣпить здѣсь позицію на случай наступленія японцевъ между 4-мъ сибирскимъ корпусомъ и правымъ флангомъ восточнаго отряда, выдвинувъ два полка съ двумя батареями на высоты Вайтошанъ и двурогую сопку“.

Гаубица 1-й мортирной артиллерійской дивизіи.

„При дальнѣйшемъ отступленіи 4-го сибирскаго корпуса подъ натискомъ противника оставить на сопкахъ съ кумирней и двурогой—самыя незначительныя части, а съ остальными войсками резерва энергично перейти въ наступленіе отъ горы Вайтошанъ во флангъ и тылъ японцамъ, тѣснящимъ войска 4-го сибирскаго корпуса“. Въ это же время, т. е. 28-го числа, вечеромъ, генералъ Сахаровъ запиской увѣдомилъ генерала Штакельберга о положеніи дѣлъ въ западномъ отрядѣ. „Съ ранняго утра японцы на всемъ фронтѣ западнаго отряда перешли въ наступленіе и атаковали наши авангардныя позиціи на линіи Улиге-Шилихе-Фендіатунъ,—высота сѣвернѣе деревень Тапу и Утыасъ. Одновременно они повели атаку на позицію, занятую

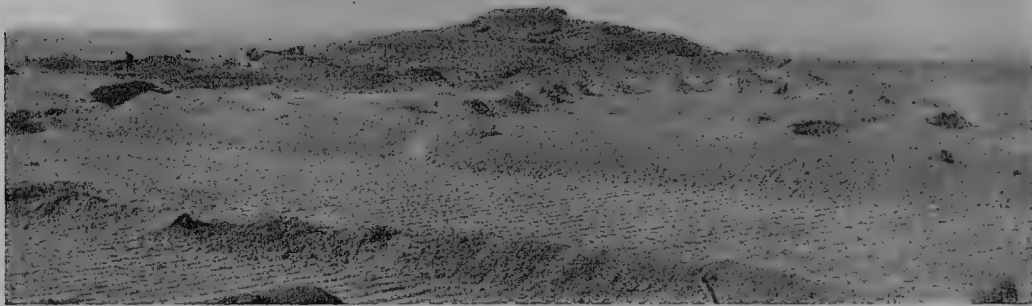

Монетный дворъ въ Мукденѣ.

4-мъ сибирскимъ корпусомъ на высотахъ лѣвѣе деревень Лихуенцзы и Мяохоану. Бой принять, чтобы дать закончить обходное движеніе. Особенно настойчиво направлялись атаки на позицію 4-го сибирскаго корпуса и на высоты сѣвернѣе деревень Тапу и Утыасъ. До сихъ поръ мы удержали всѣ наши авангардныя позиціи“. Неудавшуюся намъ днемъ 28-го числа атаку генералъ Штакельбергъ рѣшилъ повторить ночью на 29-е, но атаковать ночью было крайне опасно, весьма вѣроятная неудача такой атаки могла поставить весь отрядъ въ критическое положеніе, да кромѣ того, если бы эта атака и удалась, то позади японцы имѣли еще другія, почти неприступныя позиціи, овладѣть которыми у насъ не хватило бы силъ, притомъ же угрожала опасность обхода праваго фланга восточнаго отряда. Все это заставило генерала Штакельберга отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій и перейти къ оборонительнымъ, по возможности сокративъ сильно растянутый фронтъ корпусовъ боевой линіи. Съ этою цѣлью 29-го сентября открыли сильный артиллерійскій огонь, чтобы замаскировать отходъ войскъ съ занятыхъ позицій. Впрочемъ, отдѣльныя

попытки овладѣть перевалами имѣли мѣсто и 29-го сентября. Ночью въ этотъ день 34-й и 36 вост.-сиб. стр. полки задумали овладѣть восточнымъ Тумынлинскимъ пере-

„Путиловская горка“ (или сопка). Видъ съ юго-востока.

валомъ, они съ бою взяли три сопки, но не успѣли на нихъ окопаться, и днемъ, понеся большія потери, должны были отдать ихъ обратно. Средняя колонна 1-го сибирскаго корпуса безуспѣшно атаковала западный Тумынлинскій переваль, а 4-й вост.-сиб. стр. полкъ, находившійся на крайнемъ правомъ флангѣ, долженъ былъ очистить Мяохоапу и отошелъ къ сѣверу отъ деревни Лиухуецзы, которую японцы немедленно и заняли. Противъ же нашего крайняго лѣваго фланга японцы перешли въ рѣшительное наступленіе. Самсоновъ, наткнувшійся на превосходныя силы противника, отошелъ назадъ и тѣмъ обнажилъ правый флангъ генерала Петерева, дѣйствовавшаго на правомъ берегу Тайцзыхе, который также отошелъ назадъ. Въ это время отъ генерала Куропаткина было получено приказаніе: „Предлагаю немедленно по полученіи сего, двинуть весь свободный резервъ 2-го сибирскаго корпуса на временное присоединеніе къ 4-му сибирскому корпусу. Сопку у Янсинтуня обезпечить однимъ батальономъ съ нѣсколькими орудіями. Желательна присылка 10 батальоновъ“. Съ этого момента начинается между Куропаткинымъ и Штакельбергомъ цѣлая полемика изъ-за резерва восточнаго отряда и Куропаткинъ начинаетъ вмѣшиваться въ распоряженія Штакельберга и отдавать приказанія ввѣреннымъ послѣднему войскамъ отъ себя, лишь увѣ-

Братскія могилы.

домляя только объ этомъ Штакельберга. Въ отвѣтъ на послѣднее приказаніе Куропаткина Штакельбергъ отвѣтилъ донесеніемъ: „За ночь положеніе измѣнилось. Части восточнаго отряда остались на мѣстахъ. 1-й корпусъ имѣетъ въ корпусномъ

Артиллерійская позиція.

резервѣ полкъ, въ отрядѣ генерала Иванова общій резервъ 5 батальоновъ; резервъ восточнаго отряда 2-й корпусъ эшелонированъ между деревнями Сяшичауза - Сяопитайцзы, имѣя въ заслонѣ одинъ полкъ на дорогѣ - тропѣ Шанпинтайцзы - Нанчжанъ ближе къ послѣднему. Сейчасъ началась сильная оружейная и ружейная стрѣльба на моемъ правомъ флангѣ. Если противъ ожиданія 4-й корпусъ начнетъ отступать и тѣмъ обнажить мой правый флангъ, а противникъ, воспользовавшись

свободнымъ промежуткомъ, перейдетъ въ этомъ направленіи въ наступленіе, то своимъ резервомъ (14 батальоновъ) я перейду въ наступленіе въ направленіи на правый флангъ противника отъ Баньяпуцзы. 1-й же и 3-й корпуса будутъ сдерживать японцевъ на занимаемыхъ нами позиціяхъ съ фронта. Желательно, чтобы 4-й корпусъ движеніемъ противъ лѣваго фланга, прорывающаго противника, оказалъ намъ содѣйствіе“.

Генераль Куропаткинъ хочетъ оттянуть отъ Штакельберга его резервъ въ распоряженіе генерала Зарубаева, а Штакельбергъ старается отдѣлаться отъ этого и предлагаетъ поддерживать Зарубаева своими операціями противъ праваго

Такъ называемая „сосновая роща“ (кладбище), впереди (южнѣе) Путиловской сопки. Здѣсь при взятіи нами сопки долго держались японскіе резервы.

фланга японцевъ, наступающихъ противъ послѣдняго. У генерала же Зарубаева дѣла находились въ слѣдующемъ положеніи: утромъ 29-го сентября 4 батальона и двѣ батареи занимали позицію на сопкахъ къ востоку отъ Сяолихуецзы, остальные же силы и отрядъ генерала Мищенко были у Хамычана. Японцы въ этотъ день повели

настойчивое наступление, обходя правый фланг генерала Коссовича, командовавшего войсками у Сяолихуецзы. Бой был очень упорный и въ него ввязались части корпуснаго резерва и отрядъ генерала Мищенко. Въ 10 часовъ утра Куропаткинъ писалъ генералу Зарубаеву слѣдующее: „Предусматривая, однако, потери вами занимаемыхъ позицій, предлагаю, въ такомъ случаѣ, при отходѣ имѣть общее направленіе на Эрдагоу. Отходя, задерживаться на каждомъ шагу, а на позиціяхъ, сѣвернѣе Хамытана, оказать упорное сопротивленіе. Въ случаѣ вынужденнаго вами, послѣ упорнаго боя съ превосходнымъ противникомъ, оставленія занимаемыхъ нынѣ позицій, предоставляю вамъ право моимъ же именемъ потребовать отъ начальника восточнаго отряда, чтобы онъ двинулъ на Фындяпу 2-й сибирскій корпусъ, который поступитъ вамъ въ подчиненіе. Начальникъ восточнаго отряда вмѣстѣ съ симъ объ этомъ предупреждается“. Къ полудню 29-го сентября нашъ отрядъ долженъ былъ отойти къ Хамытану, но передъ этимъ отходомъ было получено подкрѣпленіе въ видѣ трехъ полковъ 22-й пѣхотной дивизіи. Вслѣдствіе этого генералъ Зарубаевъ рѣшилъ отказаться отъ содѣйствія 2-го корпуса и увѣдомилъ объ этомъ генерала

Позиція 4-й батареи 5-й В.-С. стр. артилл. бригады у дер. Сязантай. Впереди виднѣется передовая позиція 20-го В.-С. стрѣлковаго полка.

Деревня Сязантай.

Штакельберга, но было уже поздно: 2-й сибирскій корпусъ уже былъ выдвинутъ въ юго-восточномъ направленіи и у генерала Штакельберга въ резервъ не оставалось ни одного человѣка. Такимъ образомъ теперь уже стало очевиднымъ, что о наступленіи восточнаго отряда не могло быть рѣчи. Штакельбергъ долженъ былъ занять оборонительное положеніе и долженъ еще подумать объ отводѣ частей, бывшихъ въ боевой линіи, для образованія хотя какого-либо резерва, на который

можно было бы опереться при предстоящемъ отступленіи всего его отряда. Куропаткинъ, кажется, этого не сознавалъ и потому медлилъ отдавать приказаніе объ отступленіи восточнаго отряда. 30-го сентября противъ 1-го и 3-го корпусовъ дѣйствія японцевъ

не имѣли рѣшительнаго характера, они главныя усилія направили въ образовавшійся въ нашемъ расположеніи интервалъ послѣ отхода на сѣверъ 4-го корпуса. Японцы вели въ этомъ направленіи атаку за атакой, но 3-й вост.-сиб. стр. полкъ на Чесоулинскомъ перевалѣ и 30-й такой же полкъ, ставшій уступомъ позади, отбили всѣ атаки противника и удержались на перевалѣ. Въ 4-мъ же корпусѣ въ этотъ день дѣло было очень плохо, онъ едва держался подъ напоромъ японцевъ; при этомъ, 30-го сентября генераль Зарубаевъ получилъ слѣдующую записку отъ Куропаткина: „Ночью японцы вынудили 17-й корпусъ къ отступленію къ рѣкѣ Шахе, за 17-мъ отступилъ и 10-й. Вынужденнымъ нахожусь приказать очистить занимаемые вами позиціи къ югу отъ

Солдатъ отдыхаетъ на 6-ти дюймовомъ японскомъ снарядѣ.

Янсанзая и отойти нѣсколько къ сѣверу на позицію по вашему усмотрѣнію“. Указанное отступленіе началось съ наступленіемъ темноты, около 6 часовъ вечера. Въ это же время генераль Куропаткинъ разрѣшилъ 2-й сибирскій корпусъ оставить въ распоряженіи генерала Штакельберга и сообщилъ ему объ этомъ. Тогда послѣдній выдвинулъ этотъ корпусъ на выручку своего отряда у Чаоулинскаго перевала и на помощь 4-му корпусу. По этому поводу онъ доносилъ генералу Куропаткину: „Въ 9 часовъ 45 минутъ получилъ сего числа увѣдомленіе начальника штаба арміи, отъ 10 часовъ 15 минутъ вечера 29-го сентября, о томъ, что 2-й корпусъ возвращенъ

въ мое распоряженіе, почему мною сдѣланы распоряженія о выдвиженіи части силъ къ правому флангу 1-го сибирскаго корпуса, съ цѣлью парализовать выяснившійся здѣсь обходъ противника занятаго нами Чаусанлинскаго перевала и оставленія полка съ батареями на гребняхъ, окаймляющихъ долину Баньяпуцза-Янсинутъ съ южной стороны, остальной резервъ полагалъ поставить къ юго-западу отъ Баньяпуцза. Въ 11 часовъ утра сего же числа я получилъ ваше второе предписаніе отъ 5 часовъ утра, гдѣ мнѣ предписывалось немедленно съ полученіемъ сего двинуть весь свободный резервъ 2-го сибирскаго корпуса на временное присоединеніе къ 4-му корпусу. Такъ какъ первыя мои распоряженія по первому предписанію уже приводились въ исполненіе, то немедленно отправилъ на помощь 4-му корпусу 6 съ половиной батальоновъ при 4-хъ батареяхъ и одномъ эскадронѣ Приморскихъ драгунъ. Черезъ нѣкоторое время пришлю еще полтора батальона. Отрядъ этотъ подъ начальствомъ генерала Алексѣева направленъ отъ мѣста общаго резерва въ направленіи на деревню Хамытанъ. Остальныя части 2-го корпуса прикрываютъ проходъ по гребнямъ и долинамъ массива, къ югу отъ линіи Янсуньтунъ-Баньяпуцза, въ направленіи на послѣднюю деревню, въ тылъ 1-го сибирскаго корпуса. Сейчасъ получилъ послѣднее ваше предписаніе отъ 10 часовъ утра, объ отходѣ на сѣверъ, каковое исполню съ наступленіемъ темноты“. Только теперь, наконецъ, генераль Куропаткинъ созналъ полную

неудачу задуманнаго имъ наступленія и послалъ Штакельбергу слѣдующее предписание: „17-й корпусъ потерпѣлъ неудачу и вынужденъ былъ къ отступленію на линію рѣки Шахе“.

„Эта неудача въ связи съ неуспѣхомъ дѣйствій восточнаго отряда по овладѣнію имъ перевалами, вынуждаетъ меня отказаться отъ задачи, поставленной восточному отряду, и отвести войска восточнаго отряда къ сѣверу, съ цѣлью установить ближайшую связь восточнаго отряда съ прочими частями арміи“.

„Отходъ 17-го корпуса, а за нимъ и 10-го корпуса образовалъ между расположеніемъ 4-го сибирскаго корпуса и расположеніемъ ввѣренныхъ вамъ войскъ прорывъ“.

„Мною приказано 4-му сибирскому корпусу удержаться у Хамытана“.

„Предлагаю вамъ отказаться отъ дальнѣйшихъ дѣйствій по овладѣнію перевалами; стянуть ввѣренныя вамъ войска и занять положеніе, обеспечивающее лѣвый флангъ арміи“.

„Стягиваніе войскъ необходимо произвести возможно быстро, ибо дальнѣйшая неудача на правомъ флангѣ арміи можетъ повести къ отступленію къ Мукдену праваго фланга арміи завтрашняго числа“.

„Передайте мое приказаніе генералу Ренненкампу перейти въ Сянцяцзы и обезпечить армію отъ японскихъ силъ въ направленіи его бывшихъ путей наступленія“.

„Пришлите неотлагательно донесеніе, когда и какъ предполагаете вы собрать 2-й и 3-й корпуса и части 2-го корпуса, не вошедшія въ составъ резерва, двинутаго къ генералу Зарубаеву“.

Какъ только генералъ Штакельбергъ получилъ обратно свой 2-й сибирскій корпусъ, онъ сейчасъ же, около 12 часовъ дня 30-го сентября, выслалъ 19-й вост.-сиб. стр. полкъ и три батальона 18-го такого же полка, одинъ батальонъ Читинскаго пѣхотнаго полка, три батареи и одну пѣшую охотничью команду на сопку съ кумирней подъ начальствомъ генерала Алексѣева. Сопка съ кумирней и двурога

Унтеръ-офицеры 13-й роты Нѣмовъ и Переваловъ на развѣдкѣ непріятельской позиціи у Шахэлу.

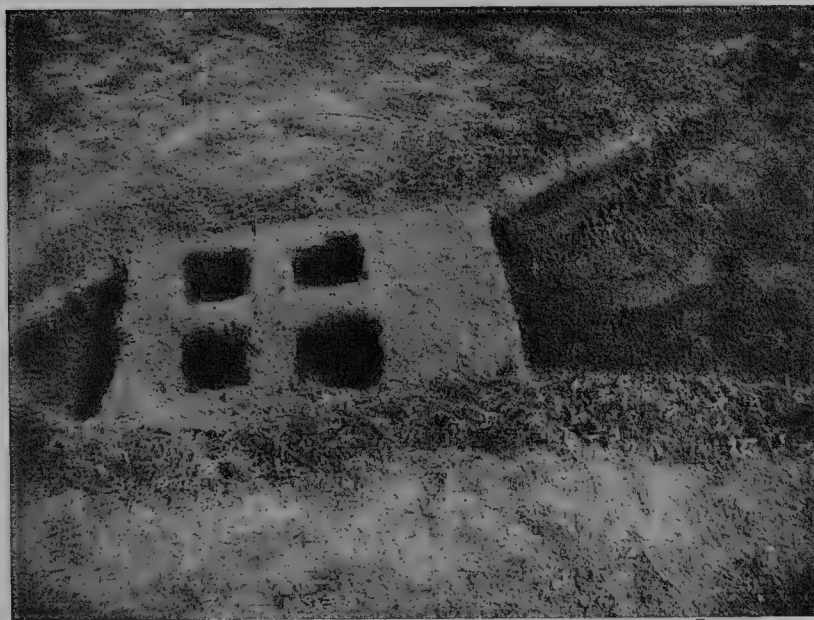

Землянки на позиціи въ гаолянѣ.

Унтеръ-офицеры 13-й роты Нѣмовъ и Переваловъ на развѣдкѣ непріятельской позиціи у Шахэлу.

сopка были заняты однимъ непріятельскимъ батальономъ каждая. Остальныя части 2-го корпуса находились въ резервѣ. Впереди былъ цѣлый рядъ высотъ, оканчивавшихся большой сопкой съ камнемъ. Эта сопка также, какъ и сосѣдняя съ ней, была

Очаги капитана фонъ-Рентель для солдатскихъ котелковъ (примѣнявшіеся на войнѣ 1904—1905 г.).

занята противникомъ. Одинъ батальонъ 18-го полка съ фронта, другой батальонъ Читинскаго полка слѣва двинулись въ атаку большой сопки съ камнемъ, батареи наши стали усиленно обстрѣливать ее огнемъ. Японцы атаки не выдержали и отошли въ долину Ліухецзы. Сопка была взята нами, что и задержало яростное наступленіе японцевъ противъ генерала Зарубаева. Около 9-ти часовъ вечера въ восточномъ отрядѣ была получена лаконическая телеграмма Куропаткина: „Дѣ-

layте немедленное распоряженіе для отхода восточнаго отряда на высоту Баньяпуцзы, армія заняла фронтъ на рѣкѣ Шахе“.

Во исполненіе этого приказанія, войска восточнаго отряда къ 1-му октября расположились такъ: 1-й сибирскій корпусъ занялъ высоты къ сѣверу отъ Баньяпуцзы, 3-й сибирскій корпусъ сталъ на линіи Чанхизай-Уанфанлинъ-Хуаньчинъ, 2-й же сибирскій корпусъ занялъ позицію между деревнями Сяосинтунъ и Суншупуцзай.

Такъ плачевно окончилось знаменитое куропаткинское наступленіе, столь громко имъ оповѣщенное, столь слабо имъ задуманное и столь плохо исполненное. Мы во время этой операціи понесли огромныя потери, цифра которыхъ простиралась до 45.000 человѣкъ; даже превосходство въ силахъ не помогло Куропаткину сдѣлаться побѣдителемъ, мы были разбиты еще разъ и въ армію стала проникать мысль, что и вся война проиграна.

Чтобы уяснить вполнѣ детальную картину происшедшаго и увидѣть тѣ промахи и ошибки, которые мы надѣлали и которые привели насъ къ неудачѣ, надо разсмотрѣть что дѣлалось въ это время у нашего противника и въ какомъ положеніи онъ находился. Въ началѣ сентября 1-я японская армія стояла на правомъ флангѣ всего ихъ расположенія, развернувшись въ восточномъ и западномъ направленіяхъ, такъ что правый флангъ ея, 12-я дивизія, упирался въ янтайскія копи, лѣвый флангъ, гвардія, доходилъ до линіи желѣзной дороги, резервная же бригада Умецавы въ это время находилась въ гористомъ участкѣ у Пинтайцзы съ цѣлью прикрытія Бенсиху, важнаго стратегическаго пункта, черезъ который проходила коммуникаціонная линія 1-ой японской арміи на Чаотао. Уже 4-го сентября Умецава былъ

атакованъ нашимъ отрядомъ въ составѣ 8 батальоновъ при 8 орудіяхъ, но атаквали такъ вяло и нерѣшительно, что японцы приняли атаку за простую рекогносцировку. Оторванное положеніе Умецавы въ чрезвычайно гористой мѣстности сильно беспокоило генерала Куроки, да и въ дѣйствительности оно было чрезвычайно рисковано и опасно. Вслѣдствіе этого генераль Куроки послалъ Умецавъ подкрѣпленіе въ видѣ нѣсколькихъ батальоновъ 12-й дивизіи, а начальнику этапной линіи приказалъ собрать все, что только возможно въ тылу и двинуть въ видѣ гарнизона въ Бенсиху. Посланные къ Умецавъ батальоны 12-й дивизіи прибыли туда 6-го сентября, но и наши силы къ этому времени увеличились и мы предприняли обходное движеніе съ цѣлью угрозы Бенсиху. Всѣ мѣры, которыя могъ принять Куроки относительно помощи бригадъ Умецавы, были недостаточны, и потому Куроки просилъ маршала Ойяму смѣнить находившуюся на лѣвомъ флангѣ гвардію какими-нибудь другими войсками, чтобы можно было подтянуть ее къ угрожаемому восточному фронту. Ойяма согласился исполнить эту просьбу и замѣнилъ гвардію частями арміи Нодзу. Это дало возможность Куроки болѣе сосредоточить свою армію и передвинуть ее дальше на востокъ, и 1-я японская армія сосредоточилась въ окрестностяхъ Тайяо, откуда въ горы шли довольно хорошія дороги, хотя бригада Умецавы по-прежнему была далеко отброшена. Части арміи стали вдоль желѣзнодорожной вѣтки къ янтайскимъ копиямъ, а уступомъ за правымъ флангомъ расположилась 12-я дивизія. 22-го сентября, когда мы начали наше наступленіе, японцы были объ этомъ тотчасъ же увѣдомлены. Съ цѣлью разъясненія дѣла Куроки послалъ одну бригаду съ батареей къ Хаматану, приказавъ занять высоты къ югу отъ этого пункта, но мы этому воспрепятствовали. Последнее

привело къ заключенію, что происходитъ что-то серьезное. Но японцамъ, какъ это много разъ было, помогъ случай. Въ стычкѣ у Далинскаго перевала былъ убитъ нашъ штабный офицеръ и на немъ между прочими бумагами нашли подробное приказаніе Куропаткина Штакельбергу обойти правый флангъ японцевъ и двигаться прямо къ Ляояну. Теперь для Куроки все стало совершенно яснымъ. Въ то же время отъ вѣрныхъ лазутчиковъ получены были свѣ-

дѣнія о движеніи значительныхъ нашихъ силъ отъ Фушуна прямо на югъ. Тотчасъ объ этомъ было донесено маршалу Ойямѣ, но послѣдній отнесся къ этому скептически. Положеніе Умецавы становилось съ каждымъ днемъ опаснѣе и предстояло рѣшить вопросъ

Очаги капитана фонъ-Рентель для солдатскихъ котелковъ (примѣнявшіеся на войнѣ 1904—1905 г.).

какія мѣры принять относительно Умецавы. Поддержать его частями 12-й дивизіи было нельзя, такъ какъ Куроки зналъ, что далеко не всѣ японскія войска успѣли подняться на его высоту, многія находились далеко къ югу у Ляояна, а потому онъ опасался, что его лѣвый флангъ можетъ и не получить своевременной помощи; съ другой стороны, и Умецава безъ поддержки держаться не могъ, поэтому было приказано отойти ближе къ Бенсиху,—этимъ, во-первыхъ, выравнивался фронтъ арміи, а во-вторыхъ, ожидаемое большое сраженіе отдалялось болѣе въ глубь гористой мѣстности, гдѣ многочисленная конница и тяжелая артиллерія Штакельберга теряли половину своего значенія. Вышеупомянутое приказаніе объ отступленіи Умецава получилъ, когда находился въ жаркомъ бою съ нами, поэтому онъ продержался до ночи 24-го сентября

Полевое укрѣпленіе.

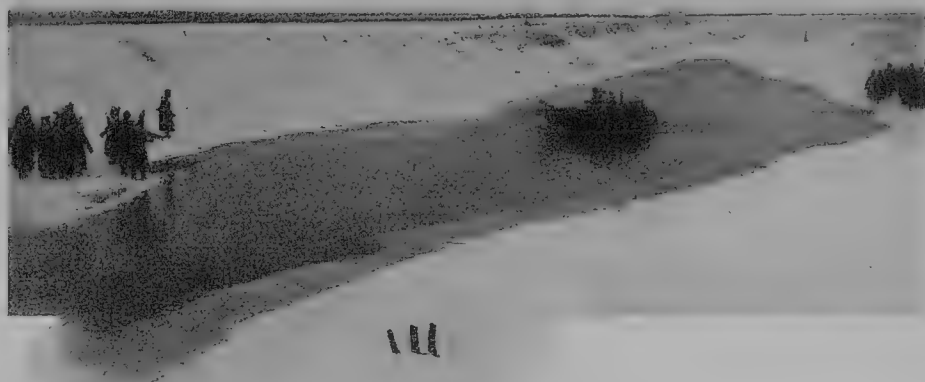
у Пинтайцзы, а ночью безъ единого выстрѣла ловко ускользнулъ и очистилъ позицію. Здѣсь слѣдуетъ вспомнить, что 23-го, 24-го и 25-го сентября мы простояли на мѣстѣ и дальше линіи Цуцзятунъ — Видзигоу — Хоулуцзягоу не двигались, и что, поэтому, рассказъ о послѣднемъ боѣ Умецавы съ нами подлежитъ сомнѣнію. Въ расположеніи арміи Куроки произошли также нѣкоторыя перемѣны.

12-я японская дивизія дви-

нулась отъ Тайяо на востокъ съ тѣмъ, чтобы оказать поддержку Умецавѣ и обрушиться на правый флангъ нашихъ войскъ, наступавшихъ къ югу, и тѣмъ обезпечить Бенсиху, 2-я дивизія выдвинулась на линію янтайскихъ копей и заняла мѣсто въ двухъ съ половиною миляхъ къ сѣверу отъ Тайяо, гдѣ и окопалась за 2-ю и 12-ю дивизіями. 22—25-го сентября маршалъ Ойяма отдалъ самый простѣйшій, самый короткій, какой только можно приказъ: „Арміи должны по возможности сосредоточить свои силы и быть готовыми къ контръ-атакѣ, какъ только представится удобный случай“. 27-го сентября японцы уже отлично знали, что мы перешли въ наступленіе по всему фронту и большое сраженіе должно было начаться съ часу на часъ, поэтому вся 1-я армія простояла всю ночь подъ ружьемъ въ боевомъ порядкѣ. Еще 25-го сентября положеніе Умецавы было отчаянное, онъ былъ почти окруженъ нашими войсками и если бы мы проявили больше энергіи, то Умецава долженъ былъ бы быть раздавленнымъ и мы выходили на сообщенія 1-й японской арміи и захватывали непріятельскіе запасы, сосредоточенные въ Чаотао. Отступивъ отъ Пинтайцзы, Умецава имѣлъ противъ себя всю массу войскъ 3-го сибирскаго корпуса и кавалерію Самсонова, его гибель была неизбѣжна, но мы медлили и

начали атаку только 28-го сентября, но къ этому времени японцамъ удалось доставить въ Бенсиху два батальона съ двумя орудіями, которые пришли еще накануне. Въ это время Ренненкампфъ перешелъ Тайцзыхе и двигался на западъ между Бенсиху и Чаотао, непосредственно угрожая обоимъ этимъ пунктамъ. Положеніе было критическое, если не совсѣмъ отчаянное. Генераль Куроки послалъ въ Чаотао только что прибывшую бригаду принца Канина. 27-го сентября мы открыли артиллерійскій огонь съ линіи Танхайши-Сяолихуецзы и японцы отлично видѣли массы нашихъ войскъ, которыя, какъ свидѣтельствуется генераль Гамильтонъ, въ густомъ строю, крайне медленно двигались въ разныхъ направленіяхъ, дѣлая большія остановки, вся мѣстность отъ Санквейсисана до Шотацзуко была сплошь покрыта нашими войсками; на наше счастье, японцы не имѣли дальнѣйшей артиллеріи; ихъ артиллерія 2-й дивизіи была на позиціи, она глубоко закопалась въ землю, такъ что наши выстрѣлы не наносили ей никакого вреда, японцы же, не желая себя обнаруживать, не отвѣчали на нашъ огонь. На востокъ высился горный кряжъ, который

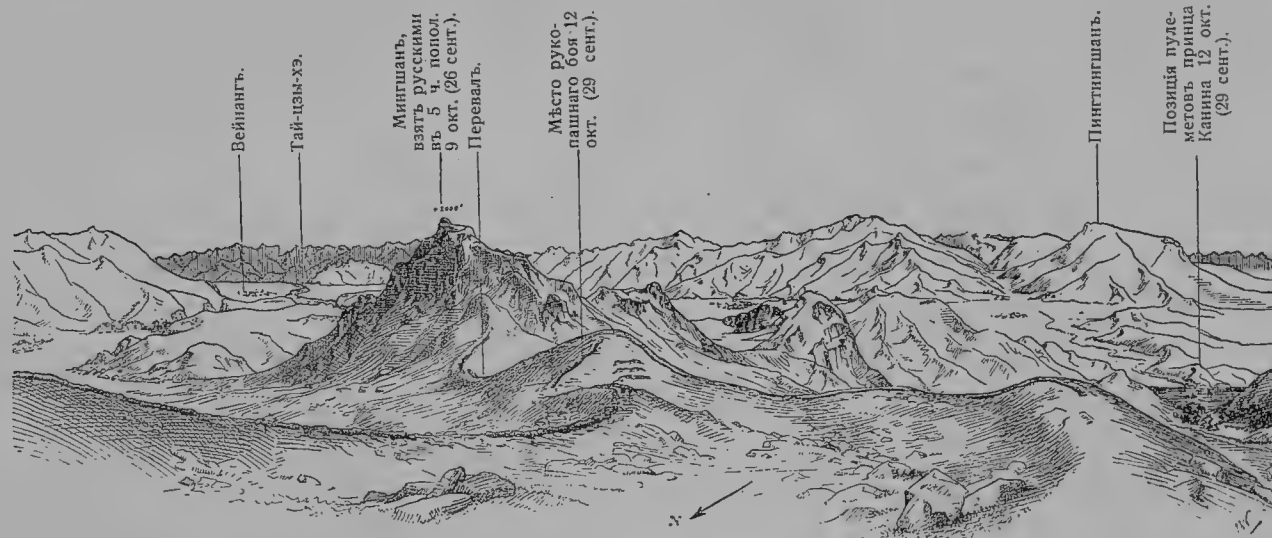

Переправа походной кухни въ бродъ.

постепенно падая терялся въ совершенно гладкой и открытой равнинѣ. 2-я японская дивизія находилась на этой равнинѣ, а гвардія, 12-я дивизія и бригада Умецавы находились въ горахъ. Генераль Гамильтонъ такъ описываетъ картину нашего наступленія: „Какъ тяжелыя грозовыя тучи несутся по небу, прежде чѣмъ выгрузить свою ношу молніи и града, такъ и эти темныя массы начали стройно двигаться длинными непрерывными рядами, при видѣ которыхъ сердце мое замерло отъ ощущенія надвигающейся непобѣдимой силы и грознаго, страшнаго удара. Я не могъ избавиться отъ этого чувства, хотя и пытался успокоить себя мыслью о томъ, какъ обрадовался бы старый буръ при видѣ непріятеля, двигавшагося на него сомкнутыми рядами, и хотя зналъ, что это построеніе слишкомъ компактно, чтобы пройти безнаказанно сквозь строй японской артиллеріи“.

„Но вотъ ряды остановились. Странная нерѣшительность. Они стоятъ неподвижно 10 минутъ, двадцать минутъ... И вдругъ я понялъ, что они окапываются, вѣ черты выстрѣловъ японцевъ. Въ этотъ моментъ весь мой страхъ прошелъ. Не могу объяснить то чувство или инстинктъ, который руководитъ мною, но безусловно онъ существуетъ: я теперь совершенно спокоенъ и твердо убѣжденъ, что русскіе, прекративъ наступленіе, тѣмъ самымъ навсегда лишились нравственнаго преимущества,

безъ котораго атака не можетъ быть успѣшной“. Въ это время японцы послали небольшой разъѣздъ, человекъ въ 30, къ востоку отъ Панласанши съ приказаніемъ занять тамъ небольшой горный кряжъ, но мы предупредили и приняли японцевъ въ штыки; они отступили, мы же ихъ преслѣдовали огнемъ, но стрѣльба была настолько плоха, что между японцами никто раненъ не былъ и они благополучно отошли. Наконецъ, японская артиллерія открыла огонь по открыто стоявшимъ нашимъ людямъ, но стрѣляли также плохо, снаряды все время давали недолеты. Этимъ эпизодомъ собственно и ограничились дѣйствія 27-го сентября. На другой день началась артиллерійская канонада. Генералъ Куроки находился на янтайской сопкѣ, откуда наблюдалъ за ходомъ сраженія. Увидя подходившаго къ нему генерала Гамильтона, онъ всталъ ему навстрѣчу и въ первый разъ подѣлился съ нимъ своими стратегическими соображеніями. Онъ сказалъ: „Пѣхота наша пока не будетъ двигаться. Непріятель отступилъ немного передъ нашимъ правымъ флангомъ у Бенсиху, и я не хотѣлъ бы, чтобы онъ отступалъ теперь дальше. Поэтому 2-я дивизія и гвардія преждевременнымъ наступленіемъ не должны вызывать у него тревоги за сообщенія; я намѣренъ подождать, пока 4-я армія на нашемъ лѣвомъ флангѣ серьезно начнетъ наступленіе, и двинутся только тогда. Непріятель сдѣлалъ энергичную попытку обойти наше правое крыло: теперь, когда его усилія парализованы, маршалу Ойямѣ можетъ быть удастся обойти его правый флангъ“. Артиллерійскій огонь былъ страшно силенъ, хотя японская артиллерія стрѣляла довольно вяло. Когда туманъ разсѣлся,

Сраженіе на Шахэ. Видъ съ Хонда-ямы, праваго фланга японской позиціи у Бенсиху, во время русской атаки на разсвѣтъ 12 окт. (29 сент.). Рукопашная схватка произошла въ окопахъ впереди, но русскіе были отбиты.

Изъ записной книжки штабнаго офицера. Гамильтонъ.

мы густыми колоннами начали наступленіе со стороны Санчжосисана и къ западу отъ него, но пока густыя массы нашей пѣхоты были недоступны выстрѣламъ японскихъ орудій. Часть нашей артиллеріи стрѣляла къ сѣверу и западу отъ Санчжосисана, одна батарея стрѣляла отъ Тераямы. Въ это время положеніе японскихъ дѣлъ въ Бенсиху и въ бригадѣ Умецавы по-прежнему было очень плохо и надежда частей 12-й японской дивизіи атаковать нашъ правый флангъ при нашей атакѣ Бенсиху

пропала, такъ какъ сильные отряды нашихъ войскъ атаковали Тумынлинскій и Далинскій перевалы и тамъ разгорался серьезный бой. Теперь задачею 12-й японской дивизіи было помѣшать намъ прорваться въ пространствѣ между янтайскими копиями и Бенсиху. Еще раньше войска 3-го сибирскаго корпуса заняли противъ праваго фланга Умецавы два горныхъ массива Шишанъ и Миншанъ,—это были весьма важные пункты, и если бы мы ихъ использовали немедленно, то въ ту же ночь могли овладѣть Бенсиху, нанеся этимъ страшный ударъ противнику, но мы удовольствовались однимъ только занятіемъ этихъ пунктовъ и дальше впередъ не пошли. Какъ разъ въ эту ночь въ Бенсиху прибылъ одинъ изъ лучшихъ генераловъ японской арміи Шамимура съ тремя батальонами и одной горной батареей 12-й японской дивизіи. Гарнизонъ Бенсиху настолько обрадовался прибытію этихъ

Разливы послѣ дождя.

войскъ, что выдѣлили раньше прибывшіе два батальона на поддержку Умецавъ, гдѣ помощь была крайне необходима. Шамимура съ 3.000 человекъ остался въ Бенсиху противъ 15.000 человекъ Штакельберга. Шишанъ былъ занятъ нашимъ небольшимъ отрядомъ, главныя же силы стояли нѣсколько позади, и вотъ въ то время какъ Штакельбергъ медлилъ, ожидая, когда разойдется туманъ, Шамимура, наоборотъ, воспользовался туманомъ для выполненія задуманнаго отчаянно смѣлаго предпріятія: онъ бросилъ на Шишанъ 500 отборныхъ людей, которые и завладѣли этимъ важнымъ пунктомъ прежде, нежели главныя силы успѣли придти въ движеніе. Это было произведено на глазахъ двухъ армій и произвело глубокое впечатлѣніе. Этотъ подвигъ успокоилъ генерала Куроки, потому что всѣ знали, что Шамимура не такой человекъ, чтобы легко отдать то, что онъ разъ забралъ. Порадовалъ Куроки и генералъ Ренненкампфъ, который, вмѣсто того, чтобы двинуться прямо на беззащитный Чаотао, гдѣ находилось только 70 человекъ японскихъ войскъ, имѣя самъ 1.500 коней, повернулъ къ сѣверу, чтобы угрожать Бенсиху съ юга. Такою же медлительностью и нерѣшительностью отличались наши дѣйствія и противъ фронта бригады Умецавы у Тумынлинскаго перевала; можно съ увѣренностью сказать, что если бы мы дѣйствовали тутъ энергично, то 1-я японская дивизія не рѣшилась бы послать въ Бенсиху отрядъ Шамимуры. Точно то же можно сказать и о дѣйствіяхъ нашего 4-го корпуса: если бы наши дѣйствія тутъ не носили бы на себѣ столь явнаго демонстративнаго

Бой на Шахэ въ восточномъ отрядѣ.

характера, то и Куроки 27-го сентября не рѣшился бы выдѣлить и послать на помощь къ Умецавѣ свою 12-ю дивизію, и гибель послѣдняго, а вслѣдъ за нимъ и Бенсиху, сдѣлалась бы неотвратимою. Только послѣ взятія японцами Шишана наши главныя силы зашевелились. Въ это время гвардейская японская дивизія, расположенная къ востоку отъ Дайсана, должна была начать двигаться на Махоапу, а бригады Мацунаги и Окасаки—одинъ справа, другой слѣва должны были овладѣть мѣстностью къ сѣверу отъ Шотацзуко, но эти движенія задерживались неприбытіемъ 4-й японской арміи, которая, хотя и получила приказаніе отбросить насъ съ мандаринской дороги въ горы, почему-то запоздала. Между тѣмъ генералу Окасаки не сидѣлось и онъ хотѣлъ уже двинуться на Тераяму, но когда онъ запросилъ по поводу этого Куроки, то послѣдній рекомендовалъ ему особую осторожность, пока не подойдетъ къ его лѣвому флангу 4-я армія. Тѣмъ временемъ японская пѣхота продолжала понемногу продвигаться впередъ, бригада Изаки заняла высоты 242, а бригада Ватанабе взяла послѣ упорнаго боя высоты 238. Говоря объ этомъ, генераль Гамильтонъ описываетъ очень интересную атаку японцевъ и ихъ дѣйствія при ночныхъ атакахъ. Они ста-

постъ человекъ въ 60, которые были всецѣло поглощены перестрѣлкой съ солдатами Мацунаги и мало обращали вниманія на окружающее. Замѣтивъ это, японцы распорядились послать въ обходъ ничѣмъ не охранявшагося нашего праваго фланга человекъ

Осадная артиллерія въ Мукденѣ.

25 своихъ стрѣлковъ, которые, незамѣтно пробираясь по одиночкѣ, забрались совсѣмъ въ тылъ нашему посту и неожиданно стремительно бросились въ атаку, и въ этотъ же моментъ остальные атаквали штыковую сопку съ юга и овладѣли ею, но продвинуться дальше не могли. Точно также и японская гвардія не могла

продвинуться за высоту 238. Въ это время мы повели наступленіе со стороны Шотацзуко, но и 2-я и 4-я японскія арміи вступили въ дѣло на своемъ флангѣ. Назрѣвала рѣшительная минута. На перевалахъ японцы продвинуться впередъ не могли и положеніе ихъ крайняго праваго фланга продолжало еще оставаться очень затруднительнымъ. Куроки рѣшилъ поправить дѣло рѣшительнымъ наступленіемъ на своемъ лѣвомъ флангѣ, и съ этою цѣлью онъ разрѣшилъ Мацунагѣ просимую имъ атаку, къ которой послѣдній такъ стремился. Сопка съ кумирней, или, какъ называли ее японцы, Тераяма представляла собою длинную возвышенность съ небольшою площадкой, на которой выстроены были зданія кумирни; сопка очень мало поднималась надъ окружающей мѣстностью и имѣла очень пологіе скаты, съ юга и юго-запада она прикрывалась углубленной дорогой, которая была занята нашими стрѣлками, подступы къ нашей позиціи были совершенно открытые, только

Плѣнные, захваченные генераломъ Мищенко.

деревня Когоши могла представить какое-нибудь закрытіе. Дальше все подвергалось сильному обстрѣлу. Наша артиллерія покрывала снарядами всю мѣстность впереди со стороны Санкаши и Санчжисисана. Около 4-хъ часовъ дня пѣхота Окасаки вышла

изъ своихъ закрытій и въ сомкнутомъ строю направилась къ Тераямъ, а японская артиллерія стала засыпать нашу позицію цѣлымъ градомъ снарядовъ, такъ что вершина сопки скоро совсѣмъ скрылась въ дыму разрывающихся шимозъ, такой же огонь былъ направленъ и по нашимъ батареямъ у Санквисисана и къ сѣверу отъ Санкаши. Это отвлекало нашу артиллерію отъ подступовъ къ позиціи, и она была занята больше борьбою съ артиллеріей противника. Скоро къ японцамъ подошли еще нѣсколько батарей 4-й арміи, такъ что численный перевѣсъ въ орудіяхъ былъ на ихъ сторонѣ; несмотря, однако, на это, намъ удалось нѣсколько понизить напряженность артиллерійскаго огня непріятеля, который уже сдѣлалъ свое дѣло. Пѣхота Окасаки благополучно, безъ выстрѣла, подошла къ деревнѣ Когоши и скрылась за нею. Наступилъ страшный, рѣшительный моментъ, отъ котораго зависѣли побѣда или пораженіе.

Раненые отряда генерала Мищенко.

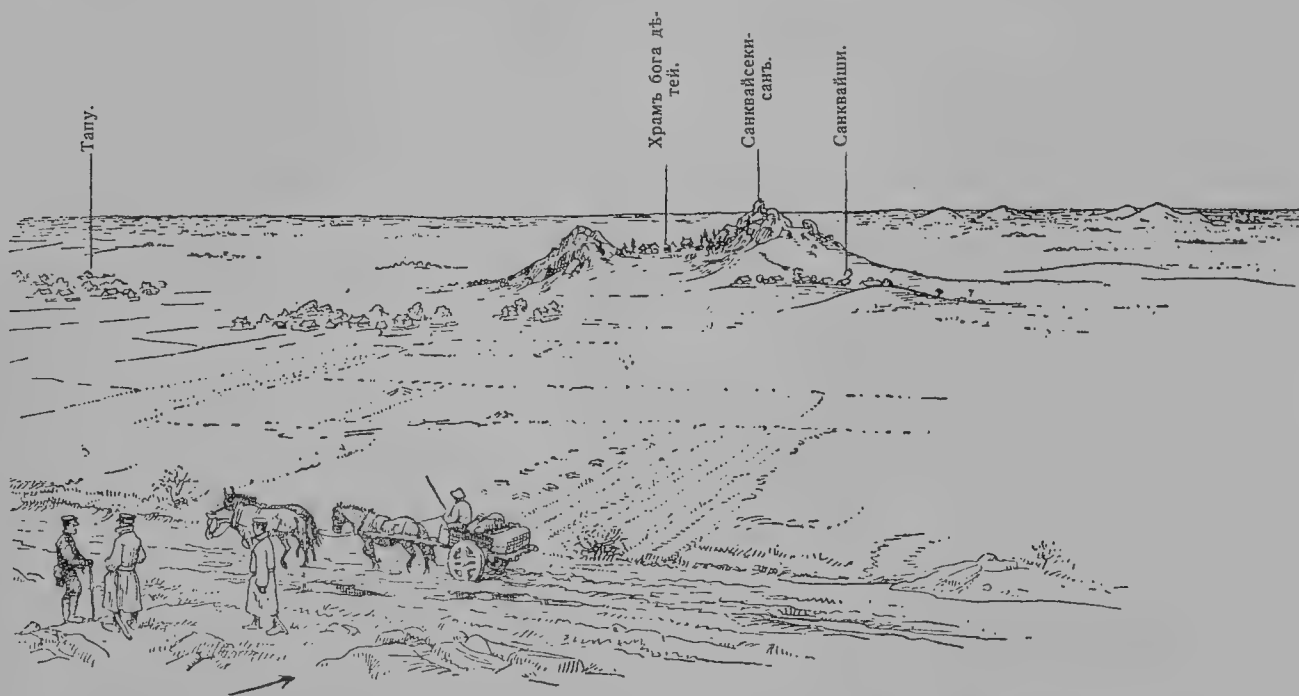
Японцы приостановились и затѣяли отчаянную ружейную перестрѣлку. Имъ оставалось пройти только 500 или 600 шаговъ, но по совершенно открытому пространству. Японцы перестроились въ видѣ небольшихъ группъ, съ интервалами шаговъ въ 10 между собою, изъ которыхъ каждая дѣйствовала самостоятельно подъ начальствомъ отдѣльнаго унтеръ-офицера, но всѣ эти группы неудержимо стремились къ одной цѣли. Безъ передышки и безъ выстрѣла японцы перебѣжали до углубленной дороги и скоро скаты высоты покрылись дерущимися въ рукопашную людьми. Сопка была взята, и послѣ непродолжительнаго штыкового боя японцы заняли и кумирню. Но долго еще длилась борьба за обладаніе Тераямой, пока, наконецъ, они совершенно не вытѣснили насъ съ сопки съ кумирней. Такъ закончился день 28-го сентября. Утромъ 29-го бой возобновился съ прежнею силою, но съ нашей стороны уже замѣтно было нѣкоторое колебаніе, которое, очевидно, было замѣчено японцами, такъ какъ на 29-е сентября Куроки отдалъ слѣдующій приказъ по арміи: „Непріятель повидимому повсюду отступаетъ. Отрядъ отъ 2-й дивизіи наступаетъ къ востоку, съ тѣмъ, чтобы атаковать вдоль фронта лѣваго крыла 12-й дивизіи. Японскія войска, расположенныя по направленію къ Бенсиху, пока въ безопасности.

„Я предполагаю занять сегодня ночью линію отъ восточной части Доманши до высоты къ сѣверу отъ Шотацзуко.

„Гвардія и главныя силы 2-й дивизіи продолжаютъ наступленіе и выполняютъ задачи 1-й арміи“.

„12-я дивизія и бригада Умецавы продолжаютъ выполнять прежнія приказанія“.

Исполненіе этого приказа для главныхъ силъ 2-й японской дивизіи облегчалось тѣмъ, что подошедшая армія Нодзу заняла не только Санквасисанъ или трехгорбую сопку, но и нѣкоторые пункты сѣвернѣе ея. Мѣстность около трехгорбой сопки представляла много общаго съ Тераямой, она также была совершенно открытая, и способъ, которымъ японцы взяли эту высоту, многимъ походилъ на атаку Тераямы; разница заключалась лишь въ томъ, что Тераяма была взята днемъ, а трехгорбая сопка ночью. Начальникъ 10-й японской дивизіи перестроилъ свои войска подобно тому, какъ это было и подъ Тераямой, и въ два часа ночи повелъ ихъ въ атаку. Приведемъ здѣсь крайне интересный разсказъ одного изъ участниковъ этого дѣла, штабнаго японскаго офицера: „Санквайсекисанъ былъ названъ солдатами „они онучи“ или чортовъ домъ, а такъ какъ наша пословица говорить, что съ чортомъ ужинать плохо, то всѣ мы передъ атакой пировали до 11 часовъ ночи. Русскій полкъ, занимавшій холмъ трехъ скалъ, былъ прекрасной частью съ установленной репутаціей; онъ выказалъ много выдержки, не открывая огня, пока мы не подползли совсѣмъ близко... Это былъ полкъ Александра III. По непріятельскимъ трупамъ замѣтно было, что солдаты недавно прибыли изъ Европы, такъ какъ кожа ихъ была бѣла и нѣжна, не огрубѣвъ еще отъ тяжестей походной жизни. На нихъ были

Сраженіе на Шахе. Санквайсекисанъ (трехгорбая сопка), взятый въ ночной атакѣ, передъ разсвѣтомъ 12 октября (29 сент.) 10 дивизіей IV арміи.

Изъ записной книжки штабнаго офицера. Гамильтонъ.

длинные шинели, совершенно новыя и не запачканныя, а на погонахъ была корона. Непріятель все держался въ скалистыхъ частяхъ холма и въ кумирнѣ; стрѣльба продолжалась съ прежней силой, въ особенности изъ деревни. Генералъ Маруи, командиръ одной изъ бригадъ, былъ раненъ, а подпрапорщикъ, несшій знамя полка, былъ убитъ. За нимъ знамя схватилъ другой офицеръ, но и онъ тоже былъ убитъ. Тогда его поднялъ командиръ полка полковникъ Ясумура, но въ свою очередь,

сраженный пулей, выпущенной со стѣны, упалъ. Такимъ образомъ въ этомъ пунктѣ не оказалось командира, а командиръ сосѣдняго полка двигался дальше къ востоку. Тогда случилось довольно интересное происшествіе. Адъютантъ бригады встрѣтился съ полковымъ адъютантомъ; обсуждая положеніе дѣла, они сошлись на томъ, что деревня должна быть взята сейчасъ же, во что бы то ни стало, такъ какъ продолженіе борьбы могло бы вызвать много всякихъ случайностей. Рѣшивъ это, громко провозгласили въ темнотѣ:

„Есть ли тутъ кто-нибудь, кто рѣшился бы проникнуть въ деревню и зажечь ее“. Изъ темноты раздался отвѣтъ: „Я, капитанъ Сумида, берусь командовать отрядомъ, который обрекаетъ себя на смерть; кто идетъ за мной?“ Около 200 человѣкъ отвѣтили на призывъ и стали подъ его команду. Всѣ бывшіе впереди были застрѣлены или переколоты штыками изъ-за стѣны; но другимъ уда-

Храмъ бога дѣтей на Санквайсекисанѣ (трехгорбая сопка).

лось влѣзть на нее и поджечь нѣсколько домовъ. Въ одномъ изъ этихъ домовъ нашли раненаго русскаго подполковника; рана его была такъ серьезна, что когда его поставили на ноги, онъ съ трудомъ могъ стоять. Японцы объяснили ему, что теперь вся дивизія окружаетъ деревню, что часть ея взята, а другая горитъ, и совѣтовали пойти туда, гдѣ еще продолжался бой и приказать своимъ людямъ сдаться. Но онъ отказался, говоря: мнѣ приказано держаться въ деревнѣ до конца и я не могу сдаться. Неподалеку японцы захватили унтеръ-офицера и сказали ему то же. Онъ пошелъ въ деревню и громко сказалъ что-то своимъ. Въ ту же минуту загорѣлись дома. Вслѣдствіе ли пожара или вслѣдствіе словъ унтеръ-офицера, но стрѣльба изъ деревни прекратилась. Въ 6 часовъ утра русскіе еще держались мѣстами. Они сражались очень храбро; нѣкоторые изъ нихъ прятались въ подвалахъ кумирни, въ расщелинахъ скалъ и даже въ китайскихъ чанахъ для воды и открывали огонь, какъ только приближались японскіе солдаты“. Японцы потеряли въ этомъ дѣлѣ около 1.000 человѣкъ.

Во 2-й японской дивизіи 29-го сентября происходило между прочимъ слѣдующее: въ теченіе ночи мы два раза пытались вернуть себѣ Тераяму, но всѣ атаки наши были неудачны, когда къ раннему утру вся бригада Окасаки была сосредоточена у деревни Санкаши, откуда она двинулась въ атаку на Сурибачіяму, которая была взята ими также какъ и городъ Нанзанъ, лежащій къ западу отъ нея. Оставалось только взять высокій кряжъ, идущій къ юго-западу отъ круглоголовой

сопки, сильно нами занятой, которую Окасаки брать въ этотъ день не рѣшилъ. Но японцы, во всякомъ случаѣ, остались очень довольны результатомъ боевъ 29-го сентября, они теперь имѣли надежду продвинуться дальше и отрѣзать совсѣмъ находившійся въ горахъ нашъ восточный отрядъ генерала Штакельберга, который такъ сильно угрожалъ ихъ правому флангу у Бенсиху. Въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ янтайскихъ копей дѣла наши также ухудшились. Бригада Мацунаги послѣ цѣлаго ряда усиленныхъ ночныхъ стычекъ овладѣла, наконецъ, горнымъ массивомъ Санчжошисанъ и къ утру она спустилась въ долину Мяохаопу, откуда и могла приступить къ выполнению вышеприведеннаго приказа генерала Куроки, дѣйствовать вдоль фронта лѣваго фланга 12-й японской дивизіи. Къ ночи 29-го сентября отъ гвардейской бригады генерала Асады получено было донесеніе о взятіи бригадой Ватанабе нашей позиціи, находившейся противъ нея. Ватанабе удалось

Японскіе плѣнные (234 человекъ), захваченные генераломъ Мищенко. Ведутъ ихъ въ Маймакай. Снято у деревни Палинпу.

нѣсколько продвинуться къ сѣверной оконечности горнаго массива 238 и подойти къ долинѣ Камириука. Здѣсь на сѣверной оконечности горнаго кряжа, идущаго съ сѣвера на югъ и оканчивающагося на югѣ высотой 238, мы занимали позицію поперекъ хребта, имѣя оба фланга закинутыми назадъ. Когда Окасаки подошелъ къ нашей позиціи на 4.000 шаговъ, онъ послалъ 4-й гвардейскій полкъ съ приказаніемъ взять деревню Ко-

гоши съ цѣлью угрозы нашему пути отступленія, 3-й же гвардейскій полкъ онъ назначилъ для фронтальной атаки позиціи. Эта фронтальная атака велась такимъ образомъ: одному батальону приказано было двинуться по долинѣ и на высотѣ нашей позиціи повернуть на западъ съ цѣлью атаковать нашъ лѣвый флангъ, два же другихъ японскихъ батальона слѣдовали въ колоннѣ по четыре по крутымъ скатамъ по обѣ стороны гребня, раздѣленные пространствомъ около 50 шаговъ, каждая колонна была прикрыта цѣпью изъ взвода стрѣлковъ. Незамѣтно они подобрались къ нашей позиціи на 100 шаговъ, и только тогда мы ихъ открыли. Японскія колонны развернулись и въ свою очередь открыли отчаянную ружейную трескотню; поднялась ужаснѣйшая суматоха, управлять людьми не было никакой возможности, такъ какъ японцы и наши перепутались между собою, приходилось каждому колоть и рубить во всѣ стороны, но при этомъ условіи японцы, какъ лучшіе одиночные бойцы, имѣли преимущество и успѣхъ былъ на ихъ сторонѣ. Въ то время, какъ происходило вышеописанное въ бригадѣ Ватанабе, другой гвар-

дейской бригадѣ подѣ начальствомъ Изаки было приказано взять высоту къ сѣверу отъ Менкахо и называемую Санчжошіяма, причемъ эта бригада не должна была отрываться отъ Ватанабе. Такъ какъ Ватанабе задержался упорнымъ боемъ на сѣверномъ отрогѣ высоты 238, а Изаки шелъ безпрепятственно, то послѣдній, подойдя къ Менкахо, рѣшилъ бросить заботу о поддержаніи связи съ Ватанабе, взялъ Санчжошіяма и, не заботясь болѣе о Ватанабе, двинулся далѣе на сѣверъ по направленію къ Кокорисану и Бачжисану. Въ это время положеніе вещей было таково: Наши войска, находившіяся къ сѣверу отъ Шотацзуко, имѣли противъ себя 1-ю японскую армію на западѣ, бригаду Ватанабе, продвинувшуюся послѣ вышеописанной атаки впередъ, на востокѣ и бригаду Мацунаги на югѣ, гвардейская же бригада Изаки подходила къ Бачжисану, откуда, продвинувшись къ Реквансану, легко могла очутиться у насъ въ тылу. Японская артиллерія тратила массу снарядовъ, чтобы заставить замолчать наши пушки у Реквансана и Домонши, но они никакъ не могли заставить замолчать нашу батарею, расположенную къ сѣверу отъ Шотацзуко, которая сильно

Императорскія могилы въ Мукденѣ.

мѣшала движенію впередъ Мацунаги. Около полудня 30-го сентября Мацунага рѣшается идти впередъ. Двигаясь перебѣжками, японцы, наконецъ, подобрались къ нашимъ окопамъ и бросились въ штыки, мы же оставили наши окопы и отошли на сѣверъ. 1-го октября генераль Куроки приказываетъ Мацунагѣ, какъ можно скорѣе перебраться на переваль Чонсеирей, чтобы выходомъ на сообщенія 3-го сибирскаго корпуса и генерала Ренненкампа выручить Бенсиху и помѣшать прорыву своего центра у Тумынлинскаго и Далинскаго переваловъ. Положеніе у Бенсиху было очень тяжелое въ особенности, когда мы заняли высоты Миншанъ, съ которыхъ могли обстрѣливать окопы, защищавшіе Бенсиху. Въ Бенсиху находился маленькій отрядъ маіора Хонда, который отчаянно защищалъ свою позицію. Между прочимъ у Бенсиху происходило слѣдующее: 26-го сентября лѣвая колонна 3-го сибирскаго корпуса подошла къ деревнѣ Югу, а правая къ утру 27-го сосредоточилась у деревни Каотайцзы, авангардъ лѣвой колонны находился у Уйюнина. Здѣсь съ утра 26-го сентября генераль Ренненкампфъ велъ бой съ горстью японцевъ, защищавшихъ переваль у Худягоу, а въ это время казаки Самсонова вели бой у Синтайцзы за обладаніе Хоэлинскимъ переваломъ, туда отъ лѣвой колонны былъ посланъ на поддержку 24-й вост. сиб. стр. полкъ, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ и два батальона 22-го вост.

сиб. стр. полка были направлены къ горѣ Лаутхалаза (Шишанъ, по англійской транскрипціи наименованій). Отъ лѣвой же колонны на правый берегъ Тайцзыхе былъ отправленъ отрядъ полковника Дружинина, который укрѣпился у деревни Улунсунъ. День проходилъ, но мы не предпринимали ничего серьезнаго, проводя время въ безполезной перестрѣлкѣ. Въ ночь на 27-е сентября одна рота 24-го вост. сиб. стр. полка и одна охотничья команда заняли Лаутхалазу, но почему то потомъ бросили этотъ важнѣйшій пунктъ, оставивъ тамъ только небольшой постъ, который и былъ сбитъ войсками Шимамуры, о чемъ мы уже упоминали. Къ японцамъ, между прочимъ, подошли небольшія подкрѣпленія. Гора Лаутхалаза командуетъ окружающей мѣстностью, ея скаты отвѣсно падаютъ къ сторонѣ Каотайцзы и полого къ сторонѣ Бенсиху. Попытка наша взять эту гору не имѣла успѣха, потому что рѣшено было брать ее съ той стороны, гдѣ она была неприступна; съ лѣваго фланга гору атаковали стрѣлки, направленные ущельемъ. Когда туманъ разсѣялся, японцы открыли по нимъ сильный огонь пачками, три роты бросились подъ отвѣсъ ската и очутились въ мертвомъ пространствѣ, а четвертая попала подъ перекрестный огонь и понесла большія потери. Мы остановились и завязали перестрѣлку;

Ген. Куропаткинъ слѣдитъ за однимъ изъ Мукденскихъ боевъ у Путиловской сопки.

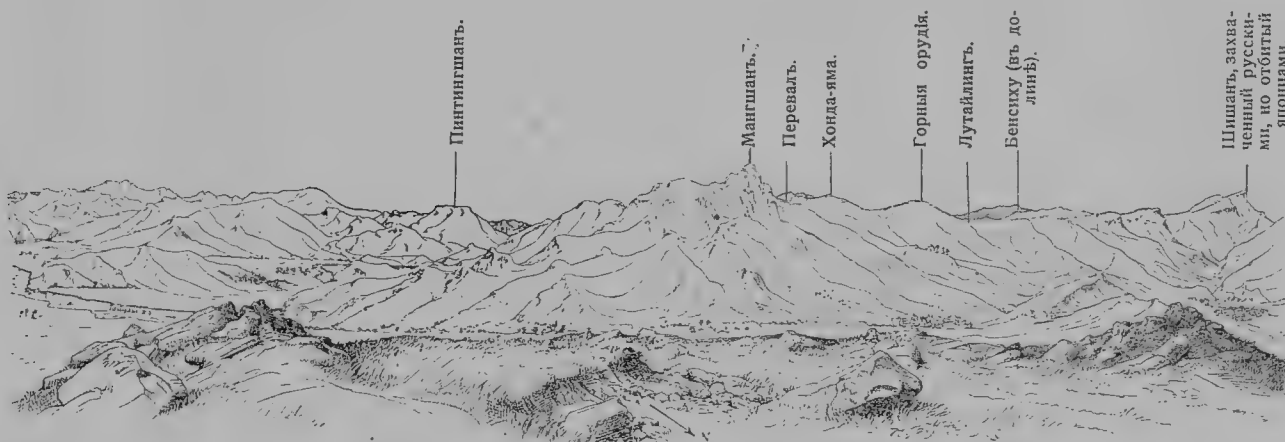
такъ прошло все 27-е сентября. На другой день рѣшено было взять Лаутхалазу во что бы то ни стало, написанъ былъ даже звонкій приказъ во вкусѣ Суворова, но для атаки употреблены были обычные приемы и она не удалась намъ, мы потеряли около трехъ тысячъ чело-вѣкъ убитыми и ранеными, а Лаутхалаза такъ и осталась въ рукахъ японцевъ. Для успѣха такой операціи нужны были люди, подобные Шимамурѣ и Мацунагѣ при атакѣ Хунжулина, но у насъ такихъ не было. Въ 11 часовъ ночи приказано было отойти на прежнюю позицію.

Въ результатъ получилось, что въ

пять разъ большія силы не могли справиться съ маленькимъ отрядикомъ японцевъ, защищавшихъ Бенсиху, чему причинами были недостаточно ясное пониманіе важности задачи; отсутствіе развѣдки мѣстности и неумѣніе оцѣнивать значеніе различныхъ пунктовъ ея, шаблонный способъ веденія атаки и недостатокъ рѣшительности и энергіи въ веденіи наступленія. 29-го сентября къ Бенсиху подошли бригада Умецавы и части 12-й японской дивизіи ихъ траншеи были усилены. Въ этотъ день мы повторили атаку Бенсиху, но повели ее въ слишкомъ густомъ строю, понесли огромныя потери и были отбиты однимъ огнемъ, не дойдя до удара въ штыки. Утромъ 29-го сентября мы атаковали небольшой холмъ въ 300

шагахъ передъ позиціей у Далинскаго перевала. Холмъ этотъ былъ занятъ тремя японскими ротами, изъ которыхъ одна находилась на вершинѣ, другая же, подъ командой полковника Ота, стояла внизу у подошвы холма, мы уже заняли вершину этого холма, прозваннаго японцами Гункіама или Знаменная сопка, но начавшаяся тревога подняла японцевъ, находившихся у подошвы холма, и они со знаменемъ во главѣ бросились на выручку сбитой нами роты передового отряда и отбросили занимавшій вершину нашъ батальонъ, который отступая увлекъ за собою и другіе два батальона, шедшіе на поддержку отступившаго. На Тумынлинскомъ перевалѣ шелъ также ожесточенный бой, но мы и тутъ не могли сбросить занимавшаго перевалъ противника. Чрезвычайно также странный характеръ имѣли наши дѣйствія на лѣвомъ берегу Тайцзыхе, куда переправился отрядъ генерала Ренненкампа; по свѣдѣніямъ тамъ было около 1.500 казаковъ съ батареей конной артиллеріи. Мы

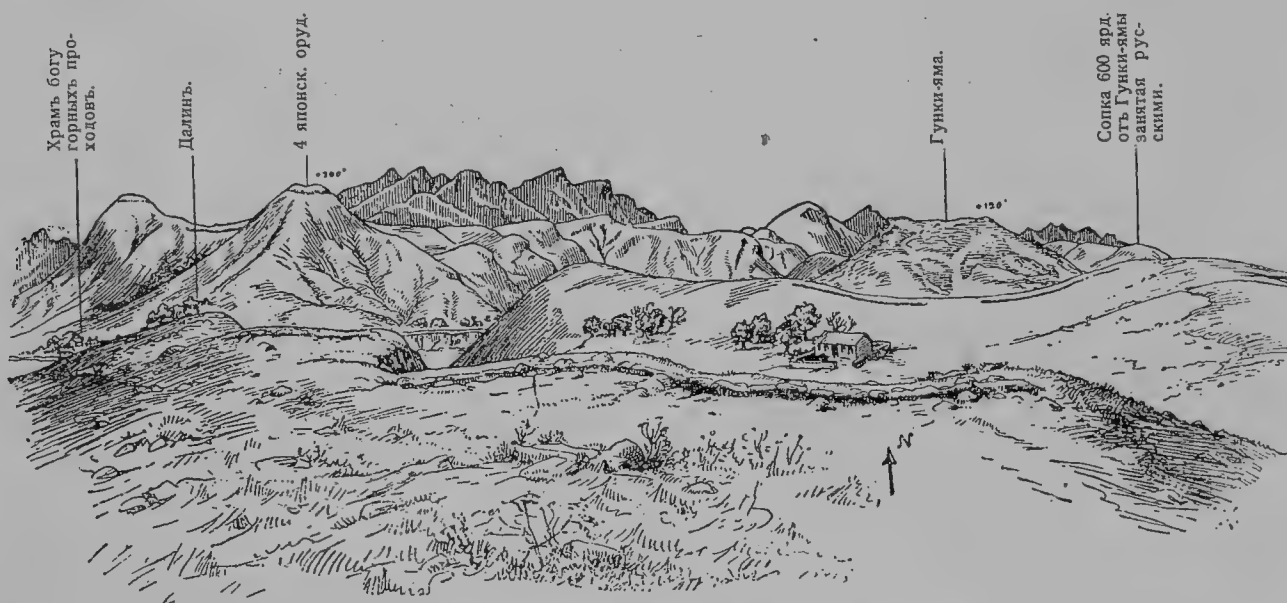

Видъ на японскія позиціи близъ Бенсху, съ нашей стороны.

Изъ записной книжки штабнаго офицера. Гамильтонъ.

уже говорили, что Чаотао—эта важная промежуточная база арміи Куроки—имѣлъ гарнизонъ не болѣе 70 человѣкъ, но Ренненкампфъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, не пожелалъ захватить Чаотао и занялъ выжидательное положеніе. Между тѣмъ въ Чаотао 28-го сентября прибыла кавалерійская бригада принца Канина съ пулеметами и въ 3 часа утра 29-го сентября принцъ Канинъ двинулся къ сѣверу на выручку къ Бенсху; у прохода Сенкинъ онъ имѣлъ стычку съ казаками и, опрокинувъ ихъ, лѣвымъ берегомъ рѣки вышелъ на высоту праваго фланга позиціи, защищавшей Бенсху. Здѣсь японцы заняли гребни высотъ, мы же стояли на полугорѣ тыломъ къ рѣкѣ и старались укрѣпиться на занятой позиціи. Казаки находились между бригадой Канина и нашей пѣхотой на правомъ берегу рѣки. Когда наши казаки были прогнаны, принцъ Канинъ подвезъ пулеметы къ рѣкѣ и въ 12 часовъ дня 29-го сентября открылъ убійственный огонь по ничего не подозревавшей и не предупрежденной казаками нашей пѣхотѣ; въ нѣсколько мгновеній, масса осталась на мѣстѣ убитыми, а остальные въ паническомъ ужасѣ бросились на востокъ и весь нашъ отрядъ, атаковавшій Бенсху, вынужденъ былъ къ полному отступленію.

Наступило 30-е сентября. Мы были сильно отодвинуты назадъ въ центрѣ нашего расположенія и находились въ полномъ отступленіи какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ нашемъ флангахъ. Тогда Куроки отдалъ приказъ о преслѣдованіи. Японцамъ оставалось только овладѣть большой горой передъ фронтомъ бригады Окасаки, въ послѣдствіи прозванной Окасакияма. Нѣтъ возможности описать всѣ бои, которые происходили на всемъ пространствѣ длиннаго фронта нашего наступленія, такъ они были разнообразны и во многихъ случаяхъ такъ мало имѣли очевидной связи между собою. 30-го сентября Куроки рѣшается на одновременное приведеніе въ исполненіе двухъ плановъ: одинъ заключался въ томъ, чтобы движеніемъ бригады къ Чонсарей отрѣзать путь отступленія Штакельберга, и другой, чтобы передвинуть гвардейскую дивизію къ Доманши и, пользуясь арміей Нодзу, окружить наши войска, находящіяся у Окасакияма, захватить большую добычу и, можетъ быть,

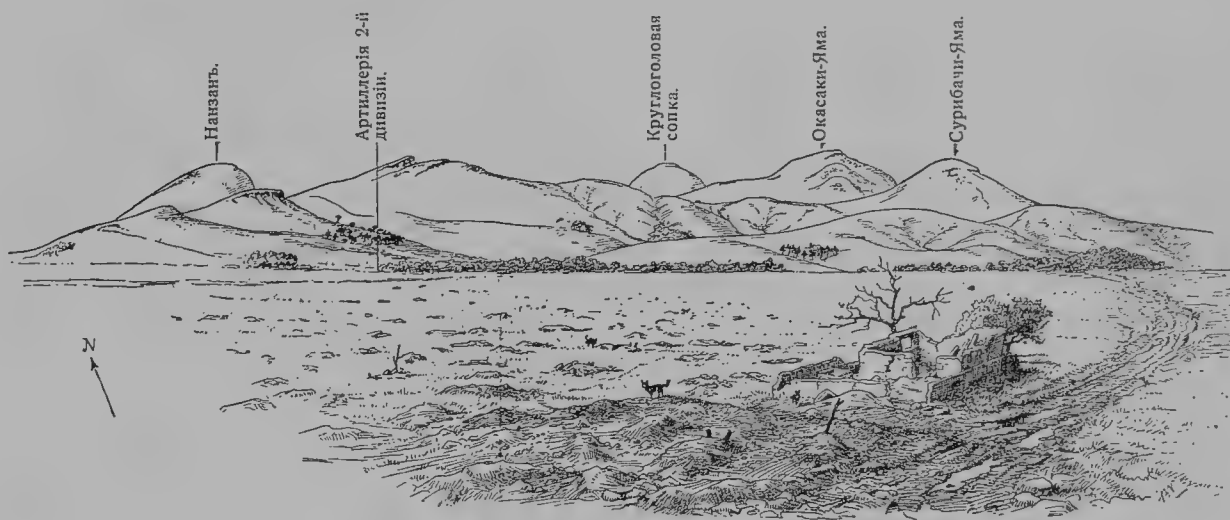
Видъ на Гунки-яму изъ японскихъ окоповъ на Далинскомъ перевалѣ.

Изъ записной книжки штабнаго офицера. Гамильтонъ.

однимъ ударомъ побѣдоносно закончить войну. Японцы стали готовиться къ атакѣ высокой горы, какъ вдругъ были получены крайне непріятныя для нихъ вѣсти:— Отъ 4-й арміи было получено увѣдомленіе, что ея 10-я дивизія потерпѣла неудачу и потеряла 14 орудій, Мацунаго доносилъ, что всѣ его атаки отбиты и его окружаютъ, гвардія доносила, что она встрѣтила превосходныя силы противника и что правая колонна ея потерпѣла пораженіе и вынуждена къ отступленію и обходное движеніе лѣвой колонны совершенно остановлено. Отосланіе бригады Мацунаги къ Чонсарей было вообще очень смѣлымъ и рискованнымъ шагомъ со стороны генерала Куроки, а при такихъ обстоятельствахъ оно могло повлечь за собой даже катастрофу, такъ какъ между бригадой, имѣвшей противъ себя большія наши силы, и отбитой гвардіей образовался перерывъ въ 4 версты длиною, за которымъ находилось всего только два резервныхъ батальона; мы, опираясь на высокую гору, могли бросить значительныя силы въ этотъ промежутокъ, разрѣзать японское расположеніе попо-

ламъ и черезъ этотъ прорывъ достигнуть глубины ихъ расположенія. Поэтому взятіе высокой горы являлось дѣломъ первостепенной важности и Куроки приказалъ непремѣнно исполнить это, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обратился къ маршалу Ойямѣ съ просьбой о поддержкѣ, и Ойяма тотчасъ же послалъ ему единственный оставшійся армейскій свой резервъ въ видѣ 5-й японской дивизіи. Какая поразительная разница съ Куропаткинымъ и его отношеніемъ къ своему резерву, 6-му сибирскому корпусу, въ дѣлѣ западнаго отряда генерала Бильдерлинга. 5-я дивизія тотчасъ была направлена въ пространство между правымъ флангомъ Окасаки и лѣвымъ флангомъ гвардіи. Подъ страшнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, послѣ продолжи-

Сраженіе на Шахѣ. Видъ на Окасаки-яму съ мѣста расположенія штаба I японской арміи 30 сентября 1904 г.

Изъ записной книжки штабнаго офицера. Гамильтонъ.

тельной и упорной рукопашной схватки, Окасаки-яма, наконецъ, была взята японцами. Вскорѣ, при содѣйствіи съ этой горы, 20-я японская дивизія взяла и Круглоголовую сопку. Такимъ образомъ, въ этотъ день положеніе 1-й японской арміи было спасено.

Обращаясь къ разсмотрѣнію только что описаннаго происшедшаго столкновенія, мы обращаемъ вниманіе на то, что имѣвшіе мѣсто бои происходили на столь громадномъ пространствѣ, занимали столь продолжительное время и происходили въ такихъ разнообразныхъ условіяхъ по мѣстности, что операцію на Шахѣ можно разсматривать, какъ цѣлую отдѣльную кампанію, разыгранную на совершенно противоположныхъ по мѣстнымъ условіямъ театрахъ войны. Мы проиграли какъ на западномъ, такъ и на восточномъ театрахъ. Образъ дѣйствій нашихъ войскъ на западномъ участкѣ приводитъ къ заключенію, что мы не отдавали себѣ яснаго отчета о томъ, чего мы, собственно говоря, хотѣли тутъ достигнуть, и потому вмѣсто того, чтобы захватить инициативу въ свои руки, мы сразу стали не наносить, а лишь только отражать удары, наносимые намъ, т. е. предоставили инициативу противнику. Имѣя въ виду, демонстрируя своимъ правымъ флангомъ, притянуть большія силы японцевъ къ ихъ лѣвому флангу и тѣмъ ослабить его правый флангъ, куда собственно и былъ на-

правленъ нашъ главный ударъ, но при такомъ условіи мы дѣйствовали на западномъ участкѣ слишкомъ вяло, а потому и слишкомъ откровенно выказывали свои истинныя намѣренія, наивно полагая, что непріятель не пойметъ этого. У начальника западнаго отряда не было своего собственнаго резерва, а генералъ Куропаткинъ не давалъ ему своего резерва, въ видѣ 6-го сибирскаго корпуса, оставшагося пассивнымъ зрителемъ разгрома 17-го армейскаго корпуса, кромѣ того, самое расположеніе этого корпуса уступомъ за правымъ флангомъ болѣе отвѣчало пассивной оборонѣ, чѣмъ наступленію. Въ жертву соблюденія теоретическаго принципа цѣльности и неприкосновенности общаго резерва, безъ всякой для того необходимости,

Сраженіе на Шахѣ. Видъ долины Тайцзы-хэ близъ Вейнинга изъ наиболѣе выдвинутыхъ японскихъ окопковъ близъ Бенсиху.

Изъ записной книжки штабнаго офицера. Гамильтонъ.

былъ принесенъ успѣхъ 17-го корпуса. Если бы 6-й сибирскій корпусъ былъ сразу подчиненъ генералу Бильдерлингу, то 29-го сентября дѣло 17-го корпуса могло бы разыгратъ совершенно иначе. Вредное вліяніе на ходъ дѣла оказала и наша привычка располагать боевой порядокъ по линіи, а не въ глубину. Въ боевую линію вытягивается сначала вся 3-я пѣхотная дивизія, что сразу уже затруднило управленіе, а затѣмъ постепенное вливаніе въ нее частей 35-й пѣхотной дивизіи повело за собой перемѣшиваніе частей и въ свою очередь было причиной затрудненій при руководствѣ боемъ. Такой же маневръ былъ примѣненъ и въ послѣдствіи, когда мы занимали линію Линшинпу—ст. Шахе, только въ боевую линію была назначена не 3-я, а 35-я пѣхотная дивизія. Не мало вреда принесло намъ и наше неумѣніе маневрировать подъ огнемъ; это влекло за собою большія и напрасныя потери, часто вы-

нуждавшія къ отступленію. Что касается до дѣйствій на восточномъ театрѣ, то тутъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе странная неопредѣленность выполненія поставленной задачи и крайняя медлительность дѣйствій. Съ первыхъ же шаговъ Куропаткинъ задерживаетъ Штакельберга, какъ-будто боясь за удачу затѣяннаго дѣла, какъ-будто оно не было достаточно обдуманно и взвѣшено настолько, чтобы затѣмъ, приступивъ къ исполненію, дѣйствовать уже рѣшительно безъ какихъ бы то ни было колебаній. Мы тратили время, предоставляя его противнику, чтобы опомниться, разгадать наши намѣренія и изготавиться къ отпору. Удивительно распредѣленіе ролей и войскъ по колоннамъ по бѣлому пятну вмѣсто карты и безъ всякаго представленія о силахъ, мѣстонахожденіи и расположеніи противника. Этимъ и объясняется, что

Умецава, находившійся почти въ нашихъ рукахъ, благополучно ушелъ и представилъ намъ большія затрудненія и этимъ же объясняется, что стрѣлки генерала Данилова уперлись въ отвѣсную стѣну, о которую разбились всѣ ихъ усилія. Уходъ Умецавы безъ боя Штакельбергъ принялъ было за первый успѣхъ, а

Китайскіе боги въ храмѣ Тераяма послѣ взятія сопки бригадой Окасаки 11 октября. Статуи избиты штыками.

уже черезъ сутки долженъ былъ придти къ сознанію, что наступленію нашему пришелъ конецъ. Грубая ошибка, допущенная Куропаткинымъ въ основѣ плана наступленія, немедленно дала себя знать. Огромный промежутокъ между лѣвымъ флангомъ западнаго отряда и правымъ—восточнаго былъ слабой стороной дѣла; центръ нашъ, такимъ образомъ, былъ очень слабъ, при томъ же мы вели дѣло съ такой медлительностью и съ такой откровенностью, что японцы немедленно поняли всю суть нашей игры и, перейдя въ встрѣчное наступленіе, именно сюда и направили свой главный ударъ, а это сразу вырвало инициативу изъ нашихъ рукъ и изъ наступающаго заставило обратиться въ обороняющагося. Въ центрѣ намъ пришлось образовать третій участокъ наступленія (войска генерала Зарубаева), что сразу заставило насъ израсходовать большую часть армейскаго резерва, вытянуло всѣ наши корпуса въ одну тонкую линію безъ всякой глубины и въ послѣдствіи повело къ неумѣстной полемикѣ между Куропаткинымъ, Штакельбергомъ и Бильдерлингомъ, изъ которыхъ послѣднему Куропаткинъ не даетъ своего резерва, въ видѣ 6-го сибирскаго корпуса, а отъ второго отнимаетъ его резервъ, въ видѣ 2-го сибирскаго корпуса, отправляя его въ распоряженіе генерала Зарубаева. Отсутствіе личной ини-

ціативы частныхъ начальниковъ и недостатокъ энергіи характеризовали собой дѣйствія генерала Ренненкампа и 3-го сибирскаго корпуса генерала Иванова. Неумѣніе оцѣнивать мѣстность и недостатокъ развѣдки, что имѣло мѣсто съ горой Лаутхелаза и стремленіе опираться главнымъ образомъ на штыкъ въ ущербъ развитія огня, все это были наши недочеты, которые принесли не мало ущерба и внесли свою лепту въ дѣло нашей неудачи. Суворовское выраженіе „пуля дура, штыкъ молодецъ“, вѣрное полтора столѣтія тому назадъ, въ послѣдствіи поддержанное и развитое покойнымъ генераломъ Драгомировымъ, вѣлось прочно въ сердце нашей арміи и на огонь и его значеніе у насъ было обращено мало вниманія. Японцы также охотно сходились на штыкъ, но вездѣ, гдѣ только было возможно, давали наибольшее развитіе огню. По удачному выраженію генерала Гамильтона, „наши солдаты привыкли смотрѣть на свои винтовки, какъ на орудія

Японское орудіе, взятое на Путиловской сопкѣ.

для прикрѣпленія штыка, а не какъ на страшное смертоносное орудіе современной цивилизаціи“. Лишь только доблесть и самоотверженіе нашего солдата остались по прежнему безупречными, и на вопросъ—почему же на Шахе мы понесли пораженіе, мы не ошибемся, если отвѣтимъ, что все предпріятіе было плохо обдумано и скомбинировано и еще хуже было приведено въ исполненіе старшими начальниками.

Съ стратегической точки операція на Шахе не имѣетъ особаго интереса,—кромѣ того, что мы понесли новое страшное пораженіе, но съ тактической стороны она представляетъ много интереснаго и поучительна съ нашей стороны, хотя и въ отрицательномъ смыслѣ.

Въ концѣ концовъ мы понесли громадныя потери и не подвинулись ни на шагъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Войска остались стоять лицомъ къ лицу на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ засталъ прекратившійся бой. Началась скучнѣйшая зимняя стоянка другъ противъ друга, сопровождаемая частыми тревогами и ночными перестрѣлками на передовыхъ позиціяхъ, которыя до крайности изнуряли войска, но не имѣли рѣшительно никакого значенія. Японцы также понесли большія потери и не достигли никакихъ сколько-нибудь важныхъ успѣховъ. Разбить насъ окончательно имъ не удалось, истомленные и ослабленные они остановились ожидать рѣшенія участи Портъ-Артура, теперь уже безповоротно предоставленнаго самому себѣ, когда они могли воспользоваться своими силами, которыя должны были осво-

бодиться послѣ паденія этой крѣпости. Но разница въ положеніяхъ была огромная: за японцами былъ цѣлый рядъ побѣдъ, за нами—цѣлый рядъ поражений.

Впечатлѣніе неудачи наступленія на Шахе, обратившейся для насъ въ новый погромъ, было удручающее. Армія осталась какъ бы безъ руководителя,—къ адмиралу Алексѣеву относились равнодушно, ибо его совсѣмъ не знали, а вѣра въ Куропаткина пропала окончательно. Впрочемъ, 12-го октября, адмиралъ Алексѣевъ былъ освобожденъ отъ должности главнокомандующаго, а 22-го всѣ наши силы были раздѣлены на три арміи, которыя занимали линію: Ванфунлинскій переваль, Путиловская сопка, Шахепу и Уанченпу. Противъ этихъ нашихъ силъ стояли три японскія арміи: первая отъ Баньяпуцзы до Фендяпу, лѣвѣе ея, къ югу отъ Шахепу до мандаринской дороги, стояла армія Нодзу, а влѣво отъ послѣдней на Ламатунъ и Линшинпу располагалась армія Оку, отъ послѣдней были выставлены сильные

Казачій бивуакъ зимою.

отряды въ долину Ляохе. Небольшіе самостоятельные отряды изъ трехъ родовъ оружія прикрывали весь фронтъ японскаго расположенія. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на подробностяхъ состава нашихъ армій, такъ какъ составъ ихъ не являлся постояннымъ, а, напротивъ, подвергался чуть не ежедневнымъ перемѣнамъ, услѣдить за которыми въ данное время нѣтъ никакой возможности. Оба противника занимали укрѣпленныя позиціи и линіи укрѣпленій подходили другъ къ другу на разстояніе отъ 600 до 2000 шаговъ, т. е. на разстояніе досягаемости ружейнаго выстрѣла. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это разстояніе было еще меньше: такъ въ деревнѣ Линшипупу сѣверная часть была занята нами, въ южной же части удержались японцы, противниковъ раздѣляло тутъ пространство около 200 шаговъ или одна улица да нѣсколько разрушенныхъ фанзъ. Въ общемъ вездѣ было спокойно, но такая непосредственная близость противниковъ вызывала постоянныя перестрѣлки между передовыми постами, которыя иногда принимали размѣръ сраженій, но имъ не давали разгораться, и, пострѣлявъ нѣкоторое время, войска опять расходились по своимъ мѣстамъ.

Наибольшее число такихъ стычекъ происходило въ районѣ Путиловской сопки и деревни Сахепу, которыми японцы все-таки старались овладѣть путемъ ночныхъ атакъ. Надвигавшаяся зима съ ея двадцатиградусными морозами заставляла подумать объ устройствѣ сколько-нибудь сноснаго жилья и о снабженіи людей теплой одеждой, да и вопросы продовольственные также обращали на себя вниманіе. Впрочемъ, послѣдній вопросъ упрощался до нѣкоторой степени тѣмъ, что наша армія снабжалась мясомъ и хлѣбомъ изъ сѣверо-восточной Монголіи и сѣверной Манджуріи и прибѣгать въ этомъ отношеніи къ помощи желѣзной дороги особенно не приходилось. Это обстоятельство настолько помогало дѣлу, что продовольствіе войскъ въ

Батареи на позиціи.

эту кампанію можно признать вполне хорошимъ; пища во многихъ частяхъ была превосходная, чему много способствовали походныя кухни, которыя давали возможность снабжать людей горячей пищей даже во время боя на позиціяхъ. Что касается до топлива, то оно получалось изъ лѣсовъ сѣверной Манджуріи, пользовались для этой

цѣли гаолянѣмъ и иногда деревомъ изъ разрушенныхъ китайскихъ построекъ. Болѣе всего затрудненій и хуже всего было снабженіе теплымъ платьемъ: его не хватало; поставляемые интендантствомъ полушубки были коротки и крайне плохого качества, кромѣ того, грузы съ ними постоянно запаздывали, а иногда застрѣвали въ пути и совсѣмъ не попадали по назначенію, приходилось прибѣгать къ помощи китайскихъ ватныхъ кацавеекъ, что подавало поводъ японскимъ солдатамъ, переругиваясь черезъ окопы съ нашими, называть ихъ оборванцами. Не хватало папахъ и почти совсѣмъ не было теплой обуви; были роты, въ которыхъ на 140 человѣкъ нижнихъ чиновъ имѣлось только 35 паръ валенокъ. Мы уже говорили, что недостатокъ полушубковъ восполнялся китайскими ватными кацавейками и халатами, недостатокъ же папахъ, которыхъ также много не хватало, восполнялся китайскими и монгольскими мѣховыми шапками. Это дѣлало нашихъ людей мало похожими на солдатъ и давало поводъ японцамъ упрекать насъ въ переодѣваніи въ китайское платье, съ цѣлью обмана непріятеля. Японская армія пользовалась продовольственными продуктами частью изъ Японіи, путемъ подвоза ихъ моремъ, частью же мѣстными средствами, подвозя продовольствіе по желѣзной дорогѣ и по многочисленнымъ грунтовымъ путямъ, которые въ зимнее время года довольно хороши. Въ

отношеніи продовольствія японцы также были хорошо обеспечены. Что же касается до обеспечения помѣщеніями, то у японцевъ дѣло поставлено было сложнѣе, они строили себѣ жилища барачнаго типа, подвозя нужный матеріалъ въ полуобдѣланномъ видѣ изъ Японіи, зато и помѣщенія были лучше приспособлены для жилья и болѣе отвѣчали ихъ вкоренившимся привычкамъ. Топливомъ имъ служилъ также гаолянъ, но, кромѣ него, они еще пользовались каменнымъ углемъ, получаемымъ изъ янтайскихъ и гайджоускихъ копей. Въ общемъ жизненные потребности обѣихъ армій были удовлетворены, и онѣ пережили тяжелое зимнее время довольно легко, чему доказательствомъ служило малое развитіе болѣзненности въ войскахъ обѣихъ сторонъ.

Чрезвычайно близкое расположеніе противниковъ, стоявшихъ, что называется, носъ къ носу, другъ противъ друга, требовало особой бдительности и обеспечения и привело къ необходимости укрѣпленія занимаемыхъ позицій фортификаціонными постройками, которыхъ обѣими сторонами было надѣлано такое множество, что онѣ образовали цѣлыя сплошныя линіи окоповъ, которыя тянулись на нѣсколько десятковъ верстъ, почти не прерываясь. Окопы были сильной профили, имѣли кры-

Допросъ плѣнныхъ японцевъ.

тые ходы сообщеній, были снабжены блиндажами и имѣли различныя мѣстныя препятствія, изъ которыхъ наибольшее распространеніе получили проволочныя загражденія.

Наша позиція впереди Мукдена была занята нами не преднамѣренно, а совершенно случайно, мы просто остановились на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ насъ засталъ прекратившійся бой или гдѣ мы могли остановить напоръ непріятеля, и занятые нами такимъ образомъ позиціи стали тотчасъ же укрѣпляться самими войсками, безъ какой бы то ни было руководящей идеи и какого бы то ни было общаго плана. Начальники участковъ позиціи каждый укрѣплялъ свой участокъ по своему усмотрѣнію, почему въ расположеніи укрѣпленій получилось большое разнообразіе, наши укрѣпленія

были несогласованы между собою, почему позже приходилось исправлять расположение укрѣплений путемъ упраздненія старыхъ и постройки новыхъ, но и это дѣлалось сначала по инициативѣ частныхъ высшихъ начальниковъ, изъ которыхъ каждый

Понимка на позиціяхъ хунхузовъ.

дѣйствовалъ сообразно личнымъ взглядамъ и пониманію обстановки. Впослѣдствіи генералъ Куропаткинъ сталъ посылать военныхъ инженеровъ, которые, въ свою очередь, исправляя расположение укрѣплений, вносили свои идеи. Въ концѣ концовъ вся наша позиція оказалась настолько загроможденной всевозможными укрѣпленіями, что послѣднія не только не усиливали ее, но скорѣе даже ослабляли. Все это произошло еще и изъ-за того, что войска своевременно не были выведены изъ сферы непосредственнаго вліянія противника, чрезмѣрная близость котораго мѣшала спокойному выбору позиціи и созданію соотвѣтствующаго общаго плана укрѣпленія позицій. Эта же неестественная близость противника, вызывая особое напряженіе бдительности въ войскахъ, сильно утомляла ихъ и, что самое главное, вызывала необходимость держать сильные резервы чуть ли не на линіи огня. Это послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, требовало полного обезпеченія резервовъ отъ всевозможныхъ случайностей, чего и стремились достигнуть путемъ постройки искусственныхъ препятствій и ихъ понастроили такое множество, что оборона позиціи совершенно потеряла въ смыслѣ активности и отвѣчала только пассивному отталкиванію непріятеля, да и то было затруднено, такъ какъ такое загроможденіе позицій всевозможными укрѣпленіями и мѣстными препятствіями затрудняло передвиженія войскъ. Какъ мы уже говорили, образовавшаяся сплошная линія окоповъ была все-таки слаба, такъ какъ отдѣльных опорныхъ пунктовъ, въ видѣ сомкнутыхъ укрѣплений, способствующихъ

Китайцамъ, задержаннымъ на позиціяхъ, отрѣзаютъ половину косы. Задержанныхъ съ половиною косы—вѣшаютъ.

щихъ укрытію сильныхъ резервовъ, связанныхъ между собою огневой взаимной обороной, у насъ было недостаточно. Что касается до самой постройки укрѣплений, то таковая была очень хороша; тутъ особенное вниманіе прилагалось къ маскировкѣ укрѣплений, что всегда приносило пользу и особенно ярко выразилось въ теченіе этой войны. Были примѣры, когда японцы цѣлыми недѣлями стрѣляли по земляной маскѣ, находившейся позади нашей батареи, будучи не въ состояніи обнаружить ея настоящее мѣсто, точно также они долго и усиленно обстрѣливали одну нашу деревню, которая сливалась съ фономъ впереди лежащей деревни и не была занята нами. Маскировка укрѣплений, батарей, даже отдѣльныхъ орудій получила въ эту войну самое широкое примѣненіе и въ этомъ отношеніи японцы превзошли насъ, обратя на этотъ важный вопросъ наибольшее вниманіе еще въ мирное время. Насъ же только горькій опытъ Тюренчена, Цзинь-Чжоу и Вафангоу научилъ

прибѣгать къ маскировкѣ своей артиллеріи и полезные результаты этого ярко сказались уже въ бою подъ Дашичао. Обращаетъ на себя вниманіе японскій способъ занимать и приспособлять къ оборонѣ населенные пункты. Опытъ минувшей войны показалъ, что при занятіи деревни выгоднѣе строить окопы нѣсколько впереди деревни и имѣть такіе же окопы по сторонамъ ея,

дабы защитники деревни во время бомбардировки могли найти себѣ укрытіе въ этихъ окопахъ; что же касается до занятія самой деревни, то опытъ показалъ, что это выгодно лишь въ томъ случаѣ, если у непріятельской артиллеріи нѣтъ ударной гранаты, въ противномъ случаѣ лучше не прибѣгать къ этому и лучше устраивать отдѣльное сомкнутое укрѣпленіе въ видѣ редута, усиленное искусственными препятствіями. У насъ же въ особенности въ первое время было въ этомъ отношеніи дѣлаемо много промаховъ: такъ мы, приспособляя нѣкоторыя деревни къ оборонѣ, занимали нашими войсками самую деревню, а редютомъ служили обыкновенно кумирни, находившіяся тамъ, и разныя другія болѣе или менѣе крупныя и прочныя зданія или большіе дворы. Результатъ получался неудовлетворительный: непріятельская артиллерія получила прекрасную точку прицѣливанія и, имѣя ударную гранату, всегда скоро пристрѣливалась и затѣмъ быстро разрушала постройки, нанося громаднѣйшій вредъ занимавшимъ ихъ. Мы же въ борьбѣ съ приспособленными и занятыми японцами деревнями были безсильны, главнымъ образомъ потому, что не имѣли ударной гранаты; было много случаевъ въ бояхъ подъ Мукденомъ, когда наша артиллерія бук-

Стрѣлокъ 20-го полка, убитый подъ Сандепу. Пролежалъ 2 недѣли въ полѣ и принесенъ, наконецъ, охотниками въ д. Чужанжданцзу, гдѣ и похороненъ. Собаки объѣли голову и ногу.

важно засыпала шрапнелями японскія деревни и все-таки не наносила защитникамъ ихъ существеннаго вреда. Мы уже говорили, что искусственныя препятствія въ минувшую войну получили особенно широкое примѣненіе, какъ у насъ, такъ и у нашего противника и что проволочныя загражденія были наиболѣе распространеннымъ видомъ этихъ препятствій; естественно, что вопросъ о способахъ и средствахъ ихъ преодоленія являлся вопросомъ большой важности, и наши войска постоянно упражнялись въ этомъ дѣлѣ и изобрѣтали различныя приспособленія для прохожденія этихъ препятствій и уничтоженія ихъ; было выработано нѣсколько типовъ различныхъ матовъ, которыми должны были покрываться проволочныя загражденія, чтобы устраивать переходы, но всѣ эти изобрѣтенія не давали хорошихъ результатовъ и потому въ войскахъ популярностью не пользовались; лучшими средствами

Приваль у дер. Тогоу. Завтракъ офицеровъ.

все-таки считались ножницы, которыми можно было разрѣзывать проволоку и такимъ образомъ устранять эти препятствія.

Развѣдываніе, производимое самими войсками, не давало удовлетворительныхъ результатовъ, потому что, при рекогносцировкѣ непріятельскихъ укрѣпленныхъ позицій, японцы далеко въ глубь проникать не давали, а безъ этого нельзя было получить и необходимыхъ свѣдѣній, поэтому мы прибѣгали къ системѣ развѣдокъ посредствомъ шпионовъ, которая также не давала ожидаемыхъ результатовъ. Тогда мы обратились къ помощи воздушныхъ шаровъ, но и съ ними выходило много недоразумѣній, свѣдѣнія, добываемыя ими, зачастую не сходились ни со свѣдѣніями шпионовъ, ни съ данными, добытыми рекогносцировками, что, по всей вѣроятности, происходило отъ непривычнаго для глаза измѣненія вида предметовъ съ высоты птичьяго полета, а также и оттого, что пункты поднятія воздушныхъ шаровъ были очень удалены отъ предметовъ наблюденія. Часть работъ по укрѣпленію позицій приходилось производить во время наступленія холодовъ, когда земля промерзла на нѣсколько аршинъ и эта работа въ мерзломъ грунтѣ сильно изнуряла войска, которыя тратили на нее почти все время.

Послѣ операціи на Шахе японцы остановились и не проявляли намѣренія перейти къ дальнѣйшимъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Они поджидали паденія Портъ-Артура. Они воспользовались временемъ остановки военныхъ дѣйствій и приступили къ дальнѣйшему развертыванію своей арміи. Въ концѣ ноября они довели свои батальоны до состава въ 1000 человекъ, всѣ 13 резервныхъ бригадъ были развернуты въ дивизіи восьми-батальоннаго состава съ придачей каждой такой дивизіи по одному эскадрону и по три батареи, которыя прибыли на театръ войны изъ Японіи. Эти части вошли частью въ составъ дѣйствующей арміи, частью же несли тыловую службу. Кромѣ того, остававшіяся еще дома 7-я и 8-я дивизіи были притянуты на театръ войны и направлены: первая къ Портъ-Артуру, на усиленіе арміи генерала Ноги, а вторая поступила въ непосредственное распоряженіе маршала Ойямы. Въ самой Японіи приступили къ формированію частей резерва второго

Отступленіе отъ Тъелина.

разряда и запасныхъ частей. Во время перерыва военныхъ дѣйствій отъ Шахе до Мукдена, въ теченіе почти четырехъ мѣсяцевъ, японцы обезпечивали за собой пріобрѣтенныя ими пространства и укрѣпляли свои позиціи. Въ этотъ періодъ времени наступила такъ называемая позиціонная война, которая, впрочемъ, не составляла особой характеристики минувшей кампаніи, а прямо вытекала изъ обстановки. Въ началѣ, когда наши силы были слабы, мы искали защиты за двойнымъ рядомъ укрѣпленій, какъ это имѣло мѣсто подъ Ляояномъ, потомъ мы признали возможнымъ перейти въ наступленіе, какъ это было на Шахе, но, понеся жестокое пораженіе, мы опять перешли къ оборонѣ и съ этою цѣлью приступили не только къ укрѣпленію занятой нами на Шахе позиціи, но и стали устраивать цѣлый рядъ укрѣпленныхъ позицій у себя въ тылу. Такимъ образомъ, наши укрѣпленія служили исключительно лишь для увеличенія нашей обороноспособности. Въ этомъ заключался весь смыслъ нашихъ укрѣпленій и въ этомъ же лежитъ существенная разница между нами и нашимъ противникомъ. Японцы также укрѣпляли свои позиціи, но на укрѣпленія свои смотрѣли, какъ на опорные пункты для дальнѣйшаго наступленія.

Этотъ взглядъ ярко выразилъ полковникъ Камимура, который говоритъ: „нашимъ способомъ атаки мы, пожалуй, опередили европейскіе образцы. Полевые укрѣпленія служатъ намъ не для обороны, а составляютъ опору для движенія впередъ, наша техника должна поддерживать нашу атаку, а не приводить къ оборонѣ“. Медленно, шагъ за шагомъ, подвигались японцы впередъ и только на Шахе, когда фронтальная атака нашей позиціи имъ не удалась, они остановились и приняли оборонительное положеніе, но временно, имѣя въ виду при увеличеніи своихъ силъ рѣшительный переходъ въ наступленіе, при чемъ ихъ фронтальная атака должна была быть соединена съ охватомъ одного или обоихъ нашихъ фланговъ. Но такъ какъ обходъ на полѣ сраженія, или тактическій обходъ, не можетъ принести рѣшительныхъ результатовъ, въ чемъ японцы убѣдились подъ Ляояномъ, то они рѣшили предпринять стратегическій обходъ, для котораго требовались значительно большія силы, по-

Отступленіе отъ дер. Даванъганьпу.

чему и рѣшили обратить наибольшее вниманіе на овладѣніе Портъ-Артуромъ съ тѣмъ, чтобы скорѣе освободить стотысячную армію генерала Ноги и тогда уже, притянувъ ее въ Манджурію и имѣя численный и нравственный перевѣсъ, попытаться атаковать насъ на Шахе. Эта операція, такимъ образомъ, отлагалась на неопредѣленно долгое время, поэтому-то они и приступили къ сильному укрѣпленію своихъ позицій, чтобы переждать суровое время года и выждать паденія Портъ-Артура. Но эта проволочка была нужна и намъ, чтобы поправиться послѣ пораженія на Шахе и вести войну дальше.

Наше положеніе передъ Мукденомъ характеризовалось слѣдующимъ образомъ: хотя наше наступленіе и не удалось, но мы сохранили за собою прежнія мѣста и удержались впереди Мукдена; этому, правда, мы были обязаны не себѣ, а чрезмѣрному утомленію японцевъ, которые впередъ не двинулись. Но мы не понимали этого и не пытались этимъ воспользоваться. Раньше японцы во всѣхъ бояхъ предписывали намъ свои законы и заставляли насъ примѣняться къ своимъ дѣйствіямъ, и старая аксіома, что на войнѣ, кто сумѣетъ подчинить волю противника, тотъ и

Факшинская позиція—4-я батарея 3-й В.-С. арт. бригады во время боя обстрѣливаетъ подступы къ № 16.

будетъ имѣть успѣхъ, оправдалась и въ этомъ случаѣ. Никогда не слѣдуетъ на войнѣ дѣлать то, что желаетъ противникъ; нашъ противникъ, очевидно, не желалъ двигаться впередъ и естественно было, что онъ не желалъ также движенія впередъ и съ нашей стороны, вотъ въ этотъ-то моментъ мы и не должны были играть ему въ руку, какъ на самомъ дѣлѣ мы сдѣлали. Но для этого нужна была проницательность, желѣзная воля и твердая рѣшимость, т. е. такія качества, которыхъ-то и не было у нашего главнокомандующаго. Не обращая вниманія на другія болѣе существенныя обстоятельства, генералъ Куропаткинъ рассчитывалъ выиграть время съ тѣмъ, чтобы къ веснѣ будущаго года сосредоточить у Мукдена значительно большія силы, чтобы не только отразить японцевъ, но и самому перейти въ наступленіе, то-есть перешелъ къ тому же образу дѣйствій, благодаря которому онъ до сихъ поръ терпѣлъ лишь одни пораженія. Признавая необходимой для успѣха лишь одну матеріальную данную — это численность арміи, онъ не признавалъ ничего другого и рѣшилъ по-прежнему пассивно выжидать, когда его атакуютъ японцы, наивно полагая, что послѣдніе будутъ сидѣть спокойно, ожидая, когда онъ, наконецъ, доведетъ до желаемой цифры численность своей арміи. Это нельзя признать правильнымъ рѣшеніемъ вопроса, такъ какъ опять все ставилось въ зависимость отъ наступательныхъ дѣйствій японцевъ и Куропаткинъ опять попадалъ подъ невольное подчиненіе маршалу Ойямѣ, что и привело въ концѣ концовъ къ мукденскому погрому. Но, какъ мы уже говорили, и нашъ противникъ вынужденъ былъ на перерывъ въ своихъ наступательныхъ операціяхъ. У нихъ не было достаточно силъ для

нанесенія намъ рѣшительнаго удара, къ чему такъ стремился генералъ Ойяма, онъ сталъ выжидать паденія Портъ-Артура, въ которомъ, такимъ образомъ, и лежалъ центръ тяжести всей войны: чѣмъ дольше бы эта крѣпость держалась, тѣмъ дольше

Отступление отъ дер. Даванганьпу.

долженъ былъ выжидать Ойяма и тѣмъ ближе подходили мы къ намѣченному Куропаткинымъ увеличенію числительной силы нашей арміи.

Только послѣ паденія Портъ-Артура японцы могли рассчитывать на окончательный успѣхъ своихъ стратегическихъ операцій, которыя должны были привести ихъ къ окончательному окруженію нашихъ армій. Такое положеніе дѣла привело обоихъ противниковъ къ небывалому еще въ исторіи войнъ по своей продолжительности сидѣнію на плечахъ другъ у друга.

Въ концѣ декабря, наконецъ, Портъ-Артуръ палъ и армія Ноги могла быть притянута на манджурскій театръ военныхъ дѣйствій. Окончательно она освободилась лишь ко 2-му января. Ея тяжелая артиллерія была двинута по желѣзной дорогѣ, войска же слѣдовали обыкновеннымъ пѣшимъ порядкомъ. При такихъ обстоятельствахъ, она могла прибыть на мѣсто не раньше начала февраля и тогда могли начаться наступательныя операціи японцевъ. Въ составъ арміи генерала Ноги входили: 2-я, 7-я, 9-я и 11-я дивизіи и 2-я и 4-я резервныя бригады, 200 тяжелыхъ орудій, 4 осадныхъ артиллерійскихъ парка и нѣсколько инженерныхъ батальоновъ. Въ началѣ января 1905 года японскія силы были расположены слѣдующимъ образомъ: на ихъ правомъ флангѣ находилась 1-я армія въ составѣ гвардейской, 2-й и 12-й дивизій съ соотвѣтствующими резервными бригадами. Эта армія занимала районъ отъ Бенсиху черезъ Баньяпуцзу до Фендяпу. 4-я армія, въ составѣ 3-й и 10-й дивизій съ соотвѣтствующими резервными бригадами, находилась въ центрѣ и занимала пространство отъ Кудязы до Хоутая. 2-я армія, въ составъ которой входили 4-я и 6-я дивизіи съ соотвѣтствующими резервными бригадами, занимала лѣвый флангъ и располагалась въ окрестностяхъ Лидіатуня. Общій армейскій резервъ, въ составѣ 5-й и 8-й дивизій съ ихъ резервными бригадами, находился при главной

квартиръ маршала Ойямы у янтайскихъ копей. Правый флангъ всего японскаго расположенія обезпечивался резервными войсками, занимавшими Ванфунлинскій и Далинскій перевалы. Между лѣвымъ флангомъ 2-й арміи и Хегоутаемъ была расположена кавалерійская бригада генерала Акіяма, а между Хунхе и Ляохе находилась кавалерійская бригада генерала Тамура, при которой, какъ говорятъ, былъ организованный отрядъ хунхузовъ. Такимъ образомъ усматривается, что большая часть японскихъ силъ была расположена въ центрѣ всего ихъ расположенія, первая армія была эшелонирована на ихъ правомъ флангѣ, а крайній лѣвый ихъ флангъ охранялся кавалеріей. Ихъ фронтъ былъ сильно укрѣпленъ, всѣ деревни были приведены въ оборонительное положеніе и соединены большими стрѣлковыми окопами, снабженными блиндажами и крытыми ходами сообщеній. Эти окопы были расположены въ нѣсколько рядовъ и первая ихъ линія была усилена искусственными препятствіями, за которыми находились окопы для тяжелой артиллеріи и батарей. Въ деревняхъ были устроены редюиты, по всей позиціи проведены хорошія дороги и всѣ части были соединены телеграфными и телефонными проводами. На японскихъ флангахъ не было сплошныхъ линій стрѣлковыхъ окоповъ, тамъ были укрѣплены только нѣкоторые населенные пункты. Здѣсь кстати будетъ сказать, что японцы не упустили ничего, чтобы обезпечить себя со всѣхъ сторонъ. Они воспользовались средствами, которыя давало имъ мѣстное населеніе, они стали организовывать партіи хунхузовъ и, придавая имъ своихъ офицеровъ, организовали изъ нихъ отряды, которымъ и поручали различныя мелкія задачи, беспокоить нашъ тылъ, производить развѣдки и разныя нечаянныя нападенія, во всякомъ случаѣ они стремились сдѣлать этотъ элементъ безвреднымъ для самихъ себя. Хотя всѣ по-

Стѣнка съ двумя выучными пулеметами, приспособленными къ оборонѣ. Позиція у деревни Чжанжуанцзы.

пытки хунхузовъ противъ нашей желѣзной дороги и не имѣли серьезныхъ послѣдствій, но тѣмъ не менѣе они все-таки мѣшали намъ, заставляя усиливать надзоръ за желѣзной дорогой, на что приходилось тратить лишнія войска, которыя утомлялись.

Съ нашей стороны въ началѣ января 1905 года находились нижеслѣдующія силы, которыя были расположены: на правомъ флангѣ была расположена 2-я армія генерала Гриппенберга, занимавшая пространство отъ Сыфантая черезъ Чжантань до Вучжуаня, въ составъ этой арміи входили: 8-й и 10-й армейскіе и 1-й сибирскій корпуса, отрядъ генерала Коссоговскаго, въ составѣ одной бригады 61-й пѣхотной дивизіи 5-го сибирскаго корпуса и 1-й, 2-й и 5-й стрѣлковыхъ бригадъ. Кавалерія генерала Мищенко.

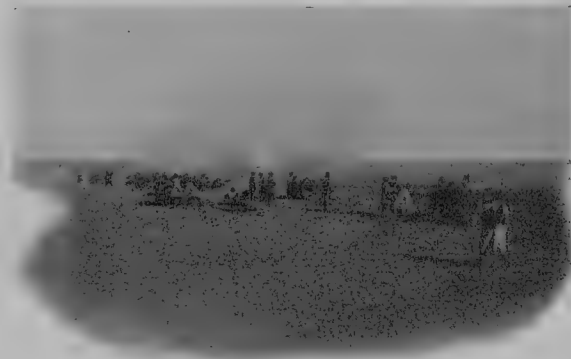
Въ центрѣ нашего расположенія находилась 3-я армія генерала Каульбарса, она занимала пространство отъ Вучжанина до Путиловской сопки и имѣла въ своемъ составѣ 17-й армейскій корпусъ, три четверти 5-го сибирскаго и половину 6-го си-

1 бат. 3 Сиб. дивиз. въ пути въ д. Сифонтай входитъ въ д. Тогопу.

бирскаго корпусовъ. На лѣвомъ нашемъ флангѣ находилась 1-я армія генерала Линевича, стоявшая на пространствѣ отъ Путиловской сопки до Гаутулинскаго перевала, въ составъ этой арміи входили: 1-й армейскій корпусъ и 2-й, 3-й и 4-й сибирскіе корпуса и кавалерія генерала Ренненкампа. Общій армейскій резервъ составляла одна 72-я пѣхотная дивизія, стоявшая у Сахетуна, гдѣ была главная квартира генерала Куропаткина. Длина всего этого фронта достигала до 100 верстъ при сравнительно небольшой глубинѣ около 15 верстъ; правый флангъ всего расположенія охранялся конницей генерала Мищенко, а лѣвый—конницей генерала Ренненкампа, кромѣ того, цѣлая казачья дивизія была на охранѣ желѣзной дороги, 16-й же армейскій корпусъ находился на пути слѣдованія изъ Европейской Россіи и подошелъ къ Мукдену только въ концѣ января. Мы уже раньше говорили, что всѣ эти позиціи наши были сильно укрѣплены. Мы также имѣли сплошные глубокіе стрѣлковые окопы, блиндажи и крытые ходы сообщеній, деревни были также приведены въ оборонительное положеніе, при чемъ редюиты ихъ состояли изъ редутовъ, построенныхъ группами, но все это было сдѣлано безъ общей руководящей идеи и потому нагромождено въ такомъ огромномъ количествѣ, что требовало очень большого числа войскъ

для своего занятія и сильно затрудняло ночныя передвиженія и переходъ, въ случаѣ надобности, въ наступленіе. Такимъ образомъ, надо признать, что съ этой стороны наше укрѣпленіе позиціи было слабѣе японскаго; у насъ всюду проглядывала чисто оборонительная тенденція и стремленіе къ пассивной оборонѣ, о которой только Куропаткинъ и думалъ, мы все время обеспечивали себѣ отступленіе и ничего не дѣлали для обеспечения наступленія. Такъ, съ первою цѣлью за этой первой укрѣпленной позиціей мы выстроили на правомъ берегу Хунхе между Фулиномъ и Фушуномъ арьергардную укрѣпленную позицію, которая намъ оказала большую услугу и помогла Куропаткину кое-какъ уйти къ Тѣлину; для обеспечения переправы находившихся на лѣвомъ берегу частей были устроены предмостныя укрѣпленія и черезъ Хунхе было выстроено 5 мостовъ. Кромѣ всего этого, для противодѣйствія обходу праваго фланга, на правомъ же берегу Хунхе была выбрана и укрѣплена позиція, которая отъ Мадяпу шла сначала въ сѣверномъ направленіи, и, заворачивая потомъ на сѣверо-востокъ, оканчивалась у Хунхе у Синминтинской дороги. Такимъ образомъ, для успѣха обороны было все сдѣлано, очевидно, этотъ вопросъ больше всего и привлекалъ вниманіе Куропаткина, объ активныхъ же дѣйствіяхъ, о наступленіи онъ, какъ видно, и не думалъ. При такихъ условіяхъ рассчитывать на побѣду, конечно, и думать было нечего и пораженіе наше, такъ сказать, висѣло въ воздухѣ. Нельзя, однако, не упомянуть, чтобы подобное направленіе дѣятельности Куропаткина уже совершенно не находило бы себѣ нѣкотораго оправданія въ общей обстановкѣ. Наше положеніе было таково, что рѣшиться на что-нибудь было надо, и такъ какъ мы не могли скоро перейти въ наступленіе, то мы обратили свои взоры на оборону. Мы можемъ все-таки съ большой увѣренностью сказать, что ни Суворовъ, ни Скобелевъ на такомъ рѣшеніи не остановились бы. Странно только, если Куропаткинъ рассчитывалъ на вѣчныя отступленія, на полное истощеніе противника естественнымъ путемъ, если рассчитывалъ взять его, такъ сказать, изморомъ, то отчего онъ не отступилъ, а предпочелъ пассивно сидѣть на носу у непріятеля, ожидая, когда послѣдній изготовится для нанесенія рѣшительнаго ему удара. Это во всякомъ случаѣ указываетъ на нерѣшительность генерала Куропаткина, ту степень растерянности, до которой онъ дошелъ, до того, что совершенно не могъ обнять обстановку и не былъ въ состояніи выработать и, тѣмъ менѣе, провести въ жизнь какой-нибудь опредѣленный планъ. Можетъ быть, у Куропаткина и были какіе-нибудь иные мотивы такого направленія его дѣятельности, но мы ихъ не знаемъ и объ нихъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время судить не можемъ, это уже должно составить задачу будущаго подробнаго и всесторонняго изслѣдованія.

Бой у дер. Хайлатоза.

Разбитые и истомленные остановились мы на нашихъ шахейскихъ позиціяхъ, но и побѣдоносный нашъ противникъ былъ не менѣе насъ истомленъ, и бои пре-

кратились. Наступившее такимъ образомъ затишье подъ впечатлѣніемъ послѣдняго разгрома на Шахе было томительно. Россія волновалась, и требовалось настоятельно сдѣлать что-нибудь, какъ-нибудь проявить свою жизнеспособность и чѣмъ-нибудь занять волнующееся русское общество. Ближайшимъ средствомъ являлся давно задуманный набѣгъ генерала Мищенко на японскій тылъ. Но и это предпріятіе Куропаткинъ ухитрился испортить. Главнѣйшими условіями успѣха подобныхъ предпріятій является, во-первыхъ, скрытность, а затѣмъ быстрота и лихость кавалерійскаго налета. Что же было у насъ? О набѣгѣ Мищенко стали говорить еще за два мѣсяца до его дѣйствительнаго осуществленія, сначала говорили тихо подъ сурдинкой, а

Постройка землянки у дер. Мизантунъ.

потомъ уже совершенно открыто, не стѣсняясь даже присутствіемъ и китайцевъ,—естественно, что при такихъ условіяхъ непріятель не только отлично зналъ о намѣреніи нашемъ произвести набѣгъ, но и зналъ назначенныя для этого силы и время начала операціи. При такихъ условіяхъ лучше было бы отказаться отъ этого предпріятія, но, какъ мы уже говорили, Куропаткинъ чувствовалъ, что Россія требуетъ проявленія какой-нибудь дѣятельности своей арміи. Кромѣ цѣлаго ряда предъидущихъ поражений, съ одной сто-

роны, а съ другой — существовавшая невозможность предпринять что-либо съ арміей связывала руки. У насъ была многочисленная кавалерія, составлявшая наше преимущество передъ противникомъ, у котораго кавалеріи было меньше, да мы и смотрѣли на нее съ высоты своего кавалерійскаго величія, но до сихъ поръ наша кавалерія ничѣмъ рѣшительно себя не проявила, ея точно не было на театрѣ войны. Поэтому дать возможность ей отличиться, принести какую-нибудь явную пользу, было очень заманчиво, кромѣ того, разумныя и энергичныя дѣйствія кавалерійскаго отряда въ тылу у непріятели сулили намъ весьма существенныя выгоды. Всѣ подвозы японцы производили по желѣзнодорожной линіи Гайджоу—Дашичао—Хайченъ—Ляоянь, и серьезная порча этого пути, кромѣ моральнаго впечатлѣнія, могла принести противнику большія затрудненія въ смыслѣ подвоза всего необходимаго и въ смыслѣ удобства и быстроты передвиженія ихъ войскъ и, можетъ быть, тогда бы портартурская армія Ноги не могла такъ скоро появиться подъ стѣнами Мукдена; во всякомъ случаѣ, такое рѣзкое хозяйничанье наше въ тылу у японцевъ заставило бы ихъ оттянуть, можетъ быть, даже и значительную часть силъ для обезпеченія своихъ коммуникацій. Всѣ эти соображенія, въ особенности въ виду невозможности съ нашей стороны какихъ-либо наступательныхъ дѣйствій, и заставили Куропаткина ухватиться за набѣгъ генерала Мищенко,

какъ за средство, наиболѣе удовлетворяющее потребности минуты, возможное къ выполнению и обѣщающее въ случаѣ успѣха довольно значительныя выгоды.

Все это, конечно, имѣло основаніе и могло принести свою долю пользы, если бы предпріятіе было разумно обдуманно и подготовлено, а главное, не такъ плохо выполнено, какъ это было въ дѣйствительности. Все дѣло заключалось въ скрытности, неожиданности и быстротѣ дѣйствій, на самомъ же дѣлѣ произошло слѣдующее: о набѣгѣ Мищенко стали говорить еще въ концѣ октября и до конца декабря все только говорили объ этомъ предпріятіи, любезно предоставляя непріятелю время достаточно обдумать наше намѣреніе и достаточно къ нему подготовиться. Еще въ октябрѣ генералъ Мищенко, оповѣщенный о предстоящемъ ему набѣгѣ, высказался:*) „Прежде всего я хочу, чтобы меня не стѣсняли ни направлениемъ, ни срокомъ. Если мнѣ скажутъ, что я долженъ выполнить набѣгъ въ 6 дней, я откажусь, если мнѣ начертать путь—тоже самое. Мало ли куда потянетъ и какой крюкъ придется сдѣлать. Все зависить отъ того, кого я встрѣчу и какъ японцы будутъ меня ловить. Хотятъ, чтобы я ввязывался въ бой... А, по моему, цѣль набѣга въ томъ, чтобы своимъ появленіемъ въ тылу нагнать панику, уничтожить запасы, захватить транспорты, разрушать пути, захватывать отдѣльныя команды, а попутно и развѣдывать... все дѣло въ быстротѣ. Поэтому я думаю взять съ собою самое малое количество артиллеріи—свою Забайкальскую да конно-горную батареи... Обозъ только выучный“. При этомъ Мищенко предупредилъ офицеровъ, что раненые и больные, въ отступленіе отъ обычнаго правила, будутъ брошены,

Одинъ изъ окоповъ на позиціи въ д. Чжанжуанцзы, гдѣ батарея приняла бой 16 февраля 1905 года.

дабы не обременять отрядъ и не замедлять скорость его движенія и поэтому всѣ должны быть готовы попасть въ руки японцевъ или китайцевъ“.

Вотъ какъ правильно и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно смотрѣлъ генералъ Мищенко на свою задачу и способъ ея выполненія, но, какъ это часто бываетъ, между самыми прекрасными словами и дѣломъ лежитъ зачастую цѣлая бездна. Такъ случилось и теперь: ничего изъ высказаннаго Мищенко не осуществилось, вышло какъ разъ наоборотъ, и, конечно, не одинъ только генералъ Куропаткинъ виноватъ въ этомъ,

*) „Набѣгъ на Инкоу“, полковника Свѣшникова, изд. 1906 года.

но и въ значительной мѣрѣ самъ генералъ Мищенко, оказавшійся не только не на высотѣ толковаго кавалериста, но даже и не на высотѣ дѣльнаго пѣхотинца, который бы руководилъ этимъ кавалерійскимъ дѣломъ.

Прежде всего отрядъ Мищенко былъ слишкомъ великъ и грузенъ, въ составъ его входили „82 сотни и эскадрона и 22 орудія. Всѣ эти силы были распределены на четыре колонны, въ первую входили:

*) Подъ начальствомъ генерала Телишева:

Донская казачья дивизія	18 сотенъ.
Кавказская казачья бригада	11 „
Сотни охотниковъ	6 „
2-я казачья батарея	6 орудій.
8-я сотня пограничной стражи	1 сотня.
Всего	36 сотенъ и 6 орудій.

Подъ начальствомъ генерала Абрамова:

Уральская казачья бригада	10 сотенъ.
1-й Верхнеудинскій казачій полкъ	5 „
Охотничья команда	4 „
1-я Забайкальская казачья батарея	6 орудій.
41-я сотня пограничной стражи	2 сотни.
Отдѣленіе Краснаго Креста	1 отдѣленіе.
Всего	20 сот., 6 оруд., 1 к. к.

Подъ начальствомъ войскового старшины Свѣшникова:

2-й Читинскій казачій полкъ	6 сотенъ.
40-я сотня пограничной стражи	1 сотня.
Вьючный обозъ	1500 лошадей.
Всего	7 сот., 1500 коней.

Подъ начальствомъ генерала Самсонова:

Сводная драгунская дивизія	18 эскадроновъ.
3-я сотня пограничной стражи	1 сотня.
20-я конная батарея	6 орудій.
Поршнева батарея	4 орудія.
Всего	18 эскадрон., 1 сотня и 10 орудій.

*) „Набѣгъ на Инкоу“, полковника Свѣшникова, изд. 1906 года.

Столь большой отрядъ уже самъ по себѣ противорѣчилъ первому условію успѣха—быстротѣ движенія, такъ какъ съ такими силами быстро совершать движеніе нельзя, отрядъ требовалъ движенія нѣсколькими колоннами, затруднялось продовольствіе такого большого количества людей и лошадей, а также и размѣщеніе на остановкахъ, надо было прибѣгать къ помощи населенныхъ пунктовъ, ибо оставаться подъ открытымъ небомъ въ глухую зиму было трудно, но, что самое главное, служило тормозомъ для этого кавалерійскаго набѣга, прозваннаго въ насмѣшку „наползомъ“, это непомерно большой вьючный транспортъ, который могъ двигаться только шагомъ, тяжелыя орудія также сильно замедляли движеніе. Началомъ набѣга слѣдуетъ признать 26-е декабря, день, въ который отрядъ сосредоточился въ окрестностяхъ деревни Сифонтай, гдѣ въ это время былъ расположенъ отрядъ генерала Коссоговскаго, долженствовавшій служить опорой отряду генерала Мищенко. Получалась удивительная странность, что кавалерійскій налетъ обосновывался или имѣлъ точкой опоры пѣхотный отрядъ. Вечеромъ 26-го декабря была получена нижеслѣдующая диспозиція генерала Мищенко. Она гласила:

Габулинская позиція.

*) „Противникъ занимаетъ линію р. Хунхе, имѣя до трехъ полковъ при 8 эскадронахъ и 4-хъ орудіяхъ у деревень Сяобейхе—Бейдагоу. Его авангарды, каждый силою въ одинъ батальонъ, одинъ эскадронъ и два орудія, расположены въ селеніяхъ Мамакай и Читайцзы. Передовыя заставы въ селеніяхъ: Янтайцзы, Хегоута (двѣ роты, два эскадрона, два орудія), Хуантайцзы (одна рота и полуэскадронъ), Сантацзы (полурота, одинъ конный взводъ) и Сяодалинъ (одна рота и полуэскадронъ). Поддержки въ селеніяхъ Туерпу и Нюду (два батальона и три эскадрона). На всѣхъ заставахъ имѣются пулеметы. Разѣзды противника доходятъ до линіи Джань—Чаньмахулинцзы—Матіецзы—Убанюръ—Ашеню—Каляма. По свѣдѣніямъ, на линіи Сяобейхе—Даванъ до 3-хъ тысячъ хунхузовъ, пѣшихъ и конныхъ, состоящихъ на службѣ у японцевъ. Нашъ авангардъ изъ отряда генерала Коссоговскаго у деревни Хомахулинцзы, имѣя впереди заставы.

Ввѣренному мнѣ отряду во исполненіе задачи завтра 27-го декабря продолжать движеніе и перейти на линію Тадинцуза—Даванъ. Для чего:

*) „Набѣгъ на Инкоу“ полковника Свѣшникова изд. 1906 года.

Колонна генерала Телишева.

Донская дивизія	18 сот.	Выступаетъ въ 6 час. утра изъ Піанпудзы
Каз. бриг.	11 „	въ Убанюръ, Сандятунъ, Лядопа, гдѣ стать
Охот.	4 „	на ночлегъ въ ближайшей деревнѣ. Боль-
Погр. стр.	1 „	шой привалъ у деревни Сандятурнъ до 2-хъ
2-я каз. бат.	6 оруд.	часовъ дня. Столкновеній съ противникомъ
		избѣгать.

Колонна генерала Абрамова.

Уральск. бриг.	10 сот.	Выступить въ 8 часовъ утра изъ Ундіопы
1-й Верхнеуд. полкъ . . .	5 „	и слѣдовать на Нандятурнъ, Ашеню и далѣе
Охот. команда	4 „	къ югу на высоту Давана, гдѣ стать на ноч-
1-я Заб. каз. бат.	6 оруд.	легъ въ ближайшей деревнѣ. Большой при-
Погранич. стр.	1 сот.	валъ къ югу отъ Каляма и Ляофаншина до
Отд. Крас. Крес.	1 отд.	2 часовъ дня.

Колонна войск. стар. Свѣшникова.

1-й Читинскій полкъ . . .	6 сот.	Выступить изъ Сифонтая въ 7 съ поло-
Погранич. стража	1 „	виною часовъ утра и слѣдовать на Каляма,
Вьючный обозъ	1500 лош.	Малюопа, Даванъ, гдѣ стать на ночлегъ. Боль-
		шой привалъ до 2-хъ часовъ дня у дер.
		Сяванза.

Колонна генерала Самсонова.

Свод. драгунск. див. . . .	18 эск.	Выступить въ часовъ утра изъ дер.
Погранич. стр.	1 сот.	Яохуанди и слѣдовать на Каляма, гдѣ пере-
20-я кон. бат.	4 оруд.	правиться на правый берегъ Ляохе и слѣ-
Поршневая бат.	4 „	довать къ Танлинпуза, гдѣ ночлегъ. Боль-
		шой привалъ у дер. Сіансодзяпу.

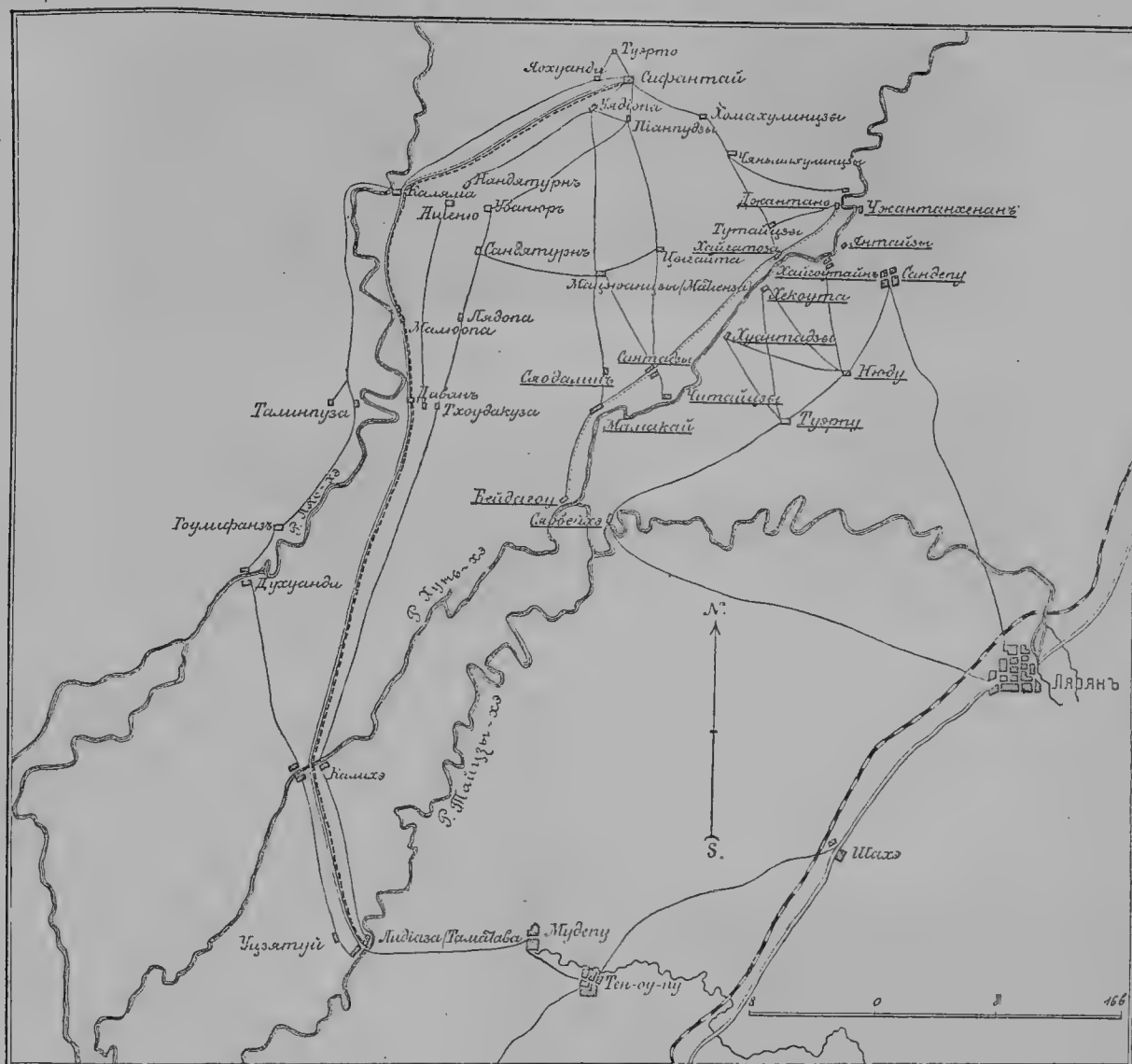
Частямъ при движеніи руководствоваться инструкціей.

Колоннамъ при движеніи придерживаться ближе къ Ляохе, сообразуясь съ колонной войскового старшины Свѣшникова.

Я буду при колоннѣ генерала Абрамова.

Эта опредѣленная и точная диспозиція повидимому не должна была вызвать никакихъ недоразумѣній, въ дѣйствительности же войска все таки не могли согласно ей двигаться; дѣло въ томъ, что не было выдано никакой карты, и всѣ пункты, опредѣляющіе движеніе, войскамъ были неизвѣстны. Послѣ долгихъ настоятельныхъ требованій была выдана, наконецъ, войскамъ карта, но какая. На ней были нанесены только конечные пункты движенія, промежуточныхъ же совсѣмъ не было и не былъ нанесенъ рельефъ мѣстности, такъ что ориентироваться по этой картѣ все равно

было нельзя. Но самымъ плохимъ и несоотвѣтствующимъ въ организаціи этого набѣга это былъ вьючный транспортъ. Этотъ обозъ состоялъ изъ 1500 вьючныхъ животныхъ, лошадей и муловъ и дѣлился на 5 транспортовъ, изъ которыхъ каждый, въ свою очередь, дѣлился на звенья, изъ которыхъ каждое состояло изъ проводника и 5 вьюковъ, въ одномъ изъ транспортовъ проводники были пѣшіе. Вьючить цѣлый транспортъ за разъ было нельзя, такъ какъ мулы и лошади подъ тяжестью

вьюка часто ложились, необходимо было развьючивать и начинать работу сызнова. Поэтому вьючили звенья по очереди и можно себѣ представить, сколько времени брала эта операція. Лошади или мулы были привязаны въ звеньяхъ къ хвостамъ впереди идущихъ, вслѣдствіе чего получался неравномѣрный шагъ и происходили постоянныя задержки, заднія лошади дергали за хвосты переднихъ, послѣднія брыкались и сбрасывали свои вьюки. Самые вьюки были очень плохо сдѣланы, они на каждомъ шагу ломались и, вѣроятно, ради экономіи, многихъ ремней не хватало, ихъ замѣняли веревки, которыя терли бока и спины животнымъ, причиняли имъ раны

и опухоли и дѣлали ихъ негодными для службы. Самые проводники въ транспор-
тахъ были изъ нестроевыхъ, не обладали опытомъ и были недисциплинированы,
присутствіе же между ними пѣшихъ людей сводило весь этотъ кавалерійскій набѣгъ

Наступленіе на р. Шахе. 4-й Сибир. корпусъ переходитъ мостъ черезъ р. Хунхе.
Пѣхота по мосту, артиллерія въ бродъ.

къ обыкновенному походному движенію пѣхоты, даже иногда медленнѣе. Такимъ
образомъ, этотъ транспортъ, двигавшійся со скоростью отъ двухъ до двухъ съ половиной
верстъ въ часъ, представлялъ обузу для всего отряда, который, какъ уже говорено
выше, былъ самъ по себѣ слишкомъ грузенъ, онъ считалъ около 8500 лошадей и
22 пушки; для самой основательной порчи желѣзной дороги, какъ главнаго сред-
ства подвоза противника; въ такой силѣ отряда никакой надобности не было, она
только мѣшала дѣлу, для другихъ же болѣе серьезныхъ задачъ этотъ отрядъ не
годился какъ по своему составу, такъ и по силѣ. Описывая этотъ набѣгъ, одинъ изъ
участниковъ его, войсковой старшина Свѣшниковъ, говоритъ: „съ перваго же дня

Китайская арба.

я понялъ, что изъ набѣга ничего
не выйдетъ; что это не набѣгъ,
а какая-то злая шутка, но, къ
великой моей радости, ошибся и
даже такія грамматическія ошибки,
которыя сводились къ непонима-
нію, что, если хотятъ скоро бѣ-
жать, нужно бѣжать налегкѣ, или
если хотятъ явиться неожиданно,
нужно скрывать движеніе и, во
всякомъ случаѣ, не говорить от-
крыто про набѣгъ за два мѣсяца,

не помѣшало бы блестящимъ результатамъ набѣга, если бы не было сдѣлано оши-
бокъ болѣе грубыхъ“.

Вся мѣстность, по которой приходилось двигаться нашимъ колоннамъ, была
наполнена хунхузами, подъ предводительствомъ извѣстнаго своею лихостью Тули-

сана. При прохожденіи, китайцы встрѣчали наши войска набатомъ въ колокола при кумирняхъ и видно было, какъ многіе всадники мчались къ югу, конечно, съ цѣлью предупредить кого слѣдуетъ о нашемъ движеніи. Съ перваго же перехода связь между колоннами была потеряна, разъѣзды для связи или не были посланы, или не нашли сосѣднихъ колоннъ и движеніе сразу разравнялось. Несмотря на приказаніе сообразовать свое движеніе съ колонной войскового старшины Свѣшникова, связи съ нею никто не держалъ и поэтому остальные колонны значительно его опередили, послѣдній же принужденъ былъ двигаться очень медленно, такъ какъ его сильно задерживалъ вьючный обозъ. Такимъ образомъ, колонна Свѣшникова сильно отстала

Видъ кумирни въ д. Тхоумутхунъ послѣ 3-хъ мѣсячной стоянки въ ней войскъ.

и на другой день въ 8 часовъ утра остальные колонны выступили дальше, имѣя въ авангардѣ средней колонны 4-й Уральскій казачій полкъ, въ полуверстѣ впереди слѣдовалъ передовой отрядъ въ составѣ двухъ сотенъ, дальше впереди слѣдовалъ офицерскій разъѣздъ. Въ 5-мъ часу дня, не доходя около 7 верстъ до Давана, этотъ разъѣздъ былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ, тогда онъ спѣшился и вступилъ въ перестрѣлку. Скоро обнаружилось, что это былъ отрядъ хунхузовъ силою около 300 человѣкъ, которые отошли за Даванъ, при чемъ намъ удалось захватить небольшой транспортъ съ продовольствіемъ. На ночь остановка въ Даванѣ. Колонна генерала Самсонова была отправлена слѣдовать по лѣвому берегу Ляохе, среднюю колонну оставили въ Даванѣ и присоединили къ ней вьючный обозъ, лѣвая колонна остановилась въ Тхоудакузѣ. Генералъ Самсоновъ доносилъ, что при разстановкѣ имъ сторожевого охраненія были замѣчены японскіе кавалеристы, которые ускакали къ югу. Такъ какъ вьючный обозъ сильно тормазилъ движеніе, то было приказано взять оттуда двухдневную дачу продовольствія и фуража на строевыхъ лошадей, а освободившимися вьючными лошадьми усилить запряжку повозокъ Краснаго Креста. Эта мѣра не принесла существенной пользы, она, правда, облегчила нѣсколько обозъ, но не увеличила быстроты его движенія, зато перегрузили строевыхъ лошадей, что было невыгодно. Въ диспозиціи было опредѣленно сказано: держаться ближе

къ Ляохе и сообразовать движеніе съ колонной войскового старшины Свѣшниковъ, для чего держать съ нею прочную связь, на самомъ же дѣлѣ это выполнено не было, вслѣдствіе этого Свѣшниковъ, котораго должны были прикрывать остальные колонны, очутился совершенно открытымъ и долженъ былъ самъ заботиться о своемъ обезпеченіи и, такъ какъ тыла не было, то онъ очутился брошеннымъ; всѣ двигались шагомъ, вслѣдствіе чего приходили на ночлеги поздно и въ темнотѣ приходилось разставлять сторожевыя цѣпи,—при неимѣніи картъ и незнакомствѣ съ мѣстностью, это была очень трудная операція: сторожевыя цѣпи разныхъ колоннъ не могли связаться между собою и смыканіе ихъ обыкновенно происходило только уже подъ утро. Это было очень опасно, такъ какъ непріятель находился со всѣхъ сторонъ и могъ совершенно неожиданно атаковать насъ. Нельзя признать разумной

Одна изъ батарей 43-й арт. бригады, закрытая гаюляномъ.

и посылку на другой берегъ Ляохе для обезпеченія праваго фланга цѣлой колонны генерала Самсонова, рѣка далеко не вездѣ была проходима, во многихъ мѣстахъ берега были очень круты и обрывисты, ледъ на ней былъ ненадеженъ, такъ что часто лошади проваливались. Колонна Самсонова такимъ образомъ являлась какъ бы отрѣзанной и легко могла быть атакованной при невозможности получить поддержку со стороны другихъ колоннъ. Для обезпеченія праваго фланга не было никакой надобности посылать цѣлую колонну съ артиллеріей, вполне достаточно было бы и одного полка, который въ случаѣ нужды всегда успѣлъ бы благополучно выбраться. Вечеромъ 27-го декабря было получено нижеслѣдующее приказаніе за подписью генерала Абрамова:

*) „Передовыя части противника были встрѣчены у деревни Тупогуза (въ 4-хъ верстахъ къ югу отъ Давана) силою до 300 человѣкъ; по свѣдѣніямъ отъ китайцевъ, деревни къ юго-западу и юго-востоку отъ Тупогузы были заняты небольшими частями японцевъ, въ деревняхъ Бейдагоу и Сяобейхе находятся большіе склады продовольствія, а въ послѣднемъ находится отрядъ до 2000 пѣхоты съ 12 орудіями, къ западу отъ Давана находится шайка хунхузовъ подъ начальствомъ самага Тулисана“.

*) „Набѣгъ на Инкоу“ полковника Свѣшникова изд. 1906 года.

„Завтра 28-го декабря продолжать движеніе на югъ въ направленіи на старый Ньючуангъ. Ночлегъ назначать на большомъ привалѣ. Приказано:

Авангардъ полковника Ловнгофа.

1-й Верхнеуд. каз. полкъ . 5 сот.
Охотники . . . . . 1 ком.

Выступить въ 7 часовъ утра и слѣдовать по параллельной дорогѣ для колонны генерала Телишева, въ двухъ верстахъ западнѣе, держа непрерывную связь съ дозорами сосѣднихъ колоннъ.

Главные силы генерала Баумгартена.

1-й Читинск. каз. полкъ . 6 сот.
1-я Заб. каз. бат. . . . . 6 оруд.
Вьючный обозъ и Кр. Кр. 0 сот.
Охотники . . . . . 3 ком.
Уральск. каз. полкъ . . . 5 сот.
Вьючный транспортъ . 1500 лош.
Уральскаго полка . . . . 1 сот.

Выступить въ 7 съ половиною часовъ утра и слѣдовать за авангардомъ.

Арьергардъ полковника Соловьева.

Уральск. каз. полкъ . . . 5 сот.

Выступить за главными силами и слѣдовать за главными силами въ разстояніи полуверсты.

„О большомъ привалѣ и ночлегѣ будетъ указано въ деревнѣ Калихе. До Калихе 16 верстъ; большой привалъ предположенъ южнѣе Калихе верстахъ въ 10-ти“.

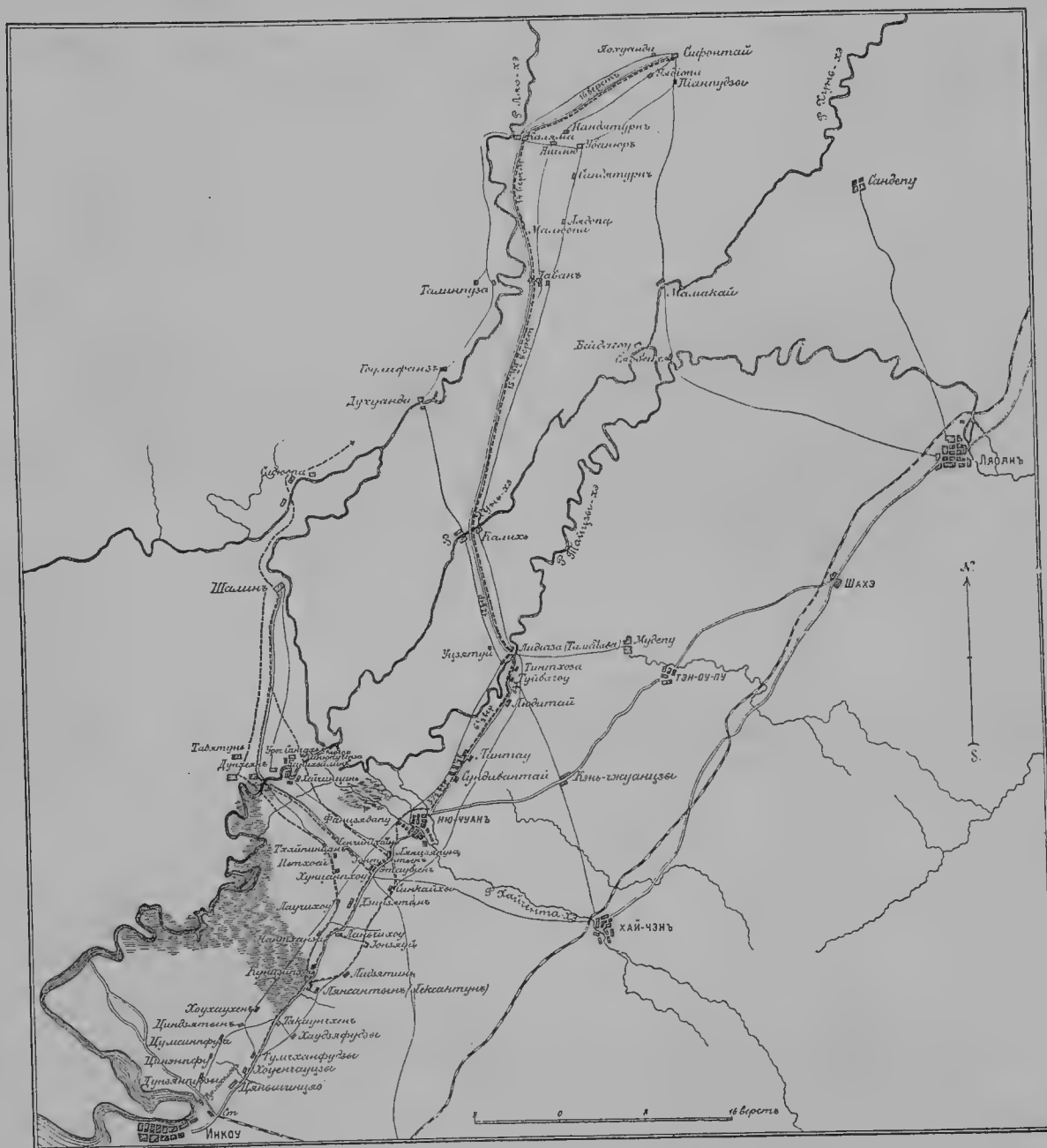

Видъ восточной стороны дер. Тхоумутхунь.

„При движеніи авангарда главныхъ силъ и арьергарда, кромѣ походныхъ заставъ, по пути слѣдованія имѣть боковыя заставы“.

„Сегодня ночью и завтра при движеніи начальникъ отряда напоминаетъ объ особой бдительности и усиленной работѣ разъѣздовъ“.

„На фронтѣ по пути движенія на Калихе выслать офицерскій разъѣздъ силою въ одинъ взводъ, которому выступить въ 6 часовъ утра; разъѣздъ отъ 1-го Верхнеудинскаго казачьяго полка“.

„Сотнѣ пограничной стражи слѣдовать въ головѣ колонны главныхъ силъ, выдѣливъ одинъ взводъ и 3-хъ проводниковъ въ разъѣздъ“.

Колоннѣ генерала Самсонова въ 7 съ половиною часовъ утра изъ деревни Тупиза (Талинпуща) по берегу Ляохе до деревни Духуанди, а затѣмъ на Калихе.

„Выслать офицеровъ съ 6-ю казаками отъ 1-го Читинскаго полка въ крыло генерала Самсонова, а отъ 4-го Уральскаго полка въ колонну генерала Телишева“.

шева. Къ начальнику отряда отъ 5-го Уральскаго полка одного офицера при двухъ урядникахъ“.

„4-му Уральскому казачьему полку присоединиться къ колоннѣ, когда его минуетъ походное охраненіе 1-го Верхнеудинскаго казачьяго полка“.

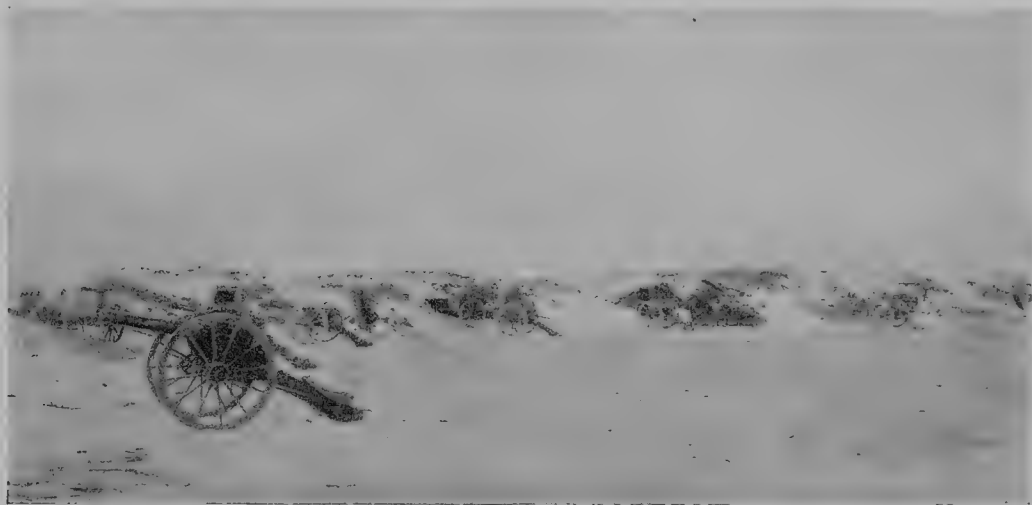
„Сборный пунктъ главныхъ силъ впереди главныхъ силъ деревни Давнъ“.

„Къ означенному часу отъ 5-го Уральскаго полка выслать сотню на смѣну охотничьей командѣ въ тылъ“.

„Авангарду и начальнику главныхъ силъ брать проводниковъ“.

„Не допускать одиночныхъ самовольныхъ остановокъ“.

„При переправахъ черезъ рѣки тщательно пробовать прочность льда, при необходимости упрочивать ледъ искусственно“.

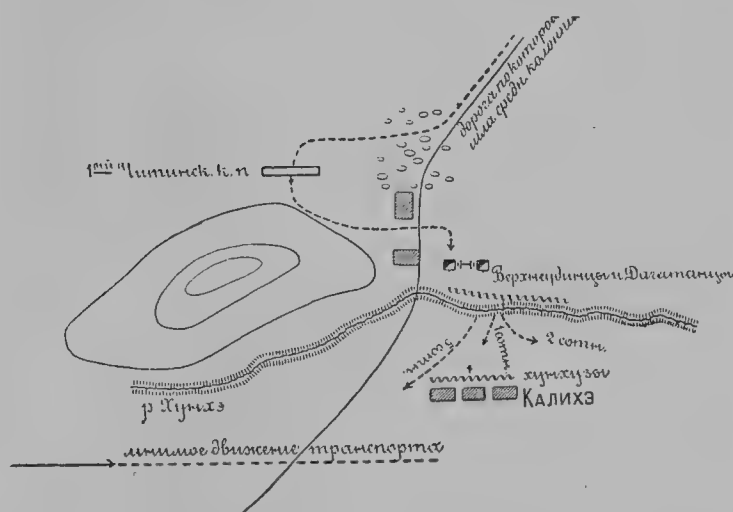

Позиція батареи у деревни Сахетунъ.

Такъ какъ весьма важно было знать прочность льда, то были посланы особые для этого развѣзды, которые донесли, что хотя ледъ и достаточно проченъ, но переправа затруднительна вслѣдствіе крутизны береговъ. Вскорѣ послѣ начала движенія колоннъ въ авангардѣ вдругъ открылась оживленная перестрѣлка, получено было свѣдѣніе, что идетъ большой японскій транспортъ подъ прикрытіемъ двухъ полковъ кавалеріи, но положительнаго никто ничего не зналъ. Однако, Читинскому казачьему полку было приказано выдвинуться впередъ и, построивъ боевой порядокъ, атаковать транспортъ, но высланные впередъ дозоры никакого транспорта не открыли. Въ авангардѣ же происходило слѣдующее: головные дозоры Верхнеудинцевъ, а также дозоры лѣвой колонны, подойдя къ переправѣ черезъ Хунхе, были обстрѣляны ружейнымъ огнемъ. Деревня Калихе оказалась занятой непріателемъ, тогда, послѣ подготовки атаки артиллерійскимъ огнемъ, Верхнеудинцы перешли рѣку и бросились въ атаку на хунхузовъ, которыхъ быстро разсѣяли, авангардъ сталъ развертывать боевой порядокъ, но скоро прибывшій генералъ Мищенко приказалъ спѣшиться и ожидать его приказаній. Къ двумъ часамъ дня все успокоилось и отрядъ сталъ продолжать свое движеніе. Передъ вечеромъ было получено донесеніе, что деревня Уцзятуй занята японской пѣхотой. Это была большая деревня, влѣво

отъ которой на высотѣ былъ основательной постройки ханшинный заводъ. Встрѣченный японскимъ залпомъ разъѣздъ остановился и спѣшился, а охотники 34-го стрѣлковаго полка заняли высокій валъ у самой деревни и открыли огонь во флангъ японцамъ; въ это время впереди идущая сотня развернулась и бросилась въ атаку, тогда японцы отошли назадъ и заняли высокую стѣну ханшиннаго завода, откуда и открыли убійственный огонь, сотня не могла преодолѣть стѣнки ханшиннаго завода и, понеся большія потери, вынуждена была отойти назадъ. Въ это время другая сотня Верхнеудинцевъ получила приказаніе атаковать ханшинный заводъ въ конномъ строю, она доскакала до стѣны завода, но одолѣть ее не могла и засѣла

передъ стѣной шагахъ въ 30. Вслѣдъ затѣмъ повели атаку охотники 34-го стрѣлковаго полка, но также вынуждены были залечь передъ стѣной. Держаться подъ стѣной было долго нельзя, а потому всѣмъ пришлось отступить. Оставшіеся подъ стѣной наши раненые находились подъ огнемъ японцевъ, которые его не прекращали. Взять деревню было необходимо, чтобы спасти раненыхъ, но безъ артиллеріи сдѣлать это было нельзя, тогда послали за орудіями въ колонну генерала Абрамова и

на поддержку Верхнеудинцамъ былъ посланъ Читинскій казачій полкъ съ двумя орудіями, но неизвѣстно почему онъ былъ возвращенъ, а для взятія деревни были назначены поршневая батарея и драгуны генерала Самсонова. Пока подходила поршневая батарея, сдѣлалось темно и огонь ея былъ весьма мало дѣйствителенъ. Деревню удалось взять только, когда подожгли нѣсколько крайнихъ фанзъ ея. Между тѣмъ нашъ продовольственный транспортъ сильно задерживалъ движеніе и потому приказано было вновь облегчить его перекладкой нѣкоторой части суточныхъ дачъ на строевыхъ лошадей.

Еще 26-го числа при самомъ началѣ движенія былъ посланъ небольшой сводный кавалерійскій отрядъ для набѣга на желѣзную дорогу, теперь были также собраны три разъѣзда для этой цѣли изъ разныхъ полковъ, которыхъ и направили: одинъ долженъ былъ взорвать мостъ у Дашичао, а два другихъ сдѣлать то же самое съ-вернѣе и южнѣе Хайчена. Первый разъѣздъ состоялъ изъ двухъ сводныхъ сотенъ уральскихъ и забайкальскихъ казаковъ. Въ ночь на 29-е декабря подъ покровомъ бѣлаго тумана сотни двинулись перемѣннымъ алюромъ въ юго-восточномъ направленіи, избѣгая проходить попутныя селенія и, наоборотъ, стараясь объѣзжать ихъ. Проводниковъ брали насильно изъ попадающихся по дорогѣ китайскихъ фанзъ. Проводники эти сообщили, что мостъ у Хайчена охраняется двумя ротами пѣхоты и имѣются пушки. Съ-вернѣе этого большого моста имѣется другой сажень въ 40

длиною, который охранялся постомъ изъ 12 пѣхотинцевъ. Рѣшили взорвать этотъ мостъ, при чемъ на случай неудачи взрыва моста, положили зарядъ и на рельсы у переѣзда. Въ это время послышался свистокъ идущаго поѣзда, а положившій патронъ разѣздъ сталъ отходить отъ полотна желѣзной дороги, вѣроятно, это движеніе было замѣчено машинистомъ, такъ какъ машинистъ сталъ подавать тревожные свистки и уменьшать ходъ, но взрывъ все таки произошелъ, при чемъ одинъ изъ локомотивовъ оказался поврежденнымъ, другой, продолжая подавать тревожные свистки, пошелъ къ Хайчену. Въ это время во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ зажгли костры и забили въ набатъ и тревога распространилась до самаго Хайчена, при такихъ условіяхъ надежда на взрывъ моста исчезла и пришлось уходить.

Землянки батарей у деревни Тхоумутхунь.

Разѣздъ раздѣлился на двѣ части и одна изъ нихъ, ориентирясь по звѣздамъ, безъ дорогъ, къ утру подошла къ Ньючуангу, который нашла занятымъ непріателемъ, но зато наткнулась на разѣзды колонны генерала Самсонова; другая половина разѣзда подошла къ Ньючуангу около 12 часовъ дня. Дѣйствія остальныхъ двухъ разѣздовъ были удачныѣе. На другой день, т. е. 29-го декабря, рѣшено было брать Ньючуангъ и съ этою цѣлью отдано было генераломъ Абрамовымъ соотвѣтствующее приказаніе. Одновременно съ этимъ приказаніемъ было получено и приказаніе генерала Мищенко, которое гласило:

*) „Очень прошу исполнять мои приказанія, не медля; неисполненіе повело сегодня къ задержкѣ и къ невыполненію надлежащаго маршрута“.

„На ночлегъ, кромѣ высылки сторожевого охраненія, согласно инструкции и приказаній, принять мѣры охраненія въ каждой занятой деревнѣ“.

„Передъ выступленіемъ въ каждой колоннѣ выбрать запасы выучныхъ транспортовъ, которые будутъ подтянуты заблаговременно; освобожденные выюки направить въ среднюю колонну“.

Съ полученіемъ сего, донести о потеряхъ: всѣхъ раненыхъ переслать сегодня же въ Красный Крестъ, который при выступленіи будетъ при штабѣ отряда, а въ походѣ при средней колоннѣ.

*) „Набѣгъ на Инкоу“ полковника Свѣшникова изд. 1906 года.

„Запряжку каретокъ Краснаго Креста усилить мулами изъ вьючнаго транспорта и изъ захваченныхъ обозовъ“.

„Разъѣздамъ, особенно фланговымъ, не ввязываться въ перестрѣлку съ противникомъ, а задаваться лишь цѣлями развѣдки и донесеній“.

„Выступить завтра въ 8 часовъ утра“.

„Передъ выступленіемъ похоронить съ почестью убитыхъ“.

„Трубачамъ 1-го Читинскаго полка явиться въ 7 часовъ утра въ штабъ отряда для участія въ погребеніи убитыхъ“.

Вслѣдъ за этимъ было получено и другое приказаніе генерала Мищенко:

„Всячески избѣгать лобовыхъ атакъ, особенно въ конномъ строю противника, засѣвшаго за валами или деревнями; въ этомъ случаѣ надлежитъ, держась внѣ

Отступленіе отъ Ляояна къ Мукдену.

прицѣльнаго выстрѣла, окружить деревню лавою, угрожая пути отступленія непріятеля; при упорствѣ его—обстрѣлять деревню однимъ, двумя взводами артиллеріи; снаряды беречь: будутъ нужны. Атаковать противника на чистомъ мѣстѣ, пѣхоту—обязательно лавою“.

Несомнѣнно, что оба послѣднія приказанія генерала Мищенко были вызваны неудовольствіемъ дѣломъ подѣ Уцзятуемъ, въ которомъ мы понесли все таки довольно значительныя потери, которыхъ могли бы легко избѣжать, если бы повели дѣло разумнѣе. Съ момента перваго столкновенія разъѣздовъ авангарда, даже при занятіи деревни Уцзятуй, въ авангардѣ ничего положительнаго не знаютъ и тамъ ходятъ нелѣпыя слухи о какомъ то японскомъ транспортѣ, котораго и помину не было, но тутъ удивительнѣе всего то, что генераль Абрамовъ, который былъ впереди, не потрудился лично ознакомиться съ обстановкой и выяснить, что именно находится передъ нимъ, а повѣрилъ нелѣпому слуху и, вмѣсто того, чтобы направить дѣло, бросилъ передовыя части и отправился къ авангарду, чтобы вытребовать

цѣлый полкъ для ловли воображаемаго японскаго транспорта. Тѣмъ временемъ въ его отсутствіи происходятъ еще болѣе нелѣпыя вещи: сотни повторяютъ нѣсколько атакъ въ конномъ строю и, конечно, разбиваются о саженную стѣнку, занятую непріятельской пѣхотой, несутъ большія потери и оставляютъ своихъ раненыхъ на разстрѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Это оставленіе раненыхъ вынуждаетъ тянуть бой и заставляетъ брать, во чтобы то ни стало, совершенно ненужную деревню и тратить на это дорогое время. Когда деревня Уцзятуй съ самаго начала попала въ руки нашихъ разъѣздовъ, то не слѣдовало очищать ее, наоборотъ, если бы мы ее удержали за собою, то, очутившись въ тылу у японцевъ, занимавшихъ позицію на возвышенности впереди ханшиннаго завода, мы не дали бы имъ возможности занять его и поставили бы ихъ въ критическое положеніе. Однимъ словомъ, не только неподготовленность нашей кавалеріи, незнаніе разъѣздами своего дѣла, но и трудно

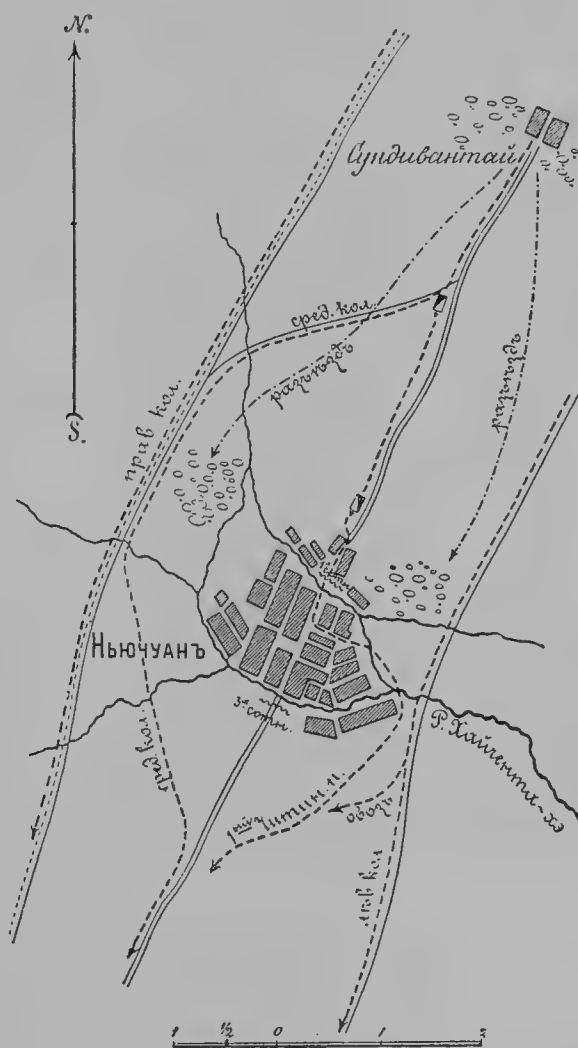

Отступленіе отъ Тъелина.

объяснимая бездѣятельность и непониманіе дѣла начальниковъ были причиною тяжелыхъ потерь, которыя мы понесли безъ всякой къ тому надобности. Тяжело вѣрится, что цѣлыя тысячи нашихъ всадниковъ съ генералами и прочими начальствующими лицами во главѣ, имѣя противъ себя горсточку непріятельской пѣхоты, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не могли выяснить себѣ обстановки и провозились цѣлый день, да и при томъ еще понесли большія потери.

29-го декабря назначено было движеніе на Ньючуангъ, въ авангардѣ долженъ былъ слѣдовать 1-й Читинскій казачій полкъ и одна охотничья команда; этому авангарду приказано было двигаться къ Ньючуангу кратчайшимъ путемъ, но такъ какъ проводниковъ достать было нельзя, то пришлось пользоваться указаніями людей изъ сотни пограничной стражи, какъ болѣе знакомыми съ мѣстностью. Впередъ, для обслѣдованія переправъ, была выслана цѣлая сотня. Въ самомъ началѣ движенія запутались. Дѣло въ томъ, что деревня Лидіаза или Таматава представляла собою группу деревень, раздѣленныхъ между собою небольшими площадками, которыя всѣ были заняты нашими войсками, и Читинскій полкъ ночевалъ вмѣстѣ съ

лѣвой колонной. Вслѣдствіе этого, когда на другой день выступилъ этотъ полкъ, который долженъ былъ служить авангардомъ средней колоннѣ, онъ очутился на одной дорогѣ съ лѣвой колонной, тогда Читинскій полкъ, думая, что сбился съ дороги, пошелъ по параллельной дорогѣ съ лѣвой колонной. Средняя колонна направилась на Людятай, а лѣвая колонна вслѣдствіе этого подалась еще влѣво и средняя колонна осталась безъ авангарда. Скоро, впрочемъ, недоразумѣніе было устранено и

все пришло въ порядокъ. Въ это время отъ головной сотни Читинскаго полка было получено донесеніе, что она отбила японскій транспортъ, который сопровождали нѣсколько пѣхотинцевъ. Подходя къ Людятаю, отбили еще одинъ японскій транспортъ. Тѣмъ временемъ было получено приказаніе Читинскому полку произвести усиленную рекогносцировку Ньючуанга. Городъ Ньючуангъ большой торговый пунктъ. Съ сѣверо-восточной стороны къ нему примыкалъ большой пригородъ, отдѣленный отъ него маленькой площадкой. Японцы занимали сначала пригородъ и встрѣтили подходившую сотню Читинскаго полка ружейнымъ огнемъ, но усиленіе боевой линіи и подходъ лѣвой колонны заставили ихъ очистить какъ пригородъ, такъ и находившуюся около него рощу: они отошли въ городъ и заняли опушку его, но и тамъ долго не удержались, они втянулись въ самый городъ и заняли каменные зданія и импани. Тогда сдѣлалось яснымъ, что безъ артиллеріи взять городъ нельзя, почему и было послано требованіе прислать артиллерію, которая и была прислана, но съ условіемъ открыть огонь тотчасъ же. Вмѣстѣ съ тѣмъ было получено

отъ генерала Мищенко приказаніе, въ виду очищенія города непріателемъ, Читинскому полку пройти по улицамъ насквозь. Съ другой стороны, надо было открыть огонь изъ орудій, какъ было приказано, но это оказывалось невозможнымъ, такъ какъ на окраинахъ городъ находились еще наши люди, занявшіе брошенную японцами опушку. Одна сотня бросилась въ улицу города, гдѣ была встрѣчена сильнымъ огнемъ изъ занятыхъ противникомъ зданій и хотя и понесла большія потери, но все таки прошла насквозь и завязала съ японцами перестрѣлку, остальные же три сотни полка свернули влѣво, въ первую же попавшую улицу и, выйдя на окраину города, обскакали его слѣва, и вышли на южный конецъ его. Совершенно стемнѣло, когда Читинскій полкъ собрался на южной оконечности города. Остальныя колонны отряда прошли впередъ

и только обозъ подъ прикрытіемъ одной сотни продолжалъ еще двигаться на назначенное мѣсто ночлега, котораго и достигли только къ ночи.

На другой день, т. е. 30 декабря, было предположено продолжать движеніе на Инкоу, которое служило предметомъ вождедѣній генерала Мищенко или, можетъ быть, было навязано ему свыше. Была отдана на этотъ предметъ диспозиція, которая, впрочемъ, опредѣляла порядокъ движенія только до деревни Такаунчхенъ, гдѣ былъ назначенъ большой привалъ; на этомъ привалѣ было получено нижеслѣдующее приказаніе:

*) „Противникъ, силою отъ 300 до 1000 человѣкъ, по свѣдѣніямъ мѣстныхъ жителей, занимаетъ станцію Инкоу, гдѣ сосредоточены большіе склады.

„Я рѣшилъ атаковать станцію и произвести въ ней полный разгромъ. Для чего:

Сборный отрядъ. Полк. Хорановъ.

Приморскій драгун. полкъ	4 эск.	Съ большого привала выступить въ 3 часа
Отд. кав. бригада	2 эск.	дня на дд. Циндзятинъ, Цумсипфуза, Ци-
4-й Донской каз. полкъ	3 сот.	немпфу, Дундяпудзы и атаковать станцію,
Забайк. каз. див.	4 сот.	согласно данныхъ мною указаній.
Кавк. каз. бригада	4 сот.	
Охотники	4 ком.	

Отрядъ полк. Шувалова.

Терско-Кубан. полкъ	4 сот.	Выступить съ большого привала въ 2 часа
2-й Дагестанскій полкъ	1 сот.	дня и слѣдовать по линіи желѣзной дороги
		(Инкоу—Дашичао), согласно данныхъ ука-
		заній.

Лѣвая колонна. Ген. Телишевъ.

Донская каз. див.	15 сот.	Выступить съ большого привала въ 3 часа
Пограничн. стр.	1 сот.	дня на дд. Цяншинцяо, не доходя которой
Дагестанскій полкъ	4 сот.	стать въ резервный порядокъ по лѣвую сто-
1-я и 2-я Заб. каз. бат.	12 оруд.	рону большой дороги.

Правая колонна ген. Самсонова.

Отд. кав. бригада	10 эск.	Выступить съ большого привала у дер.
Пограничн. стр.	1 сот.	Цяншинцяо въ три часа дня и слѣдовать на
20-я конная бат.	6 оруд.	Цыншинцяояндзы, не доходя которой стать
Поршневу. бат.	4 оруд.	въ резервную колонну по правую сторону
		большой дороги.

*) „Набѣгъ на Инкоу“ полковника Свѣшникова изд. 1906 года.

Резервная колонна ген. Абрамова.

Уральская бригада . . . . 7 сот.
1-й Верхнеуд. каз. полкъ . 4 „

Выступить съ большого привала у Такаунчхена въ 3 съ половиной часа дня и слѣдовать по дорогѣ на Хоуенчаудзы, гдѣ стать въ резервную колонну. Озаботиться поддержаніемъ связи.

Транспортъ. Войсковой старш. Свѣшниковъ.

1-й Читинскій каз. полкъ . 5 сот.
5-й Уральскій каз. полкъ . 1 „

Слѣдовать за резервной колонной и стать вагенбургомъ у дер. Тумчафудзы. Поддерживать связь съ резервной колонной.

Общій перевязочный пунктъ въ деревнѣ Тумчафундзы распоряженіемъ отряднаго врача.

Послѣ ночного боя всѣмъ собраться на большой дорогѣ между Хоуенчаудзы и Такаунчхенъ.

Всѣмъ нижнимъ чинамъ сообщить маневры и секретныя слова.

Я буду при артиллеріи у большой дороги“.

Эта сложная и пространная диспозиція весьма легко могла повести къ сумятицѣ и полной неудачѣ, что въ дѣйствительности и произошло и о чемъ дать хотя бы приблизительное понятіе мы не можемъ, поэтому приведемъ слова командующаго 1-мъ Читинскимъ казачьимъ полкомъ, войсковымъ старшиной Свѣшниковымъ, участвовавшимъ въ этомъ траги-комическомъ набѣгѣ:

Офицерскія повозки 2-й Сиб. арт. див. у форта № 8, подѣ Ляояномъ на бивуакѣ.

*) „Одновременно мнѣ было приказано выдѣлить одну сотню въ голову колонны для особаго назначенія. Я назначилъ 5-ю сотню, которая и приняла участіе въ штурмѣ Инкоу, въ составѣ Урало-Забайкальской каз. дивизіи сборнаго отряда полковника Хоранова.

„Словесно было сказано, что артиллерія отряда, приблизившись къ станціи, передъ заходомъ солнца, въ теченіе 30 минутъ будетъ бомбардировать ее, дабы произвести разгромъ и отогнать всѣхъ защитниковъ. Ко времени окончанія бом-

бардировки предполагалось, что штурмующій отрядъ приблизится къ станціи. Колонны графа Шувалова и полковника Хоранова должны были спѣшить возможно большее

*) „Набѣгъ на Инкоу“ полковника Свѣшникова изд. 1906 года.

число людей, оставивъ коноводовъ какъ можно далѣе позади. Чтобы послѣ штурма найти коней, коноводамъ было приказано зажечь костры, а для успѣшнаго слѣдованія колонны полковника Хоранова по окончаніи атаки, отъ мѣста расположенія коноводовъ къ сборному пункту, отъ Урало-Забайкальской каз. дивизіи были высланы 2 офицера, которые должны были ознакомиться съ мѣстностью и путями, а затѣмъ служить проводниками.

„Батареи стали на позицію на линіи Сихуаинтай—Хуаинтай.

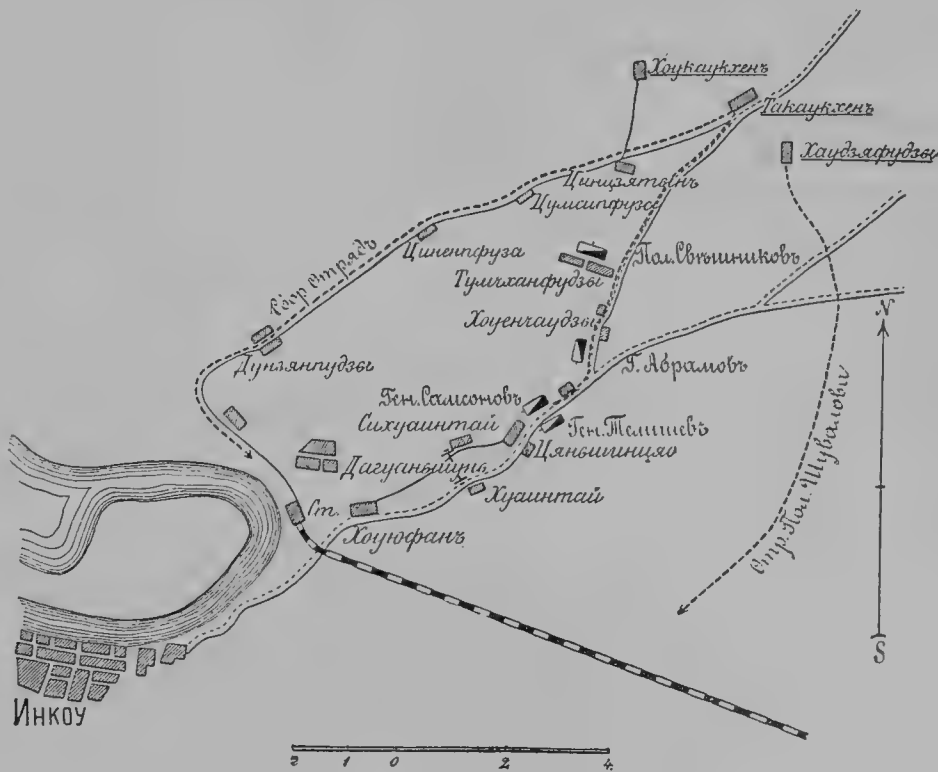
„Послѣ первыхъ же орудійныхъ выстрѣловъ на станціи желѣзной дороги началась оживленная дѣятельность; скоро загорѣлся небольшой складъ, кажется, фуража. По словамъ нѣкоторыхъ очевидцевъ, складъ подожгли сами японцы, дабы имѣть впереди освѣщенное пространство, на которомъ были бы видны наши

войска; дѣйствительно, многихъ тянуло на этотъ маякъ и не мало принесъ онъ намъ горя. По окончаніи артиллерійской подготовки отрядъ полковника Хоранова двинулся въ атаку.

„Согласно диспозиціи, сборный отрядъ полковника Хоранова выступилъ въ 3 часа дня и двинулся черезъ деревни: Цинцзятынъ, Цумпипфуза, Циненпфу, Дундзянпудзы, для атаки русскаго поселка и станціи.

„Въ темнотѣ была выстроена боевая часть, имѣя всѣ 19 сотенъ построенными въ одну линію, которой приказано безъ выстрѣла двигаться впередъ и, подойдя къ складамъ, сжигать все и все уничтожать по дорогѣ. Точнаго направленія движенія 19-ти сотнямъ не было дано, да и трудно было дать въ полной темнотѣ; было сказано—двигаться на огни, но нельзя забывать, что огни были и въ Дагуаньшунѣ, и въ Хоуюфанѣ, и въ русскомъ поселкѣ, и на станціи и, наконецъ, въ Инкоу; между этими огнями было, конечно, и темное пространство. Вполнѣ естественно, что, имѣя направленіе на огни, люди сбивались въ кучки и кучами двигались впередъ.

„Пройдя сравнительно небольшое разстояніе, боевая часть, не имѣющая ничего за собой въ резервѣ, была встрѣчена залпами японской пѣхоты, которая насъ ждала за окопами, имѣя впереди волчьи ямы и проволочныя загражденія.

„Какъ и надо было ожидать, произошла путаница; нѣкоторые залегли и открыли огонь по невидимой цѣли, а другіе, съ крикомъ „ура“, бросились впередъ.

„Три раза повторялась атака и, наконецъ, несмотря на жестокий огонь, удалось оттѣснить японцевъ. Часть, которая, удачно миновала препятствія, бросилась въ русскій поселокъ, неожиданно была встрѣчена залпами изъ бойницъ импаней, фанзъ и строеній, приспособленныхъ еще раньше нашей пограничной стражей къ оборонѣ.

„Другая часть добрела въ темнотѣ до самой станціи, но, вооруженная лишь винтовками и шашками, была не въ состояніи произвести сколько-нибудь серьезное поврежденіе. Нѣсколько человѣкъ взлѣзло на телеграфные столбы, чтобы ориентироваться, но, имѣя огни со всѣхъ сторонъ, опять попадали на неожиданныя препятствія, которыя преодолѣть не могли.

Позиція батарей въ Хомыпинской долинѣ во время наступательнаго боя у Шахе.

„Поздно ночью, потерявъ большое количество людей ранеными и убитыми, сборный отрядъ отступилъ, согласно диспозиціи, на большую дорогу.

„Отрядъ полковника графа Шувалова, согласно диспозиціи, двинулся въ 2 часа дня на линію желѣзной дороги. Цѣль посланки этого отряда заключалась въ уничтоженіи полотна желѣзной дороги и въ содѣйствіи штурму.

„Передъ выступленіемъ этого отряда былъ посланъ разъѣздъ. Не успѣлъ этотъ разъѣздъ подойти къ полотну желѣзной дороги, какъ на глазахъ у наступающаго отряда промчался поѣздъ съ платформами, на которыхъ посажена была японская пѣхота, говорятъ, не менѣе 700—800 человѣкъ. Послѣ прохода поѣзда разъѣзду удалось подложить пироксилиновые щашки и взорвать полотно желѣзной дороги на довольно большомъ пространствѣ. Между тѣмъ паровозъ, проведенный воинскій поѣздъ, вѣроятно съ японскими донесеніями, пошелъ обратно, говорятъ, съ громадной скоростью; по немъ открыла наша артиллерія огонь, но безрезультатно. Очевидцы говорятъ, что это была потрясающая картина, когда паровозъ, идущій со скоростью около 100 верстъ въ часъ, влетѣлъ на попорченное полотно: произошелъ

какой-то взрывъ, показалось громадное количество пара и совершенно разрушенный паровозъ скатился съ насыпи.

„Скоро послѣ этого показался второй поѣздъ съ японской пѣхотой. Отрядъ полковника Шувалова встрѣтилъ его ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Непріятель открылъ отвѣтный огонь съ платформъ, не останавливая поѣзда; но не доходя до разрушеннаго полотна желѣзной дороги, поѣздъ остановился, пѣхота соскочила съ платформъ и приблизительно батальонъ японцевъ сталъ наступать перебѣжками на нашъ отрядъ, который подъ его напоромъ началъ отступать. Наступая на отрядъ полковника Шувалова и тѣсня его, японская пѣхота направилась къ сѣверу, что вызвало высылку Дагестанскаго полка изъ лѣвой колонны въ видѣ заслона.

„Въ это время у меня происходило слѣдующее:

„Было совершенно темно, когда я подошелъ къ деревнѣ Тумчанфудза, стоящей въ полутора верстахъ отъ Хоуенчаудзы, мѣста стоянки резервной колонны генерала Абрамова.

„Предупрежденный, что ночью ожидается нападеніе японской конницы съ сѣвера, я построилъ вагенбургъ и выставилъ аванпосты фронтомъ на сѣверъ, здѣсь же расположился Красный Крестъ, священникъ приступилъ къ похоронамъ моихъ казаковъ, умершихъ отъ ранъ, полученныхъ наканунѣ подъ Ньючуангомъ.

„За вычетомъ ушедшихъ сотенъ, сторожевыхъ постовъ, разъѣздовъ для связи съ резервной колонной, людей, посланныхъ для помощи священнику, у меня оставалось около двухъ сотенъ моихъ и сотня 5-го Уральскаго полка.

„Между тѣмъ генералъ Абрамовъ мнѣ прислалъ вторично напомнить о предполагаемомъ на меня нападеніи, требуя самой тщательной бдительности. Тогда я послалъ генералу Абрамову донесеніе:

„Выставилъ мѣры охраненія. Аванпосты освѣщаются дозорами и разъѣздами. Если возможно, прошу васъ на вашемъ правомъ и лѣвомъ флангахъ связаться со мною, такъ какъ тамъ будутъ прорывы. За вычетомъ всѣхъ расходовъ у меня осталось двѣ мои сотни и сотня Уральскаго каз. полка. Если найдете возможнымъ, прошу прислать хотя бы еще двѣ сотни“.

„Одновременно съ этимъ я стянулъ сотню Уральцевъ, которая была распределена по обозу, оставивъ для порядка только нѣсколько урядниковъ.

„Была уже темная ночь; на югѣ бой былъ въ полномъ разгарѣ, когда я получилъ приказаніе отъ генерала Абрамова поднять обозъ, транспортъ, Красный Крестъ, перевязочный пунктъ, гдѣ уже шли перевязки, и передвинуться ближе къ резервной колоннѣ версты на полторы, для чего теперь же осадить и всѣ аванпосты на одну версту къ югу. Я не повѣрилъ этому приказанію и донесъ, что для этого нужно выставить вторую линію, а первую снять, на что у меня не хватаетъ людей, и просилъ повторить приказаніе, но письменно. Тогда пріѣхалъ второй ординарецъ съ приказаніемъ поднять обозъ и отступать на сѣверъ, такъ какъ бой кончился, и одновременно третій ординарецъ со вторичнымъ приказаніемъ, тоже устнымъ, передвинуть весь обозъ къ югу на одну версту, ближе къ резервной колоннѣ генерала Абрамова.

„Я приказалъ сотнику М. указать, куда на югъ вести транспортъ и гдѣ его поставить, при чемъ сказалъ ему, что я его отъ себя не отпущу, пока лично не увижу генерала. Оказалось, что сотникъ точно не зналъ гдѣ мнѣ остановиться и поведя голову транспорта на одну версту отъ первоначальнаго мѣста стоянки, на мѣстѣ безымянной деревни, остановилъ колонну. Стоило ли ночью при полной темнотѣ подымать вагенбургъ почти изъ 2000 лошадей для одной версты разстоянія; аванпосты я оставилъ на мѣстѣ, но предупредилъ ихъ, что самъ отхожу.

„Но это было еще не все. Какъ только голова обоза подошла къ мѣсту стоянки, я услышалъ голосъ искавшаго меня офицера. Новый ординарецъ передалъ мнѣ письменное приказаніе отступать всему обозу къ деревнѣ, гдѣ былъ привалъ, т. е. на сѣверъ, куда якобы отступили всѣ; дѣйствительно, бой на югѣ стихалъ. Одновременно съ другимъ ординарцемъ я получилъ письменное приказаніе.

Позиція батареи за галяномъ у дер. Сывквантунъ.

„Этотъ разъ у меня было два противорѣчивыхъ письменныхъ приказанія. Я посмотрѣлъ на часы, въ которые они были посланы, но на первомъ часы не были обозначены. Къ счастью, начали отступать всѣ части; бой прекратился. Я повернулъ опять транспортъ, который загородилъ этотъ разъ всю дорогу, такъ какъ очутился въ днѣ линіи. Пользуясь тѣмъ, что теперь обозъ прикрывался отрядомъ, я сталъ собирать полкъ.

„Отступление наше отъ Инкоу было безпорядочное; войска перепутались съ обозомъ, съ ранеными, со скотомъ полковъ; сотни искали свои полки, а полки своихъ начальниковъ; въ ночной тиши раздавались ругань, крики и подгоняніе обоза. Такъ шли мы на нашъ ночлегъ. Не зная гдѣ ночлегъ, нѣкоторыя части сбились съ дороги и на перекресткѣ, недалеко отъ мѣста ночлега, пошли не туда, куда слѣдовало.

„Ночлегъ былъ въ деревнѣ Лексатунъ.

„Ночью начальникъ отряда вызвалъ командира 5-го Уральскаго казачьяго полка и приказалъ ему немедля двинуться къ Инкоу, взявъ какъ можно больше носилокъ, такъ какъ въ отрядѣ полковника Хоранова было много раненыхъ, которыхъ отрядъ былъ не въ силахъ вынести. Полкъ выступилъ на рысяхъ, но долго, благодаря темнотѣ, трудно было найти отрядъ полковника Хоранова, послѣдній былъ найденъ по фонарямъ, съ которыми несли раненыхъ. Полкъ пришелъ своевременно, такъ какъ люди отряда выбились изъ силъ; съ помощью Уральцевъ раненые были доставлены на ночлегъ около 8 часовъ утра“.

30-го декабря, въ то время когда мы вели безплодныя атаки Инкоу, Мищенко получилъ извѣстія о движеніи японской пѣхоты отъ Дашичао къ Инкоу и отъ Хайчена къ Ньючуангу, почему, боясь быть отрѣзаннымъ, онъ рѣшилъ прекратить атаки и отошелъ въ сѣверо-западномъ направленіи. На другой день, т. е. 31-го декабря, генералъ Мищенко продолжалъ свое отступленіе, но въ виду того, что со стороны Ньючуанга ожидались значительныя японскія силы, генералъ Мищенко рѣшилъ прикрыться Ляохе и, слѣдуя по правому берегу, хотя и очень медленно, къ вечеру 31-го достигъ Табурени. Утромъ 1-го января японцы внезапно атаковали колонну генерала Телишева, которая при этомъ потеряла 4 офицеровъ и 41 нижнихъ чиновъ. Такимъ образомъ отрядъ Мищенко слѣдовалъ правымъ берегомъ Ляохе вплоть до Давана, гдѣ перешелъ на лѣвый берегъ рѣки и у Калямы былъ принятъ отрядомъ генерала Косоговскаго. 4-го января отряду былъ данъ отдыхъ, а 5-го онъ совсѣмъ былъ расформированъ.

Знаменитый набѣгъ Мищенко, считавшійся сначала чѣмъ-то выдающимся, при ближайшемъ его разсмотрѣніи оказывается не только неудачнымъ предпріятіемъ, но по выполненію и по результатамъ можетъ разсматриваться какъ столь же смѣшная, сколь и грустная карриатура. Не то принято понимать подъ словомъ кавалерійскій набѣгъ. Не удался этотъ набѣгъ единственно только потому, что руководящій имъ начальникъ совершенно не понималъ ни своей задачи, ни средствъ, которыя были у него въ рукахъ для ея выполненія. Въмѣсто того, чтобы обратить все вниманіе на главное, а именно, на путь сообщеній противника—желѣзную дорогу и употребить всѣ усилія на ея основательную порчу, онъ этимъ дѣломъ занимается такъ себѣ между прочимъ, а обращаетъ наибольшее вниманіе на не имѣющій никакого значенія для насъ портъ Инкоу; но и къ послѣдней цѣли онъ двигается черепашимъ, въ смыслѣ кавалерійскомъ, шагомъ, даетъ совершенно ненужные бои вродѣ Уцзятую и Ньючуанга, напрасно тратитъ время и тѣмъ даетъ возможность непріятелю спокойно собрать нужныя силы для полного отраженія нападенія. Намѣреваясь атаковать станцію Инкоу, онъ не принялъ никакихъ мѣръ къ прекращенію сообщенія между нею и Дашичао, благодаря чему атака не удалась; передъ самымъ боемъ онъ, неизвѣстно почему, стоитъ 4 часа времени и даетъ возможность противнику спокойно распорядиться защитой станціи, для атаки назначаетъ какой-то сборный отрядъ, въ который надергиваетъ части изъ всѣхъ своихъ цѣльныхъ полковъ и, имѣя въ составѣ своего отряда генераловъ и другихъ командировъ полковъ, назначаетъ начальникомъ этого атакующаго отряда полковника Хоранова, какъ

оказывается, ничего общего съ отрядомъ не имѣющаго, такъ какъ послѣдній былъ только прикомандированъ къ отряду Мищенко, при этомъ, конечно, ни начальникъ своихъ людей, ни подчиненные не знали своего начальника,—хроническая наша болѣзнь нарушать установившуюся организацію и составлять сборные отряды сказалась и здѣсь, и притомъ безъ всякой къ тому надобности. Атака станціи Инкоу совершенно не была обдумана и соображена, шли въ полномъ смыслѣ слова наобумъ, рекогносцировки расположенія противника и его позиціи сдѣлано не было. Полковникъ Хорановъ также внесъ свою долю вреда для успѣха задачи. Вопреки общепринятымъ способамъ производства ночныхъ атакъ, требующихъ возможнаго сосредоточенія силъ, онъ развѣтываетъ свои части въ одну линію, не оставляя ничего въ резервѣ, и, главное, не указываетъ даже направленія для движенія этой тонкой линіи, вслѣдствіе чего она быстро обращается въ нестройную толпу; для ориентировки назначаетъ огни, которыхъ въ окрестностяхъ было множество, однимъ словомъ, дѣйствуетъ такъ, что это можетъ быть поставлено въ упрекъ даже фельдфебелю. Что касается до главной сути—быстроты кавалерійскаго набѣга, то здѣсь кстати будетъ привести сравнительную таблицу скорости движенія извѣстныхъ до сихъ поръ лихихъ кавалерійскихъ набѣговъ, изъ которыхъ видно, что скорость движенія отряда генерала Мищенко не превосходила скорости обыкновеннаго походнаго движенія пѣхоты *):

КѢМЪ, КОГДА И ГДѢ ПРОИЗВЕДЕНЪ НАБѢГЪ.	Продолжи- тельность набѣга.	Число днѣвокъ.	Пройденное разстояніе.	Средняя суточная скорость.
Чернышевъ въ 1812 г. отъ Сло- нима въ Мемелю	5 сут.	—	350	70
Гейсмаръ въ 1814 г. отъ Леза въ Шони	13 „	5	300	37 ¹ / ₂
Стюартъ въ 1862 г. у Ричмонда	56 час.	—	140	60
Морганъ въ іюлѣ 1862 г. въ Кентуки	24 сут.	3	1509	72
Стюартъ въ 1862 г. за Пото- макомъ	3 „	—	225	75
Морганъ въ 1862 г. за Огіо .	35 „	—	140	96
Гурбриджъ въ 1864 г. въ Кен- туки	30 „	—	126	100 ⁴ / ₅
Мищенко въ 1904 г. на Инкоу	6 „	—	185	30

Гейсмаръ дѣлаетъ первый переходъ на нейтральной полосѣ величиною въ 18 верстъ, но, когда обстоятельства того требуютъ, онъ дѣлаетъ переходы по 60 верстъ.

*) „Набѣгъ на Инкоу“ полковника Свѣшникова, изд. 1906 года.

Стюартъ, при отвратительныхъ дорогахъ и погодѣ, имѣя такія переправы, какъ черезъ Потомакъ и Чикагоминне, доводитъ суточную скорость до 60 и 70 верстъ.

Морганъ дѣлаетъ набѣгъ продолжительностью въ 24 дня, имѣетъ 3 дня дневки, т. е., въ 21 день перехода дѣлаетъ по 72 версты въ сутки при легкомъ обозѣ.

Генералъ Гурбриджъ дѣлаетъ переходъ съ суточной скоростью въ 101 версту.

Генералъ же Мищенко при чудныхъ условіяхъ, прекрасной дорогѣ идетъ со скоростью 30 верстъ въ сутки.

Этимъ сравненіемъ все сказано. Зато и результаты этого траги-комическаго набѣга были самые плачевные, онъ не только не оттянулъ никакой части силъ противника и не поселилъ никакой паники въ тылу у него, но даже и не нанесъ сколько-нибудь значительнаго ущерба; нѣсколько попорченныхъ рельсовъ, да около

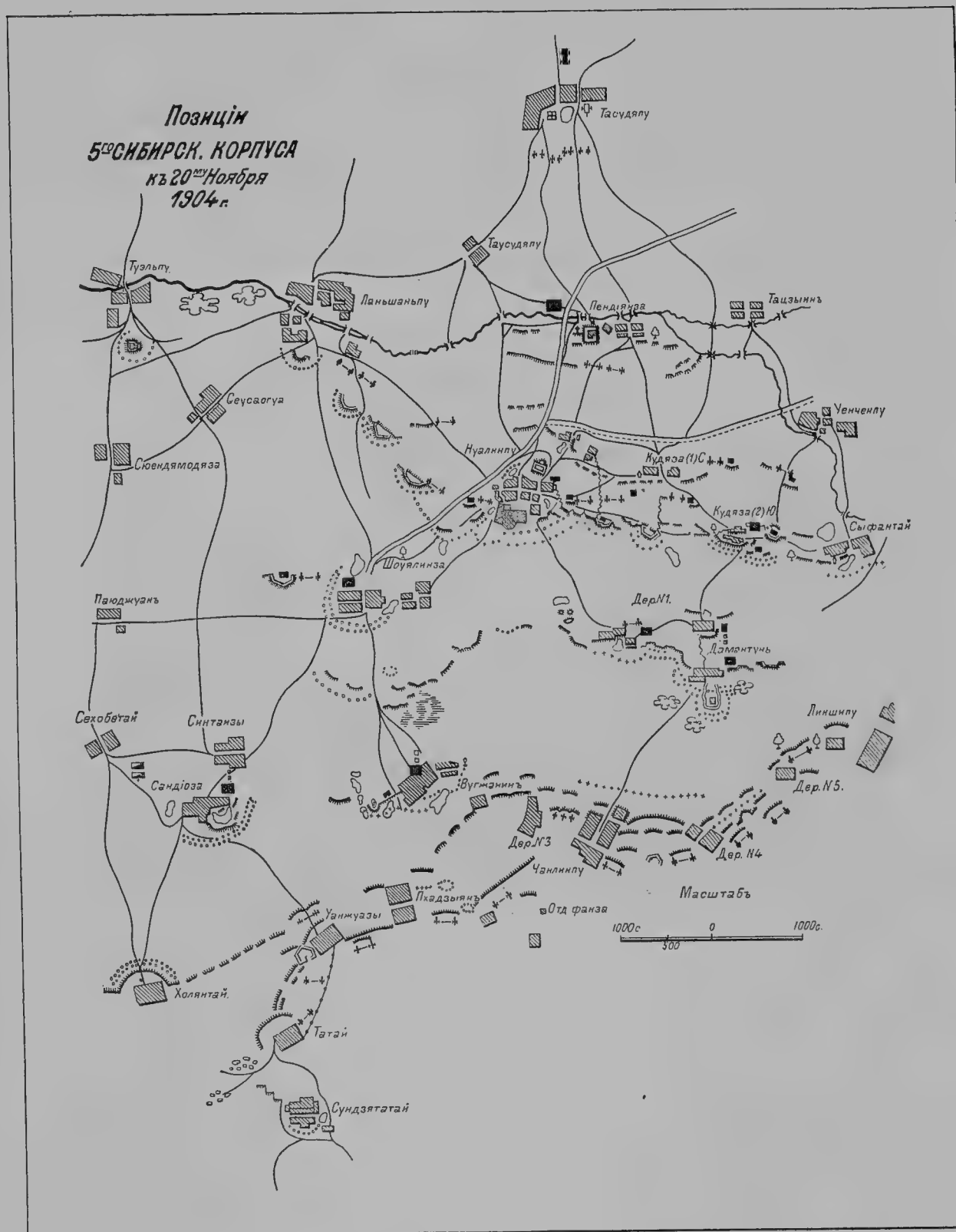
Зарядный ящикъ завязъ у Ляояна.

300 повозокъ съ продовольствіемъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были съ апельсинами, вотъ все, что сдѣлалъ нашъ кавалерійскій полководецъ.

Впрочемъ были еще и другіе результаты набѣга генерала Мищенко, но они имѣли чисто отрицательное для насъ значеніе. 14-я пѣхотная дивизія, принадлежавшая къ составу арміи генерала Гриппенберга, была двинута для поддержки находившагося въ затруднительномъ положеніи отряда Мищенко и, измученная и измотанная, тотчасъ же послѣ возвращенія отряда была, безъ отдыха, назначена на штурмъ Сандепу.

Время возвращенія отряда генерала Мищенко совпало съ началомъ извѣстной операціи подъ Сандепу, которая была не что иное какъ третья попытка наша перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и захватить инициативу въ свои руки.

Для уразумѣнія происшедшаго необходимо разсмотрѣть общую обстановку, предшествовавшую дѣлу, въ которой происходила эта подготовка нашего перехода въ наступленіе.

Мы уже знаемъ, что сформированіе трехъ армій, происходившее въ теченіе октября, было закончено въ концѣ ноября,—но это было только на бумагѣ, на практикѣ формированіе управленій этими арміями шло съ большими треніями и происходило, такъ сказать, пакетиками. Такъ, напримѣръ, штабъ 2-й арміи генерала Каульбарса формировался разновременно и въ двухъ разныхъ пунктахъ и также разновременно былъ отправленъ на театръ войны, а именно: первый эшелонъ этого

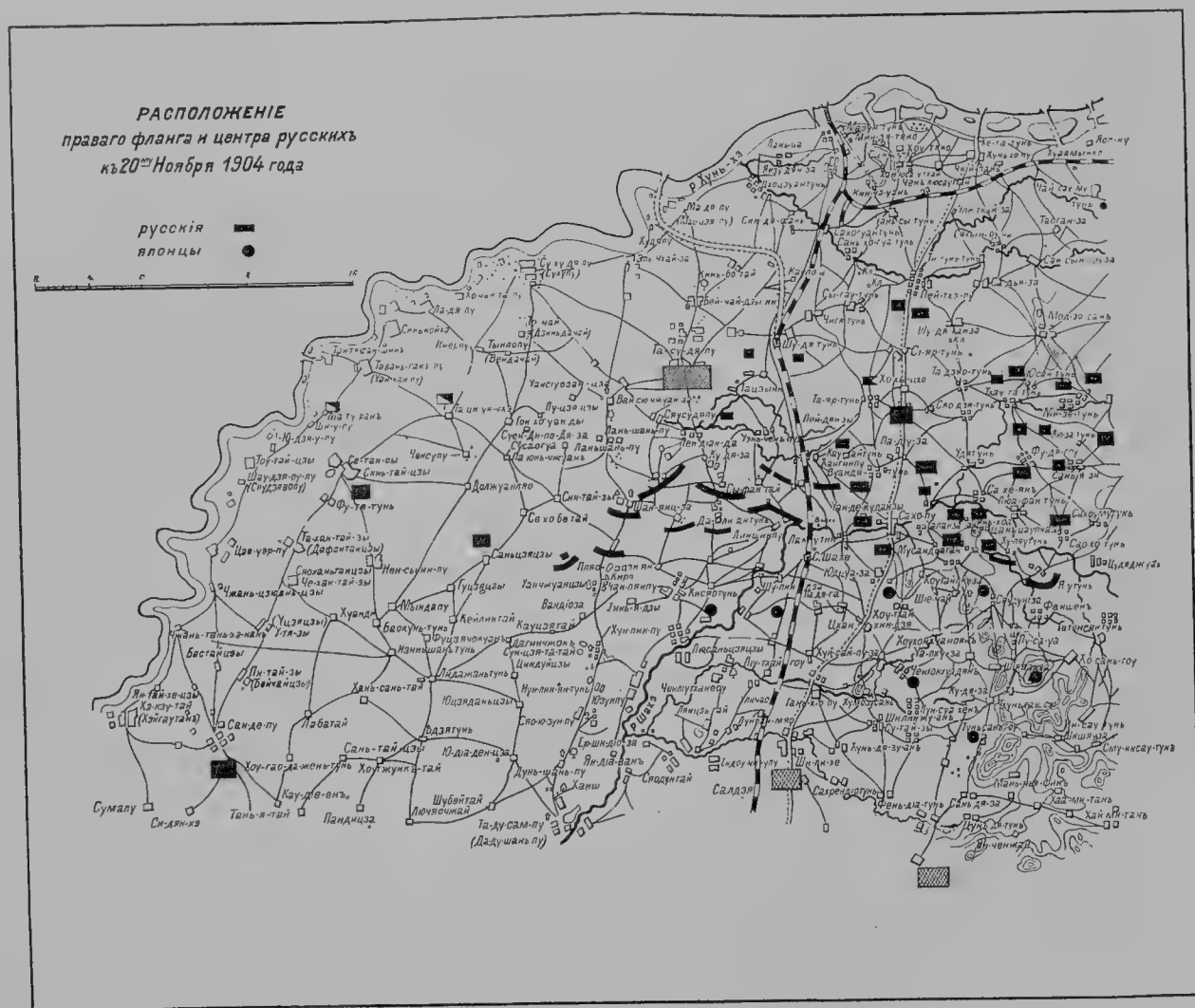

штаба въ составѣ самого командующаго арміей и нѣсколькихъ офицеровъ генеральнаго штаба съ малымъ числомъ нижнихъ чиновъ, безъ обоза и лошадей прибылъ въ Мукденъ 2-го декабря, остальные чины штаба съ начальникомъ его во главѣ прибыли туда только въ январѣ, а остальные лица армейскаго управленія прибыли только послѣ Мукдена, жандармскій же полуэскадронъ пріѣхалъ только незадолго передъ заключеніемъ мира. Естественно, что при такихъ условіяхъ дѣло управленія арміей сильно было затруднено. Въ Россіи довольно вяло относились къ этимъ новымъ формироваціямъ и мѣстные органы военныхъ управленій вяло относились къ предъявляемымъ имъ требованіямъ. Быстро раскрывшаяся политика авантюризма, трудно понятая цѣль войны, недостатокъ и неопредѣленность свѣдѣній изъ Манджуріи и цѣлый рядъ преслѣдовавшихъ насъ неудачъ сильно подѣйствовали на паденіе подъема духа общества и охладили общественный интересъ къ войнѣ не только въ средѣ частныхъ лицъ, но даже подѣйствовали и на военное общество. Между офицерами уже не встрѣчалось много охотниковъ идти въ Манджурію, были примѣры, что нѣкоторые уклонялись отъ назначеній безъ видимыхъ уважительныхъ причинъ, другіе шли подъ условіемъ полученія высшихъ назначеній, были даже и такіе, которые силились уйти изъ своихъ частей на болѣе спокойныя мѣста, чтобы не попасть въ эту невѣдомую и мрачную Манджурію. По счастью, такое отношеніе къ дѣлу не было уже очень распространено, но все же указанные примѣры не были особенно исключительными.

Въ концѣ ноября наши арміи подъ общимъ руководствомъ генерала Куропаткина занимали слѣдующее положеніе: на крайнемъ правомъ нашемъ флангѣ находилась конница, расположенная въ деревняхъ: Матуранѣ, Сантайцзы, Санцзяцзы и Тациунчхе, въ которыхъ находилось 31 сотня при 18 конныхъ орудіяхъ и еще одинъ батальонъ 213-го пѣхотнаго полка, стоявшій въ деревнѣ Сантайцзы. Непосредственно влѣво отъ этой кавалеріи былъ расположенъ 5-й армейскій корпусъ, который занималъ пространство въ 8 верстъ по фронту между деревнями Сандзіаза и Даліантунъ. Въ 5-мъ армейскомъ корпусѣ имѣлись передовая и главная позиціи, изъ которыхъ послѣдняя была сильно укрѣплена: въ деревнѣ Туэльпу былъ выстроенъ редутъ, а на линіи деревень Ланьшаньпу-Куанлиньпу имѣлось 2 редута, 2 люнета, цѣлый рядъ батарей и искусственныхъ препятствій. Деревни Куанлиньпу и обѣ Кудязы были приведены въ оборонительное положеніе. Укрѣпленія передовой позиціи требовали еще усиленія. Эта послѣдняя позиція была занята такъ: охотничьи команды Белебеевскаго и Златоустовскаго полковъ, 4 роты Моршанскаго и 2 роты Борисовскаго полковъ занимали деревню Сандіаза; охотничьи команды Бузулукскаго и Моршанскаго полковъ, 5 ротъ Моршанскаго полка, двѣ роты Борисовскаго и одна Инсарскаго полковъ занимали деревню Вучжанинъ; 7 ротъ Златоустовскаго, 4 роты Борисовскаго и охотничьи команды Борисовскаго и Оровайскаго полковъ занимали деревню Даліантунъ; 5 ротъ Инсарскаго и двѣ роты Мокшанскаго полковъ въ видѣ частнаго резерва занимали деревню Шуалинза. Всѣ только что помянутыя деревни были приспособлены къ оборонѣ и защищены засѣтками (волчьими ямами и проволочными сѣтями). Главная позиція 5-го армей-

скаго корпуса находилась позади на линии деревень Ланьшаньпу, Куанлиньпу—и сѣверная и южная Кудязы, при чемъ первоначально правый флангъ этой позиціи отъ Ланьшаньпу до Куанлиньпу не былъ занятъ войсками, а былъ только подготовленъ въ фортификаціонномъ отношеніи, остальные части 5-го корпуса были на лѣвомъ флангѣ этой позиціи; въ Пендіазѣ, въ видѣ резерва, находились 4 роты Инсарскаго полка, штабъ же корпуса, обозные парки и перевязочный пунктъ находились въ Тасудяпу.

Лѣвѣе 5-го корпуса располагался 17-й армейскій корпусъ, занимая пространство отъ Даліантуня до Хуанченпу. Фортификаціонныя работы въ районѣ этого корпуса были не вполне удовлетворительны, во многихъ мѣстахъ окопы еле прикрывали людей и были очень узки, резервы же были расположены открыто и не имѣли окоповъ; къ позиціямъ же 17-го корпуса принадлежала деревня Линшинпу, столь извѣстная кровавой битвой, происходившей изъ-за обладанія этимъ важнымъ пунктомъ. Эта деревня прикрывала переправу черезъ Шахе и желѣзнодорожный мостъ. Мы сохранили тамъ то положеніе, которое сохраняли во время боевъ на Шахе, т. е. меньшая часть ея была занята однимъ батальономъ Минскаго полка, другую же, большую часть занимали японцы; не болѣе двухсотъ шаговъ раздѣляли здѣсь противниковъ. Это было самое опасное мѣсто даже во время затишья: стоило только на мгновеніе высунуть голову изъ окопа, какъ слѣдовала вѣрная

смерть. Далѣе, рядомъ съ 17-мъ армейскимъ корпусомъ стоялъ 10-й корпусъ, который занималъ по фронту пространство около 6-ти верстъ и позиціи его были превосходно укрѣплены. Центральнымъ пунктомъ была деревня Сахепу, превосходно укрѣпленная, про которую сами японцы говорили, что она была неприступная; въ тылу этой деревни находились столь же сильно укрѣпленныя деревни Гуаньтань и Шанланцзы. Все пространство между этими тремя пунктами было покрыто многочисленными люнетами и всѣ окопы и укрѣпленія были соединены крытыми ходами сообщеній и каждый шагъ позиціи былъ сильно укрѣпленъ.

За 10-мъ армейскимъ корпусомъ стоялъ 1-й армейскій корпусъ, въ тылу за которымъ, въ видѣ частнаго резерва, стоялъ 6-й армейскій корпусъ въ окрестностяхъ деревни Бейтапу. Въ районѣ 1-го армейскаго корпуса находилась знаменитая Путиловская сопка. Далѣе къ лѣвому флангу были расположены сибирскіе корпусъ; 4-й сибирскій корпусъ съ двумя полками 8-го армейскаго корпуса были у деревни Хуань-Шань, далѣе шла 1-я восточно-сибирская стрѣлковая бригада у Хоушитай, имѣя впереди себя на позиціи Семипалатинскій пѣхотный полкъ; далѣе шли позиціи 2-го сибирскаго корпуса съ резервами отъ

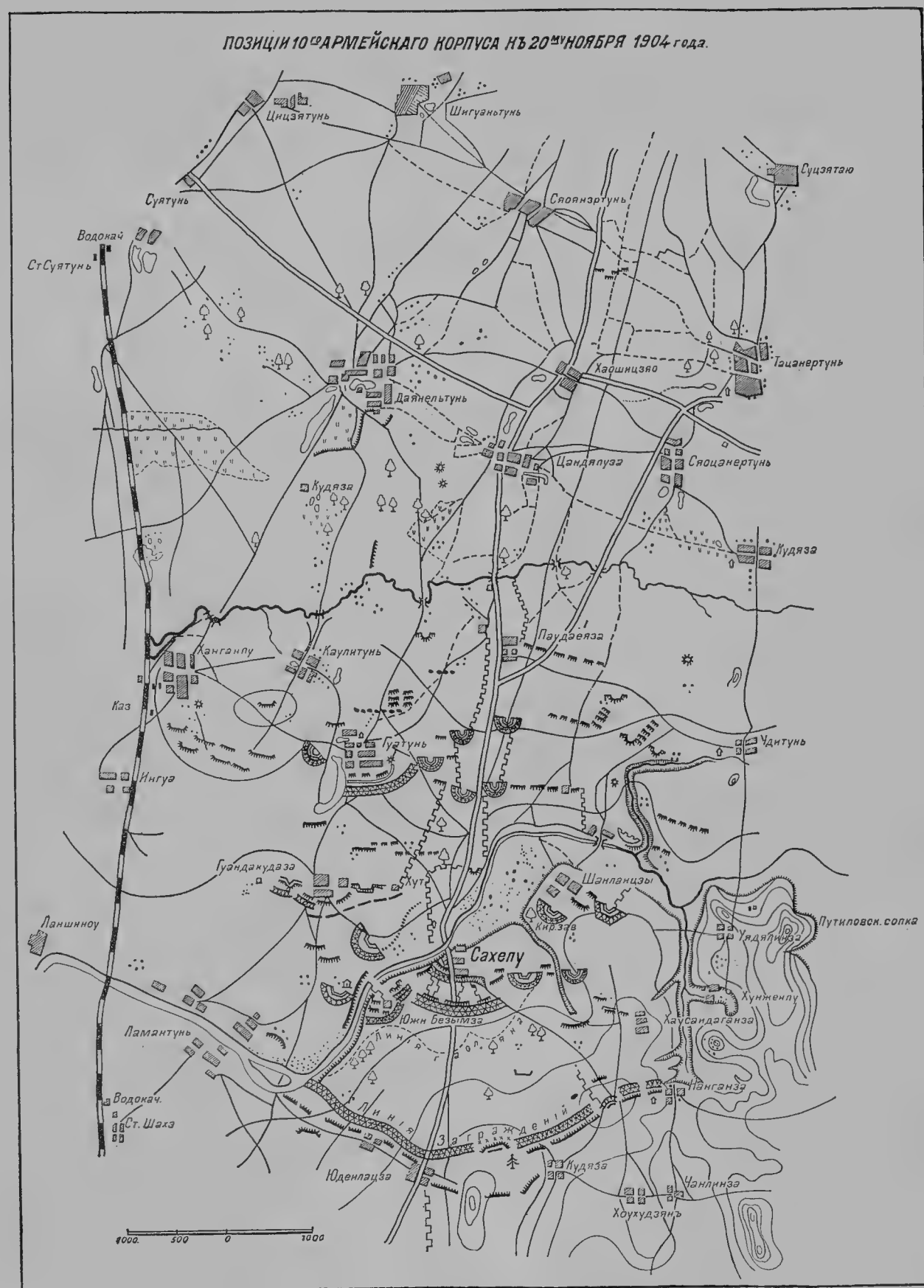
Отступленіе отъ Мукдена.

8-й восточно-сибирской стрѣлковой дивизіи въ деревняхъ Босинзай и Мицзигоу. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ стояли 10-й, 11-й, 21-й и 23-й восточно-сибирскіе стрѣлковые полки, занимая позицію до Гоутулинскаго перевала. Дальше этого крайняго лѣваго фланга было пустое пространство верстъ въ 20 протяженіемъ, послѣ котораго у деревни Макиндянъ стояли два восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ полка: 22-й и 24-й. Весь лѣвый флангъ нашего расположенія обезпечивался отрядами генерала Ренненкампа въ составѣ—16 батальоновъ, 18 сотенъ, 26 пѣшихъ, 8 конныхъ и 4 горныхъ орудій, и полковника Запольскаго—изъ одной сотни, двухъ охотничьихъ командъ и двухъ конногорныхъ орудій.

Въ общемъ резервѣ за этими войсками у деревни Тиндетяхе стояли Верхнеудинскій, Донской, Читинскій и Уральскій казачьи полки и кавказская казачья бригада и былъ расположенъ 8-й армейскій корпусъ. Главная квартира генерала Куропаткина находилась на станціи Гуцзянца.

Мы уже имѣли случай говорить, что войска обѣихъ сторонъ остались на тѣхъ мѣстахъ, которыя они занимали въ моментъ прекращенія боевъ на Шахе, со времени

которыхъ протекло много времени, и оба противника, соперничая въ фортификаціонномъ укрѣпленіи своихъ позицій, ожидали: японцы паденія Портъ-Артура, могущаго дать имъ новую армію почти въ 100.000 человекъ, мы же ожидали даль-

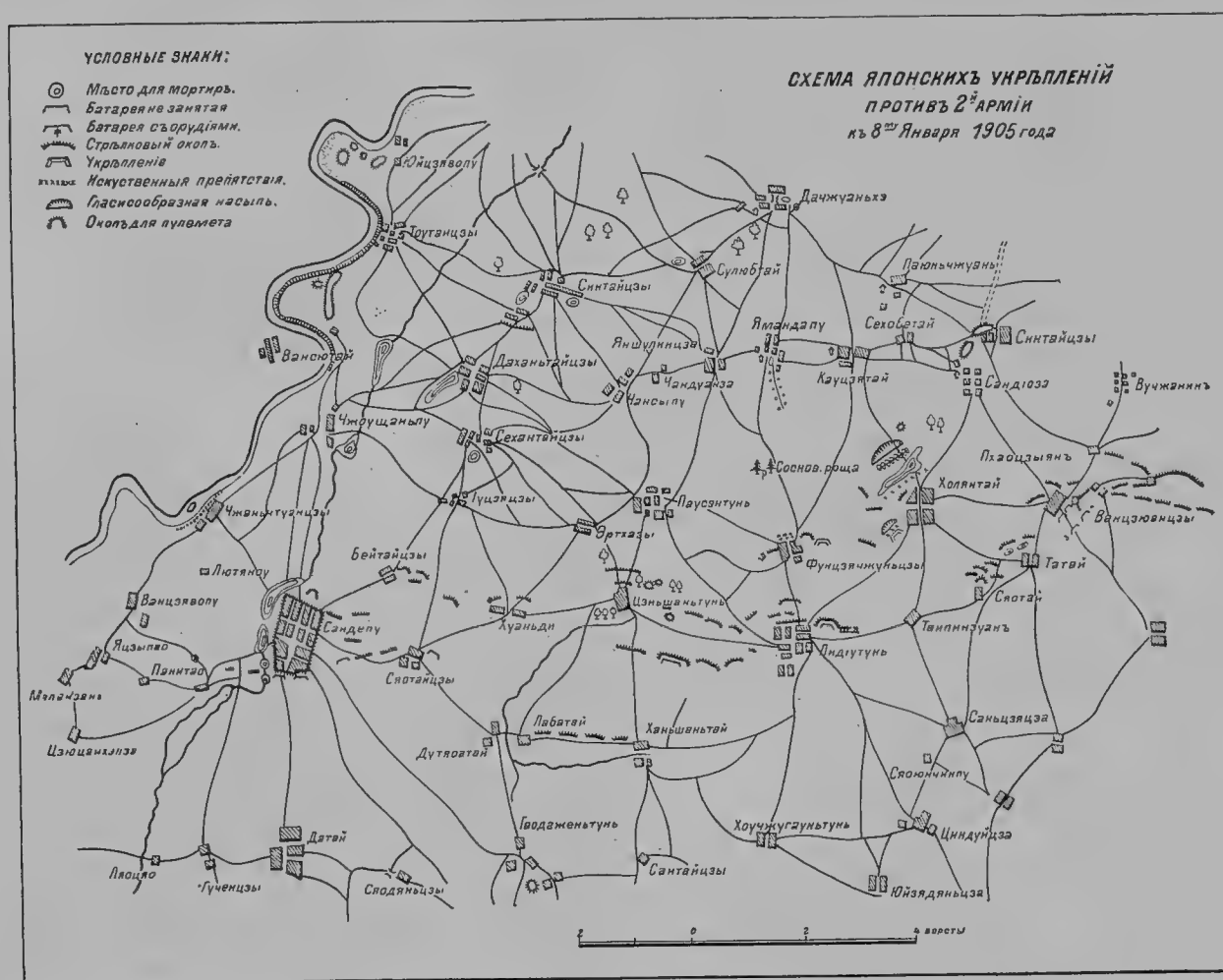
нѣйшихъ подкрѣплений изъ европейской Россіи. За это время весь нашъ громадный стоверстный фронтъ обратился въ гигантскую параллель, снабженную всѣми новѣйшими фортификаціонными постройками и приспособленіями, а нашъ противникъ весь ушелъ въ землю и подавалъ лишь слабые признаки своего присутствія. Очевидцы говорятъ о странномъ впечатлѣніи пустоты, которое производили японскія позиціи; отчетливо были видны сопки и деревни, которыя были заняты непріятелемъ, но

Офицерская землянка на бивуакѣ батареи у дер. Тхоумутхунъ.

нельзя было замѣтить ни одного укрѣпленія, никакого признака ихъ присутствія, кромѣ изрѣдка раздававшегося ружейнаго выстрѣла или свиста выпущенной откуда-нибудь шимозы, да пробѣгающихъ одиночныхъ людей: это была та же пустота поля сраженія, на которую наши жаловались еще подѣ Вафангоу, до такой степени японцы овладѣли искусствомъ примѣняться къ мѣстности и маскировать свое расположеніе. Въ общемъ положеніе нашихъ войскъ было удовлетворительно, кормили хорошо, одежда же была плоха, люди были, что называется, перегружены, но умѣніе нашего солдата быстро приспособляться ко всякой обстановкѣ много помогало дѣлу. Къ опасности настолько привыкли, что не обращали на нее никакого вниманія и солдаты зачастую не пользовались крытыми ходами сообщеній, а предпочитали ходить совершенно открыто по полю. Многіе участники и свидѣтели этой зимней стоянки на Шахе говорили, что никакого проявленія страха передъ непріятелемъ среди нижнихъ чиновъ наблюдаемо не было. Но странное впечатлѣніе производили различныя столкновенія наши съ непріятелемъ: малые отряды всегда имѣли успѣхъ, при столкновеніяхъ же большихъ частей, когда являлся спросъ на распорядительность, мы терпѣли постоянныя неудачи. Ежедневныя потери въ войскахъ были невелики, обыкновенно не превышали 10 человѣкъ, наиболѣе были въ 17-мъ армейскомъ корпусѣ у Линшинпу, гдѣ войска противниковъ находились уже слишкомъ близко другъ отъ друга, санитарное состояніе войскъ было хорошее, были случаи

отмораживанія, но они не составляли большинства и легко протекали. Слабой стороной нашей были карты, и хотя существовавшими и можно было руководствоваться, но въ нихъ встрѣчалось много и довольно крупныхъ неточностей; не лучше въ этомъ отношеніи было и у японцевъ, но тамъ имѣлись въ общихъ чертахъ кроки нашихъ позицій, которыя имѣлъ у нихъ почти каждый рядовой. Свѣдѣнія о непріятелѣ мы получали путемъ тайной развѣдки, черезъ китайскихъ развѣдчиковъ, которые имѣли своихъ агентовъ въ разныхъ другихъ городахъ, но такая развѣдка, не организованная еще въ мирное время, конечно, не могла принести особенно хорошихъ результатовъ, добывались свѣдѣнія также и путемъ рекогносцировки, производимой и частями войскъ, но онѣ, при умѣнii японцевъ скрывать свое расположеніе, также давали слабые результаты, тѣмъ не менѣе все важное изъ происходившаго у непріятеля не ускользало отъ нашего вниманія. Одновременно съ слабыми силами по рекогносцировкѣ противника, мы также мало обращали вниманія и на

дѣятельность китайскихъ шпионовъ среди нашего расположенія; они во множествѣ бродили по нашимъ позиціямъ, при чемъ уловить ихъ было довольно трудно, хотя и замѣчалась усиленная сигнализациа, посредствомъ которой китайцы обмѣнивались съ японцами своими свѣдѣніями.

Несмотря, однако, на столь слабыя средства развѣдки, свѣдѣнія, которыя мы имѣли о противникѣ, сводились къ слѣдующему: мы знали, что въ окрестностяхъ

Джантаньхенаня и Цзяньшантуня находилась японская кавалерія генерала Акіама въ составѣ пяти полковъ при 18-ти орудіяхъ и двухъ пулеметахъ, и что для поддержки ея тамъ же находится 11-я резервная бригада, занимавшая Сандепу. Затѣмъ мы имѣли свѣдѣнія, что изъ числа войскъ, входившихъ въ составъ арміи Оку и Нодзу, 3-я, 4-я, 6-я и 10-я японскія дивизіи находились въ передовой линіи, а въ резервѣ была 8-я ихъ дивизія и еще одна резервная бригада, что въ Шилихе стояла гвардейская дивизія, а противъ 2-го сибирскаго корпуса находилась 2-я японская дивизія, а далѣе на ихъ правомъ флангѣ была сводная резервная бригада и прочія части арміи Куроки, противъ же отряда генерала Ренненкампа дѣйствовала 9-я резервная бригада, расположенная у Саймацзы.

Палатка-шалашъ на бивуакѣ у дер. Мизантунь.

29-го ноябрю прибылъ на театръ войны командующій 2-й арміей генералъ Гриппенбергъ. Мы уже знаемъ, что въ составъ его арміи входили 5-й, 10-й и 8-й армейскіе корпуса, но послѣдній находился въ непосредственномъ подчиненіи генералу Куропаткину, а 5-й и 10-й находились на передовыхъ позиціяхъ; въ общемъ генералъ Гриппенбергъ располагалъ только однимъ 10-мъ армейскимъ корпусомъ, такъ какъ 5-й въ скоромъ будущемъ предполагался къ переводу въ составъ 3-й арміи. Почти одновременно прибылъ и командующій 3-й арміей генералъ Каульбарсъ. Штабъ 2-й арміи помѣстился въ деревнѣ Сахетунъ, а штабъ 3-й арміи въ Суетунъ, которыя обѣ находились весьма близко другъ отъ друга, а также близко отъ штаба главнокомандующаго. Столь близкое расположеніе главныхъ центровъ управленія большими массами войскъ вредно отзывалось на ходѣ дѣла, на небольшомъ пространствѣ дѣйствовали три полевыхъ интендантства и только мѣшали другъ другу, но особенно курьезно было это присутствіе трехъ начальниковъ военныхъ сообщеній съ ихъ штабами, тогда какъ весь нашъ тылъ сводился къ одной точкѣ: Мукдену, къ которому примыкало единственное наше сообщеніе—желѣзная дорога. Самымъ же

вреднымъ была близость штаба главнокомандующаго, который такимъ образомъ вводился въ соблазнъ вмѣшиваться въ распоряженія частныхъ начальниковъ и управлять частями войскъ, къ чему генералъ Куропаткинъ по основнымъ своимъ свойствамъ былъ весьма склоненъ.

Раньше мы упоминали, что въ концѣ ноября, когда къ намъ стали подходить пополненія, у Куропаткина явилась мысль перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, перейти къ наступленію. Трудно сказать, что было причиной такого прилива энергіи, но что это намѣреніе не было искренне, что Куропаткинъ боялся этого наступленія и что онъ не вѣрилъ въ успѣхъ его, это вытекаетъ изъ цѣлаго ряда послѣдовавшихъ его распоряженій, носившихъ противоположный характеръ и приведшихъ въ

Позиція на р. Хунхе близъ дер. Чжанжуализы.

концѣ концовъ насъ къ новой неудачѣ. Прибывшій къ арміи генералъ Гриппенбергъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ активныхъ дѣйствій, это онъ громогласно выражалъ передъ войсками и въ этомъ отношеніи совершенно не подходилъ къ генералу Куропаткину. Рассказываютъ, что будто Гриппенбергъ въ одномъ изъ полковъ сказалъ солдатамъ, что отступленія больше не будетъ, что если кто-нибудь изъ нихъ вздумаетъ отступать, то онъ ихъ убьетъ, и если онъ самъ прикажетъ отступать, то пусть они убьютъ его; впрочемъ на практикѣ эти слова такъ и остались только пустой, звонкой фразой. Въ смыслѣ активности дѣйствій въ прямомъ противорѣчій съ главнокомандующимъ находились и прочіе командующіе арміями, которые всѣ были сторонниками рѣшительныхъ дѣйствій, и это различіе во взглядахъ имѣло рѣшающее значеніе въ особенности для неудачи операціи подъ Сандепу. Генералъ Гриппенбергъ тотчасъ же по пріѣздѣ выразилъ свои наступательные планы генералу Куропаткину, съ которыми послѣдній повидимому и согласился, и Гриппенбергъ съ первыхъ же чиселъ декабря началъ сосредоточеніе своей арміи къ правому флангу. Вначалѣ генералъ Куропаткинъ не мѣшалъ генералу Гриппенбергу, даже какъ будто содѣйствовалъ ему. Такимъ образомъ, въ половинѣ декабря была дви-

съ 11 по 17 янв. 1905г.

нута на правый флангъ 5-го армейскаго корпуса 2-я бригада 15-й пѣхотной дивизіи изъ состава 8-го армейскаго корпуса и нѣсколько спустя туда же была двинута и 1-я бригада той же 15-й пѣхотной дивизіи. Такимъ образомъ на правомъ флангѣ по обоимъ берегамъ Хунхе образовался особый западный отрядъ, штабъ котораго находился въ Даваньганпу, и ему были подчинены конница генерала Грекова и отрядъ генерала Косоговскаго. Прибытіе на театръ войны своднаго стрѣлковаго корпуса дало возможность двинуть весь 8-й армейскій корпусъ на правый флангъ и такимъ образомъ послѣдній фактически вошелъ въ составъ 2-й арміи. Пока все это происходило, Куропаткинъ занимался подготовкой своихъ силъ къ наступленію, принимая вмѣстѣ съ тѣмъ мѣры, чтобы операція не приняла большихъ размѣровъ, чѣмъ это было желательно, и направленіе дѣятельности главнокомандующаго носило на себѣ характеръ, какъ будто дѣло шло не о нанесеніи врагу жестокаго удара, а о соблюденіи какихъ-то формъ, долженствовавшихъ обозначить собою рѣшительныя намѣренія. Приведемъ въ этомъ отношеніи мнѣніе, высказанное полковникомъ Новицкимъ на одномъ изъ сообщеній въ академіи генеральнаго штаба: „Упомянувъ о задачахъ, поставленныхъ арміямъ въ виду предстоящаго наступленія, нельзя обойти молчаніемъ тѣхъ многочисленныхъ указаній главнокомандующаго, которыми онѣ сопровождались. Въ нихъ главнокомандующій преподаетъ своимъ непосредственнымъ подчиненнымъ, командующимъ арміями, о томъ, какъ надо строить укрѣпленія, какими силами занимать ихъ, какъ производить демонстраціи, сколько назначать войскъ для прикрытія работъ и т. п. Читая эти наставленія, длинныя и мелочныя, думаешь, что всѣ прибыли на войну безъ самыхъ элементарныхъ познаній въ военномъ дѣлѣ. Весь поглощенный этими мелочами, Куропаткинъ постоянно упускалъ общее руководство военными дѣйствіями.

„Во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ до 11-го декабря главнокомандующій не давалъ никакой опредѣленной идеи для предстоящаго наступленія, хотя общее положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій должно было быть ему извѣстно лучше, чѣмъ кому-либо изъ командующихъ арміями. И въ его упорныхъ и частыхъ требованіяхъ отъ командующаго 2-й арміей соображеній ясно сквозило желаніе, чтобы ему подсказали рѣшеніе. И это рѣшеніе ему было представлено генераломъ Гриппенбергомъ въ его соображеніяхъ, представленныхъ къ 11-му декабря.

„Въ этомъ документѣ генераль Гриппенбергъ настаивалъ на необходимости нанести непріятелю главный ударъ на его лѣвомъ флангѣ, гдѣ мѣстность болѣе благоприятствовала наступательнымъ дѣйствіямъ и гдѣ мы уже въ то время, нѣсколько охватывая своимъ расположеніемъ непріятеля, получили болѣе выгодное исходное положеніе для наступленія. Для нанесенія этого удара имъ предназначалась 2-я армія, которую онъ и просилъ усилить возможно больше, въ соотвѣтствіе съ важностью возложенной на нее задачи. Этому наступленію должны были содѣйствовать прочія арміи, которыя, послѣ того какъ разовьются дѣйствія 2-й арміи, должны были перейти въ рѣшительное наступленіе.

„Такимъ образомъ идея, а вслѣдъ за нею и планъ нашего наступленія въ обходъ лѣваго непріятельскаго фланга принадлежатъ всецѣло генералу Гриппенбергу.

И этот планъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ изложенъ въ соображеніяхъ 11-го декабря, въ существенныхъ своихъ чертахъ остался неизмѣннымъ и легъ въ основаніе всѣхъ распоряженій для январскихъ боевъ.

„Однако въ этомъ планѣ заключался крупный недостатокъ, который не только не былъ исправленъ, но въ послѣдствіи даже развился и окрѣпъ, благодаря тому, что въполнѣ согласовался съ нерѣшительнымъ, колеблющимся характеромъ главнокомандующаго.

„Дѣло въ томъ, что содѣйствіе 1-й и 3-й армій опредѣлялось сначала лишь обстрѣливаніемъ непріятельскихъ позицій и лишь послѣ развитія дѣйствій обходной арміи должно было выразиться въ наступленіи. Если смотрѣть на непріятельскую армію какъ на живую силу, способную сопротивляться и создавать самостоятельныя комбинаціи, то ясно, что успѣшное развитіе обходныхъ дѣйствій возможно только

Постъ у батареи (за заборомъ не видно) на позиціи у дер. Чжанчжуанца.

при энергичной поддержкѣ съ фронта и что успѣхъ ихъ зиждется всецѣло на искусномъ сочетаніи фланговыхъ дѣйствій съ фронтальными, тѣхъ и другихъ одинаково рѣшительныхъ. Задержка въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ съ фронта до успѣшнаго исхода обходнаго движенія давала возможность главнокомандующему, никогда не склонному къ рѣшительной стратегіи, отказаться отъ этихъ дѣйствій въ случаѣ какихъ-либо затрудненій на лѣвомъ японскомъ флангѣ. И мы увидимъ—въ послѣдствіи такъ и случилось“.

Какъ будто считая подготовку къ задуманному наступленію дѣломъ второстепенной важности, генералъ Куропаткинъ особенно заботился о набѣгѣ генерала Мищенко и приказалъ генералу Косоговскому поддержать кавалерію частью своихъ войскъ, а оставшіяся въ Сифонтаѣ и окрестностяхъ части усилилъ 14-й пѣхотной дивизіей, при чемъ образовавшійся такимъ образомъ довольно большой отрядъ получилъ названіе ляохейскаго и былъ подчиненъ генералу Русанову. Въ концѣ концовъ, въ

результатъ всѣхъ распоряженій къ 1-му января 1905 года расположеніе нашихъ силъ на правомъ флангѣ было таково: 5-й сибирскій корпусъ оставался на прежнихъ мѣстахъ, вмѣсто 8-го корпуса въ стратегическомъ резервѣ помѣстились европейскія стрѣлковыя бригады подѣ начальствомъ генерала Кутневича и образовался западный отрядъ, въ составъ котораго вошли: ляхейскій отрядъ генерала Русанова, 8-й армейскій корпусъ и части 10-го армейскаго корпуса; начальникомъ этого отряда былъ назначенъ генералъ Мыловъ. Цѣлость 2-й арміи была такимъ образомъ нарушена, 8-й корпусъ былъ все-таки изъятъ изъ ея состава и получилъ особаго начальника, подчиненнаго генералу Куропаткину.

Въ концѣ декабря изъ японскихъ подметныхъ писемъ мы узнали о паденіи Портъ-Артура, что произвело удручающее впечатлѣніе на офицерскій составъ арміи,

Позиція у дер. Сандепу.

но почти совсѣмъ не отозвалось на нижнихъ чинахъ, на задуманный же нами переходъ въ наступленіе это, по крайней мѣрѣ вначалѣ, не оказывало вліянія, такъ какъ освободившаяся армія генерала Ноги не могла слишкомъ скоро очутиться на мукденскомъ театрѣ войны и содѣйствіе ея могло проявиться лишь значительно позже. Но зато другая наша неудача имѣла неблагопріятное вліяніе на ходъ подготовки операціи подѣ Сандепу. Неудачныя дѣйствія отряда генерала Мищенко увлекли за собою довольно значительную часть нашей пѣхоты, а именно всю 14-ю пѣхотную дивизію, которая до 12-го января, назначеннаго для наступленія на Сандепу, гонялась за кавалеріей Мищенко и едва поспѣла, хотя и вполне обезсиленная, на назначенное ей мѣсто въ сраженіи подѣ Сандепу. Мы имѣли самыя неопредѣленныя свѣдѣнія о противникѣ, японцы проявили поразительную бдительность и мы знали только то, что было передъ носомъ, т. е. что у нихъ было на фронтѣ, что же дѣлалось у нихъ въ тылу, гдѣ были расположены ихъ резервы, сколько ихъ было, объ этомъ мы не могли получить свѣдѣній никакими средствами; такимъ образомъ, мы очень мало знали о нашемъ противникѣ, и также туманны и неопредѣленны

были наши свѣдѣнія и о занятой японцами позиціи и объ укрѣпленіяхъ деревень, которыя предстояло войскамъ брать. Тѣмъ не менѣе мы усердно производили рекогносцировки всѣми возможными способами, при чемъ прибѣгали къ содѣйствию

воздушныхъ шаровъ. Приведемъ здѣсь заимствованное изъ труда М. Галкина „Бои съ 12-го по 15-е января 1905 г.“, помѣщенного въ журналѣ „Война и миръ“ за 1906 годъ, кроки Сандепу, даннаго рекогносцировкой съ воздушнаго шара, имѣвшей мѣсто 7-го января у деревни Чжоуганьпу. При этой рекогносцировкѣ выѣхала одна японская батарея и открыла огонь по воздушному шару, снаряды рвались со всѣхъ сторонъ его, но это не помѣшало нашимъ офицерамъ все-таки закончить свое дѣло и они благополучно спустились, представивъ нижеприведенное кроки.

Къ сожалѣнію, рекогносцировка воздушными шарами не была правильно организована и услугами шаровъ пользовались совершенно

случайно, иногда даже по личнымъ предложеніямъ офицеровъ воздухоплавательнаго парка. Въ рекогносцировкѣ воздушныхъ шаровъ вкралась большая ошибка, имѣвшая вліяніе на успѣхъ атаки Сандепу. Мы не имѣли понятія о конфигураціи этой деревни

и ея укрѣпленійхъ, но все-таки на основаніи данныхъ воздушнаго шара и рекогносцировки охотниковъ была составлена схема расположенія Сандепу, хотя это было сдѣлано уже послѣ боевъ за этотъ пунктъ. На существовавшихъ картахъ Сандепу была показана однимъ общимъ контуромъ, что подтверждалось и произведенными разными путями рекогносцировками. Это повело къ тому, что 14-я дивизія, ворвавшись въ Линдзявопу и Баотайцзы, была убѣждена, что она ворвалась въ Сандепу и была крайне удивлена, когда наткнулась на другой населенный пунктъ, также занятый непріателемъ и также хорошо укрѣпленный. Въ дѣйствительности Сандепу состояла собственно изъ трехъ населенныхъ пунктовъ: Баотайцзы, находившагося съ западной стороны Сандепу и отдѣленнаго отъ нея небольшимъ прудомъ, и Линдзявопу на юго-западъ отъ Сандепу. Всѣ эти свѣдѣнія были собраны и сообщены войскамъ уже послѣ боевъ. Если теперь принять во вниманіе, что атаковать Сандепу пришлось 14-й пѣхотной дивизіи, которая была совершенно незнакома съ мѣстностью, на которой ей приходилось дѣйствовать, то можно сказать, что мы бросились въ дѣло очертя голову, не имѣя никакого понятія ни о силахъ, ни о расположеніи противника.

Какъ мы уже имѣли случай говорить, планъ генерала Гриппенберга былъ принятъ цѣликомъ, но 4-го января онъ подвергся существенному измѣненію. Въ этотъ день на совѣщаніи по поводу предстоящаго наступленія генераль Куропаткинъ приказалъ, чтобы, въ случаѣ перехода японцевъ въ наступленіе, наши войска ни подъ какимъ видомъ не переходили бы линіи, прочерченной имъ на картѣ. Линія эта находилась между нашими и японскими войсками и направлялась отъ Хегоутая на Лабатай и далѣе къ востоку. Этимъ послѣднимъ распоряженіемъ уничтожался весь планъ Гриппенберга и общее наступленіе всѣми силами какъ бы отмѣнялось, а все сводилось лишь къ частной операціи второй арміи, овладѣнія укрѣпленнымъ райономъ Сандепу; кромѣ того, это послѣднее приказаніе Куропаткина стѣсняло Гриппенберга и лишало его должной самостоятельности. Дѣятельность генерала Куропаткина въ періодъ сосредоточенія арміи Гриппенберга для предстоящаго наступленія была только во вредъ успѣху наступленія, съ которымъ самъ Куропаткинъ былъ повидимому не согласенъ; такъ, вслѣдствіе слуховъ объ усиленіи японскаго лѣваго фланга, онъ формируетъ западный отрядъ генерала Мылова и назначаетъ туда большое количество войскъ, а заботясь о судьбѣ набѣга генерала Мищенко, отнимаетъ отъ Гриппенберга цѣлую дивизію и двигаетъ ее на крайній правый флангъ. И все это дѣлалось задолго до времени, назначеннаго для начала задуманнаго наступленія. Конечно, это не могло укрыться отъ наблюденія нашего внимательнаго и энергичнаго противника. Маршалъ Ойяма отлично видѣлъ, что у насъ затѣвается что-то особенное, а потому, конечно, и могъ соотвѣтственно подготовиться. Во всемъ этомъ не былъ виноватъ генераль Гриппенбергъ. Наконецъ, 10-го января все было готово и днемъ начала операціи былъ выбранъ 12-е января. Къ этому времени на нашемъ правомъ флангѣ была сосредоточена стотысячная масса войскъ при 440 орудіяхъ, и успѣхъ былъ бы на нашей сторонѣ, если бы этой массѣ дано было дѣйствовать опредѣленно и совмѣстно, но, какъ мы увидимъ, и тутъ позаботились о томъ, чтобы раздробить

резервныя бригады сосредоточены въ районѣ деревень Шилихе, Шеньшанцза, Хаматань, Шенлюхедзы, янтайскія копи и станція Янтай.

„Какъ группируются войска, подходящія изъ Портъ-Артура, еще неизвѣстно.

„Лѣвый флангъ противника на линіи Холянтай—Лидіатунь—Сандепу и далѣе на правомъ берегу Хунхе былъ занятъ частями 1-й и 2-й резервныхъ бригадъ и кавалерійскими полками, но въ послѣднее время японцы обратили серьезное вни-

Застава прикрытія батареи на р. Хунхе.

маніе на укрѣпленіе этого фланга укрѣпленіями, войсками, коихъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, здѣсь собрано до 25000 человѣкъ. Особенно сильно заняты Сандепу и Лидіатунь.

„На крайнемъ своемъ правомъ флангѣ, противъ нашего расположенія по линіи Гаолинцзы—Синхечень—Синзинтинъ—Хуанженсянь противникъ собралъ силы недостаточно нами опредѣленные и колеблющіяся отъ 10000 до 15000.

„Точно обнаружено присутствіе 9-й резервной бригады, кавалерійскаго полка и 2-хъ батарей. Войска эти укрѣпляются на линіи рѣки Тайцзыхе, въ Цзянчанѣ и нѣкоторыхъ передовыхъ пунктахъ.

„Кромѣ сильно укрѣпленнаго фронта, японцы имѣютъ еще нѣсколько послѣдующихъ укрѣпленныхъ линій и группъ: Хунлинпу, Цунлуньянтунь, по рѣкѣ Шахе, Тадусампу и другихъ, укрѣпленныхъ весьма серьезно; группа Шеньшанцза—Иншоутунь—Тунсанхо—Шаушимяодза; высоты Тумынцзы, Шуанлунцзы; группа линіи деревень Ендоніулу, Наньюлигай, Шилихе; линія Цуньодаодзеньюй и далѣе на юго-востокъ до Бенсиху; линія Шантайцзы—Ванлутунь—Сянланцы; ст. Янтай, Ситайцзы, Гудзядзы, копи Янтай; линія Даинтань—Дацзыфанъ—Тяньхенпу—Чжантайцзы—Цзусандопу и далѣе къ Сыквантуню; группа у Ляоянскаго желѣзнодорожнаго моста и проч. При чемъ занятіе этихъ линій войсками не выяснено, но можно предположить, что первая изъ нихъ, т. е. по рѣкѣ Шахе, занята серьезно; прочія же или

совсѣмъ не заняты, или заняты весьма слабо, хотя и могутъ быть заняты, ибо по свѣдѣніямъ, опять-таки китайскимъ, въ ближайшихъ окрестностяхъ Ляояна также сосредоточены войска числомъ около 20000.

„Съ прибытіемъ своднаго стрѣлковаго корпуса и съ началомъ сосредоточенія 16-го армейскаго корпуса мы получаемъ превосходство въ силахъ, достаточное для перехода въ наступленіе.

„Первоначальною цѣлью дѣйствій армій поставлено: оттѣсненіе японцевъ за Тайцзыхе съ нанесеніемъ имъ возможнаго пораженія. Первымъ предметомъ дѣйствій служить армія Оку; способомъ дѣйствій опредѣленъ охватъ лѣваго фланга этой арміи.

„Въ зависимости отъ успѣха дѣйствій 2-й и 3-й армій по овладѣнію лѣвымъ флангомъ расположенія японцевъ по Шахе, должны начаться и развиваться дѣйствія 3-й и 1-й армій противъ позицій, занятыхъ арміями Нодзу и Куроки. При большой силѣ японскихъ позицій атака съ фронта будетъ сопряжена съ большими потерями, поэтому ранѣе начала атаки тѣхъ или другихъ участковъ непріятельскихъ позицій надо добиваться такого положенія, при которомъ подготовка и производство атаки велись бы не только съ фронта, но и съ фланга.

„2-й арміи овладѣть линіей непріятельскихъ укрѣпленій Сандепу—Лидіатунь—Тасай—Тиньяцзы и затѣмъ линіей укрѣпленій на Шахе—Цунлунянтунь—Тадусампу. Въ зависимости отъ дѣйствій противника и успѣховъ, достигнутыхъ 3-й арміей,

Переходъ 1 бат. 3 Сиб. артил. див. черезъ р. Хунхе у дер. Матурань.

2-я армія, прикрывшись сильнымъ заслономъ къ югу, развиваетъ свои дѣйствія въ направленіи на линію Улитайцзы—Шилихе и на высоты южнѣе селенія Шилихе.

„3-я армія овладѣваетъ линіей непріятельскихъ укрѣпленій Чанлинпу—Линшинпу и затѣмъ линіей непріятельскихъ укрѣпленій по Шахе отъ Линшинпу до Хунлинпу включительно. Въ зависимости отъ дѣйствій противника и успѣховъ 2-й арміи, 3-я армія развиваетъ свои дѣйствія въ направленіи по линіи Хоутхайская—

Хунбоашанская сопка. 1-я армія содѣйствуетъ овладѣнію войсками 3-й арміи Хоутхайской сопки и овладѣваетъ высотами у Чжанлунцза и Шиманцза. Въ зависимости отъ дѣйствій противника и успѣховъ 2-й и 3-й армій, 1-я армія при содѣйствіи войскъ 3-й развиваетъ свои дѣйствія въ направленіи позиціи у Тапу—Шенлухедзы, занимавшихся нами 27—29-го октября.

„Во время сихъ дѣйствій на 1-ю армію возлагается охрана лѣваго фланга нашихъ армій и на 2-ю армію охрана праваго фланга. Всѣ арміи оказываютъ возможно полное содѣйствіе одна другой.

„Въ частности, при дѣйствіяхъ войскъ 2-й арміи 3-я содѣйствуетъ атакѣ артиллерійскимъ огнемъ на позиціи противника, находящейся въ сферѣ дѣйствій огня батарей 3-й арміи, содѣйствуетъ войсками овладѣнію позицій у селенія Паоцзыянъ.

„Войска 2-й арміи содѣйствуютъ огнемъ атакѣ войскъ 3-й арміи на позиціи у Чанлинпу—Хунлинпу.

„Войска 1-й арміи содѣйствуютъ 3-й арміи огнемъ и войсками для овладѣнія Хоутхайской сопкой.

„Войска 3-й арміи, по овладѣніи Хоутхайской сопкой, оказываютъ 1-й арміи содѣйствіе огнемъ и войсками по овладѣнію позиціями по двурогой сопкѣ и другихъ у Ченсанлинцза и Шешанцза. Во время дѣйствій нашихъ армій надо быть непрерывно готовымъ встрѣтить контръ-атаку противника. Начинаетъ дѣйствія 2-я манджурская армія.

„Въ непосредственное распоряженіе главнокомандующаго назначаются: 16-й армейскій корпусъ, 3-й сибирскій корпусъ и 72-я пѣхотная дивизія 6-го корпуса“.

Это знаменитая бумага, изъ которой можно заключить, насколько важное значеніе придавалъ генераль Куропаткинъ задачамъ предстоящаго наступленія и насколько онъ его хорошо обдумалъ. Въ сущности говоря, не имѣя никакого практическаго значенія, она какъ будто заготовлялась для будущаго самооправданія. Многочисленныя „если“ и „когда“, испещряющія приведенный документъ, только связывали дѣйствія нашихъ армій и, какъ мы увидимъ ниже, принесли свою значительную долю вреда успѣху дѣла. Самъ Куропаткинъ очевидно не вѣрилъ успѣху наступательнаго плана генерала Гриппенберга и согласился на него изъ своихъ чисто личныхъ дипломатическихъ соображеній; только съ этой точки зрѣнія могутъ быть объяснены всѣ дѣйствія нашего главнокомандующаго во время операціи 2-й манджурской арміи подъ Сандепу, иначе они могутъ походить на игру въ руку нашего врага.

Вышеприведеннымъ приказаніемъ генераль Куропаткинъ закончилъ всѣ подготовительныя операціи, теперь надлежало приступить уже къ исполненію. Началомъ наступленія было выбрано 12-е января, но за три дня до этого на нашъ правый флангъ прибылъ изъ 1-й арміи 1-й сибирскій корпусъ подъ начальствомъ генерала Штакельберга, а къ вечеру 11-го января всѣ силы генерала Штакельберга закончили свое исходное сосредоточеніе. Въ ночь съ 10-го на 11-е въ 8-мъ армейскомъ корпусѣ была получена диспозиція командующаго 2-й арміей, въ ней приказывалось 12-го числа начать наступленіе, указывалась задача корпуса и способъ ея исполненія, и всей арміи приказывалось сосредоточиться:

1-му сибирскому корпусу.

Къ Сыфантаю, Хаумахулинца, Ченмахулинца и Цыюто.

8-му армейскому корпусу.

14-й дивизіи . . . . . 16 бат.

15-й „ . . . . . 16 „

41-й и 29-й арт. бр. . . 96 оруд.

3-му арт. дивизіону . . . 8 „

2-й бат. 5-го мор. полка . 12 мор.

1-го Оренб. каз. полка . 2 сот.

12-й саперному бат. . . . 1 бат.

14-й див., 41 арт. бр. и 12-му саперному батальону сосредоточиться на правомъ берегу Хунхе въ районѣ Чжантань (одной бригадѣ), Чандіоза—Синеюпао—Тунднова (другой бригадѣ). 15-й пѣхотной дивизіи съ 29-й ар. бриг. мортирами и поршнев. орудіями — между лѣвымъ берегомъ Хунхе и линіей Сулюбтай—Чансыпу—Эртхавы.

10-й армейскій корпусъ.

Въ районѣ между линіями Сулюбтай—Чандіопа—Паусентунь—Сехобетай—Паньюнчжуанъ — Сосядинадза — Ланьшанпу — Васючжуанца (безъ включенія послѣднихъ пяти деревень въ районъ корпуса).

Сводный стрѣлковый корпусъ.

Побригадно въ Пейтхазы на правомъ берегу Хунхе, въ Тоутайцзы и въ Даванганьпу на лѣвомъ берегу Хунхе.

Отрядъ генерала Коссоговскаго.

Въ районѣ Матюенцзы, Цыюто и Ченмахулинцзы, выставивъ авангарды и у Сянтайцзы и Сяодямына.

Конницѣ генерала Мищенко.

Между Тахуанчапу, Юбанулу и Сыфантайскими высотами.

Эта, повидимому, столь ясная и простая диспозиція при исполненіи представляла большія трудности: во-первыхъ, 15-ю дивизію предписывалось сосредоточить на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ она и до этого стояла, а 14-й дивизіи при корпусѣ совсѣмъ не было, она гдѣ-то гонялась за кавалеріей Мищенко и командиръ 8-го корпуса даже не зналъ, гдѣ она находится и прибудетъ ли когда-нибудь къ своему корпусу. Волынской, Минской и Житомирской полки еще 19-го января были посланы за кавалеріей Мищенко, а Подольскій полкъ, хотя и оставался въ Чжантанѣ, но 10-го числа и оттуда были взяты два батальона. 11-я пѣхотная дивизія вслѣдствіе личнаго приказанія Куропаткина генералу Гриппенбергу была обречена на пассивное созерцаніе, а потому ее и считать нечего, и командиръ 8-го корпуса наканунѣ дня, назначеннаго для атаки, располагалъ только двумя батальонами Подольскаго полка. Положеніе было въ высшей степени затруднительное, если не безвыходное. Тѣмъ не менѣе генералъ Мыловъ отдалъ слѣдующее приказаніе:

тирными и поршневыми батареями для атаки Сандепу. Остальным частям прикрывать правый фланг отряда генерала Мылова во время его атаки Сандепу и в случае надобности оказать ему поддержку.

8-й армейский корп. Ген. Мыловъ. 32 батальона, 96 скор. оруд., 8 порш., 12 мортиръ, 2 сотни, 1 сапер. батальонъ, 4 осадныхъ орудія, 2 сотни Оренбургскаго каз. дивизіона.

10-й армейский корп. Ген. Церпицкій. 32 батальона, 88 скор. оруд., 16 горныхъ оруд., 2 сотни и 1 саперный батальонъ.

Сводно-стр. корпусъ. Ген. Кутневичъ. 24 бат., 72 оруд., 2 сотни.

Отрядъ ген. Коссоговскаго. 8 бат., 20 оруд., 22 сот. и 1 сап. рота.

Конный отрядъ ген. Мищенко. 45 сотенъ, 24 кон. оруд., 8 горн. орудій.

Посмотримъ теперь, въ какое положеніе было поставлено дѣло этой диспозиціей. Главная задача заключалась въ овладѣніи Сандепу, съ паденіемъ которой должны были пасть и всѣ пункты, занятые японцами, у которыхъ Сандепу находилась въ тылу. Исполненіе главнымъ образомъ было возложено на 8-й армейский корпусъ, при чемъ начать должна была 14-я пѣхотная дивизія, но послѣдняя была отозвана для содѣйствія генералу Мищенко. Въмѣсто корпуса генерала Мылова, благодаря предшествовавшимъ распоряженіямъ Куропаткина очутилось лишь два батальона, и ген. Мылову приходилось атаковать ни съ чѣмъ; онъ могъ для этого рассчитывать

По овладѣніи 1-мъ сибирскимъ корпусомъ селеніемъ Хегоутаемъ наступаетъ съ одной дивизіей на фронтъ Тутайцзы-Чжантань противъ Сандепу, съ цѣлью овладѣть этимъ селеніемъ, содѣйствуя другой дивизіей съ сѣвера сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ на фронтъ Чжоуганьпу Гудзядзы (включительно).

Содѣйствовать атакѣ 8-го корпуса на Сандепу огнемъ противъ линіи Хуанди—Фуцзячжуанца, отвлекая на себя вниманіе противника.

Въ общемъ резервъ: штабъ корпуса, 1-я и 2-я бригада въ Таухузѣ, 5-я въ Даванганпу.

Оставаться на позиціи къ югу отъ Сыфантая, охраняя тылъ 8-го и 1-го сибирскаго корпусовъ, наблюдая въ полосѣ между Хунхе и Ляохе, особенно къ Бейдагоу и Убаніулу.

Содѣйствовать 1-му сибирскому корпусу при атакѣ Хуанлотойцзы, послѣ чего переправиться на лѣвый берегъ Хунхе и освѣщать пространство между Тайцзыхе и линіей Хегоутай—Ландунгоу—Тадусампу. Въ случаѣ наступленія противника къ Сандепу дѣйствовать ему во флангъ и тылъ.

на какія-то войска, которыя поступятъ въ его распоряженіе, и то когда деревня Хегоутай будетъ взята 1-мъ сибирскимъ корпусомъ; остальные части 2-й арміи должны проявлять свое участіе только огнемъ, что не только не составляло содѣйствія, но скорѣе было вредно, такъ какъ раскрывало противнику наши планы; кромѣ того, изъ всей сто-тысячной массы назначили на исполненіе задуманнаго только одну треть, такъ какъ корпуса должны были приступить къ выполненію своихъ задачъ послѣдовательно, по достиженіи поставленныхъ другимъ корпусамъ цѣлей, атака пакетиками была установлена самимъ начальствомъ и не могла не повести къ пораженію, которое еще обезпечивалось той неизбежной путаницей, которая должна была получиться въ

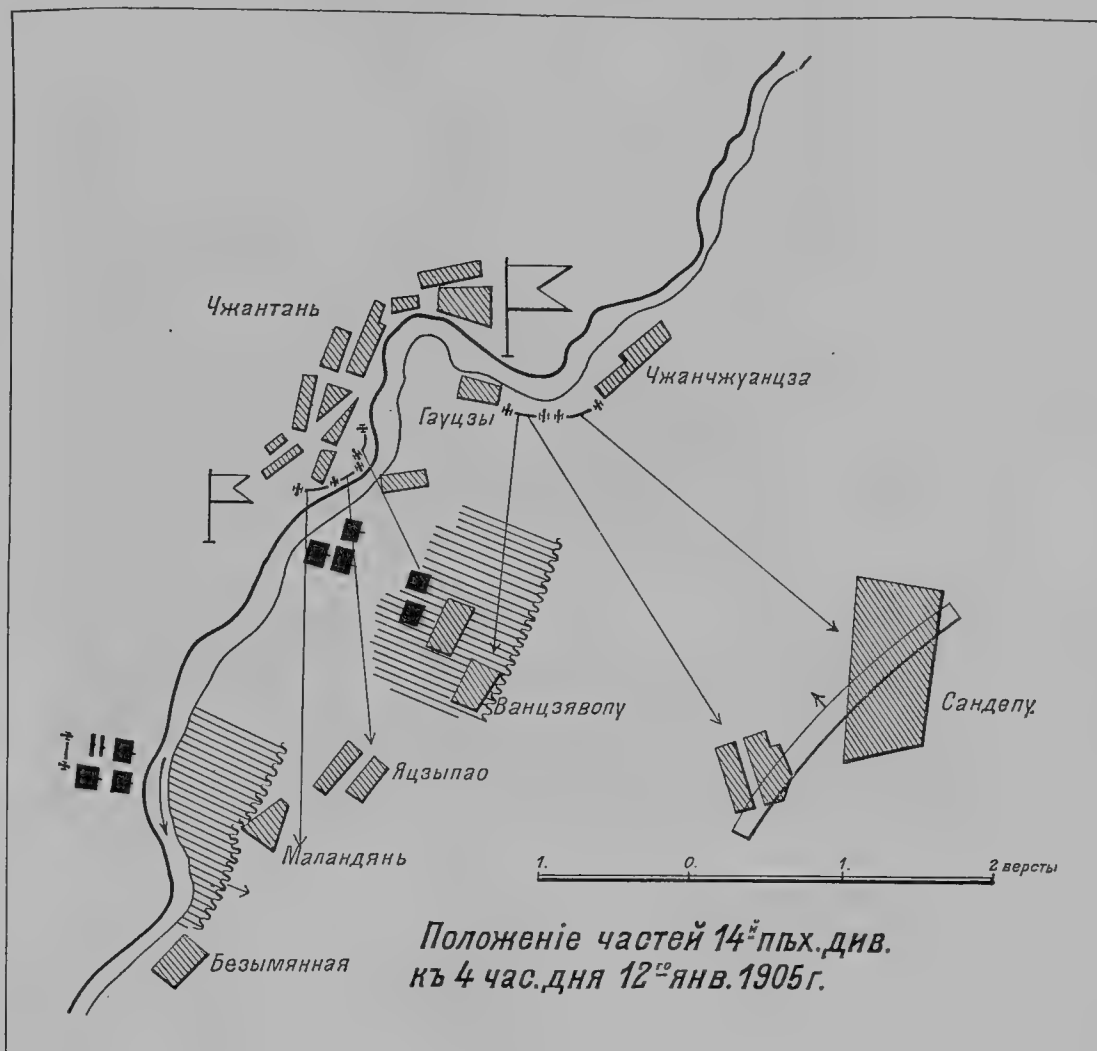

Квартира 1 бат. 3 Сиб. артил. дивизіона въ дер. Матурань.

результатъ подобныхъ болѣе чѣмъ странныхъ распоряженій, и которая получилась въ дѣйствительности; лишь только въ одиннадцатомъ часу вечера 11-го января было получено увѣдомленіе, что головныя части 14-й пѣхотной дивизіи стали подходить къ пунктамъ, назначеннымъ диспозиціей для сосредоточенія. Части эти были въ самомъ жалкомъ видѣ, послѣ трехъ дней безцѣльнаго мотанія въ отрядѣ Мищенко, безъ какого бы то ни было отдыха онѣ должны были развернуться на линіи Синюпао—Чжантань и съ разсвѣтомъ атаковать Сандепу.

Съ разсвѣтомъ 12-го января началось наступленіе 1-го сибирскаго корпуса противъ Хегоутая. Войска 8-го корпуса залегли на своихъ мѣстахъ и сильно мерзли, такъ какъ морозъ въ этотъ день достигъ 20 градусовъ и былъ сильный вѣтеръ, всѣ прислушивались къ разгорающемуся на западѣ сраженію, но сами двигаться впередъ не могли, должны были ожидать, пока 1-й сибирскій корпусъ не справится съ Хегоутаемъ; но проходитъ день и наступаетъ уже вечеръ, а сибиряки все дерутся съ непріателемъ. Въ 1-мъ сибирскомъ корпусѣ происходило между прочимъ слѣдующее: въ ночь на 12-е число корпусъ захватилъ Хуанлотацзы и Тутайцзы, куда къ разсвѣту была выдвинута артиллерія, которая и приступила къ подготовкѣ атаки

деревень Тупао и Хегоутай. Тутъ японцы оказали упорное сопротивленіе, и только около 12 часовъ ночи, потерявъ около 1500 человѣкъ, мы взяли наконецъ Хегоутай. Утромъ этого дня части 8-го корпуса, 14-й дивизіи стояли: Волынской полкъ въ Чандіопа, Минскій, Подольскій и Житомирскій полки въ Чжантанѣ, тамъ же находились 6 батарей 41-й арт. бр.; штабъ корпуса помѣщался въ Снеопа; 15-я пѣхотная дивизія стояла на лѣвомъ берегу Хунхе, позиція ея дѣлилась на два участка:

на правомъ у Чжоугуаньпу находились Люблинскій и Замосцкій полки, 29-я артиллерійская бригада, 6 мортиръ и 4 осадныхъ орудія. На лѣвомъ участкѣ между деревнями Дахантайцзы и Гуцзяцзы расположились Модлинскій и Прагскій полки. Другая половина 29-й арт. бр. 5 мортиръ и 8 поршневыхъ орудій. Въ резервѣ, за этими войсками, были четвертые батальоны отъ четырехъ полковъ и одна рота 12-го сапернаго батальона. Такое расположеніе плохо вязалось съ диспозиціей или, лучше сказать, послѣдняя не сообразовалась съ расположеніемъ войскъ: выходило, что атаковать Сандепу, находившуюся на лѣвомъ берегу рѣки, должны были войска, находившіяся на правомъ берегу, а первыя обречены были на пассивное бездѣйствіе. Только въ 9 часовъ утра 14-я пѣхотная дивизія начала свое наступленіе. На пути къ Сандепу ей предстояло предварительно овладѣть занятыми

непріятелемъ и также упрѣпленными деревнями Вадзявопу, Яцзыпао и Маландянемъ. Артиллерія 14-й дивизіи расположилась съ сѣвера и юга отъ Чжанпаня и открыла огонь по означеннымъ деревнямъ. Японцы ей не отвѣчали, такъ какъ артиллеріи въ этихъ деревняхъ не было. 5-я и 6-я батареи съ 10-ти часовъ утра стали обстрѣливать Сандепу. Около 4-хъ часовъ дня эти батареи перешли на лѣвый берегъ Хунхе и, расположившись между Чжанчжуанцзы и Гауцзы, открыли огонь по Линдзявопу и впослѣдствіи по Сандепу. 4-я батарея, обстрѣливая Хегоутай, способствовала атакѣ Хегоутая 1-мъ сибирскимъ корпусомъ. Артиллерійскій огонь прекратился съ наступленіемъ темноты и только по Сандепу огонь продолжался до 2-хъ часовъ ночи. Тѣмъ временемъ Житомирцы, построивъ боевой порядокъ, двинулись на южную

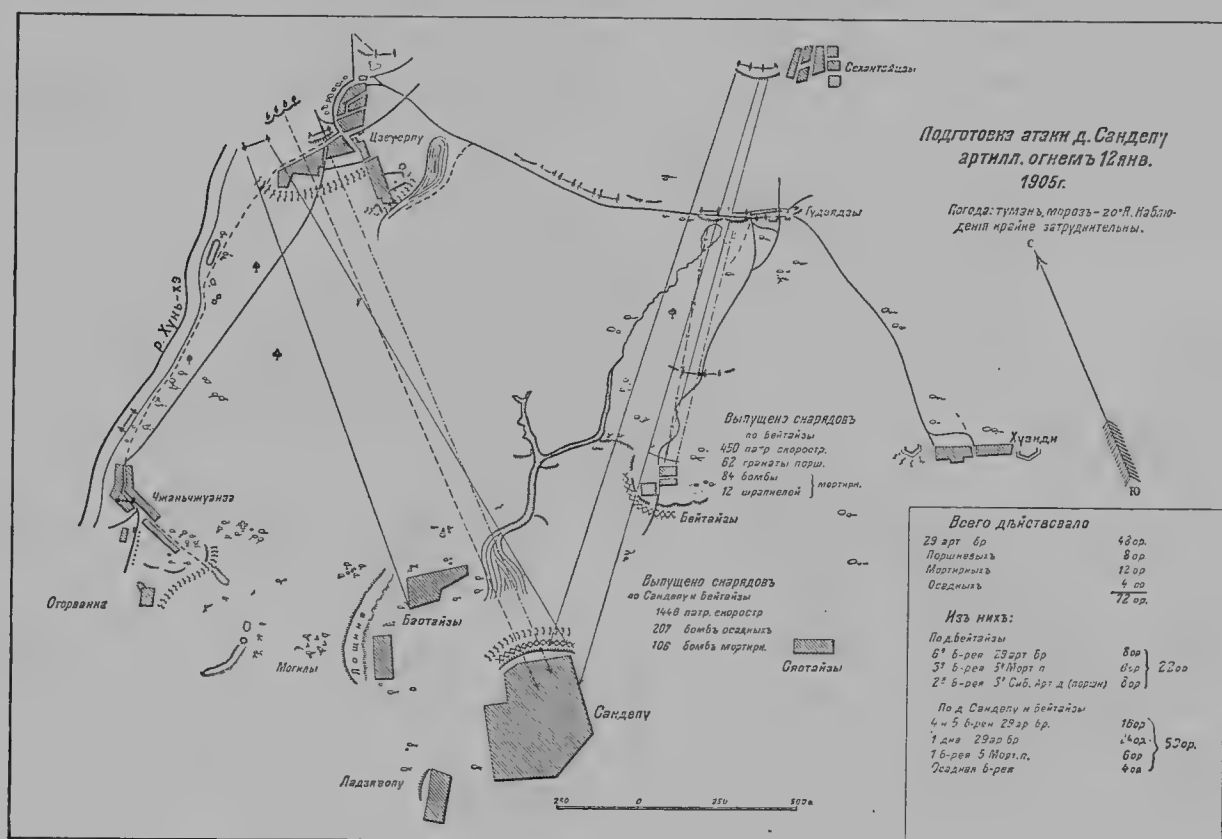

Водопой на рѣкѣ Хунхе.

часть деревни Чжантань. Послѣ этого они заняли деревню Безъимянную, вслѣдъ за которой заняли Маландянь и оттуда направились къ Сандепу. Произведенная охотниками развѣдка показала, что деревня сильно занята непріятелемъ. Согласно диспозиціи Подольскій полкъ долженъ былъ атаковать южную часть Сандепу и долженъ былъ двинуться лишь тогда, когда Житомирцы перейдутъ Хунхе. Подольцы начали свое движеніе въ три часа дня, они направились на Чжантаньхенань, перестроились тамъ въ боевой порядокъ и двинулись къ Вандзявопу, при чемъ были обстрѣляны ружейнымъ огнемъ изъ деревни Панитао, впрочемъ противникъ скоро очистилъ и эту деревню, такимъ образомъ, Подольцы продолжали движеніе къ Лидзявопу, гдѣ вступили въ связь съ Житомирцами. Къ ночи на 13-е число 14-я дивизія заняла слѣдующее положеніе: Подольцы и Житомирцы въ Панитао, Минцы въ Маландянѣ и Волынцы въ Чжантанѣ, артиллерія оставалась на прежнихъ мѣстахъ. Цѣлый день полки дивизіи наступали на протяженіи отъ 4 до 5 вер. и остановились не болѣе какъ въ полуторахъ верстахъ отъ намѣченной цѣли. Такая вялость наступленія была прямымъ послѣдствіемъ приказанія приступить къ атакѣ Сандепу

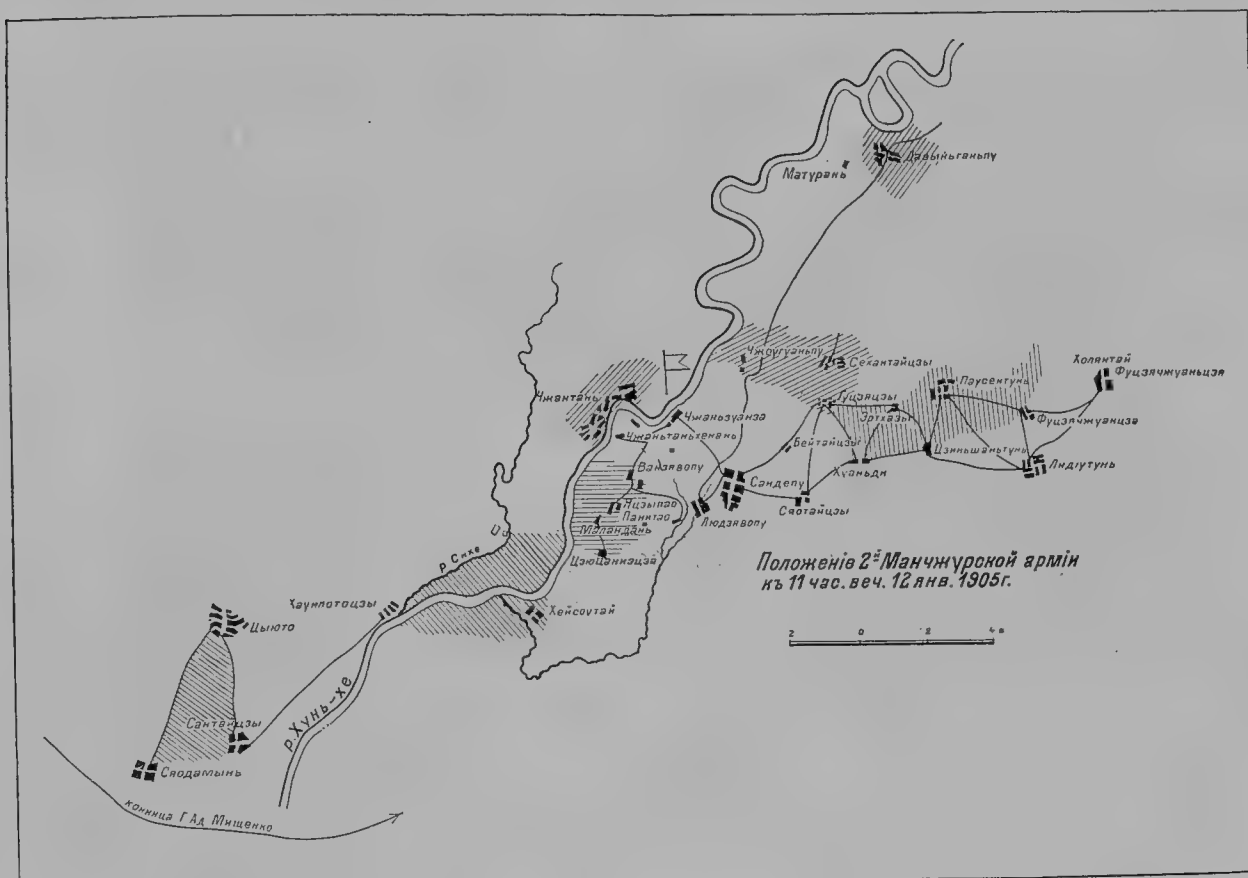

только послѣ овладѣнія Хегоутаемъ войсками 1-го сибирскаго корпуса. Первые шаги наступленія давались очень легко, слабыя непріятельскія силы отходили почти безъ боя и только странная зависимость отъ дѣйствій сибирскаго корпуса не позволила развить такъ легко давшійся успѣхъ. Является вопросъ: почему, занявъ вышеуказанные пункты, 14-я дивизія не помогла атакѣ Хегоутая. Это случилось потому, что требовало бы проявленія той частной инициативы, которой у насъ вообще не было, и потому, что такія проявленія жестоко преслѣдовались въ нашей арміи. Приказаніе было отдано въ предположеніи, что еще къ утру 12-го января Хегоутай будетъ въ нашихъ рукахъ, но это не случается—и тогда, по ходу боя, Гриппенбергъ приходитъ къ заключенію, что надо поторопиться съ занятіемъ Сандепу, рѣшается измѣнить раньше отданное приказаніе и приказываетъ ночью атаковать Сандепу. Но прика-

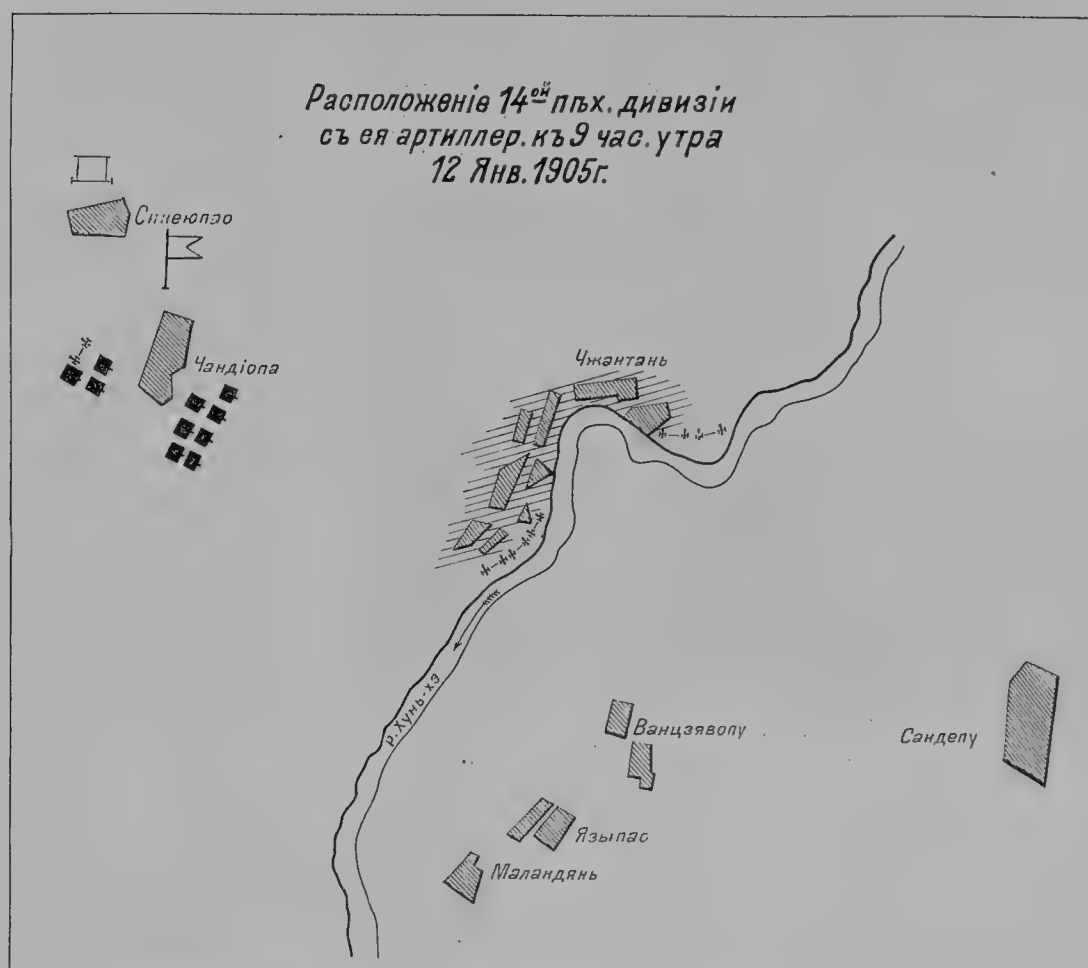

заніе это было слишкомъ поздно. Чтобы рѣшиться на ночную атаку, надо было засвѣтло произвести рекогносцировку, намѣтить направленія для атаки и нацѣлить назначенныя для этого части, между тѣмъ наступила темнота, вслѣдствіе этого атака была отложена до утра 13-го января. Если бы эта перемѣна приказанія послѣдовала утромъ 12-го числа, то атака Сандепу имѣла много шансовъ на успѣхъ, потому что японцы видимо ея не ожидали, за цѣлый день боя они вели только рѣдкій ружейный огонь, не отвѣчая на выстрѣлы артиллеріи, но уже на другой день было не то. Утромъ 12-го числа артиллерія, назначенная для поддержки атаки Сандепу, расположилась раннимъ утромъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: къ западу отъ Сехантайцзы стали 24 скорострѣльныхъ орудія, къ западу отъ Чжоуганьпу также 24 такихъ же орудія. Къ востоку отъ этого пункта расположились 6 мортиръ, западнѣе Гуцзяцзы

еще 6 мортиръ у самой Гуцзяцзы, 8 поршневыхъ орудій у Чжоуганьпу. Утромъ около 7 часовъ одна изъ батарей открыла огонь по Бейтацзы, а двѣ другихъ по Сандепу; къ этимъ батареямъ вскорѣ присоединился огонь и другихъ, который продолжался до наступленія темноты. Около 5 часовъ вечера одна изъ японскихъ батарей попробовала было открыть огонь по нашимъ батареямъ, но скоро была приведена къ молчанію. Особенно успѣшно было дѣйствіе мортиръ по Бейтацзы, которая скоро загорѣлась и японцы къ ночи вынуждены были оставить этотъ пунктъ. Изъ всѣхъ 72 орудій, подготовлявшихъ атаку Сандепу, собственно годились для этой цѣли только 4 осадныхъ орудія, такъ какъ скорострѣльные никуда не го-

дились по неодушевленнымъ цѣлямъ, также какъ и поршневые орудія, мортиры же стрѣляли на предѣльные дистанціи и потому процентъ попаданій не могъ быть великъ и, дѣйствительно, весь усиленный нашъ огонь не былъ чувствителенъ для японцевъ. Вечеромъ 12-го числа охотничьи команды Люблинскаго и Замосцкаго полковъ заняли безъ боя деревню Бейтайцзы, приблизительно въ это же время и 10-й армейскій корпусъ продвинулся впередъ и занялъ съ боя деревни Хуанди и Цзиньшантунь. Къ вечеру 12-го января 2-я манджурская армія залегла на своихъ боевыхъ мѣстахъ, растянувшись по фронту почти въ 30 верстъ, при чемъ подавшійся нѣсколько впередъ лѣвый флангъ ея очутился почти подъ прямымъ угломъ къ фронту 15-й пѣхотной дивизіи. Въ результатъ боя 12-го числа мы овладѣли передовыми пунктами японской позиціи, а главная атака самага Сандепу должна

была послѣдовать 13-го января. Въ ночь на 13-е января была отдана нижеслѣдующая диспозиція по 2-й манджурской арміи.

„Обстановка къ 13-му января представляется въ нижеслѣдующемъ видѣ: 1-й сибирскій корпусъ занялъ селенія: Хуанлатоцзу, Тутайцзы, Хегоутай; 14-я дивизія находится на лѣвомъ берегу рѣки Хунхе, на фронтѣ: Ванцзявопу, Цзюцзяхенза, 15-я занимаетъ прежнюю позицію Чжоуганьпу—Гуцзяцзы. 10-й корпусъ передовыми частями занялъ Хуанди—Цзиньшантунъ. Въ общемъ резервъ 2-я и 5-я стрѣлковыя бригады въ деревнѣ Чжантань; 1-я стрѣлковая бригада въ Даванганьпу. Новыхъ свѣдѣній о противникѣ не получено“.

„Завтра 13-го января арміи продолжать наступленіе для достиженія общихъ цѣлей, указанныхъ въ диспозиціяхъ №№ 1-й и 2-й. Для чего:

8-й армейскій корпусъ.

Овладѣть селеніями Сандепу—Бейтайцзы—Сяотайцзы, занявъ 14-й дивизіей Сандепу, продолжать 15-й дивизіей наступленіе съ цѣлью овладѣть селеніями Лабатай—Ханшантай.

1-й сибирскій корпусъ.

По овладѣніи 8-мъ корпусомъ Сандепу, выдвинутся къ юго-востоку отъ названнаго селенія съ цѣлью обезпеченія праваго фланга

8-го корпуса, но не переходя линии Датай—Гаобаженътунъ.

10-й армейскій корпусъ.

Подготовить сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ атаку на Фуцзячжуанна, Холянтай и Лидіутунъ,—послѣ чего овладѣть этими селеніями.

Сводно стрѣлковый корпусъ.

Оставаться въ общемъ резервѣ, какъ выше указано.

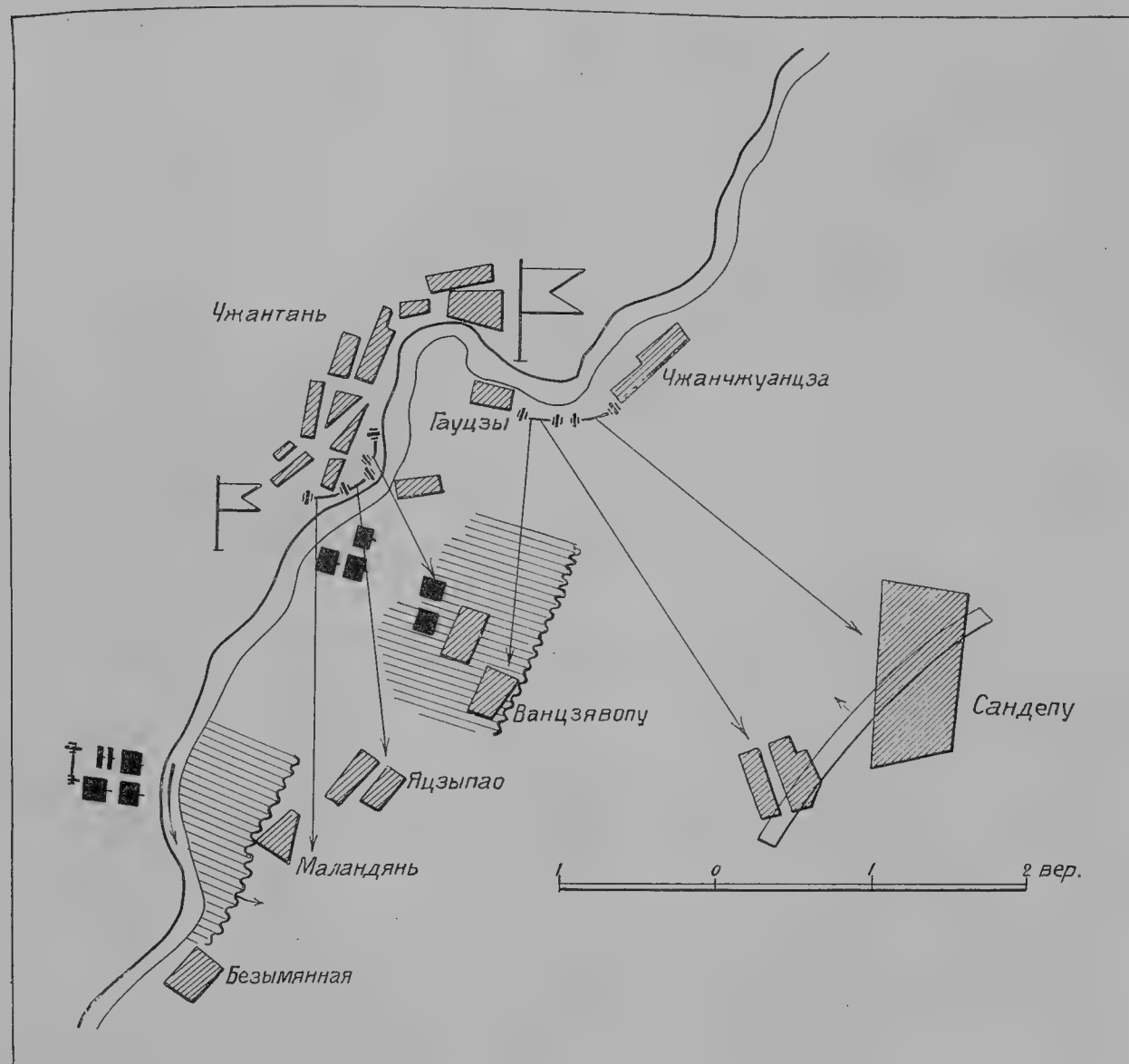
Конный отр. генерала Мищенко.

Продолжать исполненіе задачи, указанной въ диспозиціи № 2-й.

Отрядъ генерала Косоговскаго.

Продолжать исполненіе задачи, указанной въ диспозиціи № 2-й.

Донесенія присылать въ деревню Матуранъ.

Эта новая диспозиція нисколько не исправляла ошибокъ, сдѣланныхъ въ первыхъ двухъ диспозиціяхъ,—по-прежнему войска должны были наносить удары по частямъ, и по-прежнему 8-й корпусъ въ атакѣ Сандепу долженъ былъ ожидать, когда къ нему подойдутъ стрѣлки изъ 1-го сибирскаго корпуса. Въ 9 часовъ утра 14-я дивизія, имѣя въ боевой линіи Подольскій и Житомирскій полки и въ резервѣ Волынскій и Минскій, стала медленно наступать, задерживаясь въ ожиданіи стрѣлковъ Штакельберга; до Сандепу оставалось не болѣе двухъ верстъ. Въ ожиданіи условленной поддержки дивизія залегла

Передъ боемъ. Бѣгство китайцевъ изъ окр. деревни.

подъ вялымъ огнемъ противника. Наконецъ показались какія-то наши войска, но не съ юга, какъ ожидали, а съ запада, которыя очутились такимъ образомъ въ тылу 14-й дивизіи. Это были стрѣлки полковника Леша, которые направлялись къ Маланьдяну. Какъ только послѣдній въ походной колоннѣ показался въ виду деревни Гученцзы, какъ былъ осыпанъ артиллерійскимъ огнемъ непріятеля, вслѣдствіе чего, измѣнивъ направленіе, полковникъ Лешъ и вышелъ къ Маланьдяну. Эти стрѣлки были направлены генераломъ Мыловымъ противъ Яцзыпао и Ванцзявопу, которыхъ японцы поражали артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Въ образовавшійся между стрѣлками и 14-й дивизіей интервалъ была направлена одна бригада европейскихъ стрѣлковъ. Теперь 14-я дивизія получила возможность двинуться впередъ, японцы стали усиленно обстрѣливать ее артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ. Въ это время было получено отъ Гриппенберга приказаніе занять Сандепу немедленно или по своему усмо-

трѣнію отложить атаку до наступленія ночи. Но отложить атаку до ночи и остановить 14-ю дивизію было уже нельзя, бой находился въ полномъ разгарѣ и мы настолько близко подошли къ японцамъ, что столкновенія можно было ожидать каждую минуту. Ружейная трескотня, перемежаясь съ криками „ура“, продолжалась до наступленія темноты, когда

вдругъ доставлено было донесеніе, оказавшееся въ послѣдствіи ошибочнымъ, что деревня Сандепу взята нами. Въ дѣйствительности оказалось, что мы заняли не Сандепу, а ея передовыя позиціи, которыя японцы сравнительно легко намъ

отдали и отошли за укрѣпленія Сандепу, откуда и стали поражать нашихъ огнемъ. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: Подольскій полкъ, имѣя въ первой линіи 1-й и 3-й батальоны, а въ головѣ охотничью команду съ проводникомъ

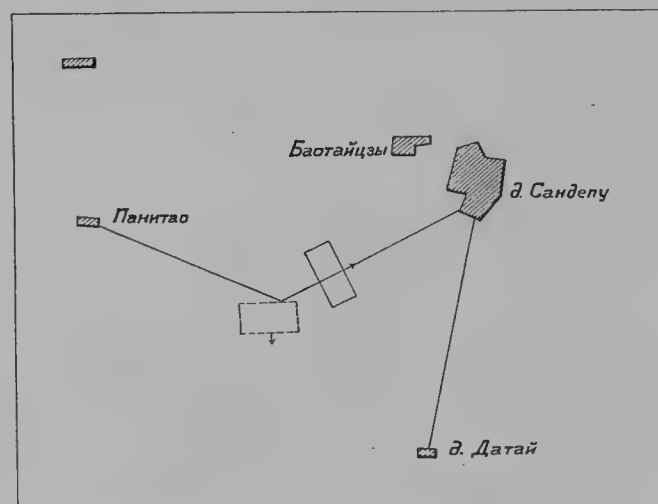

Въ ожиданіи боя.

китайцемъ, ошибся въ направленіи и, вмѣсто того чтобы развернуть фронтъ противъ Сандепу, двинулся на югъ по направленію къ Даотаю; ошибка эта была тотчасъ замѣчена и быстро исправлена, но въ этотъ моментъ японцы открыли адскій огонь изъ Сандепу, изъ Даотая и изъ Баотайцзы. Попавшій въ первый разъ въ огонь, полкъ дрогнулъ и сталъ отходить влѣво, но скоро восстановленъ былъ нормальный боевой порядокъ. Тѣмъ временемъ Житомирскій

полкъ, тоже взявшій первоначально неправильное направленіе, имѣя въ боевой линіи 3-й и 4-й батальоны къ 4 часамъ дня выровнялся и залегъ въ ожиданіи приказанія двинуться въ атаку. Находившійся въ резервѣ Волынскій полкъ, вслѣдствіе ошибки въ направленіи Подольскаго полка, къ 7 часамъ утра подошелъ къ Маландяну и выступилъ на Яцзыпао и Вацзявопу, гдѣ

и остановился, чтобы дать людямъ позавтракать, но надъ нимъ скоро стали рваться японскія шрапнели. Выйдя быстро изъ сферы пораженія, полкъ продолжалъ свое движеніе за Подольцами, при чемъ нѣсколько ротъ Волынцевъ попали въ боевую линію и всѣ попытки вернуть ихъ въ составъ резерва не удались, онѣ такъ и оставались до самой атаки, которая началась около 4 часовъ дня. Другой полкъ резерва, Минскій, слѣдовалъ уступами съ права, позади Житомирскаго полка. Наши батареи подъѣхали на дистанцію отъ 1.200 до 1.400 сажень и стали осыпать Сандепу своими шрапнелями, но самыя дѣйствительныя, осадныя орудія еще съ утра прекратили огонь изъ опасенія стрѣльбы по своимъ. Въ три часа дня полки 1-й дивизіи пошли въ атаку: Подольцы и Волынцы атаковали Баотайцзы, а Минцы

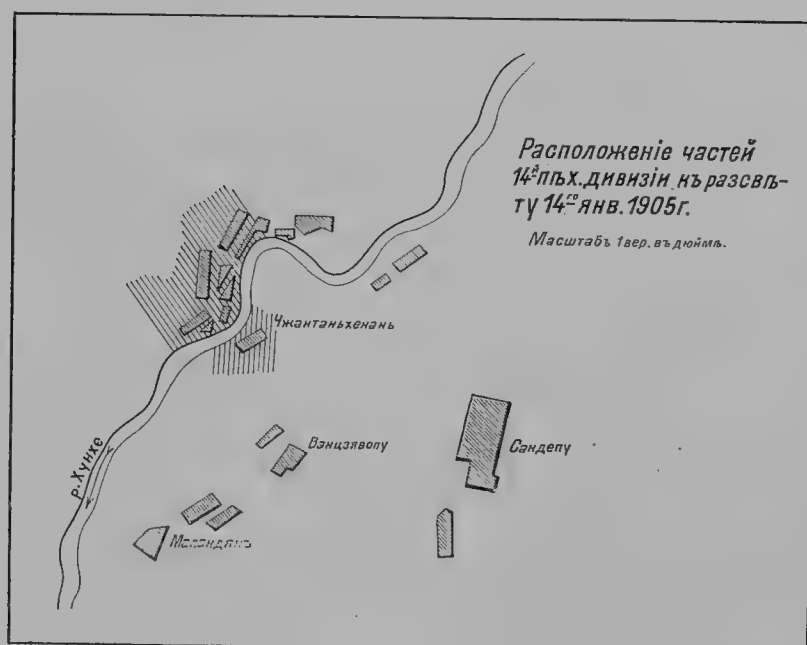
атаковали Баотайцзы, а Минцы

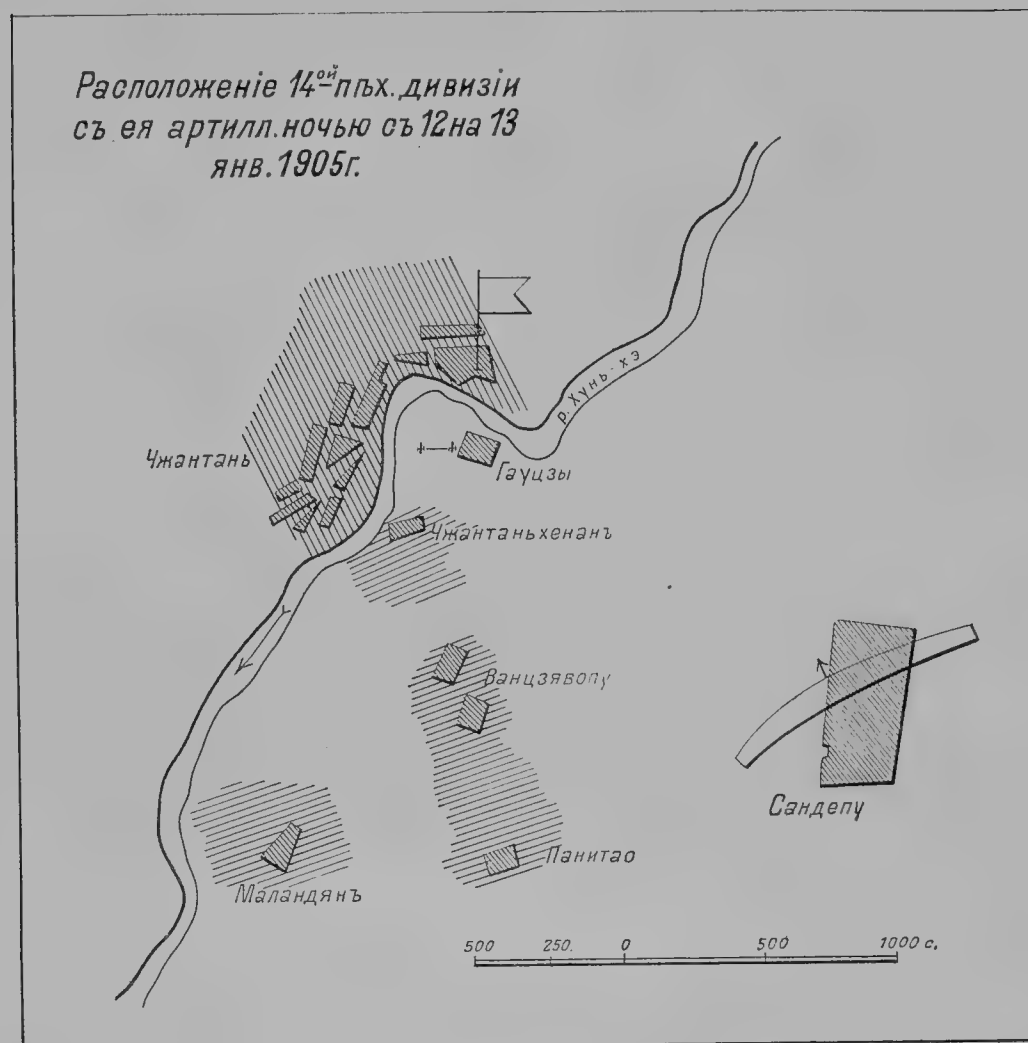
и Житомирцы направились на юго-восточную часть Сандепу. Японцы очистили Баотайцзы и Лидзявопу и подожгли эти деревни, сами же, укрывшись защищенным засѣлками и проволочными заграждениями валомъ Сандепу, въ полномъ смыслѣ слова засыпали огнемъ нашихъ людей. Съ большимъ трудомъ, укрываясь подъ стѣнками фанзъ и заборами, засѣли наши люди въ деревняхъ, которыя принимали за Сандепу, но одолѣть самое Сандепу никакъ не могли. Около 6 часовъ вечера японцы сдѣлали попытку атаковать Житомирцевъ со стороны Даотая, но были отбиты нѣсколькими ротами и подошедшимъ 18-мъ стрѣлковымъ полкомъ. Подготовка атаки артиллерійскимъ огнемъ не имѣла никакого успѣха, укрѣпленіе Сандепу было совершенно невредимо, къ тому же люди, сдѣлавъ два больша

марша и проведя два дня въ бою, до такой степени истомились, что, по свидѣтельству участниковъ, падали и тутъ же, несмотря на смертельную опасность, засыпали крѣпчайшимъ сномъ, и только съ большимъ трудомъ удалось кое-какъ при-

вести роты въ себя. Такимъ образомъ, надежду на удачу вторичной атаки пришлось отложить, къ тому же темнѣло и ночная атака въ такой обстановкѣ могла привести къ катастрофѣ. Оставаться подъ огнемъ было нельзя, а потому рѣшено было отойти на первоначальныя исходныя позиціи. И вотъ, около двухъ часовъ маленькими частями, незамѣтно для непріятеля, подобравъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, тихо отошли на линію, съ которой началась атака. Артиллерія и

Волынскій полкъ отошли въ Чжантаньхенань, Минскій полкъ въ Вадзявопу, Подольскій полкъ въ Чжантань. Къ утру вся дивизія была сосредоточена въ Чжантанѣ. Потери наши въ этомъ дѣлѣ были около 1.200 человекъ убитыми и ранеными.

Теперь не безъинтересно разсмотримъ, что дѣлали остальные войска 2-й манджурской арміи и 8-го армейскаго корпуса. Начальникъ 15-й пѣхотной дивизіи по личной инициативѣ приказалъ занять деревню Бейтайцзы, находившуюся въ 1.500 шагахъ отъ Сандепу, что и было выполнено въ 6 часовъ вечера. Но этимъ и ограничилось участіе 15-й пѣхотной дивизіи, которая благодаря приказанію генерала

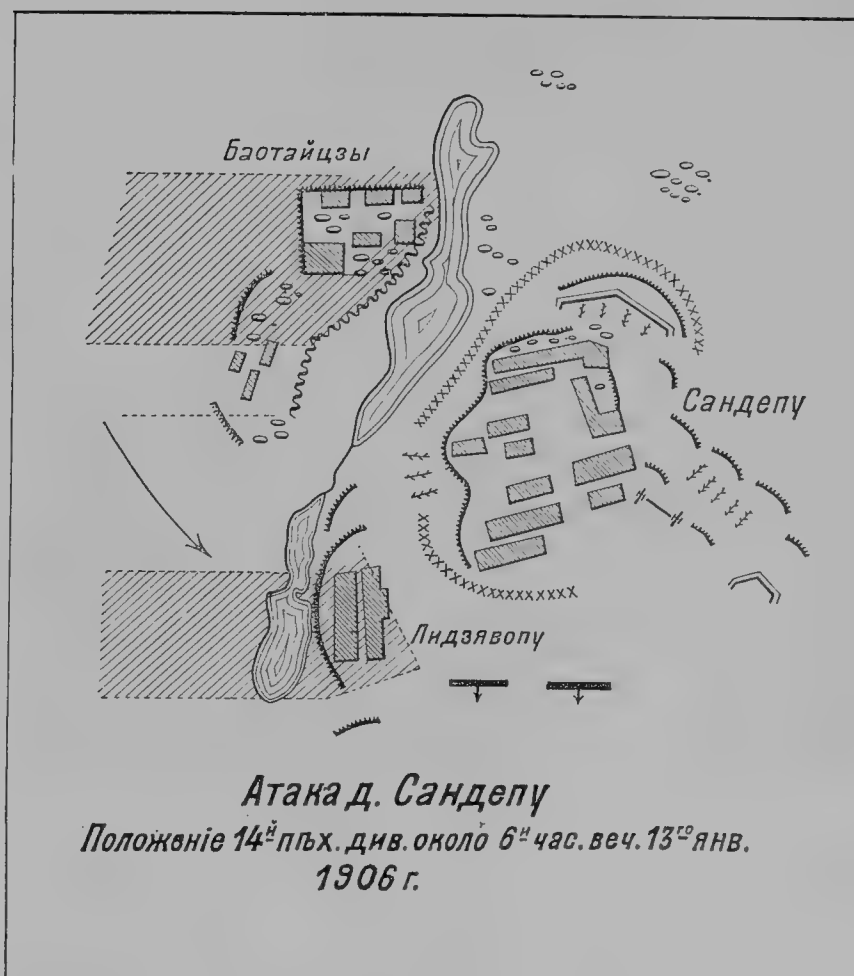
Перевязочный пунктъ подъ Хайченомъ.

Куропаткина не могла быть направлена на поддержку 14-й пѣхотной дивизіи. Еще 12-го января 1-й сибирскій корпусъ послѣ упорнаго, въ теченіе цѣлаго дня, боя лишь ночью овладѣлъ Хегоутаемъ, его никто не поддержалъ, генералъ Мищенко, который долженъ былъ содѣйствовать генералу Штакельбергу, увлекся гоньбою за небольшой

частью неприятельской кавалерии, появившейся между Хунхе и Ляохе, и никакой помощи Штакельбергу не оказал, хуже — онъ обнажилъ правый флангъ послѣдняго, обезпечиваніе котораго приняли на себя части ляохейскаго отряда. 10-й армейскій корпусъ за цѣлый день 12-го января ограничился слабой артиллерійской перестрѣлкой. На другой день, т. е. 13-го января, японцы, оцѣнивъ важное значеніе направленія 1-го сибирскаго корпуса, сами перешли въ энергичное контръ-наступленіе и повели его изъ селеній Пяоцао и Сумапу. Генералъ Штакельбергъ распорядился,

Повозки со снарядами во время боя у Шахе.

чтобы 2-я бригада 1-й восточно-сибирской стрѣлковой дивизіи направилась на деревню Пяоцао съ цѣлью образовать заслонъ къ югу, а 9-я восточно-сибирская стрѣлковая дивизія, оставивъ часть силъ у Тоупао, должна была сосредоточиться къ Хегоутая; но энергичное контръ-наступленіе японцевъ вынудило части 1-го сибирскаго корпуса, не успѣвшія еще занять сказанное расположеніе, принять оборонительное положеніе: 2-я бригада 1-й восточно-сибирской стрѣлковой дивизіи у Хегоутая, 36-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ у Тоупао, а остальные части 9-й восточно-сибирской стрѣлковой дивизіи остановились въ резервъ сѣвернѣе Хегоутая. Здѣсь надо сказать,

что еще раньше генералъ Штакельбергъ для содѣйствія 14-й дивизіи выдѣлилъ бригаду полковника Леша и потому, несмотря на слабыя силы, съ которыми японцы перешли въ контръ-наступленіе, корпусъ былъ настолько ослабленъ, что не могъ

Мукденская башня.

опрокинуть порывистаго движенія непріятеля и весь день провелъ въ оборонительномъ бою съ противникомъ. Такимъ образомъ, ночь на 14-е января застала его по-прежнему на берегахъ Хунхе у Хеогутая. Въ то время, когда происходило вышеописанное, конница генерала Мищенко наконецъ развязалась съ японской кавалеріей, ради которой уклонилась отъ своей прямой задачи, къ вечеру 14-го

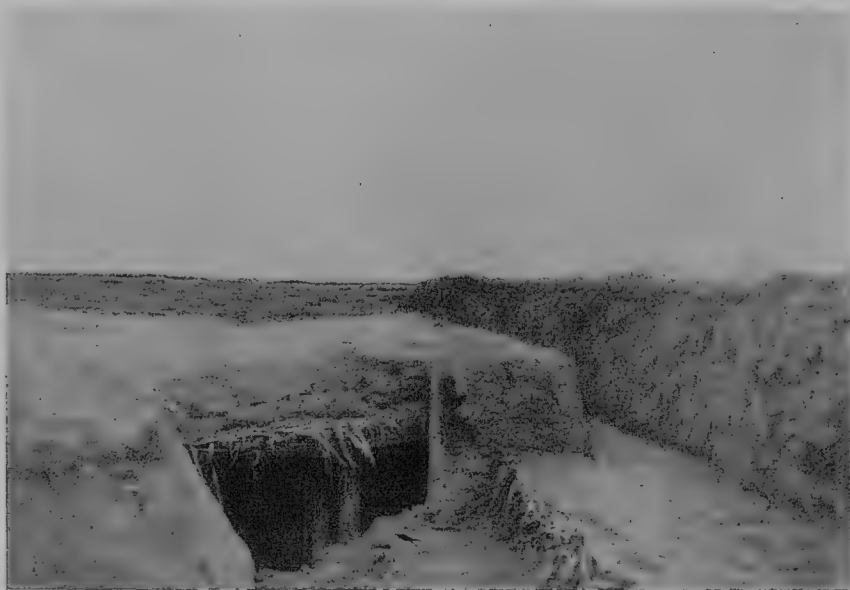
числа остановилась у Сюерпу и тогда только возстановила связь съ войсками 1-го сибирскаго корпуса, не оказавъ послѣднему никакой поддержки. 13-го числа 10-й армейскій корпусъ, совсѣмъ уже приготовившійся атаковать и занять линію Холянтай—Фуцзачжуанза, получилъ личное приказаніе генерала Куропаткина не двигаться съ мѣста и ожидать, когда Сандепу будетъ взято. Положеніе на боевомъ фронтѣ было таково: нашъ правый флангъ былъ парализованъ небольшими японскими силами, 15-я пѣхотная дивизія и весь 10-й армейскій корпусъ оставались созерцать происходившее и только одна 14-я пѣхотная дивизія безуспѣшно атаковала Сандепу. Японцы же, видя что у насъ происходитъ, совсѣмъ перестали стѣсняться и почти открыто на нашихъ глазахъ сосредоточивали свои силы къ наиболѣе угрожаемому

Домъ намѣстника въ Мукденѣ.

пункту Сандепу, въ то время какъ мы принимали всѣ мѣры къ оттягиванію нашихъ силъ отъ этого пункта. Такимъ образомъ, для насъ пропалъ даромъ и второй день боя; вмѣсто того, чтобы воспользоваться неготовностью японцевъ, для

которыхъ наше наступленіе было неожиданнымъ, и нанести быстрый и ошеломляющій ударъ, мы сдѣлали все, чтобы дать имъ оправиться и поставить насъ, по прежнему, въ подчиненное имъ положеніе. Вечеромъ 14-го командиръ 8-го армейскаго корпуса получилъ двѣ записки: одну объ отступленіи 14-й дивизіи отъ Сандепу и другую, въ которой передавалось приказаніе главнокомандующаго 14-го числа дать войскамъ отдыхъ, который былъ сомнителенъ въ виду вѣроятнаго перехода японцевъ въ наступленіе. Повидимому все было кончено, но генералъ Гриппенбергъ, имѣя въ виду, что только одна треть его силъ принимала участіе въ неудачномъ бою, весь же

Блиндажъ.

10-й армейскій корпусъ и 15-я дивизія, а также сводно-стрѣлковый корпусъ были еще совершенно свѣжи, и что, кромѣ того, прибывшій къ этому времени 16-й армейскій корпусъ—бывшій въ резервѣ у Куропаткина, былъ только лишь зрителемъ

Улица въ Мукденѣ.

всего происходившаго, рѣшилъ на слѣдующій день повторить атаку на Сандепу, тѣмъ болѣе, что японцы не проявляли наклонности къ переходу въ немедленное наступленіе. Для этой новой атаки назначены были: та же 14-я пѣхотная дивизія, сводно-стрѣлковый корпусъ и 2-я бригада 15-й пѣхотной дивизіи. Для подготовки этой новой атаки назначена была вся артиллерія 8-го армейскаго корпуса и отправленные уже было въ распоряженіе 10-го корпуса осадныя орудія при-

казано было вернуть обратно и поставить на прежнія мѣста. 1-я и 3-я арміи огнемъ и демонстраціями должны были содѣйствовать 2-й манджурской арміи, и это только еще болѣе убѣдило японцевъ, что главная опасность угрожаетъ ихъ лѣвому флангу

и что за свой правый флангъ и центръ они могутъ быть совершенно спокойны, почему они, не опасаясь какихъ-нибудь активныхъ дѣйствій съ нашей стороны, перешли въ наступленіе по всему фронту. Контръ-атака обрушивается на 2-ю армію, которая уже пятія сутки находилась въ бою съ непріятелемъ. Натискъ японцевъ былъ такъ силенъ, что наши войска еле держались на своихъ позиціяхъ, и генераль Гриппенбергъ приказалъ генералу Церпицкому перейти съ 10-мъ корпусомъ въ наступленіе противъ Лабата и Сяотайцзы. Къ вечеру оба эти пункта и были заняты нами, что приостановило наступленіе японцевъ. Генераль Гриппенбергъ все еще не терялъ надежды одолѣть врага, но генераль Куропаткинъ положилъ конецъ всякимъ энер-

гичнымъ дѣйствіямъ. Вотъ что писалъ по этому поводу самъ генераль Гриппенбергъ:

„Во время боя 15-го января, около 4-хъ часовъ пополудни, я получилъ отъ главнокомандующаго телеграмму слѣдующаго содержания: „Получено извѣстіе, что большія силы японцевъ сосредоточиваются противъ нашего центра. Быть готовымъ по первому приказанію идти на помощь третьей арміи“.

Гостинница въ Мукденѣ.

Было ли помянутое донесеніе на самомъ дѣлѣ и провѣрено ли было это извѣстіе, остается неизвѣстнымъ, но Куропаткинъ, очевидно, повѣрилъ или желалъ повѣрить. Въ дѣйствительности было мало вѣроятія, чтобы подобное сосредоточеніе могло имѣть мѣсто. Японцы видѣли опасность, которая угрожала ихъ лѣвому флангу, и на нашихъ глазахъ туда именно сосредоточивали свои силы, во всякомъ случаѣ, они не могли сосредоточить противъ 3-й арміи настолько большія силы, чтобы представить серьезную угрозу нашей 3-й арміи, которая сама по себѣ была сильна, да еще находилась на основательно укрѣпленной позиціи; во всякомъ случаѣ, помощь ей не была настолько насущной потребностью, чтобы изъ-за нея приостанавливать серьезное наступательное предпріятіе, которое сулило удачу, казалось бы, наоборотъ, развитіе наиболѣе энергичныхъ дѣйствій въ послѣднемъ смыслѣ могло служить наилучшей помощью 3-й арміи. Да, очевидно, суть дѣла не въ этомъ и заключалась. Въ 9 часовъ вечера генераль Гриппенбергъ получилъ другую телеграмму: „Немедленно удалить съ передовой линіи всѣ учрежденія, отправить назадъ всѣхъ раненыхъ; если нѣтъ достаточно перевозочныхъ средствъ, войскамъ переносить ихъ на рукахъ. Войскамъ въ эту же ночь отступить и занять сосредоточенное расположеніе“. Въ

этой телеграммѣ нѣтъ уже и помину о помощи 3-й арміи, тутъ прямо предписы-
валось отступленіе, при чемъ даже предвидѣны возможныя отговорки, „если нѣтъ
перевозочныхъ средствъ,
то переносить на рукахъ“,
говорится въ приведен-
ной телеграммѣ.

Генералъ Гриппен-
бергъ и его штабъ не вѣ-
рили ни въ помянутое
сосредоточеніе японскихъ
силъ, ни въ опасность
такового для третьей арміи,
но зная упорство, съ кото-
рымъ Куропаткинъ всегда
относился къ разъ отдан-
нымъ имъ приказаніямъ,
не протестовали. Въ ночь
съ 15-го на 16-е января
Гриппенбергъ отступилъ,
а на другой день сложилъ

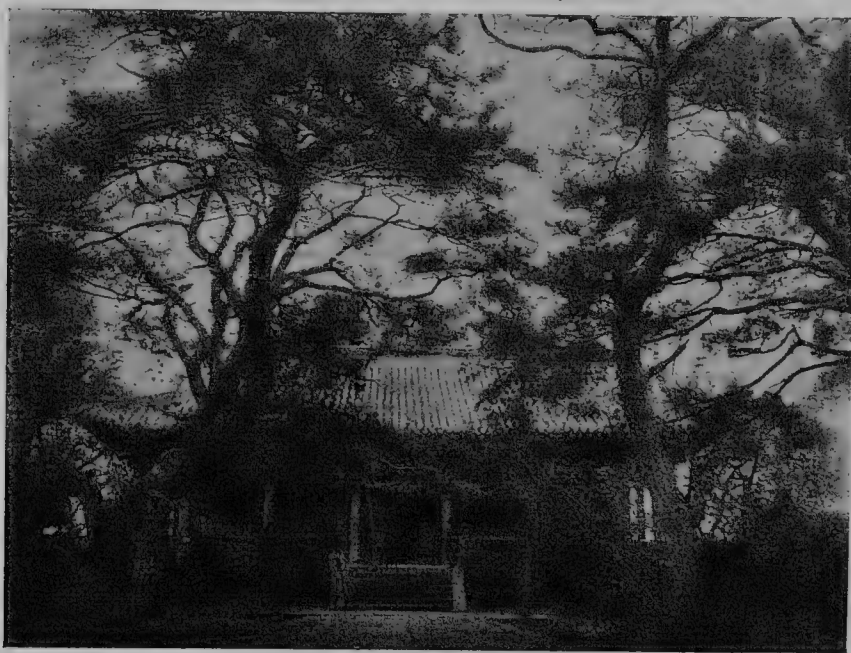
съ себя званіе командующаго 2-й манджурской арміей и, получивъ Высочайшее
разрѣшеніе, уѣхалъ изъ дѣйствующей арміи. Большое значеніе для будущаго имѣетъ

Гуанъ-ди-Мяо (Богъ войны).

описаніе операціи подъ
Сандепу, данное самимъ
генераломъ Гриппенбер-
гомъ и помѣщенное въ
№ 31-мъ „Русскаго Инва-
лида“ за 1906 годъ:

„На совѣщаніи, быв-
шемъ 4-го января 1904 года,
по случаю предстоявшаго
перехода въ наступленіе,
главнокомандующій гене-
ралъ-адъютантъ Куропат-
кинъ строго запретилъ,
въ случаѣ перехода япон-
цевъ въ наступленіе, вся-
кій переходъ въ насту-
пленіе съ нашей стороны
и провелъ по картѣ линію,

Китайскій монастырь возлѣ Мукдена.

которую запретилъ войскамъ переходить. Эта линія проходила отъ деревни Цыюто
на деревни Хегоутай, Лабатай и далѣе на востокъ, т. е. между нашими и япон-

скими войсками. Чтобы удержать занятый 12-го января Хегоутай, необходимо было вести, по мѣстнымъ условіямъ, активную оборону, а для этого необходимо было перейти линію, проведенную генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ по картѣ, за что во время боя командиръ корпуса получилъ по телеграфу выговоръ отъ главнокомандующаго, а я замѣчаніе...

„Итакъ, исполняя приказаніе главнокомандующаго, войска отступили съ тяжелымъ сердцемъ и въ удрученномъ состояніи духа. Мысль, что даромъ принесли въ жертву 384 офицера и около 10.000 нижнихъ чиновъ, никому не давала покоя. На другой день, 16-го января, я узналъ, что никакого сосредоточенія японскихъ войскъ противъ центра не было и что отступление 2-й манджурской арміи, послѣ одержаннаго успѣха, было совершенно напрасно. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что этимъ роковымъ приказаніемъ главнокомандующаго отступить была, такъ сказать, вырвана

Пригородъ Мукдена.

изъ рукъ 2-й арміи полная побѣда надъ японцами. Все это, а также полная потеря вѣры въ главнокомандующаго, тяжелое сознаніе невозможности принести пользу дѣлу, вслѣдствіе лишенія предоставленной мнѣ закономъ самостоятельности и инициативы, на примѣръ, настойчивое требованіе, чтобы я своей диспозиціей на 12-е января указалъ общему резерву войскъ, назначенныхъ для овладѣнія сандепускимъ

райономъ и деревней Сандепу, сводному стрѣлковому корпусу, расположиться у деревни Даванъганпу, въ 20—25 верстахъ отъ деревни Хегоутай, мѣста боя. И только послѣ горячаго протеста съ моей стороны, главнокомандующій разрѣшилъ оставить 1-ю стрѣлковую бригаду въ Даванъганпу, остальные двѣ стрѣлковыя бригады перевести въ деревню Таухуза, въ 10—15 верстахъ отъ мѣста боя, откуда въ самомъ началѣ боя онѣ были, по моему приказанію, переведены въ деревню Чжантанъ, вслѣдствіе чего оказалось возможнымъ своевременно поддержать войска боевой части.

„Строгое запрещеніе перехода въ наступленіе, если японцы насъ атакуютъ и проведеніе по картѣ линіи, которую запрещено было войскамъ переходить. Лишеніе меня права распоряжаться 15-й дивизіей и 10-мъ корпусомъ до овладѣнія сандепускимъ райономъ и деревней Сандепу. Лишеніе меня права производить какія-либо измѣненія въ расположеніи войскъ, даже въ случаѣ крайней необходимости.

„Претензія руководить боемъ, сидя въ своемъ вагонѣ въ Сахетунѣ, въ 25 верстахъ отъ мѣста боя, присылая постоянно длинныя телеграммы, съ указаніемъ, что и какъ дѣлать. Эти указанія большею частью не соотвѣтствовали обстановкѣ. По

закону главнокомандующій указываетъ цѣль дѣйствій, а средства и способы достиженія цѣли предоставляется избирать командующему арміей.

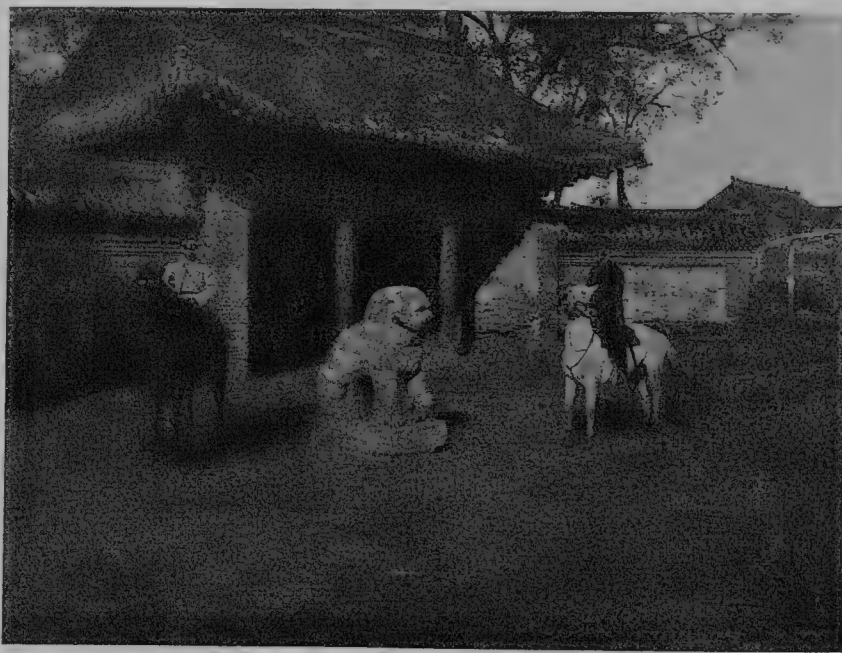

Триумфальныя ворота возлѣ Мукдена.

„Незаслуженное обвиненіе подчиненныхъ мнѣ старшихъ начальниковъ въ разныхъ упущеніяхъ по службѣ и предложеніе смѣнить ихъ, отступленіе послѣ того, что я говорилъ войскамъ, что отступленія не будетъ, что мы должны побѣдить японцевъ и что мы ихъ побѣдимъ, заставило меня телеграммой просить ходатайства военного министра объ отчисленіи меня, по болѣзни, отъ должности командующаго 2-й манджурской арміей.

„Въ то время я былъ дѣйствительно боленъ. Находясь 5 сутокъ при войскахъ, въ боевой обстановкѣ, при сильномъ морозѣ, я простудился и получилъ острый ревматизмъ, который причинялъ невыразимыя страданія. Я не могъ исполнять службу и долженъ былъ подать рапортъ о болѣзни.

„Моя телеграмма военному министру была по приказанію главнокомандующаго задержана и главнокомандующій въ теченіе двухъ сутокъ прислалъ мнѣ двѣ телеграммы и три письма, убѣждая остаться во главѣ 2-й арміи. Содержаніе телеграммъ и перваго письма было грозное, оскорбительное, послѣднихъ — полное лести. Напримѣръ: „васъ замѣнить трудно, у васъ дарованія, энергія,

Китайскій монастырь возлѣ Мукдена.

опытъ, я васъ люблю, крѣпко уважаю и вѣрю въ вашъ военный талантъ“. Эти телеграммы и письма я оставилъ безъ отвѣта, имѣя на то свои причины. По моему требованію моя телеграмма военному министру была отправлена.

Магазинъ въ Мукденѣ.

„Получивъ изъ Петербурга приказаніе телеграммой донести съ полной откровенностью причину, почему я прошу объ отчисленіи меня отъ должности командующаго арміей, я это приказаніе исполнилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ разрѣшенія прибыть въ Петербургъ для полного и откровеннаго доклада о положеніи нашего дѣла на Дальнемъ Востокѣ, которое было, по моему мнѣнію, безотрадно, но

которое можно было еще поправить. Черезъ два дня я получилъ разрѣшеніе немедленно прибыть въ Петербургъ.

„Нѣсколько позже я получилъ отъ главнокомандующаго телеграмму такого содержанія: „Вамъ разрѣшено отправиться въ Петербургъ“.

„Получивъ эти телеграммы, я немедленно выѣхалъ въ Петербургъ. Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Мукдена я отправилъ начальнику штаба главнокомандующаго телеграмму такого содержанія: „Ради Бога уговорите главнокомандующаго усилить войска на нашемъ правомъ флангѣ“. Вмѣсто усиленія оттуда было взято 30 батальоновъ и отправлено на лѣвый флангъ, а Сыфонтайскій отрядъ генерала Коссовскаго и конный отрядъ генерала Мищенко, расположенные между рѣками Хунхе и Ляохе, были упразднены. Результатъ извѣстенъ“.

Такъ плачевно закончилась наша третья попытка проявить свою способность къ активной дѣятельности. Въ итогѣ мы были опять разбиты и новая волна унынія нахлынула на оскорбленныхъ

Уличный писецъ.

Кумиря въ Мукденѣ.

постоянными отступленіями души нашихъ беззавѣтно преданныхъ долгу войскъ. Въ результатѣ мы потеряли убитыми и ранеными 384 офицера и около 10.000 нижнихъ чиновъ, такою цѣною мы приобрѣли двѣ ничтожныхъ китайскихъ деревушки Бейтацзы и Хуанди въ теченіе четырехдневнаго боя. Съ какими же силами врага имѣла дѣло 2-я манджурская армія? Указанія на это мы находимъ въ гер-

манскихъ военныхъ источникахъ, въ которыхъ говорится, что къ моменту перваго натиска нашего на Сандепу японцы имѣли тамъ только кавалерію съ пулеметами и пушками, отчасти только усиленную пѣхотой; въ общемъ численность врага доходила до 33.000 человѣкъ, и эти силы не только отбили сто-тысячную нашу армію, но даже и сами перешли въ наступленіе. Невольно является вопросъ, почему же все такъ случилось? Во главѣ операціи стояли два человека: Гриппенбергъ и Куропаткинъ, и въ ихъ взаимной дѣятельности и надо искать причинъ нашего новаго пораженія. Мы знаемъ уже, что генераль Гриппенбергъ прибылъ на театръ войны съ наступательными тенденціями, съ твердымъ намѣреніемъ употребить всѣ мѣры, чтобы положить конецъ нашимъ постояннымъ, столь излюбленнымъ Куропаткинымъ отступленіямъ, и Гриппенбергъ, наконецъ, убѣждаетъ Куропаткина настолько, что тотъ соглашается разрѣшить ему переходъ въ наступленіе, но мало того, Куропаткинъ проповѣдуетъ это наступленіе какъ бы отъ себя: „Съ прибытіемъ сводно-стрѣлковаго корпуса и началомъ сосредоточенія 16-го мы получаемъ превосходство въ силахъ,—пишетъ онъ командующему 3-й арміи,—на

Мукденъ. Дворцовая бесѣдка.

самомъ же дѣлѣ этого превосходства въ силахъ онъ не признаетъ и не считаетъ его для себя достаточнымъ, и на его заявленіе о своихъ активныхъ предпріятіяхъ

Кумирня въ Мукденѣ.

надо смотрѣть какъ на дипломатическій пріемъ уступки другимъ вѣяніямъ, съ которыми онъ въ корнѣ былъ не согласенъ. Дѣйствительно, къ чему было Куропаткину числительное увеличеніе его армій, когда болѣе двухъ третей войскъ онъ заставлялъ быть лишь пассивными зрителями пораженія своихъ собратьевъ и во все не желалъ ими пользоваться. Взгляды Куропаткина и Гриппенберга на суть дѣла были диаметрально противоположны:

первый ставилъ цѣлью дѣйствій армію противника и стремился разбить ее, второй же старался дѣйствовать изморомъ и съ этою цѣлью придавалъ значеніе всякой позиціи, всякому пункту, который, по его мнѣнію, могъ затягивать дѣло; этимъ можетъ быть объяснено бездѣйствіе 1-ой и 3-й нашихъ армій, въ то время какъ оперировала 2-я; этимъ объясняется и проведеніе знаменитой черты, которую наши войска не смѣли переходить; такая мѣра, конечно, служитъ указаніемъ, что Куропаткинъ боялся, какъ бы операція не приняла широкихъ размѣровъ, считая себя численно еще не готовымъ къ этому, поэтому-то онъ разрѣшилъ атаку лѣваго японскаго фланга арміей Гриппенберга, но не какъ вступительнаго акта къ общему наступленію, а какъ второстепенную задачу

Жертвенникъ у кумирни.

овладѣнія Сандепу; боясь рѣшительнаго шага, онъ больше всего думалъ, какъ бы помѣшать Гриппенбергу рѣшиться на него; такъ, онъ даетъ только пассивныя задачи 1-й и 3-й своимъ арміямъ и отъ самого Гриппенберга отнимаетъ двѣ трети его силъ: 15-ю пѣхотную дивизію и весь 10-й корпусъ. Впутываясь въ распоряженія командующаго арміей, онъ распредѣляетъ ударъ по частямъ, раздробляя его и уничтожая тѣмъ его силу, важнѣйшіе стратегическіе принципы нанесенія пораженія врагу попораны и въ жизнь не проводятся. Не числительной силы не хватало Куропаткину, а силы нравственной, не хватало энергіи, не хватало рѣшимости, не хватало страстнаго желанія побѣдить во что бы то ни стало, не хватало мужества рѣшиться на рискъ. На самомъ дѣлѣ Куропаткинъ ожидалъ подкрѣпленій изъ Россіи и только на бумагѣ силился доказать, что онъ готовъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Въ томъ только и лежала причина нашей неудачи. Конечно, были и другія причины второстепеннаго порядка, которыя неблагоприятно вліяли на исходъ дѣла, но онѣ не имѣли бы такого значенія, если бы только что помянутые главные недочеты отсутствовали. На послѣднія причины можно указать: недостатки управленія войсками на полѣ сраженія, — наши начальствующія лица непремѣнно стремились находиться въ боевой линіи, приковывая себя, такъ сказать, къ одной точкѣ, развлекали свое вниманіе мелочами и упускали изъ

Мукденская стѣна.

виду общее руководство дѣломъ. Генераль Гриппенбергъ, вмѣсто того чтобы оставаться въ намѣченномъ пунктѣ, избранномъ для расположенія штаба арміи, который былъ хорошо оборудованъ средствами разсылки приказаній и полученія донесеній, съ самаго начала боя поѣхалъ къ войскамъ и объѣзжалъ различные участки позиціи, гдѣ его долго приходилось искать, да и въ его распоряженіи ничего, кромѣ ординарцевъ на измученныхъ лошадяхъ, не было. Вмѣшиваніе высшаго начальства въ распоряженія частныхъ начальниковъ порождало хаосъ въ веденіи боя. Въ концѣ концовъ все наше наступленіе раздробилось на нѣсколько отдѣльныхъ эпизодовъ, лишь искусственно связанныхъ между собою. Такъ, въ первый день боя, изъ всей стотысячной массы цѣлый день дерется только одинъ 1-й сибирскій корпусъ, остальные обречены на бездѣйствіе и могутъ вступить въ дѣло лишь по окончаніи задачи 1-мъ сибирскимъ корпусомъ, затѣмъ, когда послѣ первой неудачной атаки Сандепу нужно

было смѣнить или, по крайней мѣрѣ, подкрѣпить выбившуюся 14-ю дивизію, то, несмотря на присутствіе на полѣ сраженія всей, совершенно бодрой и свѣжей, 15-й дивизіи, командиръ 8-го корпуса все-таки ничего не могъ сдѣлать, 15-й дивизіей не только онъ, но даже самъ Гриппенбергъ не имѣлъ права распоряжаться, такъ какъ это было запрещено Куропаткинымъ. Раньше мы упоминали, что наши старшіе начальники совершенно не понимали техники современнаго боя. Увлекаясь проявленіемъ личной храбрости, они стремились въ бою къ войскамъ чуть не на высоту стрѣлковыхъ цѣпей, бросали всѣмъ извѣстныя мѣста, ими же самими назначенныя, и летѣли въ боевыя линіи, между тѣмъ какъ современная пустота полей сраженій, въ особенности искусно воспроизводимая японцами, не позволяла имъ

Переправа въ бродъ во время боя.

видѣть ровно ничего, кромѣ какой-нибудь горсточки людей, не давала имъ никакой возможности судить о ходѣ дѣла и крайне затрудняла управленіе войсками. Такъ полетѣлъ съ первымъ орудійнымъ выстрѣломъ командующій арміей, за нимъ послѣдовали тому же примѣру корпусные командиры, затѣмъ и начальники дивизій. Это приносило несомнѣнный и большой вредъ дѣлу: такъ, когда 14-я дивизія въ безформенной массѣ лежала послѣ неудавшейся атаки передъ стѣнами Сандепу и командиръ 8-го армейскаго корпуса не имѣлъ никакихъ приказаній на 14-е число, то посланный имъ за этими приказаніями офицеръ всю ночь не могъ найти главную квартиру 2-й арміи. Не имѣя сколько-нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній о силахъ и расположеніи противника, расписывали планъ сраженія какъ по нотамъ и раздавали задачи частямъ войскъ, указывая даже послѣдовательность исполненія, совершенно не справляясь съ обстановкой, какъ будто на военной игрѣ въ какомъ-

нибудь изъ военныхъ собраний. Такъ генераль Куропаткинъ держитъ на привязи большую часть войскъ, пока 1-й сибирскій корпусъ не овладѣетъ Хегоутаемъ; полагалось, что это событіе не замедлитъ совершиться еще рано утромъ 12-го числа, на самомъ же дѣлѣ оказалось, что только къ поздней ночи, и то послѣ большихъ усилій, корпусу удалось овладѣть этимъ пунктомъ, а изъ-за этого больше двухъ третей арміи цѣлый день бездѣйствовали, давая противнику время подтянуть свои силы къ тому же атакованному Хегоуту. 10-й армейскій корпусъ весь день стоитъ на мѣстѣ, такъ какъ его роль должна была начаться лишь послѣ занятія нами Сандепу. Всѣ эти и тому подобныя распоряженія Куропаткинъ дѣлалъ даже не на полѣ сраженія, а сидя въ своемъ роскошномъ пульмановскомъ вагонѣ. При такихъ условіяхъ все мужество, все самоотверженіе войскъ не могли принести пользы.

Улица въ Тьелинѣ.

Несоотвѣтственная условіямъ современнаго боя тактическая подготовка нашихъ войскъ тоже имѣла свое вредное вліяніе. Дѣло въ томъ, что драгомировская тактика, которая впиалась въ плоть и кровь нашей арміи, главный основной принципъ которой было господство духа надъ матеріей, не признавала никакихъ усовершенствованій техники и не считала необходимымъ считаться съ разными усовершенствованіями. Драгомировъ училъ, что штыкъ есть все, огонь же только помощникъ, поэтому у насъ давали огню наименьшее развитіе и посвящали ему наименьшее время—главнымъ считалось какъ можно скорѣе добраться на разстояніе штыка. Драгомировъ настолько презиралъ огонь, что даже глумился надъ людьми, признававшими пользу самоокапыванія, какъ средства уменьшенія потерь отъ огня. По этому ученію, проникшему всѣ части нашей арміи, боевой порядокъ долженъ былъ состоять изъ рѣдкой цѣпи, которая при этомъ не должна ложиться и не могла сама распоряжаться своимъ огнемъ. Одиночный ружейный огонь по отдѣльнымъ людямъ допускался только съ 400 шаговъ, а по группамъ съ 800; стрѣльба на большія разстоянія допускалась лишь только по значительнымъ сомкнутымъ частямъ, и то не иначе какъ залпами. Съ такими данными прибыла на поле сраженія и 14-я дивизія, которой когда-то командовалъ генераль Драгомировъ. Вотъ что рассказываютъ очевидцы про дѣйствія этой дивизіи подъ Сандепу, гдѣ она впервые, послѣ долгаго періода мира, попала подъ огонь. Несмотря на то, что мѣстность была от-

крытая, лишь слегка всхолмленная и покрытая тонкимъ слоемъ снѣга, на которомъ всѣ люди превосходно были видимы, Подольскій и Житомирскій полки въ шаблонномъ боевомъ порядкѣ, не заботясь о развитіи своего огня, тронулись противъ японской позиціи, съ которой были встрѣчены сильнѣйшимъ артиллерійскимъ, ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Первоначально это удивило, но потери становились такъ велики, что полкъ было дрогнулъ; но порядокъ былъ скоро восстановленъ и люди залегли подъ огнемъ, находясь въ такомъ положеніи въ теченіе семи часовъ времени и неся потери. Несчастные не могли даже броситься на врага, ибо по диспозиціи должны были ждать стрѣлковъ изъ 1-го сибирскаго корпуса, которые должны были придти имъ на помощь. И вотъ, въ 1.000 шагахъ отъ не-

На привалѣ.

пріятеля люди лежали подъ огнемъ, они имѣли линемановскія лопаты, но никто и не думалъ окапываться и набрасывать впереди себя хотя бы слабыя укрытія, ихъ мало учили этому. Наконецъ, дивизія пошла въ атаку, съ полнымъ презрѣніемъ къ огню. Съ непоколебимымъ мужествомъ въ густой массѣ на сближенныхъ интервалахъ и дистанціяхъ ворвались люди въ Баотайцзы, но тамъ атаковать было некого. Японцы отошли къ Сандепу и оттуда открыли ужасающій огонь по густымъ массамъ нашихъ войскъ, которыя такимъ образомъ были остановлены только однимъ огнемъ, не будучи въ состояніи ни шагу продвинуться впередъ. Несомнѣнно, что атаковать Сандепу можно было и съ большимъ расчетомъ на успѣхъ и съ меньшими потерями, только это потребовало бы больше времени, а главное, мы не знали другого способа атаки. Дивизія потеряла въ этотъ день болѣе 1.100 человекъ, и только благодаря тому, что въ это время въ Сандепу никого, кромѣ спѣшенныхъ кавале-

РАСПОЛОЖЕНІЯ РУССКИХЪ И ЯПОНСКИХЪ
ВОЙСКЪ КЪ НАЧАЛУ МУКДЕНСКОЙ ОПЕРАЦІИ

Масштабъ 1:100000

Расположение к 13 февраля.

расположение к 13 февраля. } Русские
располож. к 11 Февра (Политический ком.)

Цинковский } раскопанные Янцевъ.

рійскихъ частей, не было, и что наступившая темнота скрыла подъ покровомъ своимъ многострадальныя полки 14-й пѣхотной дивизіи.

Съ 15-го января вновь наступаетъ прерванное было томительное затишье и наши арміи готовятся къ встрѣчѣ неизвѣстнаго будущаго. Минувшая операція не дала намъ никакихъ полезныхъ результатовъ, кромѣ горькаго и кроваваго урока какъ не слѣдуетъ вести дѣло, когда хотятъ оказаться побѣдителями. 18-го января во временное командованіе 2-й манджурской арміей вступилъ генералъ Мыловъ, послѣ котораго командующимъ этой арміей назначенъ былъ генералъ Каульбарсъ. 3-ю же армію принялъ временно генералъ Бильдерлингъ. Рѣшено было вновь попытаться перейти въ наступленіе, и это рѣшеніе окончательно созрѣло, когда нако-

Наблюденіе за ходомъ боя.

нецъ убѣдились, что никакого сосредоточенія японскихъ силъ противъ центра нашего расположенія не было. Но приведеніе въ исполненіе этого намѣренія замедлилось неизвѣстностью, какъ распорядятся японцы своими новыми усиленіями, которыя они получили въ освободившейся арміи генерала Ноги и нѣкоторыхъ новыхъ формированіяхъ, которыя къ этому времени были уже закончены. Въ теченіе двухъ недѣль мы еще продолжали колебаться: начинать ли наступленіе немедленно или ожидать окончательнаго сосредоточенія нашихъ подкрѣплений и предоставлять непріятелю время приготовиться къ отпору. На совѣщаніи въ Сахетунѣ, наконецъ, было рѣшено не откладывать далѣе предположенное наступленіе и начать его какъ можно скорѣе. 8-го февраля послѣдовало нижеслѣдующее распоряженіе главнокомандующаго: „Признавая подготовительныя дѣйствія къ наступательнымъ операціямъ законченными, предлагаю арміямъ атаковать противника, руководствуясь директивою моею, изложенной въ предписаніи отъ 6-го января сего года. Атаку начинаетъ 2-я армія. Первымъ днемъ наступленія назначаю 12-е февраля.

„Въ общій стратегическій резервъ, находящійся въ непосредственномъ моемъ распоряженіи, назначаются:

„72-я пѣхотная дивизія съ 10 артиллерійской бригадой, 146-й пѣхотный Царичинскій полкъ и 16-й армейскій корпусъ.

„Первоначальной цѣлью наступленія я ставлю отгѣсненіе японскихъ армій за Тайцзыхе съ нанесеніемъ имъ пораженія.

„Первоначальнымъ предметомъ дѣйствій выбираю армію Оку.

„Способомъ для дѣйствій опредѣляю охватъ лѣваго фланга расположенія арміи Оку“.

Надо сказать, что приготовленія нашихъ армій къ предположенному наступленію заключались въ производствѣ усиленныхъ развѣдокъ, въ особенности въ районѣ Сандепу. Такъ какъ неудачу первой атаки этого пункта приписывали главнымъ образомъ недостатку артиллерійской подготовки, то на эту сторону дѣла было обращено особенное вниманіе и на позиціяхъ противъ Сандепу и Лидіатуня были сооружены 19 батарей со 100 орудіями, между которыми было уже не 4 осадныхъ пушки, какъ было въ январѣ, а 40 осадныхъ орудій. Японцы отлично знали, что у насъ дѣлается, и потому планъ нашихъ предстоящихъ дѣйствій для маршала Ойямы былъ совершенно ясенъ.

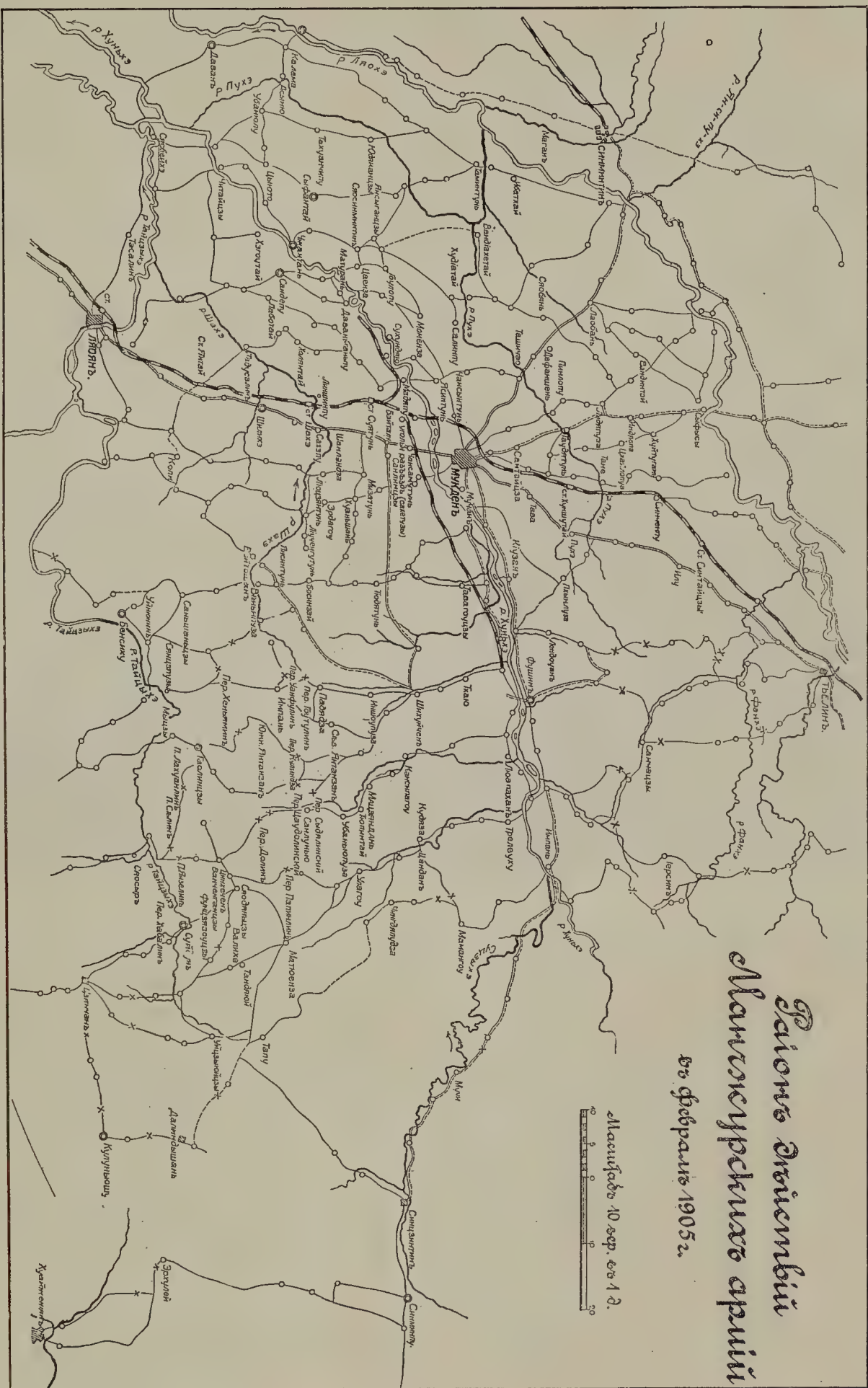

Тъелинская башня.

Къ этому времени наши войска располагались слѣдующимъ образомъ:

На правомъ флангѣ находилась 2-я армія, въ составъ которой входили 1-й сибирскій корпусъ, 8-й армейскій корпусъ и 10-й армейскій корпусъ, бригада 5-го сибирскаго корпуса. Всего 126 батальоновъ, занимавшихъ позиціи на фронтѣ Сыфантай—Чжантань—Холонтай на протяженіи 23 верстъ. У Сыфантая стоялъ ляохейскій отрядъ, въ который входила другая бригада 5-го сибирскаго корпуса. 10-й и 8-й корпуса находились вмѣстѣ со своднымъ стрѣлковымъ корпусомъ въ передовой линіи. Въ резервъ у Шуанго стоялъ 1-й сибирскій корпусъ, къ которому была придана 2-я бригада 6-й вост.-сиб. стрѣлковой дивизіи.

На правомъ же флангѣ находился и конный отрядъ генерала Ренненкампа, который для развѣдки противника былъ выдвинутъ къ Убанюлу.

Въ центрѣ нашего расположенія стояла 3-я армія, которая, имѣя всѣ свои корпуса въ передовой линіи, занимала пространство на фронтѣ Холонтай—Линшинпу—Сахепу—Шанланца, протяженіемъ около 16 верстѣ. Въ составъ этой арміи входили: половина 59-го сибирскаго корпуса, 17-й армейскій корпусъ и одна дивизія 6-го сибирскаго корпуса. Всего 72 батальона.

На лѣвомъ флангѣ находилась 1-я армія, въ составъ которой входили: 1-й армейскій корпусъ и 2-й, 3-й и 4-й сибирскіе корпуса. Всего 128 батальоновъ. Она стояла на фронтѣ Шанланцы—Эрдагоу—Лиученгуунъ и далѣе по правому берегу Шахе до Гoutuлинскаго перевала. Протяженіе ея фронта было 46 верстѣ.

Въ окрестностяхъ Мукдена.

Въ общемъ стратегическомъ резервѣ находились: 16-й армейскій корпусъ за серединой всего расположенія у угольнаго развѣзда, 72-я дивизія за лѣвымъ флангомъ 3-й арміи и Царицынскій полкъ у Хуаншаня за правымъ флангомъ 1-й арміи.

Такимъ образомъ выходило, что весь фронтъ нашихъ армій растянулся на 85 верстѣ; изъ 12 корпусовъ 10 были вытянуты въ одну линію. Такое расположеніе не отвѣчало оборонѣ, да и въ смыслѣ наступленія его нельзя признать правильнымъ, резервы были слишкомъ близко, почти на фронтѣ, всего въ 9 верстахъ отъ передовой линіи и были при этомъ удалены отъ праваго фланга, которымъ мы хотѣли нанести главный ударъ. 9-го февраля была отдана по войскамъ 2-й арміи диспозиція, въ которой главной задачей ставилось овладѣніе и утвержденіе въ Сандепу и его окрестностяхъ и приказъ начать атаку 12-го февраля. Но въ 4 часа дня 11-го февраля къ Каульбарсу явился генералъ Ухачъ-Огаровичъ и по порученію главнокомандующаго передалъ, что по имѣющимся у него, генерала Ухачъ-Огаровича,

документальнымъ свѣдѣніямъ, японцамъ точно извѣстенъ день нашего наступленія и что они успѣли сосредоточить противъ 2-й арміи свыше 100.000 человекъ при 340 орудіяхъ, не считая войскъ у Сяобейхе, гдѣ собрали большіе резервы; что на крайній лѣвый флангъ 1-й арміи японцы повели ожесточенныя атаки. Поэтому главнокомандующій предоставляетъ командующему арміей выборъ рѣшенія, атаковать ли завтра или нѣтъ. Произошелъ по этому поводу разговоръ по телефону между генераломъ Куропаткинымъ и генераломъ Каульбарсомъ, при чемъ первый высказалъ, что атаковать или отказаться отъ атаки зависитъ отъ вдохновенія начальника, и онъ не стѣсняетъ генерала Каульбарса въ принятіи того или другого рѣшенія, но что до выясненія характера японскаго наступленія противъ лѣваго фланга арміи Линевича, главнокомандующій для поддержки 2-й арміи не можетъ дать ни одного штыка изъ стратегическаго резерва. Генераль Каульбарсъ немедленно распорядился объ отмѣнѣ наступленія. Какую оцѣнку можно сдѣлать подобнаго рода образу дѣйствій? Хотя, какъ мы говорили выше, Куропаткинъ въ глубинѣ души былъ противъ наступательнаго образа дѣйствій, но тѣмъ не менѣе дѣлалъ видъ, что идея наступленія принадлежитъ ему, онъ далъ для этого наступленія директивы, далъ арміямъ задачи и назначилъ днемъ начала операціи 12-е февраля,—слѣдовательно, всякое измѣненіе данныхъ указаній вслѣдствіе измѣнившейся обстановки должно было исходить отъ того же генерала Куропаткина, слѣдовательно, и всѣ могущія произойти измѣненія должны были исходить отъ того же Куропаткина; если онъ дѣйствительно предоставлялъ рѣшеніе столь важнаго вопроса вдохновенію частнаго начальника, въ такомъ случаѣ ему достаточно было ограничиться лишь сообщеніемъ объ увеличеніи японскихъ силъ на ихъ лѣвомъ флангѣ, а уже не надо было подсказывать очевидно собственное созрѣвшее рѣшеніе назначенную на завтрашнее число атаку отмѣнить; при этомъ онъ еще предупреждаетъ, что пока для него не выяснится характеръ наступленія японскаго праваго фланга, онъ не поможетъ ни однимъ штыкомъ. Генераль Каульбарсъ отлично зналъ по предыдущему, чего можно ожидать отъ Куропаткина, который погубилъ успѣшно начатое наступленіе Гриппенберга только изъ одного фантастическаго извѣстія о сосредоточеніи японскихъ силъ противъ нашего центра. Рѣшеніе отложить подготовленное наступленіе было наихудшимъ изъ всего что можно было сдѣлать—мы давали опять всѣ шансы въ руки противника, но при данныхъ условіяхъ требовать отъ подчиненнаго рѣшимости наступать было невозможно, это требовало больше таланта, требовало геніальности, а послѣдняго, не говоря уже о второй, у самого Куропаткина и помину не было. Куропаткинъ былъ полномочнымъ главнокомандующимъ, отъ него одного исходили всѣ директивы и на немъ одномъ лежитъ отвѣтственность за все происшедшее, и онъ долженъ былъ проявить умъ и волю въ соотвѣтствіи съ высотой своего положенія, но въ томъ-то и дѣло, что у Куропаткина этого соотвѣтствія не было, тѣмъ не менѣе отвѣтственность за неудачное рѣшеніе отмѣнить наступленіе все-таки лежитъ на Куропаткинѣ. Кто скажетъ? Если бы Куропаткинъ просто увѣдомилъ бы Каульбарса объ измѣнившемся положеніи противъ него противника, а не подсказывалъ собственнаго рѣшенія и не грозилъ бы бросить его безъ поддержки въ нужную минуту, то

Каульбарсъ и принялъ бы иное рѣшеніе, но Куропаткинъ позаботился и объ этомъ. Очевидно, что наступленіе японцевъ противъ нашего крайняго лѣваго фланга было истинной причиной пріостановки нашего наступленія, только въ этомъ не желали признаваться, а потому и явилась надобность въ дипломатической посылкѣ генерала Ухачъ-Огаровича, которая и привела къ желательному рѣшенію.

Бои у Цинхечена были вступленіемъ къ Мукденскому разгрому, къ описанію котораго мы теперь и приступаемъ.

Театръ, на которомъ разыгралась мукденская драма, обнималъ собою площадь около 1500 квадратныхъ верстъ, которая желѣзной дорогой раздѣлялась на двѣ части, сильно разнящіяся между собою по характеру мѣстности. Къ западу отъ желѣзной дороги она ограничивалась теченіемъ Ляохе и прорѣзывалась по срединѣ теченіями Хунхе и Пухе, она представляла собою совершенную равнину, которая въ это время года имѣла однообразный видъ снятыхъ гаолянныхъ полей, состоящихъ изъ рядовъ полосокъ грядокъ, въ которыхъ задерживался сдуваемый вѣтромъ снѣгъ; эта равнина была покрыта многочисленными китайскими деревушками, также совершенно однообразными и не имѣвшими особаго боевого значенія; наибольшее значеніе въ этомъ отношеніи представляли кумирни и китайскія кладбища, обсаженные деревьями, кромѣ того, ближе къ Ляохе встрѣчались песчаные бугры, изъ которыхъ нѣкоторые достигали значительной высоты и иногда соединялись въ цѣлыя гряды высотъ, представлявшихъ сильныя тактическія позиціи. Имѣло также значеніе старое полотно желѣзной дороги, которое представляло собою насыпь до 5-ти саженъ высотой, и роща, окружавшая императорскія могилы и находившаяся въ 4-хъ верстахъ сѣвернѣе Мукдена и въ 3-хъ западнѣе желѣзной дороги. Площадь эта занимала пространство въ 2 квадратныхъ версты. Сообщенія на равнинномъ участкѣ театра сраженія въ это время года были удовлетворительны; нѣкоторое затрудненіе представляла рѣка Хунхе, которая хотя и имѣла пологіе берега во всѣхъ мѣстахъ, но кое-гдѣ они были обрывистыми; она была покрыта льдомъ, но онъ былъ тонокъ и требовалъ укрѣпленія; большія же части войскъ могли переправляться по мостамъ, которыхъ было недостаточно. На участкѣ ниже желѣзнодорожнаго моста, гдѣ Хунхе представляла наибольшую преграду, были мосты только у желѣзнодорожнаго моста и у Мадяпу, но этихъ мостовъ для армій было мало, остальные еще три моста значенія не имѣли, такъ какъ не выводили прямо къ Мукдену.

Что касается до участка восточнѣе желѣзной дороги, то тутъ мѣстность носила гористый характеръ, который по мѣрѣ удаленія къ востоку все усиливался. Здѣсь движеніе отрядовъ всѣхъ родовъ оружія могло совершаться только по извѣстнымъ немногимъ направленіямъ, изъ которыхъ восточнѣе фушунскаго меридіана имѣлось только три. Лучшимъ была дорога черезъ Цинхеченъ на Далинъ къ Фушуну, она прямо выводила въ обходъ Мукдена къ Тѣлину. Что касается до укрѣпленія нашихъ и японскихъ позицій, то о характерѣ ихъ мы уже имѣли случай говорить, къ сказанному только прибавимъ, что мы имѣли заранѣе укрѣпленные фронты къ западу и югу отъ Мукдена, западный фронтъ имѣлъ протяженіе

около 15-ти верстъ и тянулся отъ Хоуха до Мадяпу, и южный на Хунхе; онъ имѣлъ 11 фортовъ силою на двѣ роты и имѣлъ характеръ тетъ-де-пона, прикрывающаго желѣзнодорожный мостъ. На всемъ остальномъ фронтѣ были настроены во множествѣ сомкнутыя укрѣпленія, соединенныя почти непрерывными окопами. Путиловская сопка, служившая тактическимъ ключемъ позиціи, была вся изрыта окопами для ярусной обороны. Отсутствіе руководящаго плана въ устройствѣ нашихъ укрѣплений дало себя почувствовать, когда 2-й арміи пришлось отступать за Хунхе, между укрѣпленіями котораго и Мукденомъ у насъ никакихъ опорныхъ пунктовъ небыло, равно какъ не имѣлось таковыхъ какъ въ глубину, такъ и вообще, на всемъ остальномъ пространствѣ. Не существовало также связи между мукденскими и прочими укрѣпленіями, войска объ укрѣпленіяхъ Мукдена ничего не знали.

Составъ и расположеніе нашихъ силъ передъ началомъ мукденскаго сраженія усматривается изъ нижеслѣдующей таблицы.

Генераль Линевичъ.					
	Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Полевыхъ орудій.	Тяжелыхъ орудій.	Пулеметовъ.
Летучій отрядъ полковника Мадритова	1	5	4	—	—
Синзинцинскій отрядъ генерала 2 Маслова	4	2	2	—	—
Цинхеченскій отрядъ генерала Алексѣева	17	28	30	4	—
Отрядъ генерала Баумгартена	1	12	2	—	8
3-й сибирскій корпусъ генерала 2 Иванова	15	3	66	—	8
2-й сибирскій корпусъ генерала Защука	20	3	68	—	—
4-й сибирскій корпусъ генерала Зарубаева	32	4	94	8	8
1-й армейскій корп. ген. барона Мейендорфа	34	4	94	8	—
Въ распоряженіи командующаго арміей	4	3	—	—	—
Итого	128	53	360	22	24
3-я армія. Генераль Бильдерлингъ.					
6-й сибирскій корпусъ генерала Соболева	16	3	48	—	—
17-й армейскій корпусъ генерала Селиванова	32	12	96	—	—
5-й сибирскій корпусъ генерала Дембовицкаго	24	4	88	—	—
Полевые мортиры	—	—	—	18	—
Итого	72	19	232	18	—
2-я армія. Генераль Каульбарсъ.					
10-й армейскій корпусъ генерала Церпицкаго	32	2	104	26	1
8-й армейскій корпусъ генерала Мылова	32	4	104	64	1
Сводно-стрѣлковый корп. ген. Кутневича	24	2	72	28	8
Ляохейскій отрядъ генерала Коссоговскаго	8	10	14	—	—
Конный отрядъ генерала Ренненкампа	—	26	18	—	—
1-й сибирскій корпусъ генерала Гернгросса	30	6	64	—	1
При штабѣ арміи	—	3	—	—	—
Итого	126	53	376	118	28

Стратегическій резервъ главнокомандующаго.	Батальоновъ.	Эскадроновъ.	Полевыхъ орудій.	Тяжелыхъ орудій.	Пулеметовъ.
16 армейскій корпусъ генерала Топорнина	26	—	72	—	—
72-я пѣхотная дивизія генерала	—	—	—	—	—
146-й пѣхотный Царицынскій полкъ	4	—	—	—	—
Амурскій казачій полкъ	—	2	—	—	—
Итого	42	2	120	—	16

Всего во всѣхъ трехъ арміяхъ было 370 батальоновъ, 127 эскадроновъ, 1088 полевыхъ орудій, 158 тяжелыхъ орудій, 68 пулеметовъ и 10 съ половиной саперныхъ батальоновъ.

Численность и распредѣленіе японскихъ силъ.	Батальоновъ.	Эскадроновъ.	Полевыхъ орудій.	Тяжелыхъ орудій.	Пулеметовъ.
5-я армія ялужжанская генерала Кавамура.					
1-я резервная дивизія	8—12	1—3	18	—	—
11-я полевая дивизія	12	3	36	—	—
1 резервная дивизія	8	1	24	—	—
Въ распоряженіи командующаго арміей	1	—	—	—	—
Итого	33	7	78	—	—

1-я армія генерала Куроки.

2-я полевая дивизія	12	3	36	—	—
12-я полевая дивизія	12	3	42	—	—
Гвардейская дивизія	12	3	48	—	—
Резервныя части	24	3	36	—	—
Итого	69	12	172	—	—

4-я армія генерала Нодзу.

10-я полевая дивизія	12	3	42	—	22
6-я полевая дивизія	12	1	42	—	—
Резервныя части	30	1	120	—	—
Итого	54	7	204	—	—

2-я армія генерала Оку.

4-я полевая дивизія	12	3	42	—	—
5-я полевая дивизія	12	3	42	—	—
Резервныя части	18	1	12	—	—
10-й кавалерійскій полкъ	22	3	—	—	—
Итого	42	10	96	—	—

3-я обходная армія генерала Ноги.

	Баталіоновъ.	Эскадроновъ.	Полевыхъ орудій.	Тяжелыхъ орудій.	Пулеметовъ.
9-я полевая дивизія	12	3	42	—	—
7-я полевая дивизія	12	3	60	—	—
1-я полевая дивизія	12	—	42	—	—
8-я полевая дивизія	12	3	42	—	—
3-я полевая дивизія	12	3	42	—	—
Резервныя части	26	2	12	—	—
Два отдѣльныхъ передовыхъ отряда генераловъ Тамура и Акіяма	4	28	38	—	—
Итого	90	39	278	170	200

Всего въ японскихъ арміяхъ насчитывалось 288 батальоновъ, 75 эскадроновъ, 818 полевыхъ орудій, 170 тяжелыхъ орудій и 200 саперныхъ батальоновъ. Въ приведенной таблицѣ тяжелыя орудія и инженерныя войска по арміямъ не проставлены, такъ какъ распредѣленіе ихъ осталось неизвѣстнымъ. Сравнивая итоги батальоновъ у

насъ 370 и максимальную цифру у японцевъ 288, выходитъ, что значительный перевѣсъ находился на нашей сторонѣ, въ числѣ же штыковъ эта разница значительно уменьшалась, потому что наши батальоны считали въ своихъ рядахъ отъ 600 до 800 штыковъ, тогда какъ японцы довели свои батальоны до полного боевого состава 900 штыковъ, причемъ нѣкоторыя части имѣли значительный сверхкомплектъ. То же

Тьелинская стѣна.

можно сказать и относительно эскадроновъ. Общая численность пѣхоты и кавалеріи японскихъ армій выражалась цифрой 310,000 человекъ, значительный перевѣсъ имѣли японцы въ числѣ пулеметовъ. Такимъ образомъ можно признать, что силы противниковъ были почти равныя, тѣмъ болѣе, что потери во время мукденскихъ боевъ у насъ прогрессировали въ большей степени, чѣмъ у японцевъ.

Что касается до плановъ обѣихъ сторонъ, то съ нашей стороны послѣ отмѣны наступленія, послѣдовавшаго за сообщеніемъ генерала Ухачъ-Огаровича, никакого плана

для предстоящихъ дѣйствій выработано не было и наступленіе японцевъ застало насъ какъ бы врасплохъ, планъ же японцевъ былъ построенъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: маршалъ Ойяма, зная чувствительность генерала Куропаткина ко всякому давленію на его сообщенія, задумалъ, демонстрируя противъ нашего лѣваго фланга съ цѣлью отвлечь туда большую часть нашихъ силъ и вниманія, собрать превосходныя силы на своемъ лѣвомъ флангѣ и атаковать нашъ правый флангъ, но зная по предыдущимъ опытамъ подъ Ляояномъ, что тактическій обходъ не имѣетъ существеннаго значенія, онъ рѣшилъ эту атаку нашего праваго фланга соединить съ дальнимъ стратегическимъ обходомъ его, для чего назначилъ прибывшую изъ-подъ

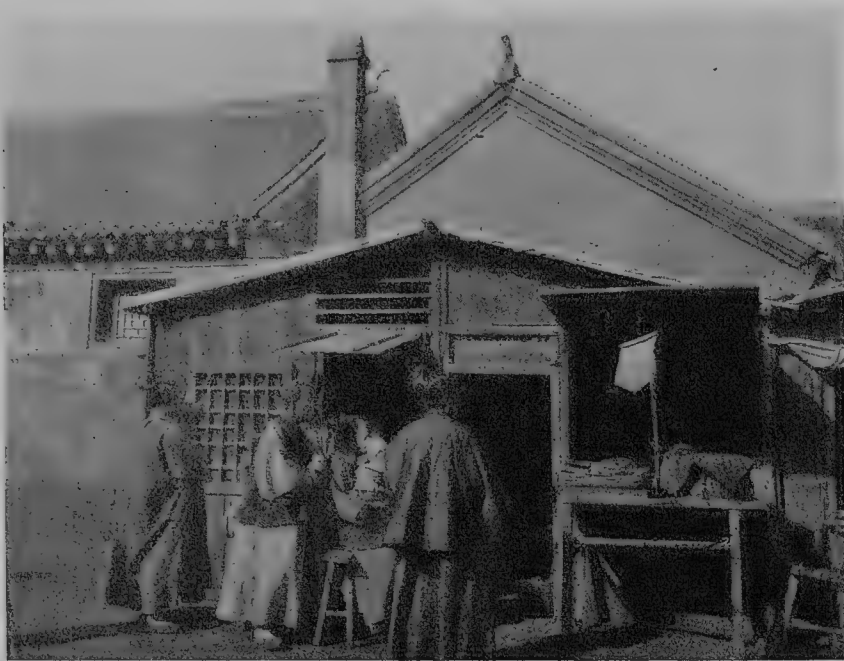

Приваль.

Портъ-Артура 3-ю японскую армію генерала Ноги. Какъ мы увидимъ, планъ его удался только отчасти, полного окруженія нашихъ армій ему совершить не удалось, на что были свои причины, о которыхъ мы будемъ имѣть случай говорить ниже. Стратегическая обстановка наша въ этотъ періодъ времени была такова: послѣ январскихъ боевъ стали распространяться слухи объ операціяхъ японцевъ противъ Владивостока, и Куропаткинъ призналъ необходимымъ усилить войска Приморской области и гарнизона Владивостока. Онъ выдѣлилъ изъ состава 1-й арміи сводную бригаду (6 батальоновъ), которая въ началѣ февраля должна была отправиться туда и на мѣстѣ уже развернуться въ дивизію, почему отдано было распоряженіе, чтобы всѣ прибывающія изъ Европейской Россіи подкрѣпленія дѣлились поровну между манджурскими войсками и Приморской областью, а изъ 10-го и 17-го корпусовъ было выдѣлено для Никольска-Уссурийскаго по одному дивизиону артиллеріи. Кромѣ

того, приходили извѣстія, что въ Монголіи собираются значительные отряды японской кавалеріи, которые имѣютъ даже артиллерію, и что эти отряды усиливаются шайками хунхузовъ. Ночью на 30 января было произведено нападеніе на нашу желѣзную дорогу къ сѣверу отъ Гунжулина, гдѣ былъ взорванъ желѣзнодорожный мостъ, а двѣ сотни пограничной стражи на границѣ Монголіи наткнулись на сильный

Лавка въ Тѣлинѣ.

кавалерійскій отрядъ японцевъ и вынуждены были отступить. Вслѣдствіе этого генераль Куропаткинъ составляетъ особый отрядъ, въ составъ котораго вошли: полки Пограничной стражи, вся Донская казачья дивизія, Уссурійскій казачій полкъ, 2-я бригада 41-й пѣхотной дивизіи и 15.000 изъ числа прибывающихъ изъ Европейской Россіи укомплектованій. Всѣ эти довольно значительныя силы оттягиваются отъ арміи наканунѣ самаго рѣшительнаго и серьезнаго

столкновенія. Все это входило, конечно, въ планъ японскаго главнокомандующаго и несомнѣнно имѣлось въ виду какъ при составленіи плана, такъ и впослѣдствіи, при приведеніи его въ исполненіе.

Какъ мы уже знаемъ, лѣвый флангъ нашъ обезпечивался отрядомъ генерала Алексѣева, который былъ расположенъ въ трехъ пунктахъ: у Гаолинцзы, у Цинхечена и у Синзинтина. Пункты эти прикрывали всѣ пути, которые шли на Тѣлинъ въ обходъ нашихъ позицій на Шахѣ. У Синзинтина находился отрядъ генерала Маслова въ составѣ 4-хъ батальоновъ, одной сотни и двухъ орудій, у Гаолинцзы находились два съ половиной батальона, 4 сотни и 6 конно-горныхъ орудій подъ начальствомъ генерала Любавина, а у Цинхечена 10 съ половиной батальоновъ, 11 сотенъ и 24 орудія подъ начальствомъ генерала Экка. Ночью на 6-е февраля японцы атаковали наши войска, стоявшія у Гаолинцзы, а днемъ 6-го и отрядъ у Цинхечена. Оба наши отряда были потѣснены и вынуждены были отойти назадъ. Генераль Алексѣевъ, получивъ въ подкрѣпленіе два полка, рѣшилъ на другой день перейти въ наступленіе и занять прежнія позиціи, но японцы, развернувъ передъ нами до 12-ти батальоновъ съ 20 орудіями и угрожая охвату фланга, такъ энергично встрѣтили наше наступленіе, что вынудили генерала Алексѣева сосредоточить свой отрядъ на цинхеченской позиціи, находившейся въ тылу, что и было выполнено въ ночь на 10-е февраля. 9-го же числа было обнаружено наступленіе непріятеля

и на авангардъ, расположенный въ Гаолинцзы. Задачей арміи генерала Кавамуры было сбить наши авангарды, замыкавшіе пути на Фушунъ, и продвинуться къ этому пункту; съ этою цѣлью онъ послѣ 9-го февраля велъ цѣлый рядъ боевъ противъ нашего цинхченскаго отряда. У насъ была еще позиція у Янзелинскаго перевала, преграждавшая пути въ обходъ праваго фланга цинхченской позиціи. 11-го февраля японцы повели отчаянную атаку на нашъ редутъ, составлявшій опорный пунктъ къ востоку отъ Цинхчена, и послѣ упорнаго боя, понеся огромныя потери, заняли - таки нашъ редутъ, что угрожало прорыву позиціи Янзелинъ — Цинхченъ. Вслѣдствіе этого генераль Алексѣевъ рѣшилъ отойти къ перевалу Далинъ. 11-го же февраля обнаружилось наступленіе противника и противъ 3-го сибирскаго корпуса, который былъ расположенъ западнѣе Цинхченскаго отряда и своимъ лѣвымъ флангомъ занималъ Гоутулинскій перевалъ. Все пространство къ юго-востоку отъ Гоутулинскаго перевала представляло собою крайне запутанную горную страну, гдѣ пролегла единственная дорога, которая выводила въ тылъ далинскаго направленія къ Мандзядяпу, и на этомъ пути у южнаго Янтанзана находилась наша позиція, занятая отрядомъ генерала Баумгартена. Вечеромъ 11-го февраля 2-я японская дивизія предприняла наступленіе на Гоутулинскій перевалъ, а въ ночь на 12-е число японцы проявили боевую дѣятельность и противъ частей 4-го сибирскаго

корпуса. Всѣ эти перечисленныя событія заставили генерала Куропаткина не только отказаться отъ задуманнаго общаго перехода въ наступленіе, но и окончательно рѣшить, что японцы намѣрены сбить его лѣвый флангъ, поэтому онъ рѣшаетъ подкрѣпить 1-ю армію и форсированно двигаетъ 1-й сибирскій корпусъ, 2-ю бригаду 72-й пѣхотной дивизіи и дивизіонъ артиллеріи влѣво. 1-й сибирскій корпусъ долженъ былъ передвинуться къ Чаньсямутуню, 2-я бригада 6-й вост.-сиб. стр. дивизіи

въ Фушунъ, 2-я бригада 72-й пѣхотной дивизіи съ дивизиономъ артиллеріи къ Шихуйчену и 146-й Царицынскій полкъ къ Импани, и вмѣсто генерала Алексѣева былъ назначенъ генералъ Ренненкампфъ. Пославъ въ 1-ю армію 42 батальона и 128 орудій, генералъ Куропаткинъ полагалъ, что она будетъ настолько сильна, что въ состояніи будетъ перейти въ наступленіе, на случай котораго онъ намѣревался двинуть за центръ 1-й арміи 16-й армейскій корпусъ, а генералу Бильдерлингу было приказано демонстрировать на Шахе, не ввязываясь въ серьезный бой. 13-го февраля, въ виду обхода нашихъ позицій на Далинскомъ перевалѣ, генералъ Ренненкампфъ, опасаясь за свой путь отступленія на Фушунъ, рѣшилъ отойти къ Тюпинтаю и тамъ дать серьезное сраженіе. Все это совершилось 13-го января. Въ этотъ день правая колонна 5-й японской дивизіи, направленная на Секореи, нашла этотъ проходъ занятымъ непріятелемъ; это были три батальона и 15 эскадроновъ генерала Баумгартена,

Китайскій обозъ.

который занималъ также и проходъ Токареи. Третья японская бригада подошла къ Эбану, а гвардейская завязала перестрѣлку по всему фронту. Въ этотъ же самый день мы получили намекъ на движеніе какихъ-то непріятельскихъ войскъ въ обходъ нашего праваго фланга, а именно конница кавказской бригады въ долину Ляохе у Тавана столкнулась съ японскими пѣхотными частями,—но донесенію объ этомъ не было придано никакого значенія. На слѣдующій день 5-й японской арміи не удалось продвинуться впередъ, она была задержана нашими войсками у Дита и Убаніулу; точно также и 15-й японской бригадѣ не удалось овладѣть Секорейскимъ проходомъ и она до 20-го февраля оставалась стоять на позиціяхъ къ юго-западу отъ Секореи, которая основательно укрѣпила. 3-я японская бригада заняла часть нашихъ укрѣпленій къ востоку отъ Ванфунлинскаго перевала, а 12-я и гвардейскія дивизіи ограничились артиллерійской перестрѣлкой, при чемъ на фронтѣ гвардейской дивизіи происходили многочисленныя стычки между передовыми частями, не имѣвшія, впрочемъ, никакого значенія. Тяжелая артиллерія японцевъ начала обстрѣливать Пути-

ловскую и Новгородскую сопки и только одна 2-я японская армія ничѣмъ не выдавала своихъ намѣреній, желая, чтобы мы какъ можно меньше обращали на нее вниманіе. Въ это время на крайнемъ японскомъ лѣвомъ флангѣ 3-я ихъ армія приготавлилась къ своему обходному движенію, которое должна совершить четырьмя колоннами, и 14-го февраля она была уже на высотѣ Мамакай—Каляма, а вторая кавалерійская бригада прошла по долину Ляохе и достигла Такоу. Въ теченіе всѣхъ этихъ дней наша кавалерія была въ постоянномъ соприкосновеніи съ японскими колоннами и все время объ этомъ доносили. Наконецъ до Куропаткина дошелъ слухъ, что въ Синминтинѣ по желѣзной дорогѣ прибыли японскіе отряды; тогда Куропаткинъ послалъ на развѣдки по синминтинской дорогѣ бригаду 16-го армейскаго корпуса подъ начальствомъ генерала Биргера. 15-го февраля обѣ колонны 5-й и второй японскихъ армій, остановившіяся у Дита и Убаніулу, за цѣлый день не могли продвинуться ни на шагъ впередъ, съ нашей же стороны 1-й сибирскій корпусъ подошелъ къ Яншоупуцзу, а Царицынскій пѣхотный полкъ къ Вуцзяпуцзу. Теперь уже 1-я, 2-я и 4-я арміи противника открыли усиленный огонь по нашимъ позиціямъ, но не принесли намъ никакого вреда, такъ какъ люди были хорошо укрыты блиндированными помѣщеніями. Въ ночь на 15-е февраля мы сдѣлали попытку на переходъ въ наступленіе, а именно 17-й армейскій корпусъ направился на желѣзнодорожный мостъ черезъ Шахе, но части 6-й японской дивизіи его отбросили. Вечеромъ этого дня 3-я японская армія находилась на линіи Тутайцзы—Туятуань въ непосредственномъ соприкосновеніи съ противникомъ. Теперь уже и Куропаткину сдѣлалось яснымъ, что нашему юго-западному фронту грозитъ опасность, почему онъ рѣшился единственный оставшійся у него резервъ двинуть на Салинпу; резервъ этотъ былъ 25-я пѣхотная дивизія 16-го армейскаго корпуса. Въ наибольшей готовности къ серьезному бою 3-я японская армія продолжала 14-го февраля свое дальнѣйшее движеніе въ обходъ нашего праваго фланга, ея кавалерія достигла Таминтуня, а передовые эскадроны дошли до Синминтина. 7-я дивизія дошла до Хуаншиханцзы, одна бригада до Тихіакангцзы и резервная бригада до Яухіатая. 9-я японская дивизія обошла наши позиціи у Сыфантая съ запада и остановилась, съ намѣреніемъ на другой день атаковать насъ на этихъ позиціяхъ. 8-я дивизія 2-й японской арміи двинулась первой и слѣдовала по обоимъ берегамъ Хунхе, направляясь на Чжантаньхенань и Чжатань своимъ правымъ флангомъ, въ то время какъ лѣвый флангъ дошелъ до Тутайцзы, гдѣ была наша позиція между Чжантанемъ и Сыфантаемъ. Въ ночь съ 15-го на 16-е февраля 5-я японская дивизія заняла районъ Лидіавопенгъ—Ванцзявопенгъ, 4-я же остановилась у Хунлину въ полной готовности къ бою. 4-я армія 16-го февраля не двигалась съ мѣста и вела лишь только артиллерійскій огонь. Но 1-й гвардейской бригадѣ удалось въ ночь на 16-е февраля вытѣснить насъ изъ Фындяпу, а 2-я гвардейская бригада въ ту же ночь взяла Янсинтунь, который нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и остался въ концѣ концовъ за японцами. 3-я бригада 2-й дивизіи вытѣснила насъ съ передовыхъ позицій у Гоутулинскаго перевала. Лѣвая колонна 5-й японской арміи продвинулась до Мацзянданя, при чемъ лѣвый боковой отрядъ занялъ Тудагоу, правая же колонна продвинуться не могла.

Разрушенная фанза.

Теперь уже обстановка настолько выяснилась, что предстояла настоящая надобность предпринять что-нибудь для обеспечения угрожаемого нашего праваго фланга. Резервовъ не было, а вернуть взятые на лѣвый войска было трудно, они были очень далеко. Тогда Куропаткинъ рѣшается загнуть свой правый флангъ назадъ. Это было поворотной точкой мукденскаго сраженія, и не въ нашу пользу. Чтобы выполнить эту операцію, Куропаткинъ приказалъ 1-му и 17-му армейскимъ корпусамъ отправить всѣ свободныя части въ Мукденъ и было передано отъ 17-го корпуса три полка, а отъ 1-го армейскаго одинъ полкъ, которые и составили сводную дивизию подъ начальствомъ де-Витта. 1-му сибирскому корпусу было еще раньше послано приказаніе вернуться назадъ; этотъ корпусъ дошелъ въ этотъ день до Тунгоу, оставивъ въ составѣ восточнаго отряда генерала Ренненкампа два полка и половину 6-й вост.-сиб. стр. дивизіи. Части западнаго отряда, т. е. 1-й и 17-й армейскіе корпуса, приступили къ выполнению приказаннаго отступленія въ ночь съ 17-го на 18-е число. Сѣвернѣе Чжантаня въ Сяосинминтинѣ находились большіе наши интендантскіе склады, вывезти которые мы не могли, почему и приказано было ихъ сжечь, но не разсчитали того, что зарево пожара можетъ послужить сигналомъ непріятелю и во всякомъ случаѣ обозначить моментъ нашего отступленія. Оно такъ въ дѣйствительности и случилось. Японцы тотчасъ стали насѣдать и у Сыфантая дѣло нѣсколько разъ доходило до жаркихъ стычекъ, но, несмотря на это, западному отряду удалось все-таки въ порядкѣ отойти нѣсколько восточнѣе Айдяпу. Сводно-стрѣлковый корпусъ и части 8-го армейскаго корпуса отошли съ обоихъ береговъ

Хунхе на линію Тунанчоу—Айдяпу—Сухудяпу—Татай. 10-й армейскій корпусъ и за нимъ 5-й все 17-е число простояли на мѣстахъ, не будучи атакованными, и въ ночь на 18-е февраля отошли восточнѣе Тасудяпу. Въ это время 9-я японская дивизія стала около Сатхайцзы, 7-я дошла до линіи Тыашинза—Тазыпу, 1-я дивизія до Чандіафанъ—Бзыніула, резервная бригада до Салинпу, а 2-я кавалерійская, имѣя противъ себя нашу кавалерію, достигла Цхаодяотхайя. Раньше мы уже упоминали, что Куропаткинъ послалъ 25-ю пѣхотную дивизію и сводную дивизію генерала Шатилова къ Салинпу, наступленіе этихъ двухъ дивизій было однако задержано 1-й и 7-й японскими дивизіями, 8-я же и 5-я японскія дивизіи только къ вечеру 17-го числа могли пробраться на линію Синтайцзы—Худинцанца—Цзаверпу—Вутсазы и 4-я японская армія получила приказаніе развлекать насъ атаками, почему и 4-я армія въ этотъ день продвинулась нѣсколько впередъ, а въ 1-й японской арміи тѣмъ временемъ правая и средняя колонны 12-й дивизіи захватили позиціи наши къ сѣверу и западу отъ Чанхизая, а 3-я бригада 2-й дивизіи овладѣла нашими окопами къ востоку отъ Гоутулинскаго перевала, мы же возвращали части, раньше посланныя на лѣвый флангъ арміи и 1-й сибирскій корпусъ дошелъ до Шахедзы, а 72-я пѣхотная дивизія подошла къ Шихуйчейну. 18-го февраля генералъ Ноги вслѣдствіе нашего контръ-наступленія рѣшилъ остановить находившіяся при немъ дивизіи и подождать свою 9-ю дивизію и части лѣваго фланга 2-й японской арміи;

9-я дивизія подошла къ Линдіатаю, а 8-я, наступавшая правымъ берегомъ Хунхе, подошла къ Айдяпу; находившійся тутъ 8-й армейскій корпусъ безъ боя отошелъ къ Тайушупу. Мы повторили атаки у Салинпу, но послѣ жестокаго боя вынуждены были отступить; части 25-й пѣхотной дивизіи отошли въ укрѣпленія западнѣе Мукдена, а сводная дивизія Шатилова отошла къ Чансытуню. 18-го февраля японская кавалерійская бригада наткнулась на бригаду генерала Биргера, которая возвращалась съ развѣдки Синминтинской дороги; наша бригада подъ давленіемъ японской кавалеріи, поддержанной небольшими пѣхотными частями отъ 1-й японской дивизіи, вынуждена была отступить къ сѣверу. Въ описываемый день 2-я японская армія продолжала свое захожденіе и, тѣсня находившіяся передъ нею наши войска, заставила ихъ перемѣнить фронтъ на западъ; къ вечеру этого дня наши арьергарды еще стояли на линіи Сухудяпу—Ланьшанпу—Куалинпу, части же 8-го армейскаго, сводно-стрѣлковаго, а за ними и остатки 10-го и 5-го армейскихъ корпусовъ расположились на линіи Эльтхайца—Тасудяпу—Пендіанза—Кудязя. Атаки 4-й японской арміи на фронтъ 6-го и 1-го армейскихъ корпусовъ были отбиты. 2-я гвардейская бригада перешла Шахе, но достигнуть до нашей главной позиціи ей все-таки не удалось, остальные части 1-й японской арміи, равно какъ и ихъ 5-я армія въ этотъ день продвинуться впередъ не могли. Между тѣмъ усилія Куропаткина создать себѣ резервъ увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ, дивизія де-Витта дошла въ этотъ день до линіи Хоута—Даванъ къ сѣверо-западу отъ Мукдена, а 1-й сибирскій кор-

пусъ прибылъ къ вокзалу Мукдена. Наступило 19-е февраля. Въ этотъ день японцы дали своимъ частямъ опредѣленныя задачи: 1-я дивизія должна была атаковать Тяньцзятунъ, 7-я направлена была на гробницу Тайцзунга, а 9-я на вокзалъ Мукдена. 1-я дивизія дошла до Ташичао, а 7-я и 9-я наткнулись на наши укрѣпленныя позиціи, первая у Нюсинтуня, а вторая на линіи Янсинтунъ—Юхонтунъ; японцы остановились передъ этими позиціями, отложивъ ихъ атаку на ночь съ 19-го на 20-е февраля. Въстѣ съ тѣмъ выяснилось, что нашъ правый флангъ простирается гораздо дальше на сѣверъ, чѣмъ это предполагали, и что такимъ образомъ стратегическій обходъ, задуманный маршаломъ Ойямой, не удался, онъ свелся къ лобовой атакѣ нашихъ укрѣпленныхъ позицій—и, чтобы избѣжать этого, Ойяма приказалъ генералу Ноги фронтальныя атаки пріостановить и двигаться дальше на сѣверъ, чтобы обойти наше расположеніе съ этой стороны; но и мы удлиннили нашъ правый флангъ къ сѣверу, а именно дивизія Шатилова прошла сзади 25-й дивизіи и расположилась сѣвернѣе ея, а еще сѣвернѣе стала дивизія де-Витта. Въ это время и 2-я японская армія, получивъ подкрѣпленіе въ видѣ 3-й дивизіи изъ общаго армейскаго резерва, также была направлена влѣво, 8-я дивизія развернулась противъ линіи Улинпу—Ингутуанъ, а 5-я противъ Сатхозы, гдѣ находились въ это время части 8-го и сводно-стрѣлковаго корпусовъ, отступившія съ сѣвернаго берега Хунхе. Наши войска, оставшіяся еще южнѣе Хунхе, составили отрядъ подъ начальствомъ генерала фонъ-дербъ-Лауница, въ составъ его входили части сводно-стрѣлковаго и 8-го корпусовъ, 5-го сибирскаго корпуса и одного полка 10-го армейскаго корпуса. Остальныя части 10-го корпуса перешли еще раньше на сѣверный берегъ рѣки и поступили въ распоряженіе генерала Куропаткина. Тѣмъ временемъ

Въ окрестностяхъ Мукдена.

4-я и 5-я японскія дивизіи продолжали свои атаки на лѣвомъ берегу Хунхе, причемъ 5-й сибирскій корпусъ былъ оттѣсненъ, части же сводно-стрѣлковаго и 8-го армейскаго корпусовъ удержались между Эльтхацзы и Туадяпу. Отходъ 5-го сибир-

Видъ окоповъ.

скаго корпуса на линію Тасудяпу—Сяокишинпу былъ причиной, что между ними и правымъ флангомъ 17-го армейскаго корпуса образовался прорывъ, вслѣдствіе чего командиръ 17-го корпуса приказалъ своимъ войскамъ отойти и, сохранивъ фронтъ на югъ, занять находящуюся позади укрѣпленную позицію. 6-я японская дивизія продвинулась западнѣе Ламатуны, 2-я же гвардейская бригада укрѣпилась на сѣверномъ берегу Шахе, остальные части японскихъ армій впередъ не продвинулись. 20-го февраля генералъ Куропаткинъ рѣшается атаковать обходящую насъ армію генерала Ноги и съ этою цѣлью назначенныя для этой атаки войска распредѣляетъ на три колонны: въ правую подъ начальствомъ генерала Гернгросса вошли: дивизія де-Витта, 1-й сибирскій корпусъ, дивизія Шатилова и 147-й пѣхотный полкъ, которые должны были атаковать лѣвый флангъ японцевъ; въ среднюю, подъ начальствомъ генерала Топорнина, входила 25-я пѣхотная дивизія, которая должна была направиться на линію Шандіазы—Чансымутунъ, и лѣвая колонна подъ начальствомъ генерала Церпицкаго, въ которую входили: остатки 10-го армейскаго корпуса, 5-я стрѣлковая бригада, 56-й пѣхотный полкъ изъ 8-го армейскаго корпуса, 5-й, 7-й и 8-й стрѣлковые полки и 215-й пѣхотный полкъ изъ 5-го сибирскаго корпуса на линію Эзыньгутуанъ—Цзыдяпу. Урало-Забайкальская казачья дивизія направлялась противъ лѣваго фланга и тыла арміи генерала Ноги. Въ резервъ за этими войсками находились два пѣхотныхъ полка изъ 8-го и 5-го корпусовъ, которые стояли у Лугутуня. Но 20-го числа предположенная атака не состоялась потому, что японцы

продвинулись къ линіи Янсытунь—Сатхоза—Мадяпу и отбросили насъ отъ старой желѣзнодорожной насыпи; впрочемъ, мы скоро оправились и колонны начали было движеніе, но до серьезнаго столкновенія дѣло въ этотъ день не дошло—3-я японская армія занята была въ этотъ день приготовленіями къ предписанному маршаломъ Ойямой обходу нашего праваго фланга. Съ этою цѣлью генераль Ноги беретъ 9-ю дивизію изъ фронта и передвигаетъ ее сзади фронта 7-й дивизіи съ тѣмъ, чтобы поставить ее еще сѣвернѣе 1-й дивизіи, вмѣсто же ее должна была стать 3-я дивизія, которая ожидалась въ теченіе 20-го февраля. Это передвиженіе произошло въ ночь съ 20-го на 21-е число. На южномъ берегу Хунхе 5-я японская дивизія не могла продвинуться дальше Эльтхайцзы, а ихъ 4-я армія рѣшила бросить атаки Путиловской и Новгородской сопокъ и двинулась къ Шахепу съ запада. Японцы подошли къ нашимъ позиціямъ на разстояніе не болѣе 700 шаговъ, причемъ ихъ атака была облегчена происшедшимъ въ 17-мъ армейскомъ корпусѣ недоразумѣніемъ. Тутъ надо вспомнить, что 19-го февраля, когда образовался прорывъ вслѣдствіе отхода 5-го сибирскаго корпуса, то командиръ 17-го корпуса приказалъ сначала отойти на позиціи вдоль полотна желѣзной дороги фронтомъ на западъ, но потомъ перемѣнилъ это приказаніе, указавъ сохранить фронтъ къ югу и лишь

У колодца.

отойти на находящуюся нѣсколько позади укрѣпленную позицію; тутъ произошла какая-то путаница: 3-я дивизія исполнила первое приказаніе, 35-я же—второе, и такимъ образомъ 3-я дивизія очутилась подъ прямымъ угломъ къ фронту 5-го си-

бирскаго корпуса, фронтомъ на западъ. Японцы замѣтили отступление 3-й дивизіи и, двигаясь за нею по пятамъ, заняли Веньшенпу. 3-я пѣхотная дивизія продолжала стоять фронтомъ на югъ и, такимъ образомъ, между этими дивизіями образовался большой перерывъ, который заполнить было нечѣмъ, перемѣнить фронтъ и сомкнуться мѣшали постоянныя атаки японцевъ. Въ 1-й японской арміи за этотъ день лишь 2-я гвардейская бригада немного продвинулась своимъ правымъ флангомъ впередъ, 1-я дивизія рѣшила перемѣнить наступленіе и двинулась къ нашимъ позиціямъ сѣвернѣ Баньяпуцзы. Ночью на 20-е февраля японцы овладѣли сѣверною частью Баньяпуцзы и взяли высоту сѣвернѣ этого пункта, и остались въ такомъ положеніи до 22-го числа. На крайнемъ правомъ японскомъ флангѣ японцы захватили Токарейскій переваль, ихъ 3-я бригада осталась восточнѣ Гоутулинскаго перевала.

Передвиженіе въ Манджуріи.

21-го февраля генераль Куропаткинъ собираетъ себѣ новый резервъ изъ всѣхъ войскъ, которыя можно было только собрать съ южнаго фронта, и рѣшаетъ продолжать наступленіе своимъ западнымъ фронтомъ. Въ резервъ собрались подъ Мукденомъ: сборный полкъ, составленный изъ разныхъ ротъ 4-го сибирскаго корпуса, и 9-й и 10-й стрѣлковые, только что вышедшіе изъ вагоновъ. Колонны, назначенныя для наступленія, были подчинены генералу Каульбарсу и направлялись: правая на Ташичао къ Салинпу, средняя на Юхоунтуанъ къ Тыашіизинзу, а лѣвая на Ясынтунъ къ Цзындяпу. Вся артиллерія наступавшихъ войскъ съ ранняго утра 21-го февраля открыла огонь по непріятелю, расположенному между Ташичао и Чансынтунемъ, но атака на Ташичао началась въ 11 часовъ дня, какъ разъ въ то время, когда 1-я японская дивизія двинулась на сѣверъ, а 9-я, которая должна была стать на ея мѣсто, еще не прибыла. На участкѣ между синминтинской дорогой и Пухе находился всего только одинъ японскій батальонъ, который, желая держать связь съ

лѣвофланговой дивизіей, далеко растянулся на сѣверъ. Но этотъ батальонъ удержался до прихода 9-й дивизіи, а въ три часа дня наша атака была окончательно отбита и все наступленіе наше вслѣдствіе этого было пріостановлено. Къ вечеру 21-го февраля 1-я японская дивизія остановилась на линіи Коуцзыянь—Пинлуапу, 9-я расположилась между этимъ пунктомъ и синминтинской дорогой, 7-я стала южнѣе до Тинзиньтуня, а 3-я у Лигунпу. Штабъ-квартира 3-й японской арміи расположилась на большой синминтинской дорогѣ, а резервъ ея былъ притянутъ къ лѣвому флангу арміи. Во 2-й японской арміи атаки 5-й и 8-й дивизій не дали существенныхъ результатовъ, а 4-я армія не могла воспользоваться образовавшимся прорывомъ въ 17-мъ армейскомъ корпусѣ, и пробраться черезъ этотъ прорывъ 4-я армія не могла. 1-я армія лишь немного продвинулась за Токарейскій переваль, 5-я армія остановилась на прежнихъ мѣстахъ. Еще 21-го числа видимо Куропаткинъ началъ готовить отступленіе своего южнаго фронта съ тѣмъ, чтобы собрать возможно больше войскъ для западнаго фронта, и 3-я наша армія стала отправлять свои тяжелыя орудія, а 2-я постепенно вытягивать свои обозы по направленію къ Тѣлину.

22-го февраля 3-я японская армія должна была двинуться къ гробницѣ царя Танцзунга и перерѣзать нашъ путь отступленія. Ея 1-я дивизія прошла до Тяньцзуня и Кавлитуня и перерѣзала нашу желѣзную дорогу. 9-я японская дивизія перешла Пухе сѣвернѣе синминтинской дороги и отбросила дивизію де-Витте за Сантайцзы и Тафансытунь. 7-я же японская дивизія цѣлый день сражалась безуспѣшно, и только

къ вечеру мы сами отошли за Тафансытунъ и къ западу отъ Тавана. Японская кавалерійская дивизія пыталась было выйти къ желѣзнодорожной станціи Вузытай, но была отбита, съ нашей стороны здѣсь находилась бригада генерала Биргера, которая по возвращеніи отъ Синминтина была поставлена около желѣзнодорожной станціи Вузытай. Японскій стратегическій резервъ расположился за лѣвымъ флангомъ арміи генерала Ноги. Во 2-й японской арміи дѣла шли гораздо хуже, тамъ на лѣвомъ флангѣ 3-й дивизіи одна японская бригада заняла нашу укрѣпленную позицію у Юхуантуня, но затѣмъ въ теченіе цѣлаго дня боя эта бригада была истреблена почти вся, она понесла потери въ 4.200 человѣкъ убитыми и ранеными; оставшіеся 400 человѣкъ отступили

Манджурская деревушка.

къ Лигунпу, и хотя 3-я, 8-я и 5-я японскія дивизіи и продолжали свое наступленіе, но оно шло крайне медленно. Только частямъ 5-й японской дивизіи удалось къ вечеру отгѣснить насъ на линію Мадяпу—Суньтунъ, да 6-я дивизія заставила насъ отойти до Подовязы. Въ ночь съ 21-го на 22-е число мы атаковали 2-ю японскую гвардейскую бригаду, которая, впрочемъ, удержала свои позиціи, а ихъ 15-я бригада юго-западнѣе Тудагоу вошла въ связь съ 5-й арміей, которая къ этому времени успѣла продвинуться до Мандзюнданя и Нанджанданя. Вечеромъ 22-го февраля генераль Куропаткинъ отдалъ приказъ объ очищеніи всего нашего южнаго фронта, что и было начато въ ночь на 23-е число. Одновременно съ этимъ начала отступленіе и наша 1-я армія. Генераль Ренненкампфъ отошелъ въ полномъ порядкѣ на Мадюандань—Ханіуйюнъ—Сантайцзы; 3-й сибирскій корпусъ черезъ Шихуйченъ прошелъ къ Фушуну, 2-й сибирскій корпусъ черезъ Босинзай и Тонгоу двинулся къ Тита, 4-й сибирскій корпусъ прошелъ на Кіузанъ и Яниай, а 1-й армейскій кор-

пусть прошелъ на Фулинъ. Отступление 1-й нашей арміи совершалось въ полномъ порядкѣ,—правда, ея части не были подъ непосредственнымъ давленіемъ противника, да и во время предшествовавшихъ боевъ понесли сравнительно небольшія потери, такъ что онѣ достигли и Хунхе безъ всякаго давленія непріятеля, который имъ никакого вреда при этомъ не нанесъ. Не такъ случилось съ частями нашихъ 3-й и 2-й армій. Онѣ понесли огромныя въ предъидущихъ бояхъ потери и отступать имъ приходилось большею частью изъ боя, что чрезвычайно трудно, и хотя японцы ихъ не очень уже тѣснили, тѣмъ не менѣе слѣдовали по пятамъ, почему по пути ихъ слѣдованія попадалось много брошенныхъ обозовъ аммуниціи и даже оружія. Во

всякомъ случаѣ, переправа черезъ Хунхе совершилась довольно спокойно, рѣку переходили по заготовленнымъ заранѣ мостамъ и по льду. Арьергарды 2-й и 3-й армій остановились на лѣвомъ берегу Хунхе въ предмостныхъ укрѣпленіяхъ, а арьергардъ 1-й арміи и отрядъ генерала Ренненкампа заняли подготовленныя позиціи на правомъ берегу Хунхе между Фулиномъ и Фушуномъ. Главныя силы 3-й арміи и правый флангъ 1-й были направлены юго-западнѣе желѣзнодорожной станціи Вузытай. Части 3-й арміи пришли на мѣсто 23-го февраля. Несмотря на самое ясное для японцевъ наше полное отступление, они насъ не преслѣдовали, потому что силы ихъ были слишкомъ подорваны.

1-я японская армія на 23-е число получила указанія перехватить насъ между Фушуномъ и Мукденомъ, почему всѣ дивизіи должны слѣдовать какъ можно поспѣшнѣе, не обращая вниманія на потери и оставляя безъ вниманія мелкія непріятельскія части къ Хунхе. Одна бригада 2-й японской дивизіи въ этотъ день достигла Яншоупуцзы, а лѣвая колонна—Тиндяуйя, 3-я бригада дошла до Ліукацзы. 12-я японская дивизія слѣдовала въ непосредственномъ соприкосновеніи съ нами, за нею гвардія. Въ ночь на 23-е февраля гвардейская дивизія получила приказъ о преслѣдованіи противника, гвардія двинулась двумя колоннами. 4-я японская армія въ этотъ день могла пройти только около 13-ти верстъ, а 6-я дивизія только 9 верстъ. 4-я дивизія остановилась передъ нашими укрѣпленіями на линіи Шантунь—Цзоцзуаньтунь,

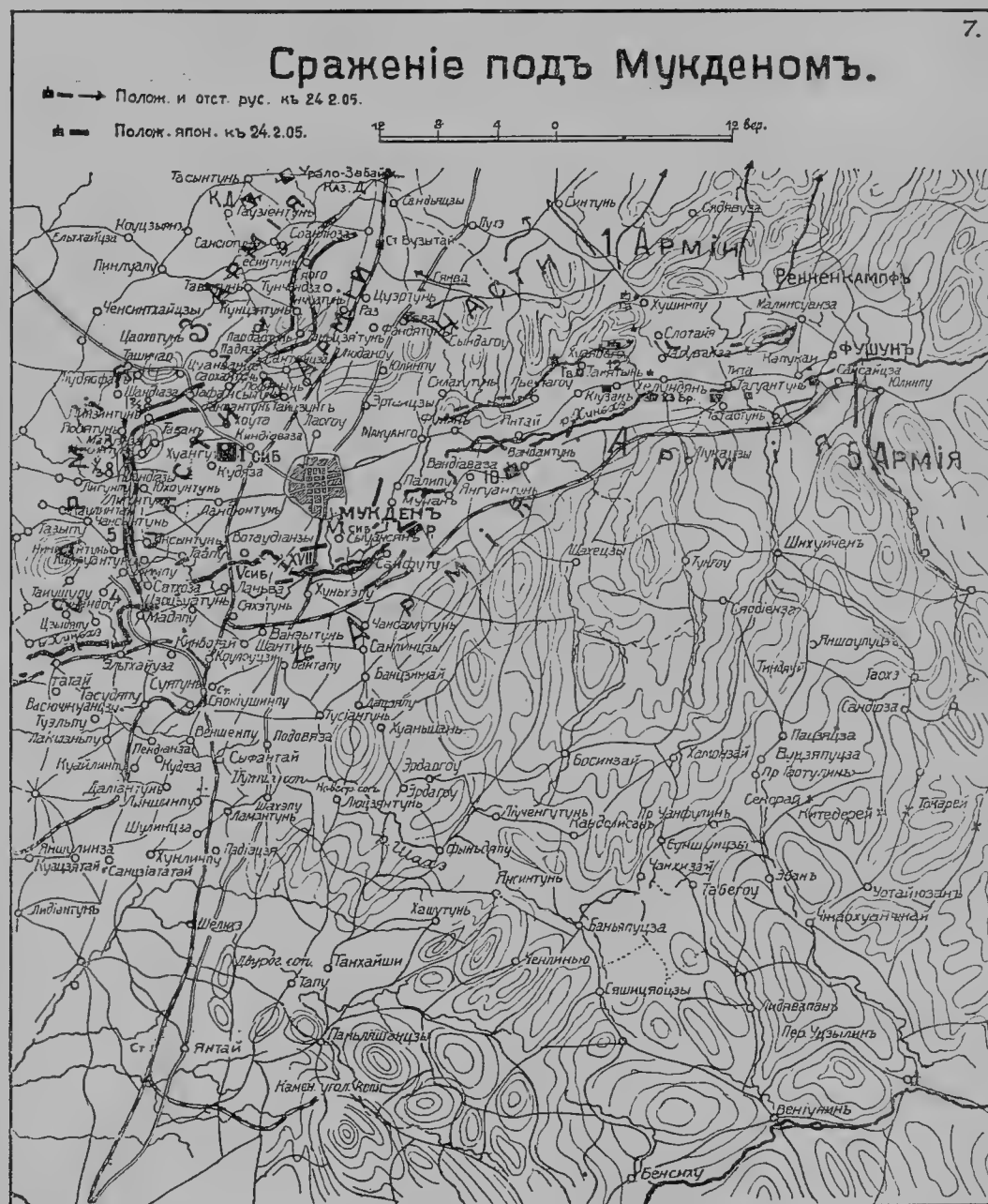

Водокачка на желѣзной дорогѣ.

5-я дивизія заняла Эльтхайцзы и потомъ и Мадяпу и ночью подошла къ нашимъ укрѣпленіямъ у Сатхозы. 8-я дивизія совсѣмъ не могла продвинуться впередъ, а 3-я заняла линію отъ Янсынтуня до Яодатуня. Какъ мы уже знаемъ, 3-я японская армія, получившая приказаніе продвинуться какъ можно далѣе къ сѣверу, чтобы отрѣзать наши пути отступленія, выполнила свою задачу, но вслѣдствіе этого между нею и 2-й арміей еще 22-го числа образовался большой перерывъ; этотъ перерывъ былъ заполненъ 8-й дивизіей, которая получила приказаніе ночью оставить свои позиціи и двинуться черезъ Лянгатай къ сѣверу. Наконецъ, въ ночь на 23-е число 3-я японская армія получила приказаніе во что бы то ни стало отбросить находящагося впереди ея непріятели и отрѣзать ему путь отступленія. Во исполненіе этого 7-я японская дивизія 23-го февраля атаковала линію Тафансытунь—Сяохантунь, но только къ вечеру ей удалось овладѣть Сяохантунемъ, 9-я дивизія двинулась въ юго-восточномъ направленіи и еще днемъ овладѣла деревней Падязя, попытки же 1-й дивизіи овладѣть линіей нашихъ укрѣпленій сѣвернѣе Людякоу—Сантайцзы окончились для

японцевъ неудачно, мы постоянно усиливали находящіяся тамъ наши войска частями 3-й арміи и удлиняли нашъ фронтъ къ сѣверу. Несмотря, однако, на то, что японцы были сильно и замѣтно истомлены и что мы еще удерживали наши позиціи западнаго фронта, положеніе вещей было настолько неблагопріятно, что Куропаткинъ рѣшилъ въ ночь съ 23-го на 24-е число начать отступление къ Тѣлину и отдать Мукденъ въ руки врага; но для выполненія этого рѣшенія необходимо было обра-

зовать болѣе или менѣе значительный резервъ, который могъ бы прикрыть это отступление, и генералъ Зарубаевъ, стоявшій на лѣвомъ берегу Хунхе, получилъ приказаніе собрать у Тавы 48 батальоновъ, которые и должны бы прикрыть это трудное отступление. 4-й сибирскій корпусъ долженъ былъ выдѣлить 16 батальоновъ, 2-й сибирскій, 12 и 3-й сибирскій 20 батальоновъ. 24-го февраля поднялась сильнѣйшая пыльная буря, которая была намъ кстати, такъ какъ помогала нашему трудному

отступленію. Маршалъ Ойяма наконецъ убѣдился, что его стратегическій обходъ не удался и что продолжать наступленіе 3-й арміи въ юго-восточномъ направленіи можетъ быть даже опасно, а потому онъ отдалъ приказаніе, чтобы 3-я армія, продолжала подвигаться какъ можно далѣе на сѣверъ и построила фронтъ параллельно линіи нашей желѣзной дороги. Для выполненія этого приказанія японцы употребили тотъ же манеръ, что и раньше, т. е. они взяли изъ центра 9-ю дивизію, а въ образовавшійся прорывъ направили 7-ю. Японцы атаковали линію Таквантунь—Сантайцзы, а 1-я ихъ дивизія прошла къ Людякоу, но удержаться на занятой уже было позиціи имъ не удалось: мы постоянно получали подкрѣпленія; 9-я японская дивизія къ полу-

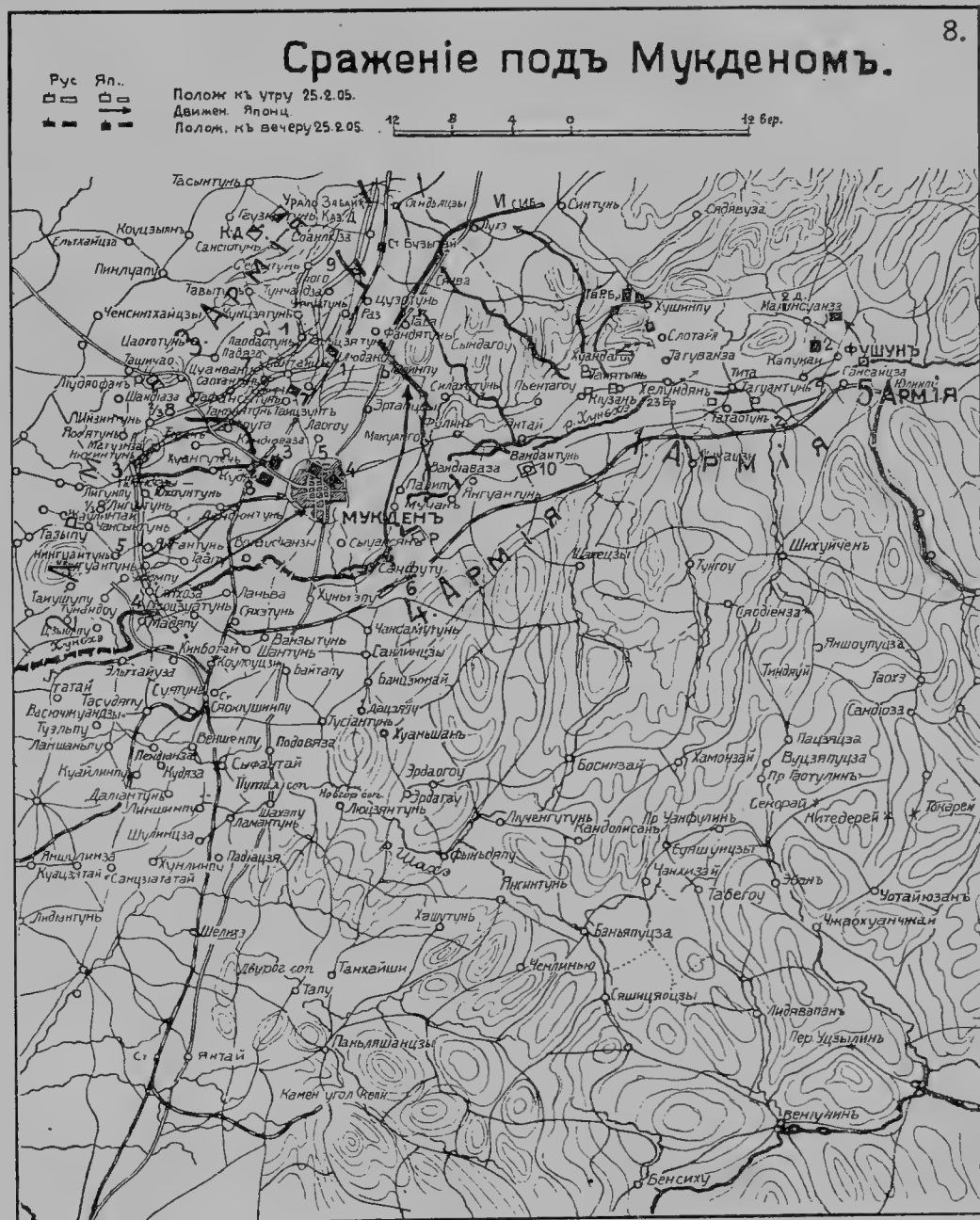

Пулеметъ.

дню достигла Тавытуня, откуда пошла въ атаку на линію Тунчандзы—Шоукуцзу, но также не имѣла успѣха, и до вечера 24-го февраля мы сохранили путь на Тѣлинъ. Въ ночь съ 24-го на 25-е февраля Куропаткинъ отдалъ приказъ объ общемъ отступленіи на Тѣлинъ, но 24-го числа войска еще сражались на своихъ позиціяхъ, подготавливаясь къ предстоящему

отступленію. Ночью на 25-е число къ сѣверо-востоку отъ Мукдена у Тавы удалось, хотя и не безъ затрудненій, сосредоточить 28 батальоновъ. Къ этой ночи 4-я японская армія перешла Хунхе и сосредоточилась къ югу и къ юго-востоку отъ Мукдена, 6-я дивизія заняла Ванзытунъ и, оставивъ тамъ небольшой отрядъ, двинулась далѣе къ Санфутуну, а 20-я дивизія дошла до Янгуантуня и Вандайтуня. Въ 1-й японской арміи между прочимъ происходило слѣдующее: дойдя до Хундангоу на лѣвомъ берегу Хунхе, гвардейская дивизія отправила одинъ батальонъ и кавалерійскій полкъ къ Хушинпу. 12-я японская дивизія преслѣдовала двумя колоннами, правая колонна остановилась у Хелундяна, а лѣвая расположилась на высотахъ къ сѣверу отъ Таинтыня и Сяотайя; 2-я японская дивизія дошла до Хунхе и заняла мосты къ югу отъ Кацукая и Фушуна, къ послѣднему же пункту подошли и передовыя части 5-й японской арміи, правая же колонна этой

арміи прошла по направленію на Импань. Приказъ объ общемъ отступленіи дошелъ въ войска въ теченіе ночи на 25-е февраля, но сутками раньше были отправлены обозы нѣкоторыхъ частей, военно-санитарные поѣзда и подвижной составъ желѣзной дороги. Въ огромномъ большинствѣ отступленіе совершалось въ полномъ безпорядкѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ оно походило на бѣгство: войсковыя части всѣ пере-

путались между собою и въ свою очередь перепутались съ обозами, и наши Манджурскія арміи были не далеки отъ всеобщей паники.

Нѣтъ никакой возможности возстановить сколько-нибудь правильно общую картину этого отступленія, и оно поддается описанію лишь въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, имѣвшихъ мѣсто въ тѣхъ или другихъ частяхъ. Порядокъ и связь въ нашихъ 2-й и 3-й арміяхъ были потеряны еще наканунѣ, теперь же все это окончательно исчезло и каждый уходилъ какъ могъ, не заботясь о другихъ, лишь бы

скорѣе выбраться изъ сферы дѣйствія противника. Надо думать, что первыми начали отступление части, находившіяся въ предмостныхъ укрѣпленіяхъ, а за ними послѣдовали уже войска, находившіяся къ западу отъ Мукдена. Если мы вспомнимъ, что армія генерала Ноги, согласно приказанію маршала Ойямы, выстроила фронтъ параллельно нашей желѣзной дорогѣ, а слѣдовательно и параллельно нашему пути отступления, а 4-я японская армія надвигалась съ востока со стороны

Штабное помѣщеніе.

Мукдена, то становится совершенно понятнымъ, въ какомъ трудномъ положеніи находились наши отступавшія войска. Собранные генераломъ Зарубаевымъ батальоны у Тавы принесли свою долю пользы. Части 4-го сибирскаго корпуса расположились на позиціи къ сѣверо-востоку отъ Мукдена на линіи Пухе—Синтунъ, онѣ въ ежеминутной готовности къ бою простояли почти цѣлый день, но японцы достигли этого мѣста только къ вечеру этого числа. Къ востоку отъ Хуншинпу наступленіе непріятеля задерживали арьергарды 1-й нашей арміи и отрядъ генерала Ренненкампа. Наши арьергарды, находившіеся въ предмостныхъ укрѣпленіяхъ, отошли назадъ еще въ ночь на 25-е число и прошли частью по обѣ стороны Мукдена, частью прямо черезъ городъ, не останавливаясь. Тутъ были разрозненныя части 8-го армейскаго и сводно-стрѣлковаго корпусовъ, а также 17-го, 5-го и 6-го корпусовъ. Никто изъ нихъ и не думалъ поддержать сражавшихся на западномъ фронтѣ, гдѣ кипѣлъ еще бой, а всѣ прямо и безостановочно проходили дальше, по направленію къ Тѣлину. Перемышлявшись съ обозами, многіе бросали всѣ тяжести, амуницію, снаряженіе, даже оружіе, такъ какъ на полѣ отступления японцами было подобрано множество нашихъ ружей. 24-го февраля 17-й армейскій корпусъ еще стоялъ у Хунхенпу, потомъ 35-я пѣхотная дивизія отошла восточнѣе Мукдена, 3-я дивизія послѣдовала за нею. Подойдя къ восточнымъ воротамъ Мукдена, дивизія эта была атакована со стороны Санфуту непріятелемъ, при чемъ, от-

бивъ эту атаку, дивизія смѣшалась съ другими отступавшими частями и вмѣстѣ съ ними прошла дальше; ночью она остановилась у Ертайцзы фронтомъ на юго-западъ. Сѣвернѣе ея въ это время находилась 35-я дивизія у Юлипу,—она также была атакована японцами; отбиваясь отъ ихъ атакъ, дивизія постепенно къ вечеру собралась у Тавы. 3-я дивизія дошла до Пухе. 1-й сибирскій корпусъ 25-го стоялъ у Хуангутена, утромъ въ этотъ день началъ отступление восточнѣе полотна желѣзной дороги и, не ввязываясь въ дѣло, направился по дорогѣ на Тѣлинъ. Частямъ 8-го армейскаго корпуса, сводно-стрѣлковаго и 10-го корпусовъ, которыя находились на западномъ фронтѣ и въ моментъ полученія приказанія объ отступленіи были вновь атакованы непріятелемъ, пришлось отходить непосредственно изъ боя, и понятно, что при такихъ условіяхъ о порядкѣ отступленія не могло быть и рѣчи; отступление это прикрывалось аррьергардомъ подъ начальствомъ генерала Ганненфельда, который отступилъ частью къ Ватаудіацзы, частью къ Литаунтуню. 25-я пѣхотная дивизія долго удерживалась въ Юхоутунѣ, и только къ вечеру 25-го числа 3-й японской дивизіи удалось занять желѣзнодорожную станцію Мукденъ. 8-я японская дивизія днемъ заняла высоты у Хоута и къ вечеру стала бивуакомъ у желѣзнодорожной станціи Мукденъ. Нѣсколько батальоновъ 7-й японской дивизіи прорвались между Таквантунемъ и Сантайцзы и дошли до гробницы царя Тайцзунга, но тутъ они были окружены нами и только подошедшія другія части 7-й дивизіи выручили ихъ, заставивъ насъ отойти на сѣверъ. 25-го числа, утромъ, 1-я японская дивизія атаковала Сантайцзы и Людякоу, и когда оба эти пункта были заняты, она сосредоточилась у Людякоу и остановилась. 9-я дивизія въ теченіе цѣлаго дня безуспѣшно атаковала линію Унгуантунъ — Шоукоуцзы, и только къ вечеру началось наше отступление отсюда. 6-я дивизія изъ 4-й японской арміи въ ночь на 25-е число штурмовала наши укрѣпленія у Санфуту и продвинулась далѣе на сѣверъ, при чемъ имѣла столкновение съ нашей 3-й дивизіей, а часть 6-й дивизіи на сѣверо-востокъ отъ Мукдена захватила нашихъ 16 орудій и къ полудню стала на линіи Силаньхутунъ—Юлипу фронтомъ къ сѣверо-востоку. Въ это время изъ Мукдена показались наши части: это были войска генерала Ганненфельда, которыя отступали отъ Ватаудіацзы. 6-я японская дивизія встрѣтила насъ сильнѣйшимъ огнемъ, при чемъ мы потеряли до 5.000 убитыми и ранеными и до 12.000 плѣнными. 10-я японская дивизія наступала отъ Вандайтуня и у императорскихъ могилъ захватила 1.500 обозныхъ повозокъ и, двигаясь далѣе въ сѣверо-запад-

Похороны убитого.

номъ направленіи, достигла Сындыгоу, а къ ночи подошла къ Тава и Сянвы и обстрѣливала наши колонны, слѣдовавшія между желѣзной и мандаринской дорогами. Теперь наши войска, оставшіяся еще около Мукдена, были совсѣмъ окружены непріятелемъ и только благодаря тому, что 4-я японская армія, увлекшись преслѣдованіемъ, не оставила никакихъ частей въ долину Хунхе, нѣкоторымъ нашимъ частямъ удалось выйти на востокъ, чтобы потомъ кружными дорогами пробраться къ своимъ, къ Тѣлину. 25-го февраля японцы взяли въ плѣнъ около Мукдена до 15.000 человѣкъ и 58 орудій, общее же число нашихъ плѣнныхъ доходило до 19.000 человѣкъ, въ томъ числѣ 1.000 раненыхъ и больныхъ, оставленныхъ въ мукденскихъ госпиталяхъ, которыхъ не успѣли вывезти. Главныя силы нашихъ

Подъ Мукденомъ.

войскъ, сражавшихся на западномъ и юго-западномъ фронтахъ, въ полномъ безпорядкѣ, въ перемежку съ обозами, уходили въ узкомъ пространствѣ между желѣзной и мандаринской дорогами, и достаточно было появленія хотя бы небольшой горсти японцевъ, чтобы это безпорядочное отступленіе обратилось во всеобщую панику, но, къ счастью, японцы были совершенно истомлены и не могли предпринять что-либо, чтобы окончательно добить разбитую армію. Между тѣмъ преслѣдованіе продолжалось: гвардейская бригада двинулась отъ Кіузана, задерживаемая сильнымъ сопротивленіемъ нашихъ арьергардовъ. 1-я гвардейская бригада достигла линіи Синтунъ—Пухе, а 2-я гвардейская бригада до линіи Пухе—Сянва и обстрѣляла артиллерійскимъ огнемъ наши войска между желѣзной и мандаринской дорогами, японскій кавалерійскій полкъ около Лендоувана и Синдяпуцза захватилъ много нашихъ обозовъ. 12-я японская дивизія развернулась западнѣе Тагуванцзы и овладѣла этимъ пунктомъ, а къ ночи на 26-е число остановилась у Хушинпу и Сяотайя. 2-я японская дивизія къ сѣверу отъ Фушуна и Капукайя наткнулась на сильно укрѣпленную нами позицію и, не ожидая встрѣтить тамъ значительныя наши силы, рѣшительно атаковала, зарвалась, попавшіе подъ страшный огонь японскіе батальоны

не могли продвинуться ни взадъ, ни впередъ. Въ такомъ положеніи, неся огромныя потери, японцы находились до 4-хъ часовъ дня, когда мы сами начали отступление. Послѣ этого главныя силы 2-й японской дивизіи заняли Фушунъ, выставивъ авангардъ къ Малинеуанза. 5-я японская дивизія только къ вечеру 25-го числа подошла къ Фушуну. Этимъ эпизодомъ собственно и закончился мукденскій бой. 26-го февраля началось преслѣдованіе внѣ поля сраженія, которое возложено было маршаломъ Ойяма на 5-ю дивизію, въ это время японцы продолжали забирать оторвавшіяся отъ своихъ разрозненныя наши части, которыя, почти всѣ, попадали въ плѣнъ.

Общая численность нашихъ потерь достигала громадной цифры 96.000 человекъ, въ числѣ которыхъ было 2.457 офицеровъ. Общую же свою потерю японцы исчисляли въ 41.000 человекъ.

Это грандіозное и исключительное въ ряду войнъ послѣдняго столѣтія сраженіе происходило на громадномъ пространствѣ и въ немъ участвовало небывало

большое число сражавшихся. Въ описаніи этого боя мы придерживались главнѣйшимъ образомъ данныхъ, собранныхъ большимъ германскимъ генеральнымъ штабомъ, собранныхъ въ книгѣ неизвѣстнаго автора, переведенной на русскій языкъ П. Х. Поповымъ. Мукденское сраженіе имѣло громадное, рѣшающее значеніе для всей кампаніи, и потому нельзя не остановиться на разборѣ, почему все случилось такъ, а не иначе, и не было ли у насъ въ рукахъ данныхъ,

Разбивка, послѣ Мукденскихъ боевъ, прибывшихъ на пополненіе убыли въ 122-мъ пѣх. Тамбовскомъ полку запасныхъ нижнихъ чиновъ.

чтобы не только не быть такъ жестоко разбитыми, но даже, можетъ быть, и сдѣлаться побѣдителями. Для удобства разбора этого сложнаго сраженія его можно раздѣлить на

Начальникъ Штаба 1 арміи ген.-л. Ал. Ерм. Эвертъ и генераль-квартирмейстеръ г.-м. П. И. Огановскій на улицѣ г. Шуанчеопу.

слѣдующія грани, которыя и разсматривать отдѣльно. Такимъ образомъ, начнемъ съ положенія до 15-го февраля какъ съ нашей, такъ и съ японской стороны. Прежде всего, мы совершенно вѣрно считали наши силы по меньшей мѣрѣ равными противнику и потому могли съ большимъ вѣроятіемъ на успѣхъ предпринять что-нибудь въ наступательномъ смыслѣ. Это требовало сосредоточенія достаточныхъ силъ въ направленіи главнаго удара, который долженъ былъ непремѣнно сопровождаться давленіемъ на мандаринскую дорогу и пространство до Ляояна; кромѣ того, ударъ долженъ былъ быть нанесенъ лѣвому флангу японцевъ, такъ какъ мѣстныя условія здѣсь дѣлали успѣхъ наиболѣе вѣроятнымъ и здѣсь, т. е. только на нашемъ правомъ флангѣ, мы могли искать рѣшенія вопроса,—атака на правый флангъ японцевъ, кромѣ трудностей веденія операций въ трудно проходимой горной странѣ, не приводила насъ къ рѣшительнымъ результатамъ. Первоначально мы такъ и рѣшили поступить, для сосре-

Дорога въ галянѣ.

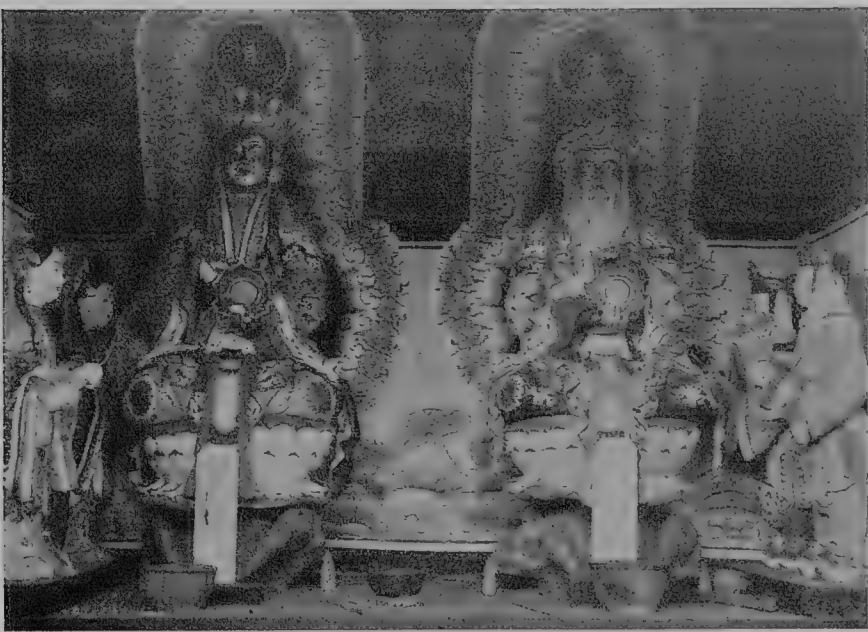
точенія къ югу и юго-западу отъ Мукдена силы до 190.000, съ которыми могли свободно оперировать въ любомъ изъ этихъ направленій. Къ 12-му февраля мы могли имѣть на нашемъ правомъ флангѣ 8-й армейскій корпусъ, сводно-стрѣлковый корпусъ, Западный отрядъ, 16-й армейскій корпусъ и 1-й сибирскій корпусъ; такимъ образомъ, силы, которыми мы могли располагать, были достаточны для активныхъ операций и хотя японцы могли противопоставить намъ тоже равныя силы плюсъ еще не освободившуюся армію генерала Ноги, мы все-таки могли бы рассчитывать на успѣхъ, въ особенности если бы мы имѣли при этомъ достаточно сильный фланговый резервъ. Все это, очевидно, и сознавалось и отчасти подготовка въ этомъ направленіи была сдѣлана, хотя и не вполнѣ. Для первоначальнаго удара мы назначили недостаточныя силы, не привлекли къ содѣйствію силы остальныхъ нашихъ армій, наоборотъ, мы обрекли ихъ на бездѣйствіе и не имѣли фланговаго резерва, который помогъ бы намъ развить могущій быть успѣхъ. Въ моментъ приведенія въ исполненіе нашего предположенія мы сразу отъ всего отказались. Начавшееся

наступление японцевъ на нашъ лѣвый флангъ произвело на Куропаткина такое впечатлѣніе, что онъ, при помощи поддававшегося его дипломатическому давленію Каульбарса, сразу остановилъ наступленіе и опять вернулся къ излюбленной имъ системѣ пассивной обороны. Онъ тотчасъ же разрушилъ все, что готовилось въ теченіе долгаго времени, онъ отправилъ весь 1-й сибирскій корпусъ и 2-ю бригаду 6-й вост.-сиб. стр. дивизіи въ районъ расположенія 1-й арміи. Это имѣло огромное значеніе: усиливался тотъ флангъ арміи, которымъ на-

Передъ воротами Мукдена.

ступленіе было невозможно, и это дѣлалось на счетъ того фланга, наступленіе которымъ было не только возможно, но и могло легко привести къ побѣдѣ. Конечно, не трудно говорить теперь, когда все уже сдѣлалось совершенно яснымъ, и гораздо труднѣе было принять правильное рѣшеніе тогда, но тѣмъ не менѣе все-таки не-

Китайскіе боги.

много странно, что не вполне хладнокровно была обдумана обстановка. Казалось бы, что наступленіе праваго фланга японцевъ не могло бы повліять на отмѣну нашего наступленія, во-первыхъ, потому, что силы 1-й арміи сами по себѣ были достаточны, чтобы пріостановить наступленіе врага, если и не совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы дать время развиваться наступленію нашему противъ лѣваго

фланга непріятеля; во-вторыхъ, потому, что японцы, угрожаемые со стороны своего лѣваго фланга, врядъ ли могли собрать на своемъ правомъ флангѣ силы

достаточныя, чтобы предпринять что-либо особенно серьезное, и, въ третьихъ, потому, что врядъ ли маршалъ Ойяма повторилъ бы ту же ошибку, которую сдѣлали мы, собираясь нанести главный ударъ своимъ лѣвымъ флангомъ во время нашего

Идолъ.

наступленія на Шахе, когда этотъ флангъ вынужденъ былъ оперировать въ трудно доступной горной мѣстности, наконецъ, допуская отступление нашего лѣваго фланга, онъ могъ оказать самое упорное сопротивленіе на укрѣпленныхъ позиціяхъ къ сѣверу отъ Хунхе и дать время закончить задачу нашему правому флангу, а въ этомъ послѣднемъ случаѣ врядъ ли бы неприятель могъ далеко продвинуть свои силы къ сѣверу отъ Мукдена восточнѣе его. Эти соображенія заставляютъ думать, что преслѣдованіе первой поставленной задачи при-

вело къ гораздо лучшимъ результатамъ, и указываютъ на то, что Куропаткинъ въ глубинѣ души нашему наступленію не вѣрилъ и не желалъ его. Въ то время, какъ мы отказались взять инициативу въ свои руки, японцы, наоборотъ, искали рѣшительнаго столкновенія. Маршалъ Ойяма отлично понималъ, что операціи его праваго фланга были крайне трудны и могли и не дать рѣшительныхъ результатовъ, въ то время какъ наступленіе его лѣваго фланга вдоль Хунхе къ юго-западу отъ Мукдена приводило его прямо къ цѣли, при чемъ дѣйствія на равнинѣ были значительно легче, чѣмъ въ горахъ, и успѣхъ въ этомъ направленіи, кромѣ того, что вынуждалъ весь нашъ лѣвый флангъ къ полному отступленію, но отбрасывалъ насъ отъ Харбина. По этимъ соображеніямъ Ойяма и рѣшилъ нанести главный ударъ своимъ лѣвымъ флангомъ. Но съ этой точки зрѣнія расположеніе японскихъ войскъ тоже не вполне отвѣчало задуманному: 3-я японская армія и половина 2-й назначались для атаки въ избранномъ направленіи, что составляло одну четвертую часть всѣхъ японскихъ силъ, половина 2-й ихъ арміи, вся 4-я и 1-я арміи были сосредоточены на линіи Лабатай — Гоутулинскій перевалъ и послѣдняя четверть ихъ войскъ приходилась на резервы и на 5-ю армію, дѣйствовавшую еще восточнѣе. Надо думать, что

На Вост.-Кит. ж. д. Обозъ въ ожиданіи нагрузки.

японцы сильно рассчитывали ввести насъ въ заблужденіе и на этомъ главнымъ образомъ строили свой успѣхъ. Они и начали операцію съ наступленія своего крайняго праваго фланга, 5-й арміи генерала Кавамуры, которая даже получила подкрѣпленія; эти дѣйствія японцевъ имѣли успѣхъ, они заставили насъ ослабить нашъ правый флангъ и оттянули отъ насъ наши резервы. До 15-го февраля японцы принимали всѣ мѣры, чтобы держать насъ въ заблужденіи относительно настоящихъ своихъ намѣреній. 5-я японская армія двигалась такъ быстро, какъ только могла, и, начиная съ 12-го числа, прибывали части къ фронту 1-й и 4-й японскихъ армій и развивали все болѣе и болѣе бой къ западу отъ Гоутулинскаго перевала. Тѣмъ временемъ 2-я

Капитанъ Григоровъ на батарее.

японская армія ничѣмъ не проявляла своего присутствія, а 14-го числа 3-я ихъ армія уже была на высотѣ Тутайцзы, въ полномъ порядкѣ готовая двинуться на выполнение задуманнаго стратегическаго обхода. О приближеніи 3-й японской арміи мы хорошо знали, такъ какъ наши развѣзды были въ постоянномъ соприкосновеніи съ обходящими насъ японскими войсками. Только теперь обстановка сдѣлалась для насъ ясной, но она застала насъ совершенно врасплохъ, а сильно растянувшійся нашъ правый флангъ былъ совсѣмъ безъ резервовъ, оттянутыхъ въ районъ расположенія нашей 1-й арміи. Успѣхъ японскаго маневра былъ бы гораздо скорѣе и рѣшительнѣе, если бы они не увлеклись и не потратили бы такъ много силъ на развитіе демонстративныхъ дѣйствій своего праваго фланга. Когда, 14-го февраля, было обнаружено дѣйствительное намѣреніе японцевъ, тотчасъ же былъ расформированъ ляхейскій отрядъ и изъ него образовали резервъ 2-й арміи, но этого было слишкомъ недостаточно. Такимъ образомъ, противодѣйствию этому обнаружившемуся обходу могла быть только перемѣна фронта нашего праваго фланга; но такъ какъ, опять-таки, безъ резервовъ этого сдѣлать было нельзя, то пришлось занимать новую линію

фронта путем отступленія, при чемъ, въ виду могущаго послѣдовать со стороны противника наступленія со стороны участка Сыфантай—Чжантанъ, необходимо было

Видъ Харбина.

занять еще годный для обороны участокъ на западъ отъ Мукдена. Но это требовало сосредоточенія большихъ силъ, что въ свою очередь требовало много времени и должно было быть исполнено раньше, чѣмъ обнаружился непріятельскій обходъ. Проще всего, конечно, было бы занять находящуюся къ западу отъ Мукдена нашу линію укрѣплений, которая не требовала болѣе двухъ корпусовъ и пересѣкала всѣ

пути, находившіеся между Хунхе и синминтинской дорогой. Но это сдѣлано не было,—по крайней мѣрѣ, въ то время у насъ получился вытянутый фронтъ на протяженіи отъ Мадяпу до заворота Хунхе при Линшинпу. Необходимо было быстрое рѣшеніе бросить прежній фронтъ 2-й арміи и занять новый боевой фронтъ. 16-го февраля мы успѣли занять фронтъ Линшинпу—Мадяпу, западныя укрѣпленія. Когда, 15-го февраля, мы окончательно убѣдились въ обходъ противника съ запада и увидѣли, что нашему правому флангу грозитъ большая опасность, наша 2-я армія находилась въ бою съ противникомъ на два фронта, но этого, казалось бы, можно было избѣжать. Бой при Чжантанѣ на одинъ день замедлилъ наступленіе арміи генерала Ноги и далъ, правда, возможность намъ выиграть нѣсколько времени для нашего устройства на западномъ фронтѣ, но этимъ и ограничивались пріобрѣтенныя выгоды, опасность обхода нашего праваго фланга нисколько не уменьшилась, а вмѣстѣ съ

Сѣздъ военныхъ начальниковъ въ Годзяданѣ.

тѣмъ замедленіе въ отступленіи нашего праваго фланга могло сдѣлать совсѣмъ невозможнымъ переходъ 2-й арміи на правый берегъ Хунхе, да и скорѣйшее занятіе западнаго фронта требовало скорѣйшаго отхода войскъ. Отступленіе было отложено до утра 16-го февраля, но такъ какъ отходить изъ боя днемъ было бы опасно, то пришлось еще отсрочить отходъ до ночи на 17-е число. 16-го и 17-го февраля намъ предстояло рѣшить весьма трудную задачу, какъ поступить съ нашими южнымъ и юго-западнымъ фронтами: съ одной стороны необходимо было задерживать наступавшаго непріятеля, съ другой же, наоборотъ, ускорить отступленіе для скорѣйшей группировки силъ для обороны и долженствовавшего послѣдовать затѣмъ

Гвардейское Экономическое общество въ Мукденѣ.

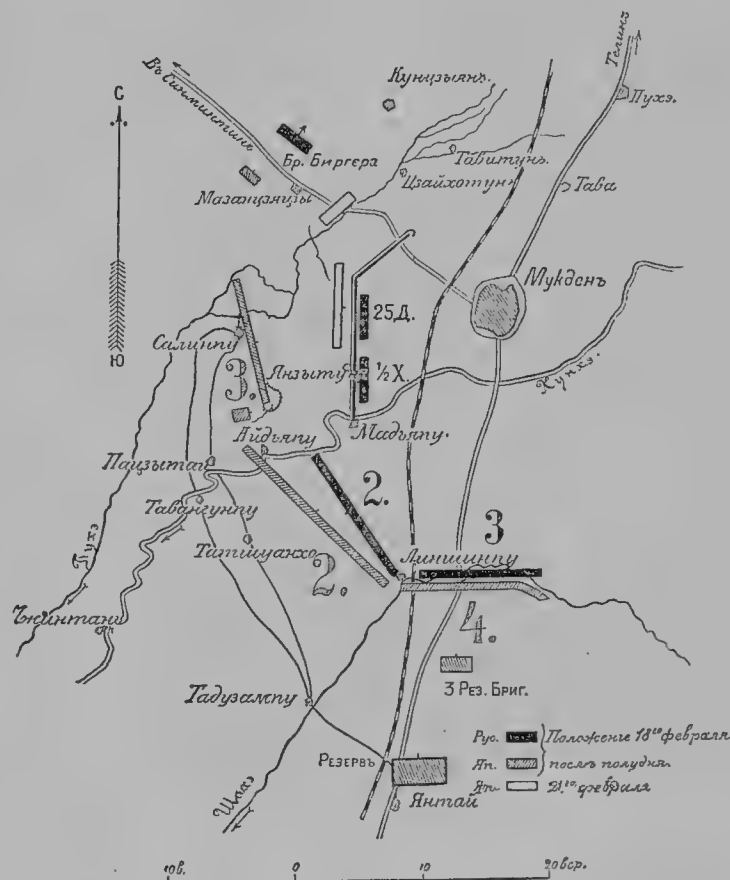
перехода въ наступленіе. Дѣйствія японцевъ за этотъ періодъ времени выяснились такъ: 3-я японская армія генерала Ноги до 15-го февраля слѣдовала на крайнемъ ихъ лѣвомъ флангѣ, двигаясь къ сѣверу уступами съ лѣваго фланга, при чемъ она одинаково могла опрокидывать наши части, которыя преграждали бы ей путь, и въ то же время обходить насъ съ запада, или могла, поворотивъ фронтъ въ полъ-оборота направо, обойти нашъ флангъ у Сыфантая. 15-го февраля эта армія своимъ правымъ флангомъ сошлась съ нами у Сыфантая, но не атаковала наши позиціи, она приняла лишь болѣе сосредоточенное расположеніе, а именно—одна ея дивизія расположилась у Сандіеза и къ западу отъ Сыфантая, тогда какъ остальные части ея сосредоточились за ея серединой. Страннымъ является то обстоятельство, что 3-я японская армія оставалась въ бездѣйствіи въ то время, когда части 2-й ихъ арміи сражались за обладаніе Чжантанемъ,—это можетъ быть объяснено той задачей, которая была возложена на 3-ю японскую армію, а именно: возможно болѣе глубокой обходъ къ западу отъ Мукдена и выходъ на наши пути сообщенія. Не зная хорошо нашего

положенія на западномъ фронтѣ и ввязавшись въ бой у Сыфантая, она отвлекалась отъ своего главнаго назначенія. Видимо, японцы здѣсь только демонстрировали съ цѣлью задержать наши силы въ этомъ мѣстѣ, которыя сами по себѣ вынуждены были къ отходу, какъ только 3-я ихъ армія продвинется далѣе къ сѣверу; этимъ можно объяснить и то, что другая половина ихъ 2-й арміи не принимала участія въ дѣлѣ и не оказывала поддержки своимъ, сражавшимся у Чжантаня.

впередъ. Маршалъ Ойяма смотрѣлъ гораздо шире, и не Мукденъ нуженъ былъ ему, не его онъ добивался, онъ стремился къ полному уничтоженію нашей арміи, путемъ ея окончательнаго окруженія, когда Куропаткинъ оказался бы вынужденнымъ положить оружіе и сдаться со всѣми своими арміями. 19-го февраля, когда наша 2-я армія была отгѣснена, японцы рѣшили добиться тактическаго успѣха противъ нашего западнаго фронта, но оказалось, что силъ ихъ 3-й арміи для этого недостаточно, явилась потребность въ усиленіи этой арміи, которое могло быть произведено двумя путями: во-первыхъ, путемъ привлеченія лѣвой половины 2-й арміи и привлеченіемъ резервныхъ бригадъ 4-й арміи, и поставленной цѣли предполагалось достигнуть атакой съверо-западнаго нашего фронта и обходомъ далѣе на сѣверъ, приблизительно на участокъ Пухе—желѣзная дорога. Но 2-я японская армія только къ вечеру 18-го числа достигла линіи Линшинпу—Мадяпу и только утромъ 19-го

могла начать передвижение своих частей влево на усиление 3-й армии. Такое положение было выгодно японцам: во-первых, сблизившиеся фланги соседних армий могли помешать нашему отступлению вдоль правого берега Хунхе, а во-вторых, открывалась дорога для общего армейского резерва. При указанном способе действий, естественно 3-я японская армия совместно со 2-ю и своими резервами должна была разделиться на две группы: одна для наступления на линию фронта противника, другая для движения к северу от синминтинской дороги. 18-го февраля началось движение японского резерва, который уже к вечеру 20-го числа прибыл на место. Главный резерв был направлен на синминтинскую дорогу и им предполагалось, путем дальнего обхода через Тавинтунь на мандаринскую дорогу, достигнуть решительного результата. Это бы и случилось, если бы 3-й и 2-й японскими армиям удалось посредством атак задержать наши силы в их западных укреплениях. Уже вечером 18-го числа левый фланг 3-й японской армии стоял уже на Пухе, верстах в 5-ти севернее Салинпу. Но этому хорошо задуманному плану не суждено было исполниться, наши силы к северу от синминтинской дороги оказались значительными и фронт наш далеко протягивался на север; таким образом, чтобы обойти наш правый фланг, японцам пришлось вытягивать свою третью армию дальше на север, что значительно должно было ослабить их фронт. Они прибегли к рискованному способу передвижения дивизий вдоль боевого фронта, о чем уже было говорено выше. Синминтинская дорога была занята не более как одним японским батальоном, но японцам везло счастье, им помогли наша бездарность, наше непонимание обстановки, наше непонимание относительной важности задач и неумение, и неспособность к маневрированию. Мы уже знаем, что на нашем западном фронте были собраны, под начальством генерала Каульбарса, значительные силы, которыми предполагалось атаковать и отбросить левый фланг армии генерала Ноги, и знаем также, что эта атака была отложена на 21-е число. Назначенные для этого части находились под начальством генерала Гернгросса, но в течение 20-го числа из состава войск Гернгросса была отправлена генералом Каульбарсом 2-я бригада 9-й пехотной дивизии к Мадяпу из опасения прорыва японцев у этого пункта, а вечером этого же числа была дви-

нута на лѣвый берегъ Хунхе и другая бригада въ помощь генералу Церпицкому. Такимъ образомъ, наканунѣ весьма важнаго нашего наступленія назначенныя для него войска Гернгроса были ослаблены на 16 батальоновъ. Тѣмъ не менѣе, генераль Каульбарсъ ночью на 21-е февраля отдалъ нижеслѣдующую диспозицію:

„Противникъ группируетъ свои силы (около 3-хъ дивизій) въ углу между Хунхе и полотномъ старой желѣзной дороги. Далѣе, къ сѣверу, примѣрно до синминтинской дороги, обнаружена пѣхота съ артиллеріей, силу которыхъ опредѣлить не удалось. Къ сѣверо-востоку отъ синминтинской дороги замѣчены передъ фронтомъ небольшія кавалерійскія части“.

„Завтра арміи продолжать захожденіе правымъ плечомъ съ цѣлью занять линію Салинпу—Тыашанза—Ланьдяпу, включая песчаные бугры между Линмисанза и Тыашинза, наблюдая за противникомъ къ сѣверу и сѣверо-западу.

Для чего:

Отрядъ полковника Запольскаго.

Съ разсвѣтомъ выступаетъ изъ Синтайцза, гдѣ образуетъ заслонъ на синминтинской дорогѣ.

Отрядъ генерала Гернгроса.
Сводная дивизія 17-го корпуса.

Два полка слѣдуютъ на Ташичао, гдѣ остаются до смѣны ихъ отрядомъ полковника Запольскаго. Послѣ чего продолжаютъ движеніе на Дяхонъ, Яндяхуанъ, Ендіахуанъ, Ляншантай. Три полка отъ Ляншинтуня слѣдуютъ на Лохуантай, Яодятунь, Хоулинтунъ, Чаминтунъ, Каулинтай.

1-й сибирскій корпусъ.

Выступить съ разсвѣтомъ. 9 батальоновъ изъ Тинтяньтуня слѣдуютъ на Ливуанпу — Чансынтунъ. 9 батальоновъ отъ Сяндяфыра слѣдуютъ на Юхуантунъ—Нингуантунъ. Выступить съ разсвѣтомъ. По овладѣніи буграми, укрѣпиться.

Отрядъ генерала Церпицкаго.

Удерживать занимаемую имъ позицію, оказывать содѣйствіе огнемъ генералу Гернгросу; одновременно съ атакой генерала Гернгроса на Чансынтунъ—Нингуантунъ, овладѣть селеніемъ Улину, а затѣмъ и насыпью полотна старой желѣзной дороги.

Отрядъ генерала Гершельмана.
Общій резервъ генерала Топорнина.
25-я пѣхотная дивизія.

Оставаться на занимаемыхъ позиціяхъ, содѣйствуя огнемъ наступленію 1-го сибирскаго корпуса.

2-я бригада 31-й пѣх. дивизіи.

При наступленіи всѣ четыре колонны оказываютъ другъ другу содѣйствіе огнемъ и штыкомъ, стараясь взять противника во флангъ.

Отрядъ генерала Биргера.

Остается у станціи Хушитай, составляя заслонъ Мукдену съ сѣвера.

„Обозамъ 2-го и 3-го разрядовъ находится къ востоку отъ желѣзной дороги.
„Резервъ летучихъ артиллерійскихъ парковъ у Ляндюнтуна“.

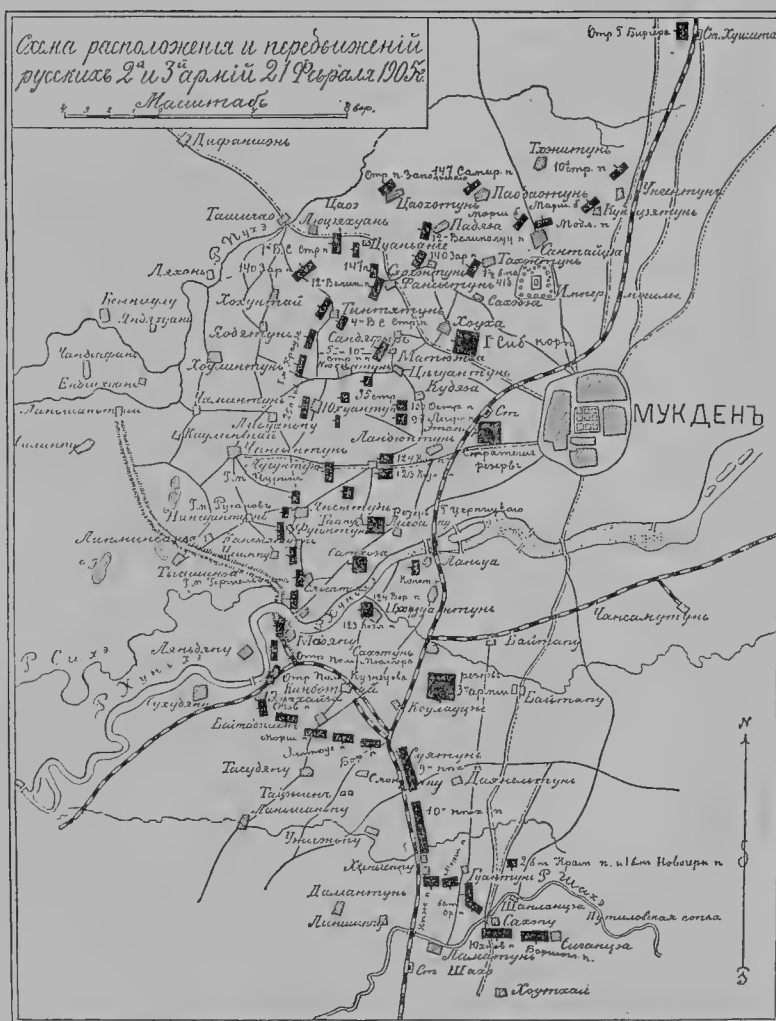
Въ этой диспозиціи, кромѣ того, что не указаны составы отрядовъ, но еще страннѣй является назначеніе отряда генерала Топорнина, который одновременно долженъ былъ играть роль и резерва, и содѣйствовать Гернгросу огнемъ и штыкомъ. Въ этотъ день у Гернгроса было уже не 50 батальоновъ, какъ наканунѣ, а только 32, и отрядъ Запольскаго, входившій въ составъ войскъ Гернгроса, получилъ особую задачу занять Ташичао и служить заслономъ съ запада. Уменьшеніе силъ главнаго атакующаго отряда не играло бы еще особой роли, но было сдѣлано гораздо худшее: конечною цѣлью атаки была линія песчаныхъ холмовъ, до которой было отъ 12 до 18 верстъ, и вся эта мѣстность была занята японцами, такъ что 32-мъ батальонамъ приходилось проходить ее съ боемъ при созерцательномъ лишь участіи остальныхъ войскъ генерала Каульбарса. Генераль

Рекогносцировочный воздушный шаръ.

Гернгросъ повелъ наступленіе четырьмя колоннами, изъ которыхъ правифланговою была колонна полковника Леша, который еще въ 6 часовъ утра выбилъ японцевъ изъ Цуанванче, но далѣе былъ остановленъ сильнѣйшимъ огнемъ передъ деревней Людцзяхуань; всѣ попытки овладѣть этой послѣдней не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ Лешъ не могъ продвинуться до Ташичао, вслѣдствіе этого генераль Гернгросъ приостанавливаетъ дальнѣйшее наступленіе, выжидая, когда Ташичао будетъ занято нами. Это была крупнѣйшая тактическая ошибка, которая составляла характеристику всѣхъ нашихъ дѣйствій въ эту злосчастную войну. Повторилась та же исторія, что и при Сандепу; неожиданная остановка одной колонны останавливаетъ все имѣющее огромное значеніе наступленіе, мы рѣшаемся занять выжидательное положеніе, пока Ташичао не будетъ взято, и тратимъ драгоцѣнное время, которое только и нужно непріятелю. Опасность, которая угрожала японцамъ вслѣдствіе ихъ сильно растянутого положенія, миновала. Позже генераль Гернгросъ получилъ донесеніе отъ полковника

Леша, что онъ откладываетъ атаку до ночи, а ночью никакой атаки не было. Такимъ образомъ, наше наступленіе 21-го февраля съ самаго начала превратилось въ безцѣльную артиллерійскую перестрѣлку съ противникомъ, и японцы свободно могли выполнить свой чрезвычайно трудный и опасный маневръ удлиненія своего фронта на сѣверъ. Мы привели этотъ эпизодъ, чтобы показать, вслѣдствіе какихъ причинъ мы были жестоко разбиты подъ Мукденомъ и до какого глубокаго непониманія доходили наши частные начальники. Хотя 21-го февраля японскій главный резервъ и подошелъ на высоту Салинпу, но онъ не могъ уже сыграть ту роль, которая ему раньше предназначалась, и ожидаемое японцами на 22-е число

окруженіе нашихъ войскъ выходомъ на дорогу на Тѣлинь не состоялось, равно какъ и желѣзной дороги въ этотъ день они не достигли: ихъ лѣвый флангъ оказался не достаточно силенъ для того. На другой же день обстоятельства измѣнились. 23-го февраля войска наши, находившіяся на лѣвомъ берегу Хунхе, наконецъ отошли и были направлены на усиленіе западнаго фронта и, такимъ образомъ, мы получили возможность противодѣйствовать всѣмъ атакамъ японцевъ съ сѣверо-запада и съ сѣвера до 25-го февраля. Начиная съ 16-го февраля, генералъ Куропаткинъ обращаетъ вниманіе на свой западный фронтъ и направляетъ туда одну пѣхотную дивизію, которую поддерживаетъ потомъ еще одной дивизіей 4-го ар-

мейскаго корпуса; съ этими силами мы думали перейти въ наступленіе и отбросить противника отъ нашего западнаго фронта, но этихъ силъ оказалось недостаточно. И вотъ, начиная съ 15-го по 19-е февраля, Куропаткинъ собираетъ всѣми способами къ западному фронту силы, достаточныя для контръ-наступленія, но само оно происходитъ лишь 21-го февраля, и мы уже видѣли, какъ оно велось, при чемъ, такъ какъ мы дали непріятелю возможность удлинить свой фронтъ къ сѣверу, то обойти его намъ бы во всякомъ случаѣ не удалось. Такимъ образомъ, въ теченіе 4-хъ съ половиною сутокъ мы употребили всѣ усилія, чтобы собрать на западномъ фронтѣ большія силы, и японцы не потратили это время даромъ, они настолько успѣли

усилить свою 3-ю армию, что мы должны были думать уже не о наступлении, а только об отражении атак противника. Таким образом, до 21-го февраля переход наш в наступление не состоялся, а 22-го числа обстоятельства изменились для нас к худшему. На юго-западном фронте японцы получили значительный перевес в силах, и мы были отбснены на линию Шахепу—Суйантунь—Мадяпу, а на север японцы развернули свои силы в 7-ми верстах от Тавы на мандаринской дороге. Опасность угрожала серьезная, ее можно было отворотить только путем усиления и удлинения нашего правого фланга. Нужны для этого силы пришлось взять с позиций на Шахе, чѣмъ послѣднія были сильно ослаблены, тамъ уже не могли сдерживать атакъ 1-й и 4-й японскихъ армій и отошли къ Хунхе, войска были уже и физически и нравственно утомлены, и, кромѣ того, съ отходомъ южнаго фронта съ Шахе на Хунхе, войска очутились расположенными на два фронта тыломъ другъ къ другу, т. е. въ положеніи самомъ неудобномъ для перехода въ наступление. Такимъ образомъ, общее отступление являлось совершенно необходимымъ и являлся вопросъ о наивыгоднѣйшемъ для этого направленіи. Начавшееся въ ночь на 23-е февраля очищеніе фронта на Шахе имѣло характеръ частичной неудачи, а съ отходомъ войскъ южнаго фронта къ Хунхе началось общее отступление.

Вступившая въ бой на сѣверо-западномъ участкѣ отъ Мукдена большая часть 3-й нашей арміи создала между нами и обошедшими насъ японцами какъ бы живую стѣну, которую мы постоянно усиливали, все далѣе протягивая фронтъ на сѣверъ; противникъ не въ состояніи былъ прорвать этой стѣны, но обходное движеніе сѣвернаго японскаго фланга имѣло большое значеніе, оно вынудило Куропаткина притянуть къ своему западному фронту у Тавы 48 батальоновъ, взятыхъ большею частью изъ состава нашей 1-й арміи, это облегчило перешедшимъ черезъ Хунхе восточнѣе Мукдена непріятельскимъ войскамъ доступъ на мандаринскую дорогу. Чтобы отойти на Тѣлинъ, необходимо было задержать эти войска во что бы то ни стало, поэтому надо было занять участокъ Юшутунь—Фулинъ—Холундіанъ. Къ вечеру 23-го числа 64 нашихъ батальона стояли къ востоку отъ Фушуна и около того же числа находились къ западу отъ Ходучуана. Къ этому времени группировка японскихъ силъ была такова: 4-я ихъ армія находилась у пред-

Линевичъ принимаетъ артиллерію. Смотръ 6-го Сиб. корпуса.
За Линевичемъ Родкевичъ.

мостнаго укрѣпленія къ юго-западу отъ Мукдена, одна дивизія стояла у Вандайтуна, вся ихъ 1-я армія и половина 5-й находились между Кіузаномъ и Фушунемъ, а ихъ лѣвый флангъ былъ уже сѣвернѣе Хунхе. Эта группировка указывала на намѣреніе японцевъ скорѣе разбить насъ при Фушунѣ, чѣмъ выйти на дорогу къ Тѣлину. Только благодаря замедленіямъ, которыя встрѣтили японцы при своемъ наступленіи, намъ удалось кое-какъ выбраться изъ того безпримѣрнаго положенія, въ которое мы попали. Мы находились какъ бы въ мѣшкѣ, горло котораго постоянно затягивалось, пока, наконецъ, не закрылось совсѣмъ; но къ этому моменту уже большая часть нашихъ силъ успѣла выбраться на просторъ. Мы знаемъ уже, что части войскъ, стоявшія къ юго-западу отъ Мукдена, начали отступленіе въ ночь на 25-е число, — это отступленіе происходило на пространствѣ между фронтами сражающихся войскъ. Западный фронтъ неподвижно стоялъ на мѣстѣ, восточный же былъ подвиженъ и 25-го числа отбросилъ 4-ю японскую армію за Санфуту и потомъ сталъ отсту-

Наполненіе сигнальных аэростатовъ на льду р. Хунхе.

пать, сообразуясь съ отходомъ западнаго фронта, обратившись скоро въ прикрытіе отступленія. Этимъ войскамъ удалось пройти пространство у Тавы раньше, чѣмъ около него появилась 10-я японская дивизія, слѣдовавшая съ востока западнѣе Фушуна.

Къ ночи 25-го февраля западный фронтъ японцевъ простирался по дугѣ отъ Тасинтуня черезъ Падязу до Мадяпу, южный ихъ фронтъ тянулся отъ Мадяпу на Сяхетунъ и далѣе Чансамутунъ и въ треугольникѣ Кіузанъ—Хушинпу—Коудьяуанза переходилъ на нашъ берегъ Хунхе, далѣе же японскій фронтъ тянулся до Инпани параллельно нашему фронту на правомъ берегу.

Наши войска занимали слѣдующее расположеніе: правый флангъ занималъ къ западу отъ желѣзной дороги линію Кусантунъ—Унгентунъ черезъ Сантайцзы на Фансынтунъ и Тинтянтунъ, откуда круто поворачивалъ на югъ къ Сяосатоза. Затѣмъ позиціи шли по лѣвому берегу Хунхе до Хомикхана, гдѣ переходя на правый берегъ рѣки тянулись до Тиндяфана. Съ прорывомъ японцевъ у Кіузана правый берегъ Хунхе перешелъ въ руки противника на протяженіи отъ Тиндяфана до Коудьяуанзы; 1-я наша армія, начиная со 2-го сибирскаго корпуса, явилась отрѣзанной отъ

остальныхъ силъ. Вслѣдствіе этого же прорыва 2-й сибирскій корпусъ вынужденъ былъ загнуть фронтъ своимъ правымъ флангомъ на западъ и пространство въ направленіи Кіузанъ—Хушинпу—Тѣлинь сдѣлалось совершенно свободнымъ. Такимъ образомъ оказалось, что японцы охватили насъ въ видѣ подковы, концы которой у Хушинтуня и Госитуня отстояли только на 24 версты другъ отъ друга. Въ этотъ-то моментъ и послѣдовалъ приказъ Куропаткина объ общемъ отступленіи. Приказано было начинать съ 3-й арміи, которая должна была изъ предмостныхъ укрѣпленій отходить по мандаринской дорогѣ, минуя Мукденъ, 2-я же наша армія должна была сначала прикрывать отступление 3-й, а затѣмъ и отходить сама, придерживаясь желѣзной дороги. 1-я армія должна была, занявъ Фушунскія позиціи, прикрывать отходъ 3-й арміи изъ укрѣпленій на Хунхе и затѣмъ отходить, прикрывая пути отъ Фулина Фушуна и Инпани на Тѣлинь. Только что приведенныя распоряженія были сдѣланы въ то время, когда еще въ главной квартирѣ не было извѣстно о прорывѣ непріятеля у Кіузана, а этотъ прорывъ имѣлъ огромное значеніе, такъ какъ рѣшительно измѣнялъ все положеніе дѣла и въ самую худшую сторону. Дорога Мучанъ—Падяза—Ленхуачи предназначалась для 6-го сибирскаго корпуса, мандаринская дорога указана была 5-му сибирскому и 17-му корпусамъ, при чемъ послѣдній, обойдя Мукденъ съ востока, долженъ былъ служить арьергардомъ 3-й арміи, западнѣе долженъ былъ двигаться 10-й армейскій корпусъ на Ландюнтунъ, слѣдуя восточнѣе полотна желѣзной дороги на Кучендзу. Еще правѣе должны были отходить войска генерала Топорнина и 1-й сибирскій корпусъ. Эти войска должны были слѣдовать западнѣе полотна желѣзной дороги. Войска Церпицкаго, Топорнина и Гернгросса должны были быть во взаимной связи, имѣя свои отдѣльные арьергарды. Такой порядокъ долженъ былъ держаться до высоты Цуертунъ—Пухе, послѣ чего прикрытіе отступления должны были

взять на себя войска генерала Мылова; которыми для означенной цѣли предполагалось 25-го числа атаковать противника, чтобы отвлечь вниманіе отъ отступающихъ армій; подобная же задача была возложена на генерала фонъ-дербъ-Лауница, который

долженъ былъ съ 46-ю батальонами удерживать непріятеля на позиціи Тахентунъ — Сантайцзы — Унгентунъ, а затѣмъ долженъ былъ отбросить противника за Падяза—Госиньтунъ. Вышло, что отступление 2-й и 3-й нашихъ армій должно было прикрываться съ праваго фланга войсками фонъ-дербъ-Лауница, а съ лѣваго 17-мъ армейскимъ корпусомъ и корпусами 1-й арміи.

Главнокомандующій ген. Линевицъ на парадѣ 1-й арміи, во время заѣзда Куропаткина.

Но благодаря прорыву японцевъ у Кіузана на лѣвомъ флангѣ нашего отступления быстро стали собираться значительныя силы непріятеля, которыя сильно сѣзуили путь для нашихъ войскъ и ихъ обозовъ, на правомъ же флангѣ японцы нечаяннымъ нападеніемъ овладѣли въ центрѣ расположенія фонъ-дербъ-Лауница императорскими могилами и засѣли въ кумирнѣ въ тылу нашей позиціи. Такимъ образомъ, наши отступавшія колонны подвергались фланговымъ ударамъ съ обѣихъ сторонъ. 3-я наша армія начала отступление, имѣя на лѣвомъ флангѣ 6-й сибирскій корпусъ, къ которому слѣва примыкали 4-й сибирскій и 1-й армейскій корпуса, обозы послѣдняго, вслѣдствіе прорыва у Кіузана, пришлось отправить по дорогѣ, назначенной для 4-го сибирскаго корпуса, отъ чего произошло столпленіе и движеніе крайне замедлилось, непріятель же усиленно насѣдалъ. Занявъ позиціи 6-го корпуса, японцы повели наступленіе на Эртайцзы на мандаринской дорогѣ. Утромъ 25-го февраля 6-й сибирскій корпусъ и части 1-го армейскаго, уже отрѣзанныя непріятелемъ отъ 17-го корпуса, слѣдовавшаго частью по мандаринской дорогѣ, а

Ген.-ад. Куропаткинъ представляетъ войска 1-й арміи Главнокомандующему ген. Линевицу.

частью еще находившагося въ сѣверо-западныхъ предмѣстьяхъ Мукдена, начали вывозъ своихъ обозовъ изъ Хоулина, но непріятель находился со всѣхъ сторонъ, движеніе же обозовъ происходило крайне медленно и, въ свою очередь, задерживало

отходъ войскъ. Въ безпорядкѣ, который сопровождалъ отходъ обозовъ, надо винить непростительную небрежность со стороны штабовъ и управленій, которые не позаботились не только о подготовкѣ путей, но даже прямо не исполнили приказанія главнокомандующаго, который еще 20-го февраля указалъ, чтобы всѣ дивизіонные обозы были двинуты тогда же на высоту Хушитая, а 21-го числа начальникъ полевого штаба разослалъ по войскамъ приказаніе: „Главномандующій еще разъ приказалъ просить съ возможной энергіей отвести всѣ тыловыя учрежденія и обозы въ Тѣлинъ и даже далѣе, принявъ особыя мѣры къ тому, чтобы пути къ Тѣлину и особенно мандаринская дорога были совершенно свободны для движенія войскъ въ случаѣ, если будетъ приказано отходить“. Эти приказанія были потомъ повторены и 23-го февраля; между тѣмъ 24-го вечеромъ, передъ началомъ отступленія, дивизіонные обозы и большая часть обозовъ 2-го разряда находились еще при войскахъ и 25-го утромъ у станціи толпились кучи повозокъ въ полнѣйшемъ безпорядкѣ у станціи Мукденъ, со всѣми признаками паники, которая потомъ нѣсколько разъ посѣщала наши отступавшія войска.

Между тѣмъ прорвавшіеся у Кіузана японцы двинулись къ мандаринской дорогѣ и уже утромъ 25-го числа заняли позицію въ 5-ти верстахъ къ востоку отъ селенія Пухе. Тутъ при переправѣ черезъ рѣчку съ обрывистыми берегами скопилось огромное количество обозовъ, а постоянно увеличивавшіяся силы противника обходили насъ далеко на сѣверъ и уже находились верстъ на 7 сѣвернѣе ставки генерала Куропаткина, такъ что горло мѣшка, въ который мы попали, сѣзилось только до 12-ти верстъ, а большая часть нашей разбитой арміи еще не вылѣзла изъ мѣшка. По мандаринской дорогѣ и по сторонамъ ея двигались густыя массы повозокъ, которыя по временамъ въ трудныхъ мѣстахъ образовывали пробки; не было никакого управленія этимъ безпорядочнымъ движеніемъ, офицеры отсутствовали, и если гдѣ и были, то не принимали никакихъ мѣръ къ упорядоченію движенія, а перепившіеся обозные, помышлявшіе только о томъ, какъ бы скорѣе выбраться изъ огня противника, неслись по разнымъ направленіямъ и своими криками и руганью увеличивали и безъ того полный безпорядокъ, и когда, около часу дня, 4 японскихъ орудія открыли огонь по обознымъ колоннамъ у селенія Тава, тогда все бросилось вскачь къ желѣзной дорогѣ, гдѣ поселили безпорядокъ, наскочивши на отступавшія войска и обозы, слѣдовавшіе съ запада. Въ это время части арміи Ноги заняли Тасинтунъ и еще нѣкоторыя деревни въ непосредственной близости отъ желѣзной дороги и въ свою очередь открыли огонь по отступавшимъ нашимъ войскамъ и обозамъ. Вслѣдствіе этого генералъ Куропаткинъ, для обезпеченія съ запада, послалъ генерала Зарубаева съ 16-ю батальонами для занятія линіи Уасынтунъ—Макудьяза. Съ востока же были направлены части 1-й арміи, подошедшія къ этому времени, и выдвиженіе отряда генерала Морозова дало возможность, хотя и подъ огнемъ противника, продолжать движеніе на Тѣлинъ. Занятіе непріателемъ пространства у Хушинпу повлекло за собой уклоненіе 1-го армейскаго и 4-го и 6-го сибирскихъ корпусовъ отъ назначеннаго пути отступленія, и части этихъ корпусовъ въ видѣ отдѣльныхъ батальоновъ и даже ротъ въ безпорядкѣ выходили между

Тава и Пухе на мандаринскую дорогу и оттуда продолжали слѣдовать на сѣверъ. Въ Пухе находился арьергардъ генерала Шилейко, который долженъ былъ удерживать Пухе въ нашей власти, но онъ скоро оставилъ этотъ важный пунктъ и также двинулся къ Илу. Японцы немедленно заняли Пухе, и мандаринская дорога съ этого момента перестала для насъ существовать какъ путь отступленія, которое должно было теперь происходить въ узкой полосѣ мѣстности по обѣ стороны желѣзной дороги. Около двухъ часовъ дня главныя силы 2-й и 3-й нашихъ армій выбрались наконецъ за линію императорскихъ могилъ, и тогда начали отходъ арьергарды. Это отступленіе происходило уступами справа подъ прикрытіемъ отряда генерала Соллогуба, скоро въ его колоннѣ раздался крикъ: „кавалерія японцевъ! Мы пропали“—

Городъ Бодунъ.

и вся колонна въ паническомъ ужасѣ бросилась къ желѣзнодорожной насыпи, гдѣ вынуждена была остановиться, такъ какъ столпившіеся на переѣздѣ обозы закупорили путь, такимъ образомъ подъ артиллерійскимъ огнемъ противника колонна эта простояла до наступленія темноты, послѣ чего, когда колонна получила возможность движенія, она бросилась къ востоку въ горы, гдѣ натывалась постоянно на японскіе биваки, пока, наконецъ, не была частью перебита, частью взята въ плѣнъ. Въ безформенной кучѣ продолжали войска отступленіе, обращавшееся по временамъ въ форменное бѣгство. Чтобы не дать возможности соединиться войскамъ Ноги и Куроки, Куропаткинъ приказалъ арьергарду генерала Мылова держаться на позиціи у Цуертуня, пока не пройдутъ всѣ части и обозы 2-й и 3-й армій. Къ вечеру 25-го февраля непріятель прекратилъ бой, и войска наши непрерывно всю ночь продолжали свое отступленіе къ Тѣлину, не будучи сильно тревожимы противникомъ,

который видимо былъ слишкомъ сильно утомленъ для энергичнаго преслѣдованія. Разобщенная прорывомъ у Кіузана отъ остальныхъ силъ, наша 1-я армія къ утру 26-го февраля вышла только на фронтъ остальныхъ, но при этомъ правый флангъ 2-го сибирскаго корпуса отъ лѣваго фланга 3-й арміи отстоялъ на 10 верстъ. 21-го февраля мы заняли Тѣлинскія позиціи, а 3-го марта остановились на Сыпингайскихъ позиціяхъ. Отступленіе изъ этого кровопролитнѣйшаго сраженія заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе, для чего слѣдуетъ рассмотреть дѣйствія отряда генерала Мылова, который назначенъ былъ прикрывать это тяжелое отступленіе. Еще 23-го числа Куропаткинъ выслалъ къ Цуертуню отрядъ подъ начальствомъ полковника Борисова, и 24-го генералъ Мыловъ получилъ приказаніе выѣхать въ Цуертунъ и принять начальствованіе надъ отрядомъ Борисова и при помощи другихъ, проходящихъ черезъ Цуертунъ войскъ, которыя онъ получилъ право останавливать, занять треугольникъ Хузаньтунъ—Цуертунъ—Мудьятунъ, укрѣпиться тамъ и во что бы то ни стало удерживаться, прикрывая желѣзную дорогу. Въ штабѣ генерала Мылова не было ни картъ предстоящаго района дѣйствій, никакихъ свѣдѣній не только о непріятелѣ, но даже о томъ, гдѣ и какія части наши существуютъ, что они занимаютъ, а равно и неизвѣстно было, гдѣ

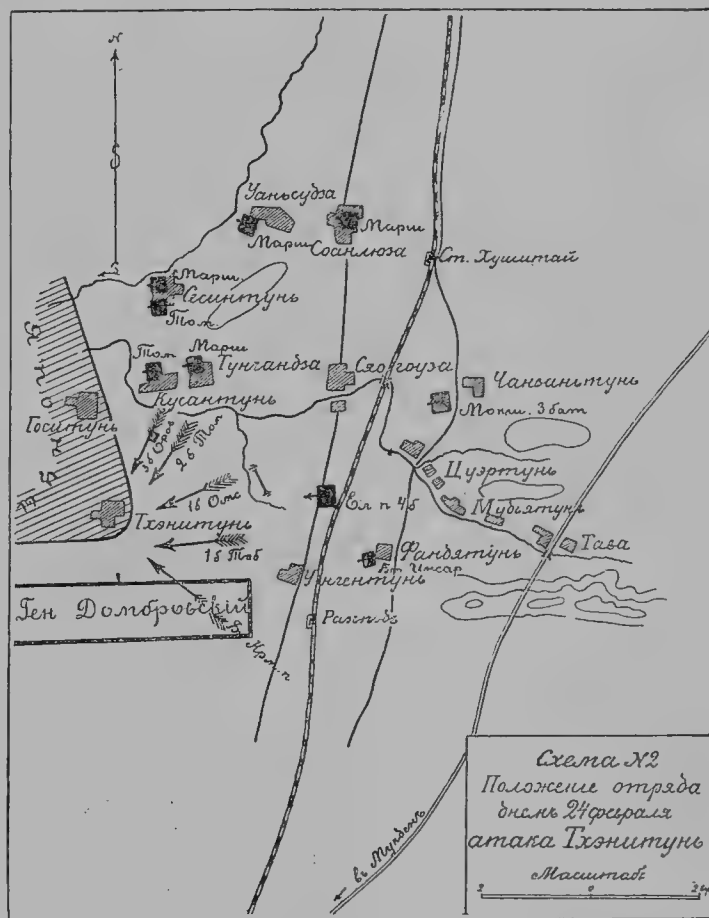
Прогулка больныхъ на станціи.

именно находится отрядъ полковника Борисова. Даже не знали, свободна ли дорога на Цуертунъ. Немедленно для разъясненія всего этого была послана развѣдка, на которую отправился и самъ командиръ корпуса. Всѣ попадавшіеся по пути отъ Ландунтуня отдѣльные люди, кучки и части останавливались, опрашивались, послѣднія же направлялись къ Цуертуню. Въ результатѣ этихъ мѣръ выяснилось, что путь на Цуертунъ свободенъ, что Унгентунъ занятъ отрядомъ подполковника Болховитинова и что пространство къ западу отъ Цуертуня до Кусантуня свободно отъ непріятеля, но что Тхенитунъ занятъ непріятелемъ.

Въ ночь съ 23-го на 24-е число генералъ Мыловъ получилъ записку квартирмейстерской части при главнокомандующемъ и письмо лично отъ Куропаткина. Въ первой значилось: „Главнокомандующій, кромѣ 5 батальоновъ подполковника Болховитинова и 16 батальоновъ отъ 3-й арміи, подъ начальствомъ командующаго 54-й дивизіей, назначилъ въ вашъ отрядъ еще 9-ю пѣхотную дивизію, которая должна сегодня прибыть въ деревню Тава“.

образомъ: правый участокъ былъ занятъ батальономъ Тобольскаго полка съ резервомъ у Сяогоуза, лѣвый участокъ занималъ батальонъ Омскаго полка, расположившись за насыпью желѣзной дороги, деревня Фандятунъ была занята батальономъ Тобольскаго полка. Въ общемъ резервъ находились два батальона Томскаго полка и одна батарея 26-й артилл. бригады, которые располагались въ Цуертунѣ. Отрядъ полковника Громова и одинъ батальонъ, отправленный въ Сяогоуза, прикрывали станцію Хушитай. Въ 11 часовъ ночи главнокомандующій прислалъ генералу Мылову письмо, въ которомъ предоставлялъ ему полную свободу для активныхъ дѣйствій: „Не представляется ли возможнымъ сегодня ночью прочное занятіе сибирскими батальонами деревень Тучандза и Кусантунъ. Завтра съ утра надо начать совмѣстныя дѣйствія съ Лауницемъ противъ Тхенитуня. Одинъ батальонъ поставить въ Сесинтунъ, въ поддержку къ батальонамъ, занимающимъ Кусантунъ и Тунчандза. Надо, чтобы въ этихъ деревняхъ мы стали прочно. Придаю этому особое значеніе... Напоминаю, что если вы не займете вышеуказанныя деревни ночью, то днемъ придется нести тяжелыя потери, чтобы завладѣть ими“... Въ полночь три батальона Томскаго полка, находившіеся въ Сяогоуза и Цуертунѣ, тронулись въ западномъ направленіи, для занятія деревень: Тунчандза, Кусантунъ и Сесинтунъ, каковыя и были заняты безъ сопротивленія. Сообщивъ объ этомъ генералу фонъ-деръ-Лауницу, генералъ Мыловъ писалъ ему: „Главнокомандующій указалъ мнѣ, что 24-го я долженъ начать совмѣстныя дѣйствія противъ Тхенитуня съ ввѣреннымъ вамъ отрядомъ. Прошу неотлагательно сообщить мнѣ ваши распоряженія для выполненія этой задачи, дабы согласовать свои дѣйствія“. На это отъ Лауница былъ полученъ отвѣтъ: „Наступленію отряда генерала Мылова будетъ оказано содѣйствіе артиллерійскимъ огнемъ, наступать съверный отрядъ не можетъ, такъ какъ японцы всю ночь ходили на штурмъ Синтайцзы и Тахентуня“. Такимъ образомъ, несмотря на указаніе главнокомандующаго, фонъ-деръ-Лауницъ отказался отъ совмѣстныхъ дѣйствій, кромѣ какъ огнемъ, и только занимавшій правый флангъ расположенія Лауница подполковникъ Болховитиновъ на такое же предложеніе отвѣтилъ, что онъ поддержитъ атаку не только огнемъ, но и наступленіемъ на Унгентунъ. Атаковать Тхенитунъ

верный отрядъ не можетъ, такъ какъ японцы всю ночь ходили на штурмъ Синтайцзы и Тахентуня“. Такимъ образомъ, несмотря на указаніе главнокомандующаго, фонъ-деръ-Лауницъ отказался отъ совмѣстныхъ дѣйствій, кромѣ какъ огнемъ, и только занимавшій правый флангъ расположенія Лауница подполковникъ Болховитиновъ на такое же предложеніе отвѣтилъ, что онъ поддержитъ атаку не только огнемъ, но и наступленіемъ на Унгентунъ. Атаковать Тхенитунъ

предположено было съ сѣвера и востока, для чего Оровайскій полкъ долженъ былъ отъ Тунчандза развернуться фронтомъ на югъ, охватывая Тхенитунъ съ запада, въ то же время два батальона, занимавшіе Фандятунъ и полотно желѣз-

Церковь Островскаго полка на Сипинганскихъ позиціяхъ.

ной дороги, должны были броситься съ востока, два батальона, занимавшіе Тунчандза, составляли резервъ правой колонны, для обезпеченія связи съ отрядомъ подполковника Болховитинова, въ Фандятунъ былъ высланъ батальонъ Инсарскаго полка, кромѣ того, Елецкому полку приказано было придвинуться къ полотну желѣзной дороги, чтобы быть въ постоянной готовности поддержать атакующіе батальоны. Атака началась около 11-ти часовъ утра, но японцы предупредили насъ, они сами

повели наступленіе къ полотну желѣзной дороги со стороны Тхенитуня. Несмотря на открытый по нимъ артиллерійскій огонь, они продолжали наступленіе перебѣжками, одиночными людьми. Наконецъ, собравшись, они хлынули рѣшительно къ желѣзной дорогѣ, но пачечный огонь одного изъ нашихъ батальоновъ остановилъ это наступленіе. Это случилось какъ разъ въ то время, когда прибылъ въ Туертунъ генералъ Куропаткинъ, который остался крайне недоволенъ, что атаку начали безъ него и что вмѣсто полковника Борисова нужно было назначить начальникомъ боевой части генерала; сначала былъ назначенъ генералъ Мартосъ, который и началъ было уже свои распоряженія, когда ему приказано было вернуться къ своимъ прямымъ обязанностямъ, а генералу Гершельману принять начальствованіе надъ боевой частью. Въ это время наши батальоны, два со стороны полотна желѣзной дороги и одинъ со стороны Тунчандза, двинулись впередъ и японцы должны были отойти къ Тхенитуню. Сначала наше наступленіе шло довольно успѣшно, японцы повсюду отступали, но главный ударъ долженъ былъ нанести Оровайскій полкъ съ сѣвера. Около полудня, полкъ этотъ построилъ резервный порядокъ, фронтомъ къ югу, правый флангъ его обезпечивался

Нижніе чины пьютъ чай на питательномъ пунктѣ.

выдѣленной туда одной ротой и однимъ батальономъ Томскаго полка, занимавшаго селеніе Кусантунъ. Началось наступленіе на Тхенитунъ, которое шло безпрепятственно, но какъ только полковой резервъ подошелъ на высоту Госитуня, какъ оттуда былъ открытъ жестокий ружейный огонь пачками. Это заставило Оровайцевъ остановиться и, перемѣнивъ фронтъ на западъ, залечь. Атака, такимъ образомъ, не удалась. Нашъ лѣвый флангъ тѣмъ временемъ подошелъ на 1.000 шаговъ къ Тхенитуню. Въ это время генералъ Гершельманъ приказалъ пріостановиться и выждать новой подготовки атаки артиллерійскимъ огнемъ, для чего наши батареи выѣхали на вторую позицію, но останавливаться подъ сильнымъ огнемъ было нельзя, батальоны несли большія потери въ людяхъ, и такъ какъ Оровайскій полкъ^г поддержки не оказывалъ, то

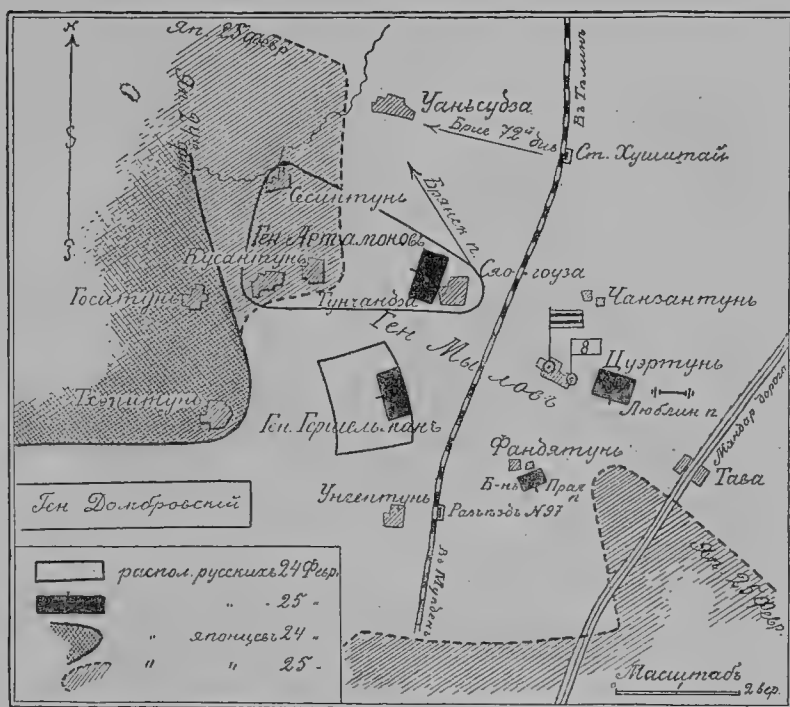

Плѣнные японцы.

весь нашъ лѣвый участокъ началъ отступать. Въ него влили еще одинъ батальонъ и думали возобновить атаку, но въ это время японцы сами обнаружили намѣреніе перейти въ контръ-атаку, одновременно же получило извѣстіе, что изъ Госитуня стала обстрѣливать наши батальоны японская артиллерія и показались 4 японскія колонны, и прошелъ слухъ, что Кусантунъ занята непріателемъ. Пришлось отказаться отъ принятаго намѣренія атаковать и взять сегодня Тхенитунъ, почему Куропаткинымъ были отданы лично слѣдующія указанія: „Если ночью не удастся взять Тхенитунъ и Кусантунъ, то прочно оборонять дорогу отъ Унгентуня на Тхенитунъ до деревень Тунчандза и Сеситунъ, на послѣднія обратить вниманіе“.

Генералу Артамонову приказано было принять командованіе надъ войсками, занимавшими пространство Тунчандза—Сеситунъ, во что бы то ни стало, удержаться тамъ, а Люблинскому полку и батальону Прагскаго полка приказано было занять укрѣпленія у Фандятуня и Цуертуня. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Мыловъ писалъ ге-

няясь мнѣ. Съ наступленіемъ же дня, управление всей боевой части переходитъ къ вамъ и генералъ Артамоновъ подчиняется вамъ. Сзади васъ на позиціи Цуертунъ—Фандятунъ бивуакируютъ подъ начальствомъ полковника Кузнецова 4 батальона Люблинскаго и одинъ батальонъ Прагскаго полковъ“.

25-го числа обстановка изменилась. Ночью Тхенитунь взять не удалось, слухъ же о занятіи японцами Кусантуня оказался ложнымъ, но зато было получено извѣстіе о прорывѣ японцами нашего центра

724

въ дѣйствительности занимаетъ Соанльенза. Прошу объ этомъ приказать мнѣ сообщить, ибо мнѣ трудно распорядиться резервомъ. Во всякомъ случаѣ, мною приняты рѣшительныя мѣры: генералу Лисовскому съ тремя батальонами Брянскаго полка приказано атаковать деревню Уансуца или во флангъ непріятелю“. И далѣе доносить, „что сейчасъ принесли раненаго полковника Побыванца. Подъ перекрестнымъ огнемъ шимозъ и шрапнелей гарнизонъ понесъ такія потери, что удержать его никто не могъ, и люди по одиночкѣ и группами, уцѣлѣвшіе отъ бойни, отходятъ“. Въ слѣдующемъ затѣмъ донесеніи генераль Артамоновъ писалъ: „Гарнизонъ Тунчендзы потерялъ убитыми и ранеными всѣхъ офицеровъ и болѣе 50% нижнихъ чиновъ. Оставшіеся въ живыхъ вынесли раненыхъ и отошли сейчасъ сюда въ деревню Сяогоуза. Я далъ все, что могъ, теперь у меня останется единственный батальонъ Брянскаго полка, ибо остальные части разныхъ полковъ сейчасъ никуда не пойдутъ отъ нервнаго потрясенія и усталости. Открывая учащенный огонь по непріятелю, мы наносимъ японцамъ огромныя потери, но все же люди не могутъ удержаться, ибо нѣтъ никакихъ закрытій, а Тунчендза обстрѣливается со всѣхъ сторонъ“. Въ виду такихъ неутѣшительныхъ извѣстій, Артамонову была послана бригада, а Куропаткинъ лично выѣхалъ на станцію Хушитай. Цуертунъ сильно обстрѣливался непріятельскою артиллеріей и мы продолжали держаться въ Кундзятунѣ и Унгентунѣ, а также занимали и деревню Сантайцзы. Но въ это время вдругъ послышались орудійные выстрѣлы въ направленіи съ юго-востока. Высота къ югу отъ Тава покрылась толпой людей, намъ видны были разрывы шрапнелей, и скоро въ деревни Цуертунъ и Мадьятунъ хлынули въ безпорядкѣ бѣгушіе люди разныхъ частей. Скоро и гребень къ югу отъ Тавы, и самая эта деревня были заняты японцами, и лѣвый флангъ позиціи генерала Мылова обнажился, а такъ какъ онъ одновременно фланкировался, то держаться больше на этой позиціи было уже нельзя. Положеніе сдѣлалось критическимъ: не только арьергардъ Мылова, но и многія части еще находились къ югу, а это была большая часть 2-й и 3-й армій. Резервовъ не было и не оставалось ничего больше, какъ собрать сколько возможно войскъ изъ числа бѣгущихъ и образовать изъ нихъ заслонъ, иначе грозило полное окруженіе. Съ большими усиліями удалось остановить нѣсколько батарей да одну сборную роту, которые и поставили за лѣвымъ флангомъ позиціи арьергарда. Около 4-хъ часовъ генераль Мыловъ доносилъ: „Вся масса войскъ лѣваго фланга армій двигается черезъ Цуертунъ—Мадьятунъ безъ дорогъ подъ шимозами, летящими съ запада и востока. Арьергардъ, выставленный на позиціи фронтомъ на югъ, лишенъ возможности противодѣйствовать обходу. Остановилъ двѣ проходившія батареи; приказалъ имъ открыть огонь на востокъ, батареи прикрылъ ротой Люблинскаго полка“. Около 5-часовъ дня японскія цѣпи показались въ 1.000 шаговъ отъ Фадьятуна, а Люблинскій полкъ сталъ отходить съ гребня у Цуертуня и былъ остановленъ у селенія Чандзятунъ, Артамоновъ продолжалъ еще держаться у Сяогоуза. Наконецъ, подъ вечеръ, главнокомандующій далъ генералу Мылову слѣдующія указанія: „Вашимъ войскамъ, по отходѣ 2-й и 3-й армій, составить арьергардъ на фронтѣ Уансуца—Мадьятунъ и прикрывать дальнѣйшее отступленіе 2-й арміи,

отходя къ сѣверу по обѣ стороны желѣзной дороги. Арміямъ приказано за ночь отойти къ линіи станція Сантайцзы—Илу. Генераль Зарубаевъ составитъ правый боковой авангардъ и будетъ слѣдовать по дорогамъ на Инапанъ—Сантайцзы—Такудяцынь—Мандяофанъ—Хедяофанъ—Фудяофанъ. Вамъ остановиться на позиціи у Синченпу по сторонамъ желѣзной дороги, на сѣверномъ берегу рѣки“. Наконецъ движеніе войскъ чрезъ Цуертунъ прекратилось, но неизвѣстно было, всѣ ли прошли, почему для выясненія этого была послана развѣдка, и когда узнали, что всѣ уже прошли, то генераль Мыловъ отдалъ приказъ отступать и своему аррьергарду. Приказано было начать отступление въ 11 часовъ ночи, отряду генерала Артамонова слѣдовать западнѣе желѣзной дороги, отряду же генерала Гершельмана восточнѣе. По дорогѣ встрѣчали цѣлыя кучи отходившихъ людей въ перемѣшку съ обозами, на переправахъ всѣ жались къ одному мѣсту, никого изъ офицеровъ не было, аррьергардъ всѣхъ собиралъ, кое-какъ устраивалъ и направлялъ дальнѣйшее движеніе. Въ Синченпу прибыли головныя части только въ 11 часовъ утра, весь аррьергардъ сосредоточился тамъ около часу дня. Въ Синченпу былъ только одинъ мостъ, но было нѣсколько бродовъ, только спуски къ нимъ не были разработаны. Найденный брошеннымъ на берегу шанцевый инструментъ помогъ 12-му саперному батальону разработать спуски къ бродамъ и, такимъ образомъ, удалось упорядочить переправу, и къ 3-мъ часамъ дня всѣ уже перешли на противоположный берегъ рѣки.

Позиція, которую приказано было занять, имѣла передъ своимъ фронтомъ рѣку, хотя и покрытую льдомъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ проломленъ, но пѣшихъ людей держалъ, такъ что рѣка не представляла закрытія. Вдоль берега рѣки тянулись китайскія глинобитныя постройки, которыя всѣ должны были быть заняты, чтобы укрѣпить флангъ для упорной обороны; фланги совсѣмъ не были обезпечены отъ обхода и только открытая мѣстность впереди фронта позиціи благопріятствовала обстрѣлу. Генераль Гершельманъ занялъ линію восточнѣе желѣзной дороги и самую деревню Синченпу, 72-я пѣхотная дивизія и дивизионъ артиллеріи расположились для обороны моста и заняли участокъ къ западу отъ желѣзной дороги, отрядъ же генерала Артамонова образовалъ резервъ, расположившійся у Хусантайцзы. Впередъ и въ сторону мандаринской дороги были выдвинуты небольшіе отряды. Къ 4-мъ часамъ дня поступило донесеніе, что къ юго-востоку отъ деревни Сяодутунъ появилась японская батарея и пѣхотная цѣпь, которыя стали обстрѣливать деревню, почему отрядъ нашъ сталъ отходить на главную позицію аррьергарда. Вскорѣ 72-я пѣхотная дивизія была отозвана на Илу и правый участокъ позиціи остался, такимъ образомъ, безъ войскъ; его приказано было занять войскамъ, отступавшимъ отъ Сяодутуня, но командовавшего этими войсками генерала Петерева нигдѣ не могли найти. Въ результатѣ, у генерала Мылова вмѣсто 37 батальоновъ и 96 орудій осталось только 10 батальоновъ при 40 орудіяхъ. Съ мандаринской дороги было получено извѣстіе, что станція Хушитай обстрѣливается японцами. Развѣдка, между тѣмъ, продолжалась. Около 7-ми часовъ вечера непріятель сталъ обстрѣливать и селеніе Синченпу. Аррьергардъ занялъ позицію, а къ главнокомандующему и въ Илу были посланы разъѣзды; когда одинъ изъ разъѣздовъ подошелъ къ Илу, то нашелъ ее

уже занятой противникомъ, и наши войска оттуда отступали съ боемъ. Положеніе арьергарда было крайне тяжелое: съ фронта онъ обстрѣливался артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, а въ 6-ти верстахъ въ тылу, на его пути отступленія, непріятель собрался въ столь значительныхъ силахъ, что цѣлая наша бригада не могла удержаться въ Илу и должна была отступить. Генераль Мыловъ рѣшилъ 26-го февраля, въ 8 часовъ вечера, начать свое отступленіе. Когда войска тронулись, то было получено приказаніе отъ командующаго 2-й арміей: „Такъ какъ дороги къ югу отъ Синтайцзы совершенно свободны отъ обозовъ, такъ же, какъ и станція Синтайцзы, и обозы уже свободно отходятъ къ Тѣлину, предлагаю вамъ безотлагательно отходить на Синтайцзы и далѣе вдоль желѣзной дороги къ рѣкѣ Фанхе на селеніе

Внутренность блиндажа.

Тафансе“. Наконецъ, въ 6 часовъ утра 27-го февраля арьергардъ пришелъ къ Фанхе, гдѣ и былъ расформированъ, составлявшія его части были отпущены по своимъ частямъ.

Печальную страницу прибавило мукденское сраженіе въ исторію нашей арміи, да и всей Россіи; между тѣмъ войска наши были на высотѣ своего назначенія, по крайней мѣрѣ, нижніе чины и молодые офицеры. Неизмѣнныя въ эту несчастную войну пораженія непрерывно повторялись вездѣ и съ одинаковымъ характеромъ,—отсюда надо придти къ заключенію, что и причины этихъ поражений также неизмѣнно повторялись и были также постоянными. Попробуемъ сдѣлать попытку разобратъ въ этихъ причинахъ и посмотрѣть, гдѣ же находился корень зла. Съ точки стратегіи, дѣло обстояло такъ: Куропаткинъ, наконецъ, собралъ подъ своею рукою огромную армію въ 300.000 штыковъ, что было, кажется, предѣломъ его желаній и этимъ нравственно обязывался перейти наконецъ къ активнымъ дѣйствіямъ, перейти въ наступленіе. Онъ и объявляетъ объ этомъ, но, повидимому, только для виду, въ тайнѣ не сочувствуя наступленію; это показываетъ то обстоятельство, что, въ сущности, никакой подготовки къ этому не было. Куропаткинъ ничего не сдѣлалъ,

чтобы поставить свои армии в положение, наиболее удобное для перехода в наступление, наши армии занимали положение, подходящее к кордонному, со слабыми резервами позади, расположенными, вдобавок, слишком близко к боевым позициям. Только во время самого сражения он дѣлаетъ попытку сосредоточить в кулакъ возможно большія силы, но было уже поздно, Ойяма не соглашается съ этимъ и разрушаетъ всѣ наши попытки в этомъ направленіи. Такимъ образомъ, изложенное надо признать за первую причину пораженія. Куропаткинъ до такой степени мало думалъ о наступленіи, что достаточно было малѣйшей причины, чтобы тотчасъ же отказаться отъ него, двухдневнаго боя у Цинхенчена достаточно было, чтобы онъ тотчасъ же всѣ свои резервы бросилъ на свой лѣвый флангъ и съ мѣста отказывался отъ возможности захватить инициативу в свои руки. Отказавшись такъ легко отъ задуманнаго наступленія, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не принимаетъ никакого опредѣленнаго образа дѣйствій и видимо рѣшаетъ просто пассивно отсиживаться за нашими, безъ всякаго опредѣленнаго плана, построенными укрѣпленіями. Такимъ образомъ становится яснымъ, что никакого опредѣленнаго плана в основу дѣйствій 300.000 армии положено не было. Это надо признать второй причиной пораженія. Затѣмъ, когда обнаружился болѣе или менѣе глубокой обходъ противника, Куропаткинъ теряется и размѣнивается на мелочи, онъ предпринимаетъ рядъ разрозненныхъ попытокъ для противодѣйствія обходу, всюду хочетъ распоряжаться самъ, лишаетъ старшихъ по себѣ начальниковъ всякой возможности управлять ввѣренными имъ войсками, а самъ управлять такимъ огромнымъ количествомъ войскъ и на такомъ громадномъ пространствѣ не можетъ. Сознавая необходимость нанести противнику одинъ мощный ударъ, онъ собираетъ для этого значительныя силы, но сейчасъ же раздвигаетъ ихъ на мелкія попытки встрѣтить вездѣ атаки непріятеля фронтально или забѣжать ему во флангъ и чрезмѣрно растягиваетъ свои силы до того, что фронтъ нашъ къ концу боя занималъ 130 верстъ. Это надо признать третьей причиной неудачи. Съ тактической точки, также было надѣлано много и крупныхъ ошибокъ—крайне неумѣло было руководство войсками на полѣ сраженія, частные начальники проявили непониманіе обстановки и полное отсутствіе инициативы. Бой за Салинпу ведется вяло и неумѣло. 18-го числа наши 68 батальоновъ дерутся противъ японскихъ 30-ти и дѣло кончается отступленіемъ на мукденскія позиціи по приказанію старшаго начальника, и мы добровольно отдаемъ непріятелю весьма важную позицію, а потомъ, 21-го и 22-го числа, дѣлаемъ неудачную попытку отобрать эту позицію обратно, 22-го же февраля мы ведемъ упорный бой у Юнхунтуня и задерживаемся на своихъ мѣстахъ, что непріятелю и нужно было, такъ какъ въ это время онъ спокойно продолжалъ свой обходъ праваго фланга и приближался къ нашей желѣзной дорогѣ. Генераль Каульбарсъ, имѣя въ своемъ распоряженіи большія силы, пускаетъ ихъ въ дѣло по частямъ, пакетиками, заставляя однихъ драться, а другихъ обрекая на пассивное созерцаніе происходящаго. 21-го числа выяснилось, что, слѣдовало бы начать общее отступленіе въ ночь на 22-е число, но этого не сдѣлали—и всѣ наши усилія въ послѣдующіе бои заключались только въ борьбѣ за сохраненіе оставшейся намъ узкой полосы отступленія.

Немалое значеніе имѣло постоянное нарушеніе нами организаціи частей, съ чѣмъ мы въ минувшую войну, съ самага ея начала, нисколько не стѣснялись. Постоянное формированіе многочисленныхъ сводныхъ отрядовъ и перетасовка начальниковъ, когда отъ одного начальника отнимали ввѣренную ему часть и посылали его въ другое мѣсто и къ другимъ, неизвѣстнымъ ему войскамъ, при чемъ нельзя сказать, чтобы это дѣлалось обдуманно. За примѣромъ ходить не далеко: казалось бы, что во главѣ кавалеріи во время мукденскаго сраженія долженъ былъ находиться кавалерійскій генералъ, широко понимающій обстановку, способный по малѣйшимъ признакамъ угадывать намѣренія противника и умѣющій вычитывать изъ малѣйшихъ признаковъ группировку непріятельскихъ силъ и дѣлать изъ этого болѣе или менѣе вѣрныя предположенія; наиболѣе подходящимъ къ этому все-таки у насъ былъ генералъ Ренненкампфъ, но его въ самомъ началѣ перевели съ праваго фланга

Разрушенный крытый ходъ сообщенія.

на лѣвый, а между тѣмъ въ первомъ случаѣ роль его могла быть значительнѣе, чѣмъ въ горахъ, гдѣ дѣйствія кавалеріи и ея значеніе парализовались мѣстностью. Импровизаціи въ области организаціи доходили до того, что, напримѣръ, одинъ корпусный командиръ получаетъ подъ свое командованіе 45 батальоновъ, изъ которыхъ нѣтъ ни одного принадлежащаго къ составу ввѣреннаго ему корпуса; кромѣ того, зло отъ формированія сводныхъ отрядовъ усугублялось еще тѣмъ, что такіе отряды не имѣли штабовъ, что крайне затрудняло управленіе ими. Какъ примѣръ подобной импровизаціи, укажемъ на сводный отрядъ генерала фонъ-деръ-Лауница, въ который входило 52 батальона, 21 сотня и 132 орудія, собранныхъ изъ 3-хъ армій, 11-ти корпусовъ, 16-ти дивизій и 43-хъ полковъ. Мы, конечно, далеко не все сказали относительно причинъ, приведшихъ насъ къ пораженію подъ Мукденомъ, подобно тому какъ это было и въ другихъ случаяхъ; по этому поводу слѣдовало бы написать цѣлую и очень объемистую книгу, да и, кромѣ того, задача эта для насъ явится непосильной, поэтому ограничимся сказаннымъ, предоставляя буду-

щимъ изслѣдователямъ пролить больше свѣту на мрачныя картины нашихъ постоянныхъ поражений, низведшихъ великую армію нашу съ высоты заслуженно занимавшагося положенія. Пожалуй, можно принять за несомнѣнное, что главнѣйшая и самая важная причина лежала въ самомъ руководителѣ нашемъ, главнокомандующемъ, который не съумѣлъ, будучи такъ долго военнымъ министромъ, подготовить армію должнымъ образомъ, а въ боевомъ руководствѣ войсками и въ высшемъ управленіи ими на театрѣ войны выказалъ свою полную неспособность и бездарность, выказалъ отсутствіе пониманія обстановки, нерѣшительность и крайнюю слабость воли вездѣ, гдѣ дѣло касалось серьезныхъ вопросовъ и положеній. Насколько Куропаткинъ былъ не на мѣстѣ, легко видѣть изъ переписки между нимъ и генераломъ Каульбарсомъ по поводу мукденскаго сраженія, которую мы приводимъ въ концѣ этого тома.

Впечатлѣніе мукденскаго погрома было потрясающее; мы не только понесли полное пораженіе и огромныя потери, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ стала очевидной наша тактическая несостоятельность и недостатокъ армейской подготовки. Положеніе послѣ Мукдена было тяжелое: съ одной стороны, являлось желаніе скорѣе окончить эту несчастную войну, съ другой же—исканіе мира непосредственно послѣ Мукдена могло крайне невыгодно отразиться на мирныхъ условіяхъ, сдѣлавъ японцевъ болѣе требовательными. Въ виду этого рѣшено было тянуть время для того, чтобы привести армію въ порядокъ, пополнить потери, для чего нужно было отвести войска подальше и постепенно подготовить ихъ къ новому бою, если бы японцы на это пошли, къ тому же нѣкоторые уповали на эскадру адмирала Рожественскаго, которая могла повернуть чашку вѣсовъ въ нашу пользу. Куропаткинъ приказалъ продолжать отступленіе до линіи Гунжулинъ-Гиринъ, и это было послѣднимъ распоряженіемъ его какъ главнокомандующаго. 4-го марта онъ былъ смѣненъ и вмѣсто него былъ назначенъ главнокомандующимъ генералъ Линевичъ. По поводу этого назначенія мы будемъ имѣть еще случай говорить ниже, теперь позволимъ себѣ высказаться, что если выборъ Куропаткина оказался неудачнымъ, то выборъ Линевича могъ повести еще къ худшимъ послѣдствіямъ.

Съ 26-го числа наши арміи отступали въ безпорядкѣ, но такъ какъ японцы преслѣдовали только для виду и больше чтобы не терять соприкосновенія съ противникомъ, то вскорѣ удалось принять кое-какія мѣры для упорядоченія отступленія. Были опредѣлены районы отступленія нѣкоторымъ отрядамъ и указаны дороги для слѣдованія. Первымъ сборнымъ пунктомъ разбитыхъ нашихъ армій былъ городъ Тѣлинъ, подъ прикрытіемъ укрѣпленій котораго началось приведеніе войскъ въ порядокъ. Послѣ того какъ роль арьергарда генерала Мылова кончилась, его задача была возложена на 2-ю армію. На крайнемъ нашемъ лѣвомъ флангѣ находился отрядъ генерала Ренненкампа, который былъ въ постоянномъ соприкосновеніи съ противникомъ, остановясь у Феншуинлинскаго перевала, онъ наблюдалъ мѣстность къ югу и востоку. На правомъ же нашемъ флангѣ 1-го марта авангарды 2-й и 3-й японскихъ армій атаковали было насъ на Фанхе къ югу отъ Тѣлина, но были отбиты, а наши войска послѣ этого покинули Тѣлинъ и отошли дальше на сѣверъ. 4-го марта въ

Тѣлинъ вступили японцы, откуда 6-го числа заняли Кайюань и Факумынь, при чемъ 4-я армія расположилась у Кайюаня, а 3-я—у Факумыня. Особый японскій отрядъ былъ выдвинутъ къ Пухоншу, гдѣ возстановилъ связь съ 5-й арміей, 5-я, 2-я и 1-я японскія арміи составили ихъ главныя силы, которыя расположились къ сѣверу отъ Мукдена. Наши же войска дошли до линіи Гунжулинъ—Юнтуншигоу и расположились: 1-я армія къ юго-западу Юнтуншигоу, вдоль мандаринской дороги, 2-я армія стала въ окрестностяхъ Юшутая, а 3-я въ Кохатѣнѣ и Сипингаѣ. Главная квартира помѣстилась въ Гунжулинѣ, передовые посты занимали линію Пуменчень—Фенгва—Іехочань. Въ горномъ районѣ у Хейлунчена находилась дивизія Ренненкампа, которая прикрывала путь на Гиринъ. Съ апрѣля наступило вновь прекра-

Крушеніе поѣзда съ инженернымъ и артиллерійскимъ имуществомъ на 4 верстахъ къ сѣверу отъ Харбина.

щеніе военныхъ дѣйствій, подобное тому, какое имѣло мѣсто до Мукдена, но мы находились подъ гнетомъ превосходства нашего противника и не помышляли о переходѣ въ наступленіе, не рассчитывая на удачу, почему и готовились къ дальнѣйшему отступленію, если бы японцы вздумали двинуться впередъ. Однако положеніе наше теперь было нѣсколько выгоднѣе: мы находились ближе къ нашей базѣ, къ Харбину, съ которымъ были соединены, кромѣ желѣзной дороги, еще нѣсколькими грунтовыми путями. Въ Харбинѣ же стекались всѣ подвозы изъ Европейской Россіи, и мы могли оборонять Владивостокъ, въ случаѣ если бы противникъ сталъ угрожать ему со стороны сѣверной Кореи.

Положеніе японцевъ, между прочимъ, было таково: хотя они и нанесли намъ полное пораженіе подъ Мукденомъ, но не уничтожили нашихъ армій, и трудно было рассчитывать, чтобы новая попытка ихъ въ этомъ направленіи могла бы теперь

удаться. Стратегическіе обходы были теперь трудны, съ запада приходилось идти по монгольской степи, съ востока по горной, трудно доступной для движенія значительныхъ силъ и крайне бѣдной въ продовольственномъ отношеніи мѣстности; кромѣ того, отъ Тѣлина до Харбина около 500 верстъ, и такое удлиненіе коммуникаціонной линіи ставило операціи въ трудныя условія, при этомъ еще съ каждымъ шагомъ назадъ мы отходили на наши подкрѣпленія и усиливались, тогда какъ японцамъ для своихъ укомплектованій приходилось бы прибѣгать къ все болѣе дальнимъ подвозамъ. На бездѣтельность японцевъ за этотъ періодъ времени имѣло еще вліяніе ожиданіе исхода новаго морского сраженія, которое должна была дать приближавшаяся къ цѣли наша балтійская эскадра, и которое могло имѣть рѣшающее значеніе на ходъ сухопутныхъ операцій, и они рѣшили до выясненія вопроса занять выжидательное положеніе. Они приняли лишь только болѣе сосредоточенное положеніе и располагались: 1-я армія въ окрестностяхъ Тѣлина, 2-я—тоже, 3-я—у Факумыня, 4-я—въ районѣ Кайюаня, 5-я—на верхнемъ теченіи Хунхе, противъ Феншуинлинскаго прохода, и главная квартира помѣстилась въ Тѣлинѣ. Такъ какъ мы, наученные горькимъ опытомъ, особенное вниманіе обращали на мѣры противъ могущаго быть японскаго обхода, то и производили постоянныя развѣдки на нашихъ флангахъ, которыя приводили къ частымъ столкновеніямъ, не принимавшимъ, впрочемъ, большихъ размѣровъ. Хотя при помощи хунхузовъ противникъ производилъ попытки порчи нашего желѣзнодорожнаго пути, но онъ такъ хорошо охранялся, что всѣ эти попытки не привели ни къ какимъ результатамъ. Теперь мы остановимся немного въ описаніи событій и обратимся къ выясненію характера и роли нашего главнокомандующаго, которые особенно ярко вырисовываются въ перепискѣ его съ генераломъ Каульбарсомъ по поводу мукденскаго сраженія и операціи подъ Сандепу.

Забывая свои собственныя ошибки и промахи, приводившіе насъ къ цѣлому ряду неудачъ, какъ извѣстно, Куропаткинъ искалъ всюду и вездѣ виновниковъ несчастій. Такъ и теперь, желая найти виновника мукденскаго пораженія, онъ въ апрѣлѣ 1905 года пишетъ генералу Каульбарсу: *) „Для отраженія силъ противника, обходившаго подъ Мукденомъ нашъ правый флангъ и угрожавшихъ Мукдену съ запада и сѣвера, въ дополненіе къ основному составу ввѣренной вашему высокопревосходительству второй арміи, то-есть къ 8-му и 10-му армейскимъ и своднострѣлковому корпусамъ и бригадѣ 5-го сибирскаго корпуса, всего 96 батальоновъ, мною по званію главнокомандующаго назначено было въ ваше распоряженіе:

18-го февраля сводная дивизія.

17-го, корпуса: 12-й Зарайскій, 138-й Болховской и 140-й Зарайскій полки и три батальона Самарскаго полка.

Маршевые батальоны полковника Запольскаго.

19-го февраля 1-й сибирскій корпусъ. Этими частями вы распоряжались вполнѣ самостоятельно, безъ какого-либо вмѣшательства съ моей стороны.

---

*) Переписка генерала Куропаткина съ генераломъ Каульбарсомъ.

Кромѣ того въ составъ 2-й манджурской арміи поступило:

19-го февраля 2 сводныхъ батальона сибирскаго корпуса.

22-го февраля 13-й стрѣлковый полкъ.

24-го февраля 2 батальона Белебеевскаго и 1 батальонъ 214-го Мокшанскаго полка.

Одновременно для охраны тыла на ст. Хушитай сформированъ отрядъ полковника Громова первоначально изъ трехъ, а затѣмъ пяти маршевыхъ батальоновъ.

Цѣлью дѣйствій вашихъ было поставлено отбросить силы противника, обходящія нашъ правый флангъ. Эта цѣль достигнута не была.

Заключеніе перемирія.

Предписаніемъ моимъ 19-го февраля я предложилъ вамъ 20-го февраля съ ранняго утра перейти въ наступленіе и при этомъ указалъ на желательность образовать на нашемъ правомъ флангѣ отрядъ силою до 50 батальоновъ, дабы имъ, какъ тяжелымъ молотомъ, обрушиться на лѣвый флангъ противника, съ тѣмъ, чтобы отсюда начать ломить его въ направленіи съ сѣвера на югъ.

Во исполненіе этого предписанія вами отдана была диспозиція, согласно которой образованъ былъ для атаки лѣваго фланга противника отрядъ въ 29 батальоновъ подъ начальствомъ генерала Гернгросса.

Приказомъ генерала Гернгросса отъ 20-го февраля назначалось наступленіе уступами съ праваго фланга на фронтъ селеній Падяза—Тиньтянтунь, имѣя общій резервъ за правымъ флангомъ.

Во время выполненія означеннымъ отрядомъ поставленной ему задачи приказаніемъ вашимъ, отданнымъ въ 2 часа 30 минутъ дня, изъ лѣвой колонны отряда генерала Гернгроса взята была для поддержанія лѣваго фланга 2-й арміи одна бригада; наступленіе другой бригады этой колонны приказано было направить на линію Цуанванче—Фансутунь, за общій резервъ генерала Гернгроса изъ-за праваго фланга вернуть за центръ отряда къ с. Хоуха.

Въ результатъ поздняго начала дѣйствій, вялости и нерѣшительности ихъ, а также ослабленія среди дня состава отряда, мы къ вечеру 20-го февраля, не встрѣтивъ даже никакого сопротивленія, продвинулись своимъ правымъ флангомъ только на линію селеній Паодаотунь—Сяохунутунь—Фанситунь—Садьяфырь.

20-го февраля я просилъ ваше превосходительство и генерала Гернгроса продолжать наступательныя дѣйствія на слѣдующій день болѣе энергично.

Диспозиціей по ввѣренной вамъ арміи вмѣсто предназначавшихся 20-го февраля для удара въ охватъ лѣваго фланга японцевъ 49 батальоновъ, въ распоряженіе генерала Гернгроса для этой цѣли на 21-е февраля назначалось только 38 батальоновъ. Въ дѣйствительности же въ распоряженіи генерала Гернгроса было не 38 батальоновъ, а 33 батальона, такъ какъ сводная дивизія генерала де-Витта состояла не изъ 5 полковъ, а изъ 4-хъ, въ составѣ 15 батальоновъ. Силы эти диспозиціею были разбиты на 4 колонны на фронтѣ въ 8 верстъ, въ томъ числѣ одна колонна шла непосредственно вдоль позицій, нами уже занимавшихся.

За исключеніемъ послѣдней колонны оставалось собственно для активныхъ дѣйствій въ распоряженіи генерала Гернгроса только, согласно диспозиціи по 2-й арміи, 29 батальоновъ, а въ дѣйствительности 24 батальона. Этимъ сравнительно слабымъ силамъ назначалось дѣйствовать на фронтѣ въ 6 верстъ.

Такъ какъ указанія мои о сборѣ на правомъ флангѣ „тяжелого молота“ не были выполнены и мы 21-го февраля дѣйствовали не кулакомъ, а малыми силами, то и результаты получились совершенно недостаточные. Мы овладѣли почти безъ сопротивленія только селеніями Тиньтянтунь, Хуанванче и Цаохутунь, но не только не было взято с. Ташичао, долженствовавшее составить опорный пунктъ праваго фланга нашего захожденія правымъ плечомъ, но мы безуспѣшно пытались атаковать и с. Люцзяхуань.

Приказаніемъ по 2-й арміи дальнѣйшее наступленіе было по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ остановлено и на 22-е число приказано было лишь удерживать занятые позиціи.

Такимъ образомъ, несмотря на значительность силъ 2-й арміи и прибывшія къ ней 19-го февраля подкрѣпленія въ составѣ 63 батальоновъ, мы за два дня самыхъ важныхъ, 20-го и 21-го февраля, продвинулись впередъ нашимъ правымъ флангомъ только на западномъ фронтѣ и потеряли одно за другимъ взятые нами селенія, что и привело къ необходимости отступить, дабы не допустить японцевъ отрѣзать часть нашихъ войскъ отъ сообщеній.

Въ изложенномъ видѣ представляются мнѣ дѣйствія праваго фланга 2-й арміи 20-го и 21-го февраля, на основаніи упоминавшихся выше официальныхъ документовъ и журнала военныхъ дѣйствій 1-го сибирскаго корпуса“.

„Если въ этомъ краткомъ описаніи дѣйствій 20-го и 21-го февраля вкрались какія-либо неточности, покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство не отказать разяснить ихъ мнѣ“.

„Обязанный по прежнему своему званію главнокомандующаго представить Государю Императору отчетъ о дѣйствіяхъ всѣхъ трехъ армій подъ Мукденомъ, прошу ваше высокопревосходительство не отказать въ возможно непродолжительномъ времени прислать мнѣ описаніе, хотя бы въ краткихъ чертахъ, всего боя подъ Мукденомъ съ 12-го по 28-е февраля“.

„Въ частности особенно интересуютъ меня дѣйствія ввѣренной вамъ арміи и преимущественно праваго ея фланга съ 20-го по 23-е февраля“.

Приведенное письмо, конечно, надо разсматривать какъ обвинительный актъ для генерала Каульбарса, указывающій на неправильность его дѣйствій за означенный періодъ боевъ, отъ котораго, будто, зависѣла судьба мукденскаго сраженія. Въ сущности въ приведенномъ письмѣ Ку-

Выработка условій перемирія.

ропаткинъ указываетъ на тѣ же промахи въ общемъ направленіи веденія дѣла, на которые указали и мы въ оцѣнкѣ боевъ на западномъ фронтѣ, т. е., что Каульбарсъ сражался не всѣми своими силами, а пускалъ ихъ въ дѣло по частямъ; это отчасти и вѣроятно, но были также и причины, оправдывавшія до нѣкоторой степени такой образъ дѣйствій. Причины эти лучше всего усматриваются изъ отвѣтнаго письма генерала Каульбарса, которое мы и приведемъ здѣсь въ подлинникѣ:

Генералъ Каульбарсъ пишетъ: „Въ письмѣ вашего высокопревосходительства отъ 4-го апрѣля сего года за № 37 приводятся нѣкоторыя цифры и данныя, сопоставленіе которыхъ съ документами и реляціями отдѣльныхъ начальниковъ могло бы породить рядъ противорѣчій и недоразумѣній, во избѣжаніе коихъ въ настоящемъ письмѣ я ограничиваюсь разясненіемъ обстановки, которая для васъ могла быть извѣстна лишь въ нѣкоторой, притомъ условной степени.“

„Въ вышеупомянутомъ письмѣ приводится прежде всего перечень силъ, коими, по вашему мнѣнію, я располагалъ въ дни мукденской операціи, и притомъ съ оговоркой, что я распоряжался этими силами совершенно самостоятельно безъ

всякаго вмѣшательства со стороны вашей, какъ бывшаго главнокомандующаго. Эти силы перечисляются по днямъ, начиная съ 14-го февраля, и достигаютъ по вашему разсчету до 169 батальоновъ.

„169 батальоновъ—это почти половина суммы всѣхъ батальоновъ всѣхъ 3-хъ манджурскихъ армій, и при условіи полной мѣры самостоятельности распоряженія такими средствами, естественно вытекаетъ выводъ, хотя бы съ чисто отвлеченной точки зрѣнія, что большая часть отвѣтственности за печальный исходъ мукденской операціи должна пасть на меня.

„Нижеприведенное покажетъ, на сколько вышеприведенныя данныя относительно числа батальоновъ и времени сходятся съ документами и фактами абсолютной достовѣрности; но прежде чѣмъ перейти къ разсчету числа батальоновъ, считаю необходимымъ установить среднее число штыковъ въ батальонѣ. Изъ всѣхъ 4-хъ батальонныхъ полковъ арміи наибольшее 1057 въ батальонѣ было въ 214-мъ Бузулукскомъ полку, наименьшее 612 въ 55-мъ Подольскомъ. Въ двухъ батальонныхъ полкахъ эта наименьшая цифра спускается до 324. Всего въ 96 батальонахъ было 69.356 штыковъ, т. е. въ среднемъ 722 на батальонѣ. Къ 11-му февраля въ частяхъ пѣхоты и пѣшей артиллеріи до штата не хватало: 70 штабъ, 529 оберъ-офицеровъ, 16.131 строевыхъ и 831 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ. Отношеніе некомплекта строевыхъ къ наличному числу штыковъ было 23,4%.

„Затѣмъ въ числѣ батальоновъ, которое ваше высокопревосходительство имѣли на учетѣ во ввѣренной мнѣ арміи, значатся отъ 7 до 9 маршевыхъ, которые въ боевомъ отношеніи никакъ не могутъ считаться равносильными полевымъ и наравнѣ съ послѣдними приниматься за единицу.

„Былъ, напримѣръ, батальонъ, составленный на половину изъ понтонеровъ, на половину изъ хлѣбопеконъ и служителей интендантскихъ магазиновъ. 4 батальона полковника Запольскаго получили своихъ 34 офицера 23-го февраля въ 11 часовъ 30 минутъ дня, въ разгарѣ наступленія на нихъ японцевъ. Эти батальоны безъ офицеровъ, безъ обоза, кухонъ, патронныхъ двуколокъ, конечно были болѣе пригодны для службы въ тылу, ими напримѣръ выгоднѣе было бы замѣнить тѣ 10 надежныхъ батальоновъ 2-й арміи, которые были вытребованы вами въ Тѣлинь, Бодунэ и другіе пункты желѣзной дороги.

„15-го и 16 февраля я располагалъ не 120, а 95 батальонами, изъ нихъ непосредственно на правомъ берегу Хунхэ 32-мя; прочіе были на лѣвомъ берегу этой рѣки.

„Въ письмѣ вашемъ отъ 4-го апрѣля за № 37 приводится, что 15-го и 16-го февраля я располагалъ 24-мя батальонами 16-го армейскаго корпуса. Въ дѣйствительности произошло слѣдующее: въ полдень 15-го февраля генералъ Биргеръ получилъ какъ распоряженіе о движеніи къ Синминтину, такъ и соотвѣтствующія указанія отъ васъ, помимо меня. Бригада выступила. Черезъ 9 часовъ послѣ этого телеграммой за № 214 вы передаете бригаду эту въ мое распоряженіе. И всѣ ея дѣйствія съ 15-го по 22-е февраля включительно, происходившія въ отдѣлѣ отъ 2-й арміи, въ разстояніи 60 верстъ отъ нея, были руководимы непосредственно вами или вашимъ штабомъ помимо меня.

„Самъ генералъ Биргеръ считалъ себя непосредственно подчиненнымъ главнокомандующему, на что имѣются документы, здѣсь не приводимые въ виду своего частнаго характера. Вообще съ 15-го по 22-е февраля, за 8 дней, въ сохранившихся дѣлахъ штаба 41-й пѣхотной дивизіи имѣется 14 распоряженій главнокомандующаго или по его приказанію, отданныхъ помимо меня. Такимъ образомъ можно считать установленнымъ, что подчиненіе мнѣ вашей телеграммой № 2146 бригады генерала Биргера было фиктивное, что фактически она руководилась помимо меня и лишь съ утра 23-го февраля, войдя въ отрядъ генерала фонъ-деръ-Лауница, составила часть ввѣренной мнѣ арміи. Но состояніе бригады уже къ этому времени характеризуется слѣдующими цифрами. Разстрѣлявъ 1.332 артиллерійскихъ снаряда и 1.420.000 ружей-

ныхъ патроновъ, потерявъ изъ строя офицеровъ 17 и 567 нижнихъ чиновъ, прибыла 21-го числа, прочіе собрались въ Мукденъ 19-го и 20-го февраля. 23-го февраля въ Ахалцихскомъ полку числилось всего по 33 ряда въ ротѣ.

„При этомъ считаю долгомъ присо-
вокупить, что если бы бригада Биргера была дѣйствительно

въ моемъ распоряженіи и была бы какая-нибудь возможность дать ей указанія до ея спѣшнаго выступленія на Синминтинъ, то я лично воздержался бы отъ выдѣленія ея такъ далеко.

„Японской конницѣ еще 21-го февраля былъ противопоставленъ мною генералъ Грековъ съ кавалеріей, которую онъ лично выбралъ изъ всего отряда генерала Ренненкампа, а противъ обходящихъ 4-хъ японскихъ дивизій бригада Биргера, ослабленная прикрытіемъ всѣхъ парковъ 45-й парковой бригады, всего дивизионнаго лазарета 41-пѣхотной дивизіи и двухъ этаповъ, не считая штатнаго и нештатнаго своего обоза, была немошна въ полномъ смыслѣ слова и конечно съ большей пользой сослужила бы службу въ резервѣ праваго фланга арміи, куда она могла бы прибыть совершенно свѣжею къ утру 16-го февраля. Этимъ резервомъ я могъ бы воспользоваться для развитія успѣха у Шуанго.

„Телеграммой отъ 16-го февраля за № 2192 вы предписали мнѣ принять командованіе надъ 16-мъ армейскимъ корпусомъ и сводно-стрѣлковымъ на сѣверномъ

Наблюденіе за артиллерійскимъ огнемъ. Въ 200-хъ стахъ саженьяхъ рвутся шрапнели.

берегу Хунхе для парирования обхода японцевъ, какъ извѣстно, только въ этотъ день утромъ занявшихъ Салинпу.

„О восьми батальонахъ бригады Биргера все выяснено выше, что же касается до 25-й пѣхотной дивизіи, то она только 16-го въ 4 часа пополудни выступила изъ Бейтапу, гдѣ она находилась въ центрѣ расположенія 3-й арміи въ разстояніи около 30-ти верстъ отъ центра ввѣренной мнѣ арміи. Считаю доказаннымъ, что 14-го, 15-го, 16-го февраля я располагалъ не 120-ю, какъ вы полагаете, батальонами, а 95-ю, не болѣе 69.000 штыковъ.

„Въ позднѣйшемъ письмѣ отъ 16-го іюня за № 117 вы ставите мнѣ слѣдующее обвиненіе:

„Для противодѣйствія обходу мною направлены были въ составъ 2-й арміи и передаваемы въ ваше подчиненіе 16-й армейскій корпусъ 18 батальоновъ, 1-й сибирскій корпусъ 18 батальоновъ, отрядъ генерала де-Витта 15 батальоновъ. Мною указано было вамъ о необходимости быстро передвинуть часть 2-й арміи на правый берегъ Хунхе и предложено вамъ лично вступить въ командованіе всѣми собираемыми на правомъ берегу Хунхе войсками, при чемъ вамъ мною была указана особая важность энергичныхъ дѣйствій противъ обходящихъ войскъ, угрожающихъ Мукдену и нашему пути подвоза.

„Къ сожалѣнію, вашъ отъѣздъ нѣсколько замедлился начавшимся наступленіемъ японцевъ противъ позицій 2-й арміи на правомъ берегу Хунхе. Вслѣдствіе отхода сводно-стрѣлковаго корпуса съ праваго на лѣвый берегъ Хунхе, японцы стали распространяться вдоль праваго берега, не встрѣчая должнаго отпора, и стали обстрѣливать правый флангъ расположенія 8-го армейскаго корпуса. Генераль Мыловъ просить поддержки. Въ это время по вашему приказанію уже собранъ былъ на правомъ берегу отрядъ генерала Голембатовскаго изъ 16 батальоновъ съ приказаніемъ слѣдовать на присоединеніе къ отряду генерала Топорнина для дѣйствій противъ обходящихъ колоннъ.

„Генераль Лауницъ, согласно съ представленною имъ мнѣ запискою, обратился къ вамъ съ просьбой не только задержать этотъ отрядъ, но и перейти съ нимъ въ наступленіе, что и было вами разрѣшено. Эти 15 батальоновъ послѣ небольшого успѣха вынуждены были къ отступленію и понесли большія потери.

„Но главное это то, что ни 17-го, ни 18-го февраля вамъ не удалось подкрѣпить войска, собираемыя у Салинпу.

„По донесенію генерала Топорнина, 17-го февраля у Салинпу находилось лишь до бригады японской пѣхоты, но 18-го туда прибыло уже до двухъ дивизій. Веденный 17-го числа генераломъ Топорнинымъ бой у Салинпу не имѣлъ рѣшительнаго результата, но японцы приостановились. Тѣмъ не менѣе, если сводный стрѣлковый корпусъ оставался на правомъ берегу Хунхе и сдерживалъ бы натискъ японцевъ, прибытіе 16-ти батальоновъ Голембатовскаго въ Салинпу давало бы возможность генералу Топорнину располагать утромъ 19-го февраля для оттѣсненія японцевъ отъ Салинпу 48-ю батальонами.

„Согласно имѣющимъ донесеніямъ, батареи отряда генерала Топорнина 18-го съ 6^{1/2} часовъ утра начали подготовку атаки. Силы противника за ночь увеличились до двухъ дивизій. Обнаружился обходъ нашего праваго фланга. Для парирования обхода генераль Топорнинъ выслалъ полкъ съ двумя батареями. Около 9^{1/2} часовъ утра вы прибыли къ полю сраженія и, ознакомившись съ обстановкой, отдали приказаніе объ отступленіи на линію западныхъ мукденскихъ укрѣпленій на фронтъ Хоуха—Сахецзы.

„19-го февраля явился ко мнѣ генераль Топорнинъ съ докладомъ о дѣйствіяхъ ввѣренныхъ его командованію войскъ у Салинпу. По его словамъ, онъ 18-го надѣялся овладѣть Салинпу и приказъ объ отступленіи былъ для него неожиданностью. При этомъ Топорнинъ доложилъ мнѣ, что ваше высокопревосходительство, отдавая приказъ объ отступленіи, пояснили генералу Топорнину, что таковой отдается по моему приказанію.

„Вышеприведенное вынуждаетъ меня остановиться на дѣйствіяхъ 17-го февраля, такъ какъ выяснивъ истинныя причины недостаточнаго и поздняго сосредоточенія нашихъ силъ къ Салинпу, все происшедшее 18-го февраля явится только прямымъ послѣдствіемъ.

Офицеры 1 бат. 3 Сиб. арт. дивизіона закусываютъ на позиціи подъ берегомъ р. Хунхе близъ д. Чжанжуанцзы.

„Эта руководящая телеграмма вашего высокопревосходительства отъ 16-го февраля за № 2192, приводимая дословно, сама по себѣ представляется источникомъ недоразумѣній.

„Придавая особо важное значеніе движенію японскихъ колоннъ по вашимъ донесеніямъ въ значительныхъ силахъ долиною Ляохе въ обходъ нашего праваго фланга въ направленіи на Мукденъ—Тѣлинъ, я выслалъ вчера бригаду 41-й пѣхотной дивизіи въ Каулитунъ, куда она и прибудетъ. Сегодня направляю туда же 25-ю дивизію. Предполагая, что съ рѣшительными здѣсь намѣреніями японцы могли направить вверхъ по Ляохе около 4-хъ дивизій, я полагаю необходимымъ, чтобы 2-я армія, на обязанности которой лежитъ обезпеченіе праваго фланга, для образованія силъ превосходящихъ противника, выдѣлила бы изъ своего состава корпусъ въ составѣ 32-хъ батальоновъ, который безъ замедленія направила бы на перерѣзъ движенію противника примѣрно на Салинпу и далѣе. Для объединенія дѣйствій 16-го корпуса съ выдѣленными отъ 2-й арміи корпусами и кавалеріей и для воз-

можно болѣе рѣшительныхъ дѣйствій я полагалъ бы соотвѣтственнымъ, чтобы вы приняли на себя общее здѣсь командованіе надъ оставшимися на фронтѣ частями

по вашему усмотрѣнію, быть можетъ на генерала Лауница.

„Въ цѣляхъ установленія связи съ 25-й дивизіей сообщаю, что она будетъ ночевать у мукденскаго этапнаго пункта, завтра около полудня будетъ проходить Ташичао. 16-му корпусу была указана станція Хушитай. Благоволите сообщить, какія вами будутъ даны указанія оставленному вами началь-

У императорскихъ могилъ близъ Мукдена.

нику относительно расположенія оставленныхъ войскъ на фронтѣ“.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, въ приведенномъ послѣднемъ письмѣ Куропаткинъ ставитъ генералу Каульбарсу повидимому неотразимыя и серьезныя обвиненія, на которыя послѣдній отвѣчаетъ: „Непосредственными вашими распоряженіями 16-й армейскій корпусъ былъ расчлененъ на три группы. Бригада 41-й пѣхотной дивизіи была отправлена къ Цицикару на 500 верстъ, другая за 60 верстъ къ Синминтину; за нею черезъ 28 часовъ послѣдовала 25-я пѣхотная дивизія. Для какихъ же частей указана станція Хушитай и въ какомъ смыслѣ вы полагали необходимымъ, чтобы 2-я армія выдѣлила 32 батальона на правый берегъ Хунхе, и для объединенія дѣйствій 16-го армейскаго корпуса съ выдѣленными отъ 2-й арміи корпусами, предложили мнѣ личное надъ ними командованіе.

„Вы требовали сосредоточенія противъ 4-хъ дивизій Ноги силъ, превосходящихъ противника, т. е. нашихъ 5-ти дивизій. 25-я уже находилась противъ Салинпу, сводная 10-го корпуса къ ней спѣшила; оставалось собрать еще двѣ, не считая сводной генерала Голембатовскаго у Шуанго, и выраженіе депеши вашей „съ выдѣленными отъ 2-й арміи корпусами“ я не могъ считать за опisku, тѣмъ болѣе, что телеграмма была заши-

Главнокомандующій и командующіе 2-й и 3-й армій наблюдаютъ за стрѣльбою изъ гаубицъ.

фрована и оба слова согласованы во множественномъ числѣ. Въ общемъ я могъ полагать, что вы считали нужнымъ выдѣлить изъ состава 2-й арміи 17-го февраля два корпуса—болѣе двухъ третей всего ея состава.

„Нижеизложенный расчетъ покажетъ, сколько батальоновъ выдѣлила на правый берегъ Хунхе 2-я армія и могла ли она и должна ли была выдѣлить ихъ въ болѣемъ числѣ.

„Для занятія тыловой линіи Тоурайцзы — Сяохобетай (10 вер.)	
нужно было столько же войскъ, сколько для главной линіи	
обороны Чжантай—Холентай (15 вер.), такъ какъ большое ея	
протяженіе уравнивалось и болѣе совершенными укрѣ-	
пленіями, т. е. не менѣе двухъ дивизій	32 бат.
Стрѣлковый корпусъ, оставленный на правомъ берегу Хунхе по	
вашему предположенію	24 „
Въ Тѣлинѣ 6-й стрѣлковый полкъ	2 „
Сводная дивизія 10-го корпуса въ помощь 25-й пѣхотной дивизіи .	16 „
6 полковъ на правомъ берегу Хунхе, чтобы довести силы до	
двухъ корпусовъ	24 „
Одну дивизію оставить въ видѣ резерва всей арміи	16 „
Всего требовалось	114 „

На лицо, не хватало 9-ти батальоновъ.

Было безцѣльно просить у васъ еще одной дивизіи, такъ какъ уже 13-го февраля вы располагали только 2-й бригадой 72-й пѣхотной дивизіи.

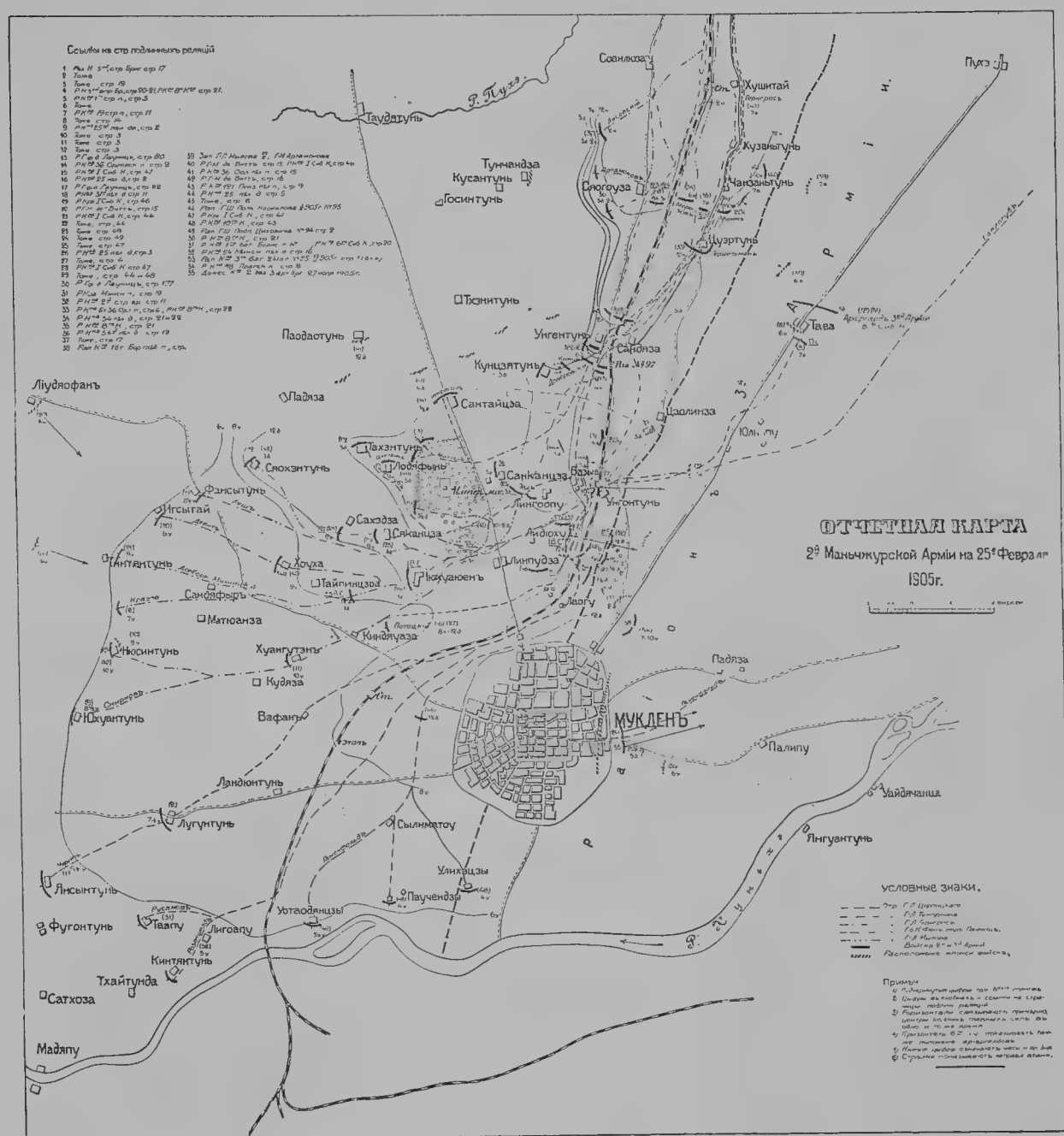
Поэтому я распредѣлилъ части 2-й арміи слѣдующимъ образомъ:

На позиціи двѣ дивизіи, 14-я и сводная	32 бат.
Въ резервѣ арміи одна дивизія	16 „
Вмѣсто всего сводно-стрѣлковаго корпуса отрядъ генерала Го-	
лембатовскаго	16 „
Отрядъ генерала Топорнина	16 „
Въ Тѣлинѣ 6-й стрѣлковый полкъ	2 „
Итого	82 „

„Остальные 14 батальоновъ были сведены въ отрядъ генерала Чурина и я приказалъ направить ихъ тоже къ 25-й пѣхотной дивизіи на Чансытунъ, что и было исполнено моимъ замѣстителемъ генераломъ фонъ-деръ Лауницъ, въ ночь на 18-е февраля, направившимъ колонну генерала Чурина на Мадяпу.

„Вышеизложенное доказываетъ, что, согласно телеграммы вашей за № 2192, 2-я армія выдѣлила все, что было возможно по своей многосторонней задачѣ и непропорціональнымъ ей средствамъ, а исполненіе подобнаго приказа, формально и буквально, т. е. перемѣщеніе къ 17-му февраля еще 2-хъ дивизій, было бы равносильно отступить за Хунхе и тѣмъ подставить 3-ю армію подъ ударъ японцевъ съ тыла, ибо дивизіей безъ резерва удерживать 10 верстъ нельзя. Къ тому несомнѣнный

крупный успѣхъ 5-ти нашихъ дивизій у Салинпу, при условіи кордоннаго занятія линіи Тутайцзы—Сяохобетай, превращался бы въ стратегическое пораженіе всѣхъ трехъ армій, такъ какъ японцы не преминули бы на плечахъ этой дивизіи двинуть къ угольному развѣзду подавляющія силы Оку.

„Чувствуя это положеніе, мы рѣшили возвратить мнѣ 1-й сибирскій корпусъ и двинуть къ Мукдену сводную дивизію генерала де-Витта.

„Рѣшающимъ пунктомъ на данномъ театрѣ было Салинпу, прочное занятіе котораго способствовало удержанію нами пространства между рѣками Хунхе и Пухе на удобной линіи стараго полотна желѣзной дороги, въ переходѣ къ западу отъ Мукдена. Тамъ былъ нашъ этапъ, занятый 17-го февраля въ 10 часовъ 30 минутъ безъ выстрѣла японцами“.

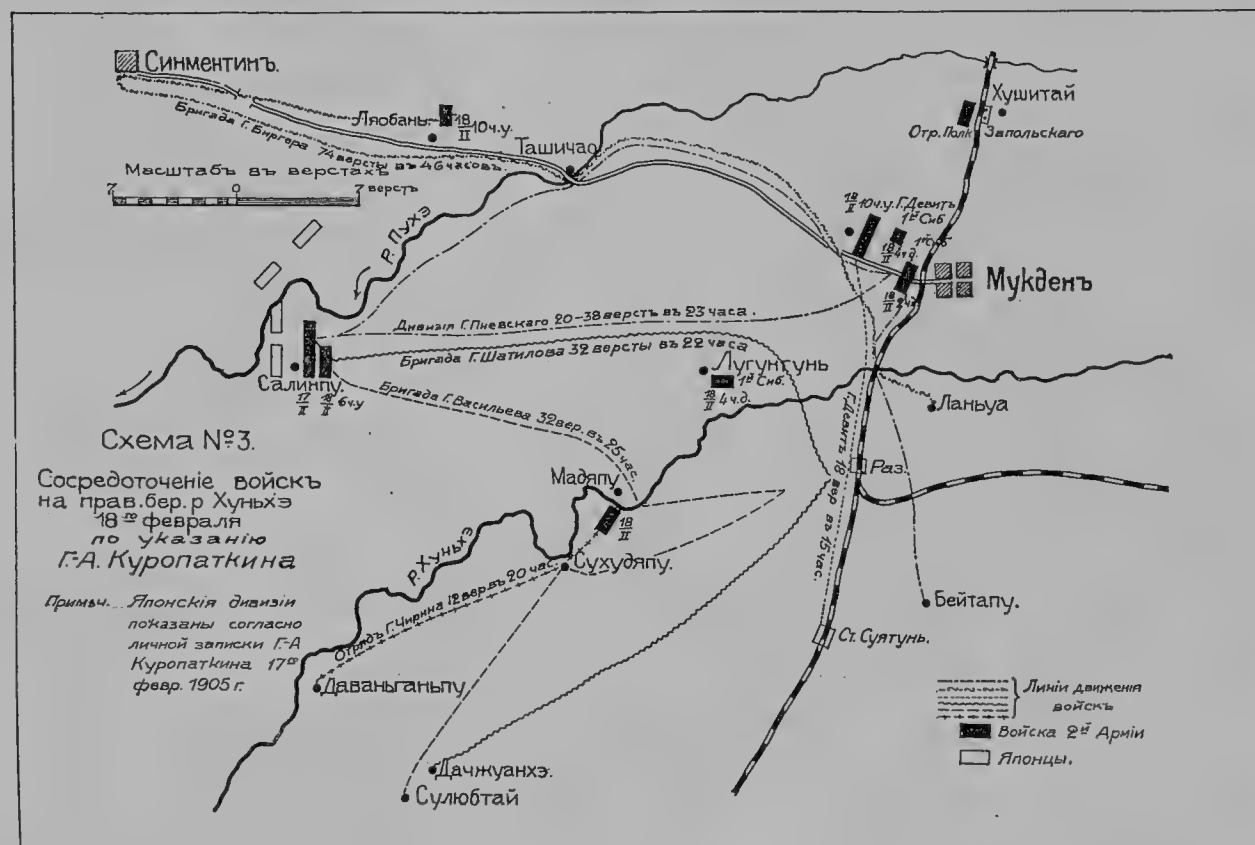

„Постепенность сосредоточенія нашихъ здѣсь силъ представляется слѣдующимъ образомъ: три полка съ 4-мя батареями выступили 16-го февраля въ 4 часа дня къ мукденскому этапу, куда аррьергардъ прибылъ въ 3^{1/2} часа утра. 100-й полкъ съ двумя батареями направленъ на Ташичао, куда прибылъ 17-го въ 5 часовъ 10 минутъ утра, а въ Ливуанпу въ 3 часа дня. Съ мукденскаго этапа три полка съ 4-мя батареями тронулись въ 8 часовъ утра 17-го февраля и прибыли въ Ливуанпу въ 1 часъ дня.

„2-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи выступила къ угольному разъѣзду въ 4 часа дня, куда прибыла въ 10 часовъ вечера. 17-го въ 6 часовъ утра тронулась черезъ Янсытунъ въ Чансытунъ, куда прибыла въ 1 часъ дня. 2-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи двинулась 16-го февраля въ 5 часовъ дня изъ Сумоботая и 17-го къ ночи прибыла въ Сухудяпу. Въ 6 часовъ утра одна бригада направилась также къ угольному

разъѣзду, но съ пути была возвращена ординарцемъ главнокомандующаго и повернула на Янсынтунь, куда прибыла 17-го февраля въ 6 часовъ вечера. 17-го февраля въ 2^{1/2} часа дня у Каулинтая встрѣтились авангарды колоннъ 25-й дивизіи и 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи. Первая могла двинуть въ бой только два полка, такъ какъ третій нужно было оставить въ резервѣ, а 100-й полкъ еще не подтянулся для дружнаго похода на Ташичао. Бригадѣ же 9-й пѣхотной дивизіи прежде всего пришлось просить поддержки артиллеріи 25-й пѣхотной дивизіи, такъ какъ вся артиллерія сводной дивизіи 10-го корпуса слѣдовала съ бригадой 31-й пѣхотной дивизіи, подошедшей къ Чансынтуню только въ 6 часовъ вечера. Такимъ

образомъ, въ 3 часа дня 20 батальоновъ съ половиннымъ числомъ орудій начали атаку противника, укрѣпившагося на линіи Салинпу—Тязыпу.

„Боемъ руководилъ генераль Топорнинъ, я былъ въ 19-ти верстахъ къ югу въ бою же подъ Шуанго. Колонны японцевъ, подвигавшіяся съ юга, были замѣчены около Тачинцзуйцза въ 4^{1/2} часа дня. Въ это же время японцы произвели двѣ неудачныя попытки охватить нашъ лѣвый флангъ кавалеріей и успѣшный охватъ праваго фланга у Чандіафана, вынудившій 99-й полкъ загнуть фронтъ. Темнѣло. Цѣпи залегли въ 900—1000 шагахъ отъ японскихъ. Очевидно, ни къ вечеру, ни въ ночь на 18-е генераль Топорнинъ не могъ рассчитывать овладѣть Салинпу, почему я въ 6 часовъ приказалъ приостановить наступленіе съ тѣмъ, чтобы продолжать его завтра утромъ. Съ разсвѣтомъ бригада 31-й дивизіи начала передвигаться къ Шандіаза. Направляясь туда, не доѣзжая Чансытуня, я видѣлъ Козловскій и Во-

ронезскій полки не снявшимися съ бивака, которые по диспозиціи генерала Топорнина въ 6^{1/2} часовъ утра должны быть въ Шандіазѣ.

„Уже въ 6 часовъ утра генералъ Топорнинъ приказалъ полкамъ 9-й пѣхотной дивизіи вести наступленіе, не зарываясь, основательно подготовивъ атаку артиллерійскимъ огнемъ.

„18-го февраля 6 часовъ 15 минутъ утра изъ главной квартиры: Противъ васъ на фронтѣ Шелихе—Санлипу наступаетъ болѣе 3-хъ дивизій. Не увлекайтесь атакой. Постарайтесь занять выгодное положеніе, задержать ихъ наступленіе на Мукденъ. Ожидайте дальнѣйшихъ приказаній генерала Каульбарса. Передано по приказанію начальника штаба.

„Въ 7 часовъ 45 минутъ генералъ Топорнинъ подтвердилъ 2-й бригадѣ 9-й пѣхотной дивизіи: „атакой не увлекаться, держать тѣсную связь съ 25-й пѣхотной дивизіей“. Въ 8 часовъ утра я былъ въ Шандіаза, гдѣ командиръ корпуса предъявилъ мнѣ вашу записку: „Посланы ординарцы на встрѣчу отрядамъ де-Витта и генерала Чурина“. Линія японцевъ тянулась отъ Духана—Бзинулу—Пуанфузу—Ъши и Чандіафанъ—Салинпу.

„Въ виду того, что части продвинулись съ утра всего на 200 шаговъ за плотно желѣзной дороги (что довело потери съ вечера 17-го числа до 2074), я поджидалъ до 9^{1/2} часовъ утра извѣстій о 25-ти батальонахъ генерала Чурина и де-Витта и убѣдившись, что ихъ вблизи нѣтъ, приказалъ занять укрѣпленную позицію (въ 6 верстахъ на востокъ), гдѣ войти въ связь съ генераломъ Чуринымъ и соединиться съ отрядомъ де-Витта.

„Повторяю изложенное въ первомъ письмѣ моемъ, что я не прикрывался вашимъ именемъ, чтобы отдать приказъ объ отступленіи при вышеприведенной обстановкѣ *).

„Зная положеніе дѣлъ вообще, я не могъ позволить взять Салинпу въ лобъ, чтобы потомъ предоставить японцамъ, продвинувшись всего 6 верстъ, безнаказанно съ 3—4-мя дивизіями стать въ Юхантуңъ и цѣною мимолетнаго, проблематичнаго, частнаго успѣха, заставить 2-ю армію, обороняясь съ юга, прорываться съ боемъ на сѣверъ, форсируя при этомъ Хунхе.

„Что касается до доклада генерала Топорнина о поразившей его неожиданности моего приказанія, то оно достаточно освѣщается вышеприведенными двукратными указаніями объ осторожности при наступленіи, данными до моей съ нимъ встрѣчи, тремя часами ранѣе мною отданнаго приказа. За эти три часа не прибылъ ни одинъ штыкъ, а убылъ не одинъ и стратегическое положеніе, въ виду совершившагося обхода, измѣнилось не въ нашу пользу.

„Перехожу къ выясненію причинъ, обусловившихъ такое наше положеніе, для чего надо прослѣдить движеніе частей.

*) Спрашивается, кому же вѣрить? Генералу ли Топорнину, который въ такомъ духѣ докладывалъ Куропаткину, ему ли, который писалъ генералу Каульбарсу, хотя послѣдній категорически отрицаетъ это и приводит основанія, по которымъ онъ приказалъ отступить. Вотъ до чего дошелъ самъ Куропаткинъ или довелъ подчиненныхъ ему генераловъ...

Примѣч. Редакціи.

„1. 25-я пѣхотная дивизія и бригада 10-го армейскаго корпуса. Этимъ частямъ пришлось всего идти 18—19 верстъ Бейтапу—Чансыетунь—Сюлинтай—Чансынтунь, т. е. самое большее 5—6 часовъ ходу. 25-я пѣхотная дивизія и 2-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи выступили 16-го февраля въ 4 часа дня, 2-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи въ 5 часовъ пополудни. Такимъ образомъ 32 батальона могли бы быть сосредоточены спокойно свѣжими къ 11-ти часамъ ночи 16-го февраля.

„Въ дѣйствительности же эти части прибыли по назначенію: 2-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи на 15 часовъ позже, въ 1 часъ дня 17-го февраля, сдѣлавъ 32 версты.

Передъ Мукденомъ.

„25-я пѣхотная дивизія на 17 часовъ, почти въ 3 часа дня 17-го февраля, сдѣлавъ 28—38 верстъ, 2-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи на 20 часовъ позже, въ 6 часовъ дня 17-го февраля, сдѣлавъ 38 верстъ. Все это произошло потому, что 25-я пѣхотная дивизія вмѣсто гипотенузы была направлена по обоимъ катетамъ, а одинъ изъ полковъ ея даже предварительно двинуть на Ташичао. Бригады 10-го корпуса вмѣсто сѣверо-запада пошли на сѣверо-востокъ, къ угольному разъѣзду. Всѣ эти распоряженія сдѣланы были штабомъ главнокомандующаго, при чемъ 25-я пѣхотная дивизія и 2-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи тронулись по этимъ направленіямъ 47-ю минутами ранѣе подачи телеграммы за № 2192 на аппаратъ, а 2-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи черезъ три минуты послѣ этого.

„Сводная дивизія генерала де-Витта. Въ письмѣ вашего высокопревосходительства отъ 4-го апрѣля за № 37 приводится, что 18-го февраля вами дано въ мое распоряженіе 7 батальоновъ Запольскаго. Отрядъ полковника Запольскаго принялъ

участіе въ дѣйствіяхъ въ составѣ 2-й арміи только 20-го февраля, какъ это выясняется реляціею генерала де-Витта за 18-е февраля. „Около 12 часовъ главнокомандующій приказалъ выдѣлить въ подчиненіе подполковника Запольскаго еще три батальона, и такимъ образомъ у него изъ имѣющихся 7 батальоновъ очутилось 10 батальоновъ“. Отряду Запольскаго приказано немедленно выступить на станцію Хушитай для обороны послѣдней. Отрядъ выступилъ въ Хушитай въ 4 часа 25 минутъ дня. На 18-е число войска, собранныя у Хушитай восточнѣе желѣзной дороги, мнѣ не были подчинены. Только 25-го февраля запискою со станціи Хушитай, помѣченной 5 часовъ 15 минутъ, состоялось это распоряженіе.

„Сводная дивизія генерала де-Витта дѣйствительно 18-го февраля присоединилась къ отряду генерала Топорнина, который получилъ объ этомъ свѣдѣніи только около полудня. Голова дивизіи генерала де-Витта прибыла къ деревнѣ безымянной (между Хоуха и Матюанза) къ 10 часамъ утра. Это было уже поздно. Въ это время

Командующій 2-й арміи награждаетъ казаковъ Уральцевъ за набѣгъ.

отрядъ генерала Топорнина отходилъ отъ линіи Салинпу. Движеніе колоннъ генерала де-Витта выясняется лучше всего выборками изъ его реляцій. Вотъ онѣ: „По первоначальному приказанію главнокомандующаго отрядъ долженъ былъ выступить изъ Суятуни 17-го февраля черезъ Тасудяпу и Татай къ Хунхе. Отрядъ еще не успѣлъ тронуться, когда его застало у деревни Суятунь второе приказаніе главнокомандующаго, гдѣ повелѣвалось въ 7 часовъ вечера отряду немедленно двинуться отъ Суятуни на Сухудяпу, гдѣ и остановиться двумъ полкамъ, а одинъ полкъ перевести на правый берегъ Хунхе на Хуанди. Второе приказаніе главнокомандующаго также не было выполнено. Отрядъ оставался на мѣстѣ у станціи Суятунь, такъ какъ около 9-ти часовъ вечера получено третье повелѣніе главнокомандующаго: задачею отряду ставилось немедленно слѣдовать на Мукденъ, выслать развѣдку отъ Мукдена на западъ и занять позицію примѣрно между желѣзной дорогой и императорскими могилами, лѣвымъ флангомъ къ синминтинской дорогѣ. Согласно 3-го приказанія отрядъ въ 10 часовъ вечера выступилъ въ походъ на Мукденъ. При слѣдованіи мимо развѣзда Сахетунъ около 11-ти съ полови-

ной часовъ вечера начальникъ отряда явился къ главнокомандующему и получилъ отъ него лично указаніе о позиціи, которую долженъ былъ занять отрядъ и о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Изъ Суятуня до Чансынтуня 16 верстъ не болѣе 5-ти часовъ ходу. Если бы отрядъ генерала де-Витта по первому требованію главнокомандующаго выступилъ на Чансынтунь, а не ждалъ бы третьяго приказанія въ теченіи трехъ часовъ, то послѣ 7-ми часового отдыха онъ бы вступилъ въ бой бокъ о бокъ съ отрядомъ генерала Топорнина“.

„1-й сибирскій корпусъ. Переночевавъ въ Чансамутунѣ съ 17-го на 18-е февраля, 1-й сибирскій корпусъ выступилъ на сѣверную сторону Мукдена, примѣрно къ императорскимъ могиламъ, для защиты города отъ вышеуказаннаго противника, но черезъ три часа получена этимъ корпусомъ другая телеграмма главнокомандующаго 17-го февраля 10 часовъ утра 30 минутъ: Энергично слѣдовать безъ замедле-

Китайскій купецъ съ фудутункой на бивакѣ батареи у дер. Мизантунь.

нія къ Мукдену, но не къ императорскимъ могиламъ, а къ станціи желѣзной дороги. Не доходя Мукдена, получено третье распоряженіе: „Слѣдовать къ станціи Мукденъ кратчайшимъ путемъ, имѣя въ виду возможность тотчасъ же вступить въ бой по прибытіи на мѣсто“.

„18-го февраля, въ 2 часа дня, 1-й сибирскій

корпусъ прибылъ къ Мукдену и командиръ его получилъ по телефону личное приказаніе вашего высокопревосходительства принять на себя защиту города съ сѣверо-западной стороны до прибытія командующаго 2-й арміей, при чемъ ему (генералу Гернгросу) временно подчинялись войска отряда генерала де-Витта, расположенныя къ сѣверо-западу отъ станціи Мукденъ.

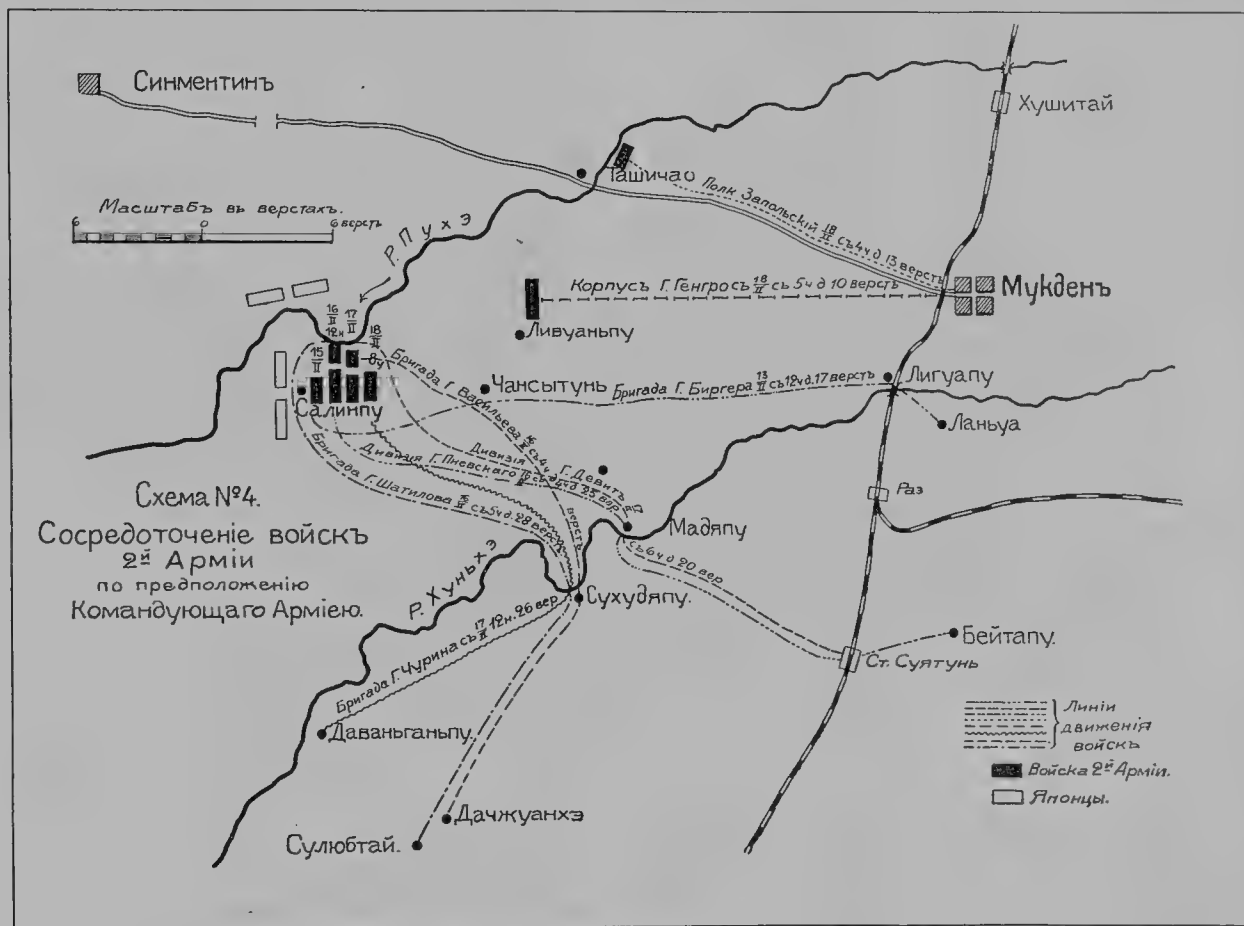
„Вслѣдствіе этого произошло слѣдующее: генераль де-Виттъ, получившій приказанія лично, непосредственно отъ вашего высокопревосходительства, началъ приводить ихъ въ исполненіе. Но будучи въ то же время подчиненъ мнѣ, онъ долженъ былъ согласовать свои дѣйствія съ таковыми отряда генерала Топорнина, съ которымъ былъ въ связи и при которомъ я находился лично. Наконецъ, прибываетъ генераль Гернгросъ, мнѣ не подчиненный, но которому вы подчинили генерала де-Витта. Генераль Гернгросъ, придя прямо съ похода съ крайняго лѣваго фланга всѣхъ трехъ армій, не зная обстановки и возложилъ на начальника штаба корпуса генерала фонъ-деръ-Бринкена производство рекогносцировки и предварительныхъ распоряженій, часть которыхъ мнѣ пришлось отмѣнить. Затѣмъ два полка восточно-сибирскихъ стрѣлковъ съ артиллеріей, послѣ труднаго марша, сдѣлали еще съ неизвѣстною мнѣ цѣлью передвиженіе до Лугуантуня 7 верстъ.

„Къ счастью, японцы въ этотъ день послѣ полудня не наступали, и все ограничилось лишнимъ передвиженіемъ нѣкоторыхъ полковъ, только что совершившихъ форсированный или ночной маршъ.

„Все вышеизложенное выясняетъ истинныя, не зависившія отъ меня причины (которыя я не могъ устранить, имѣя дѣло съ свершившимся фактомъ), по которымъ:

1. 15-го февраля или 16-го на разсвѣтъ Салинпу не было занято безъ выстрѣла 8-ю батальонами 41-й пѣхотной дивизіи.

2. 1-го утормъ противъ Салинпу не было ни одного батальона, а могло бы быть до 40, коимъ овладѣніе неукрѣпленнымъ Салинпу далось бы почти безъ потерь.

3. 17-го февраля послѣ 4-хъ часовъ пополудни 25-я пѣхотная дивизія начала наступленіе прямо съ похода, когда на ея глазахъ подтягивались японскіе резервы, и не могла закончить атаки къ вечеру того же дня.

4. 18-го февраля на разсвѣтъ, когда, наконецъ, всѣ предназначенные батальоны были собраны, нельзя уже было держаться на линіи Салинпу, и я приказалъ отходить на линію Люхуантунь — Матюанза, въ виду обхода нашего праваго фланга превосходными силами, которыя въ вашей собственноручной запискѣ за № 2401 на имя генерала Топорнина исчисляются до 4-хъ дивизій. Въ запискѣ было сказано: „Главная опасность вамъ угрожаетъ съ праваго фланга. Обходящія колонны противника не выяснены. Предполагается 4 дивизіи. Пойдя въ обходъ, вы подставите свой

флангъ. Полагаю, что прежде всего надо выяснитъ, какія силы вы имѣете противъ себя съ фронта и на флангъ, дабы потомъ рѣшить о способѣ дѣйствій. Вамъ надо базироваться на Мукдѣнъ. Когда пріѣдетъ генераль баронъ Каульбарсъ, прочтите и передайте ему эти указанія“.

„Если бы вы ограничились письмомъ своимъ отъ 4-го апрѣля за № 37, я бы на этомъ покончилъ съ событіями 17-го и 18-го февраля, но письмомъ отъ 16-го юня недостатокъ силъ нашихъ у Салинпу вы приписываете мнѣ, что вынуждаетъ меня въ заключеніе изложить вамъ тѣ распоряженія, которыя я долженъ былъ отдать, если бы бывшій главнокомандующій ограничился назначеніемъ части въ распоряженіе командующаго 2-й арміей, предоставляя ему направленіе и руководство ими“.

1. „Не повторяя приведеннаго выше о бригадѣ генерала Биргера, ограничусь здѣсь замѣткой, что, выступивъ 15-го въ полдень и слѣдуя черезъ Лугуанпу и Чансынтунъ, эта бригада могла бы быть въ Салинпу (17-го) къ 6 часамъ вечера . . . . . 8 бат.
2. 25-я пѣхотная дивизія, выступивъ 16-го февраля въ 4 часа дня изъ Бейтапу и направляясь черезъ Мадяпу, имѣла бы переходъ въ 24 версты и къ 6 часамъ утра 17-го февраля свѣжею пришла бы въ Салинпу . 16 „
3. Сводная дивизія 10-го корпуса, выступивъ по бригадно 16-го февраля въ 4—5 часовъ дня, слѣдуя черезъ Сухудяпу, могла бы пройти 22—26 вер. совершенно увѣренно къ 6 часамъ утра 17-го февраля . 16 „
4. Сводная дивизія генерала де-Витта, выступивъ 17-го февраля въ 6 часовъ пополудни, направляясь не на Мадяпу, могла пройти 20 верстъ къ 7 часамъ утра 18-го числа . . . . . 12 „
5. Отрядъ генерала Чурина, тронувшись послѣ полуночи на 18-е февраля изъ Даваганьпу, направленный не на Мадяпу, а на Сухудяпу (что было бы совершенно безопасно, при условіи прочнаго занятія нами Салинпу), могъ бы совершить переходъ въ 24 версты въ 10 часовъ утра . . . . . 13 „
6. 1-й сибирскій корпусъ, какъ было сказано выше, этотъ корпусъ послѣ форсированнаго перехода, придя 18-го февраля въ 2 часа дня къ этапу былъ поднять и частями передвинуть къ Хоуха и Лугуянтуню. Не заходя на этапъ, эти лишнія 10—14 верстъ эшелонировали бы его голову къ Ливуанпу къ вечеру 18-го февраля . . . . . 18 „

7. Наконецъ, отрядъ полковника Запольскаго я не считалъ нужнымъ 18-го въ 4 часа дня направить на Хушитай, чтобы къ утру 20-го опять передвигать его къ правому флангу отряда генерала де-Витта. Расположеніе его у Ташичао лучше прикрывало бы желѣзную дорогу, чѣмъ непосредственное занятіе станціи Хушитай и отдавало намъ тоже безъ выстрѣла Ташичао, бесплодныя атаки котораго 20-го и 21-го февраля стоили столько жертвъ“.

„Суммируя: къ утру 18-го февраля можно было имѣть у Салинпу 65 батальоновъ, обезпеченныхъ отъ обхода справа бригадой полковника Запольскаго съ 16-ю орудіями и дивизіономъ Нѣжинскихъ драгунъ, совсѣмъ ненужныхъ генералу де-Виттъ, впереди отряда котораго былъ цѣлый корпусъ. А въ полупереходѣ, на прямомъ пути къ Мукдену, былъ бы еще резервъ въ 18 батальоновъ 1-го сибирскаго корпуса.

„Только такимъ прямымъ и естественнымъ направленіемъ колоннъ можно бы сосредоточить превосходящія противника силы и, при томъ, не безпокая бывшаго главнокомандующаго просьбой хотя бы объ одномъ штыкѣ. Не позволяя себѣ трогать войска съ биваковъ, ни одною минутою ранѣе, чѣмъ трогались въ дѣйстви-

Наводка мостика на притокѣ р. Шахе.

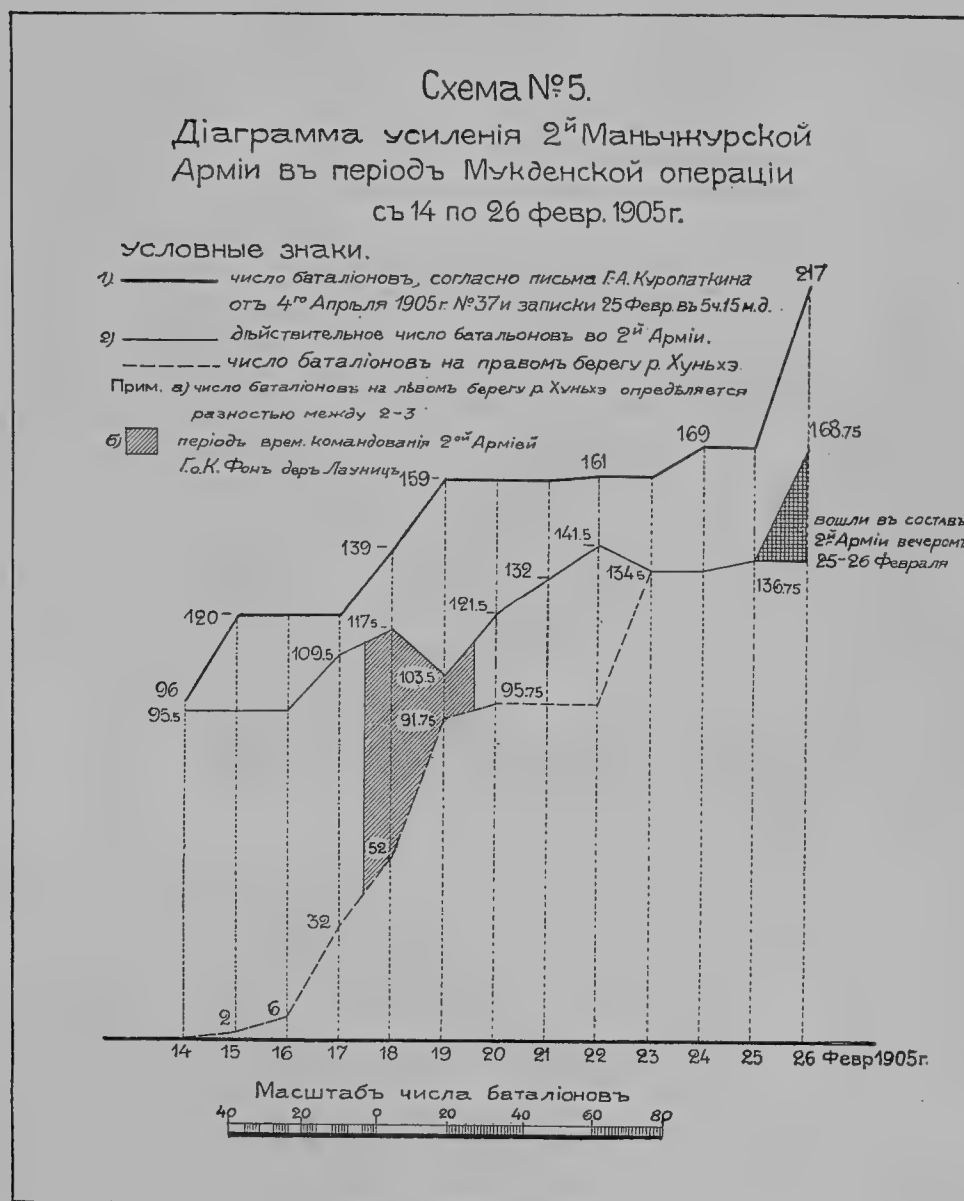
тельности, отнюдь не форсируя силъ солдата требованіемъ быстрыхъ переходовъ, а главное, нисколько не компрометируя общаго положенія трехъ армій, оставляя его неизблемымъ по вашимъ указаніямъ. Приходилось ставить не въ вину, а въ заслугу, что сводный стрѣлковый корпусъ отходилъ по лѣвому берегу Хунхе, имѣя рѣку между собой и противникомъ, а никакъ не наоборотъ. Не нужно было бы и оттягивать на сѣверъ отрядъ генерала Голембатовскаго, безъ смѣлой контръ-атаки котораго отходъ 2-й арміи съ линіи Тутайцзы—Сяобейхе былъ бы обставленъ болѣе чѣмъ условно. Только при такомъ направленіи движенія колоннъ планъ вашего высокопревосходительства, изложенный въ телеграммѣ 16-го февраля за № 2192, позволялъ бы разсчитывать на успѣхъ и оправдывалъ бы отвлеченіе меня среди боя отъ главной массы ввѣренной мнѣ арміи. Между тѣмъ, какъ вы сами изволили усмотрѣть изъ вышеизложеннаго, указанныя директивы ваши привели меня 18-го февраля къ положенію командующаго своднымъ корпусомъ изъ одной дивизіи 16-го и 2-хъ бригадъ 104-го армейскаго корпусовъ, въ присутствіи обоихъ командировъ этихъ корпусовъ Церпицкаго и Топорнина. Только при такой организациі сосредоточенія былъ бы легко, спокойно и естественно созданъ тотъ тя-

желый молотъ, на который указывается въ позднѣйшемъ предписаніи вашемъ отъ 19-го февраля за № 246, но силою не въ 50 батальоновъ, а въ 83 и не на 20-е февраля, а 48 часами ранѣе и не на желѣзной дорогѣ, а въ переходѣ отъ нея.

„Тѣмъ болѣе, что 18-го на лѣвомъ флангѣ этотъ тяжелый молотъ было собрать легко исполнѣ безопасно, такъ какъ противникъ никакъ не могъ помѣшать

передвиженіямъ нашихъ колоннъ въ глубокомъ тылу укрѣпленной позиціи на Шахе и на линіи вдоль теченія Хунхе. Какъ будетъ видно изъ послѣдующаго, создавая на правомъ флангѣ „тяжелый молотъ“ послѣ 20-го, пришлось считаться и съ японцами, выигравшими два дня лишнѣхъ на свое усиленіе, и съ положеніемъ боевой работоспособности частей, понесшихъ за эти два дня потери и труды. Объ этомъ подробнѣе будетъ на своемъ мѣстѣ, когда будетъ доказано, что фактически „тяжелый молотъ“ могъ быть созданъ на правомъ

флангѣ только 23-го февраля, но, къ сожалѣнію, не 83 свѣжихъ батальона, а въ 60 переутомленныхъ семидневнымъ боемъ. Не могу скрыть отъ вашего высокопревосходительства, что 18-го февраля, когда командующій 2-й арміей могъ бы располагать у Салинпу двумя корпусами, имѣя близко въ тылу 1-й сибирскій корпусъ, неожиданный для японцевъ переходъ въ наступленіе мощными силами, вѣроятно, покончилъ бы съ авантюрою Ноги. Положеніе его 3—5 дивизій въ долину Пухе, имѣя передъ собой 83 батальона на правомъ флангѣ, въ 12 верстахъ свободный резервъ 2-й арміи въ 18 батальоновъ, было бы немыслимо, а наше положеніе имѣло бы за собой всѣ выгоды охватывающаго.

„Такого случая дѣйствительнаго сосредоточенія на рѣшающемъ пунктѣ въ текущую кампанію еще не было и имъ нужно было воспользоваться, его должно было создать. Глубоко обдуманый, смѣло исполненный планъ обхода сводился бы къ отступленію японцевъ, притомъ безъ запасовъ—роковому не для однихъ азіатовъ.

„Изъ прилагаемой діаграммы № 5 ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что на 17-е и 18-е февраля я располагалъ не 120—139 батальонами, а 109 и 117, изъ нихъ на правомъ берегу Хунхе 32—52 батальона.

„Въ письмѣ отъ 4-го апрѣля за № 37 ваше высокопревосходительство не ставите мнѣ никакихъ упрековъ относительно дѣйствій 2-й арміи 19-го февраля и мой отвѣтъ долженъ бы ограничиться разъясненіемъ, что вы считали, что 1-мъ сибирскимъ корпусомъ я могъ распорядиться со времени его прибытія, что подтверждаете и въ послѣдующемъ письмѣ своемъ отъ 17-го іюня за № 117, но предписаніе 19-го февраля за № 246 помѣчено вами 9 часовъ 30 минутъ вечера, а получено мною въ 10 часовъ вечера. Уже 18-го февраля я просилъ васъ ускорить сосредоточеніе силъ на правомъ флангѣ передачей этого корпуса въ мое распоряженіе, но это былъ вашъ стратегическій резервъ, вы изволили признать это несвоевременнымъ, поэтому эти силы не входили въ соображенія, ни въ диспозицію за № 10, гдѣ объ этомъ корпусѣ упоминается въ смыслѣ мѣстонахожденія и силы резерва главнокомандующаго. Поэтому 19-го февраля я располагалъ не 159-ю батальонами, а 103-мя, равно какъ въ тотъ же день изъ состава 2-й арміи убыло по вашему приказанію 5-й стрѣлковый полкъ къ угольному развѣзду и 60-й Замосцскій полкъ въ 3-ю армію, а отрядъ генерала Иванова примкнулъ къ 5-му сибирскому корпусу.

„Но въ позднѣйшемъ письмѣ вы ставите мнѣ въ вину слѣдующее *): „Въ памятной запискѣ, представленной мнѣ генераломъ Лауницемъ о дѣйствіяхъ войскъ, находившихся подъ его начальствомъ съ 17-го по 20-е февраля, значитъ, что 19-го февраля, въ 5^{1/2} часовъ по полудни, начальникомъ штаба арміи сообщено генералу Лауницу, что вами на 20-е было назначено общее наступленіе войскъ, находившихся подъ начальствомъ Лауница въ направленіи на деревню Сухудяпу, при чемъ для участія въ этой атакѣ къ генералу Лауницу долженъ былъ прибыть генералъ Церпицкій“.

„На основаніи сего распоряженія генераломъ Лауницемъ была отдана диспозиція, по которой цѣлью дѣйствій войскъ, находившихся на обоихъ берегахъ Хунхе, ставилось овладѣніе селеніемъ Сухудяпу и затѣмъ дальнѣйшее наступленіе на западъ“.

„Около часу ночи на 20-е февраля генералъ Лауницъ получилъ новое распоряженіе вашего высокопревосходительства, на основаніи коего цѣлью дѣйствій войскъ, находившихся въ подчиненіи генерала Лауница, ставилось, вмѣсто наступленія, сохраненіе занятыхъ войсками позицій“.

„Согласно имѣющихся документовъ, въ 12 часовъ ночи съ 18-го на 19-е къ вамъ былъ посланъ генералъ Эвертъ съ порученіемъ передать мое приказаніе, въ

*) Выдержки изъ письма Куропаткина.

которомъ указывалось, что я ожидаю отъ васъ энергичнаго наступленія 19-го февраля, что собранныя для того силы 90 батальоновъ для сего достаточны, что потеря даже одного дня для насъ опасна и что направленіе атаки правымъ или лѣвымъ флангомъ предоставляется вамъ“.

„Что было вами сдѣлано для выполненія сего приказанія, мнѣ неизвѣстно, но все 18-е было потеряно для наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны. Между тѣмъ, по полученнымъ донесеніямъ, видно было, что войска арміи Ноги продолжаютъ свой обходъ“.

„Обезпокоенный такимъ положеніемъ дѣлъ, я просилъ васъ 19-го февраля пожаловать ко мнѣ для совмѣстнаго съ вами обсужденія: какой способъ дѣйствій надлежитъ принять для рѣшительнаго противодѣйствія обходу“.

„Можно было перейти въ наступленіе, какъ съ нашихъ позицій, лежащихъ къ юго-западу отъ Мукдена, такъ и съ нашихъ позицій, лежащихъ къ сѣверо-западу отъ него. Въ виду потеряннаго нами времени, противникъ могъ настолько глубоко обойти нашъ флангъ, что я считалъ болѣе выгоднымъ для насъ переходъ въ наступленіе съ позицій, лежащихъ къ сѣверо-западу отъ Мукдена, противъ лѣваго фланга противника“.

„Вы, напротивъ того, полагали, что болѣе рѣшительные результаты могутъ быть достигнуты при переходѣ въ наступленіе съ позицій, лежащихъ къ юго-западу отъ Мукдена (съ линіи Янсынтунъ—Мадяпу). Къ сожалѣнію, вы, несмотря на мои напоминанія, не приняли мѣръ къ занятію и удержанію такъ называемыхъ позицій Дембовскаго, имѣвшихъ весьма важное значеніе. Поэтому при наступленіи въ указанномъ вами направленіи намъ приходилось бы брать эту позицію въ лобъ. Въ результатѣ совѣщанія вы тоже пришли къ заключенію, что болѣе соотвѣтственно сложившейся къ 20-му февраля обстановкѣ перейти въ наступленіе съ указанныхъ выше позицій, лежащихъ къ сѣверо-западу отъ Мукдена. Для удара въ этомъ направленіи въ первую очередь рѣшено было назначить 49 батальоновъ, къ которымъ должны были присоединиться, по мѣрѣ движенія впередъ генерала Гернгросса, 16 батальоновъ 25-й пѣхотной дивизіи, а затѣмъ и войска, находившіяся подъ начальствомъ генерала Церпицкаго. Съ этимъ рѣшеніемъ вы отправились къ себѣ въ вагонъ, а для распоряженій, для исполнительной работы въ помощь вамъ для составленія диспозиціи я отправилъ, въ виду отсутствія въ такую важную минуту чиновъ вашего штаба, генерала Эверта“ *).

„Чтобы разбить армію Ноги, нужны были активныя дѣйствія не менѣе двухъ нашихъ корпусовъ. Это уравнивало хотя отчасти силы противниковъ, что между прочимъ указано въ депешѣ вашей отъ 16-го февраля за № 2192, но эти силы нужно было сосредоточить и избрать надлежащее направленіе для дѣйствій“.

„Изъ вышеизложеннаго видно, что 18-го февраля противъ арміи Ноги было сосредоточено и мнѣ подчинено:

---

*) Конецъ выдержки.

Отрядъ генерала Топорнина	32 бат.
„ „ де-Витте	12 „
<hr/>	
Всего	44 „

на линіи Юхуантунъ—Сахедза 9 верстъ, не считая подошедшаго резерва, 1-го сибирскаго корпуса 18 батальоновъ, мнѣ не подчиненнаго. Въ противномъ случаѣ послѣ отдыха въ 4 часа утра 19-го февраля этотъ корпусъ былъ бы направленъ на Лугуантунъ“.

„Такимъ образомъ, я располагалъ къ утру 19-го февраля всего 44-мя батальонами.

„Части генерала Лауница подходили:

Къ Янсынтуню къ 4 ^{1/2} часамъ утра	12 бат.
На линію Фуншуньтунъ къ 8 часамъ утра	12 „
Къ Саходза къ 7 часамъ утра	13 „
<hr/>	
Итого	37 „

„Операціонныхъ направленій представлялось два:

„Первое на линію Ташичао—Пинлоупу, направляя ударъ на лѣвый флангъ арміи Ноги съ тѣмъ, чтобы принудить ее къ отступленію. Преимущества этого направленія сводятся только къ тому, что попутно прикрывалась желѣзная дорога. Невыгоды же заключались въ томъ, что при лучшемъ исходѣ, дивизіи Ноги отбрасывались на свои же резервы, на свои же сообщенія, что не могло повлечь за собою рѣшительныхъ результатовъ.

„По мѣрѣ наступленія, наши силы уменьшались, а противникъ, отходя на свои, ихъ усиливалъ.

„Вызывалась неизбежность рокировки силъ, и силъ значительныхъ, на правый флангъ, такъ какъ на немъ было всего 28 батальоновъ генераловъ Васильева и де-Витта. Такое передвиженіе представляло опасность вслѣдствіе близости къ противнику, отлично освѣдомленному, и требовало сутки времени.

„Сосредоточивая „молоть“ на правомъ флангѣ 19-го февраля, нельзя было сдѣлать его „тяжелымъ“. Нельзя было снять отрядъ генерала Гершельмана съ лѣваго берега рѣки, не принудивъ въ то же время 3-ю и 2-ю арміи перейти на правый берегъ Хунхе, т. е. добровольно сдѣлать то, на что японцамъ понадобилось 4 дня боя (чтобы заставить насъ очистить линію Шахе).

„Кромѣ того, нельзя было оставить въ началѣ операцій незанятою нашу линію Мадяпу—Хоуха (16 верстъ), что требовало не менѣе 24-хъ батальоновъ. (Уже ослабленныхъ трехдневнымъ боемъ. Въ Прагскомъ полку, напримѣръ, оставалось только 6 ротъ).

„Прикрывая желѣзную дорогу, выборъ того направленія обнажалъ Мукденъ, такъ какъ слабые полтора батальона на версту на незаконченной въ инженерномъ отношеніи позиціи представляли собою защиту весьма условную.

„Не умаляя важнаго значенія желѣзной дороги вообще, я для даннаго времени, дней мукденской операціи, придавалъ первенствующее значеніе Мукдену уже потому, что, владѣя имъ, мы имѣли значительные запасы всѣхъ родовъ болѣе чѣмъ на 10 дней, въ теченіе которыхъ мы могли собраться и разбить японцевъ, а по-

теря Мукдена заставила насъ остановиться не ближе Тѣлина, такъ какъ однокорейная желѣзная дорога не могла справиться съ правильнымъ подвозомъ всѣхъ суточныхъ потребностей 3-хъ армій.

„Второе южное, на правый флангъ арміи Ноги представляло слѣдующія преимущества:

а) „Ударъ раздѣлялъ арміи Ноги и Оку между собою и при успѣхѣ отбрасывалъ перваго на Монголію.

б) „Сосредоточеніе силъ могло быть сдѣлано скорѣе, съ меньшимъ утомленіемъ главной массы войскъ, такъ какъ притягивать къ исходному пункту пришлось бы не 42 батальона.

в) „Мукденъ оставался бы вдвойнѣ прикрытымъ такъ же, какъ и положеніе генерала Гершельмана и 3-й арміи.

Отдыхъ рабочихъ на батарѣ.

г) „Въ ударѣ могла бы принять участіе половина батальоновъ и артиллерія изъ числа предназначенной къ занятію линіи Мадяпу—Хоуха.

д) „Достигнутый успѣхъ дѣлался общимъ и для войскъ, занимавшихъ лѣвый берегъ Хунхе, такъ какъ они могли непосредственно использовать удачный исходъ операций и не были бы поставлены въ критическое положеніе, если бы неудача привела 2-ю армію на ту же укрѣпленную позицію, на которой она остановилась бы.

„Была невыгода тактического характера, но она относилась къ обоимъ направленіямъ—это необходимость считаться съ позиціей Дембовскаго.

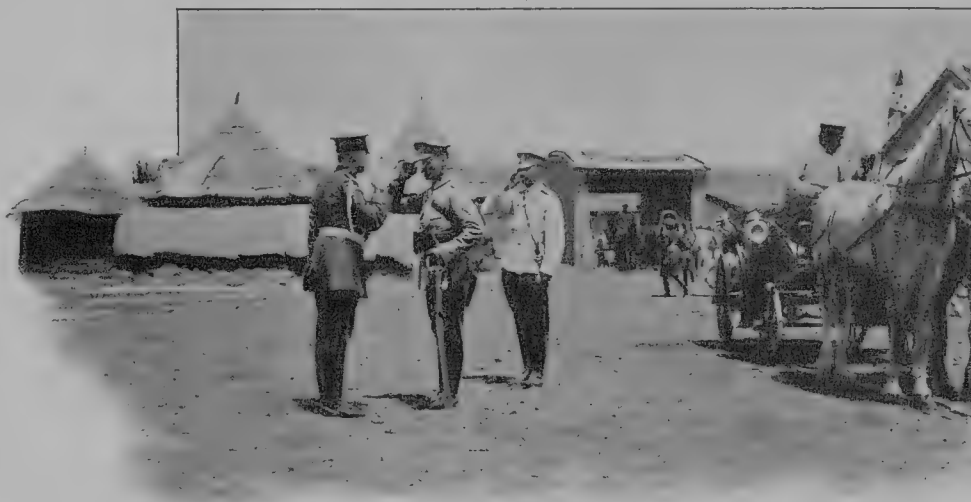
„Я склонялся въ пользу южнаго направленія. Утромъ 19-го, я далъ генералу Церпицкому всѣ инструкции и отпустилъ этого испытаннаго генерала, чтобы готовить все для начала операций на разсвѣтъ 20-го февраля.

„Предварительно я доложилъ вамъ свои соображенія, которыя вы удостоили одобреніемъ. Это было около 11-ти часовъ утра, части генерала Мылова еще не всту-

пили на правый берегъ Хунхе. Къ генералу Топорнину былъ посланъ генераль Эйхгольцъ, чтобы доложить всѣ предварительныя распоряженія. Въ 4 часа 20 минутъ дня диспозиція за № 10 была разослана. Не была потеряна ни одна минута.

„Но вечеромъ, въ 7 часовъ, вы пригласили меня къ себѣ и изложили вашъ новый планъ наступленія на лѣвый флангъ Ноги, мотивированный такъ, какъ изложено въ приведенной выпискѣ вашего письма. Я согласился съ вашими доводами, подкрѣпленными категорическимъ предписаніемъ отъ 19-го февраля въ 9 часовъ 30 минутъ вечера, № 246. „*Въ виду того, что предстоящія дѣйствія ввѣренной вамъ арміи находятся въ полной связи съ дѣйствіями другихъ армій и отъ ихъ успѣха будетъ зависѣть, быть можетъ, исходъ не только данной операціи, но и самой кампаніи, я считаю необходимымъ дать вамъ на завтра слѣдующія указанія для дѣйствій

противъ непріятеля, угрожающаго намъ не только съ запада, но даже и съ сѣверо - запада, а именно: завтра, 20-го февраля, съ раннего утра, предлагаю вамъ перейти въ наступленіе, отбросивъ противника на западъ и твердо стать на линіи

Маймакай. Пріѣздъ германскаго принца.

Сяоншупу—позиція Дембовскаго (у деревни Кудяза, восточная) и далѣе, по старому желѣзнодорожному пути, имѣя флангъ ввѣренныхъ вамъ войскъ въ направленіи этого пути или впередъ гдѣ-либо по вашему усмотрѣнію“.

„Имѣя въ виду, что расположеніе, которое видимо стремится занять противникъ, таково, что можетъ угрожать нашему тылу, я признаю необходимымъ ваше особое вниманіе для принятія самыхъ серьезныхъ мѣръ для отраженія этой угрозы. Въ виду сего, назначая въ ваше распоряженіе 1-й сибирскій корпусъ, я полагалъ бы возможнымъ образовать на вашемъ правомъ флангѣ отрядъ, силою до 50 батальоновъ, дабы ими, какъ тяжелымъ молотомъ, обрушиться на лѣвый флангъ противника съ тѣмъ, чтобы отсюда начать ломить въ направленіи съ сѣвера на югъ“.

„19-го февраля, въ 10 съ половиною часовъ вечера, прибылъ ко мнѣ генераль Эвертъ, при участіи котораго въ 12 часовъ 47 минутъ на 20-е февраля была подписана диспозиція за № 11, тотчасъ съ ординарцами разосланная въ войска.

„Что касается до пріѣзда ко мнѣ 18-го февраля генерала Эверта съ приказаніемъ атаковать армію Ноги, то отсутствіе у васъ документовъ не препятствуетъ мнѣ признать, что 18-го февраля, около полуночи, генераль Эвертъ передалъ мнѣ

*) Телеграмма № 246.

ваше предположеніе начать атаку 19-го февраля, но, какъ изложено выше, я предполагалъ на лѣвомъ берегу Хунхе не 90, а 44—50 батальонами.

„Рѣшающую операцію, требовавшую цѣлаго дня, 2-я армія 19-го февраля не могла исполнить съ должной степенью интенсивности. 35 батальоновъ были всю ночь въ походѣ, переправляясь черезъ Хунхе. Только къ полудню собрались части на правомъ берегу рѣки.

„Рекогносцировки утромъ некимъ и нечимъ было сдѣлать.

„Предназначенная на 19-е февраля атака была бы ударомъ въ темную, только на рискъ и приказывая ее въ силу власти главнокомандующаго, вы были бы обязаны всецѣло взять отвѣтственность на себя, такъ какъ всѣ отвѣтственные начальники, ничимъ не ориентированные, съ утомленными войсками, были бы вынуждены исполнить только долгъ солдата во главѣ батальоновъ или даже ротъ. Но кромѣ вышеизложеннаго было еще два обстоятельства, которыя подтверждаютъ невозможность перехода въ наступленіе 19-го февраля. Это инцидентъ Сухудяпу и предписаніе ваше № 2243.

„15-я пѣхотная дивизія, отступая съ линіи Таутайцзы—Дачуанхе на указанную вашимъ высокопревосходительствомъ линію Туэльпу—Цантапу, уклонилась на Татай, открывъ Сухудяпу, занятое японцами около 11-ти часовъ ночи 18-го же февраля. Штабъ 2-й арміи узналъ объ этомъ только отъ бывшаго главнокомандующаго, когда пришелъ вашъ запросъ генералу Лауницу. Хронологическое теченіе послѣдствій этого событія представляется въ слѣдующемъ видѣ:

„19-го февраля, въ 3 часа 35 минутъ утра, вы препроводили мнѣ записку съ указаніемъ, чтобы Лауницъ немедленно помогъ 15-й дивизіи, хотя быть можетъ донесеніе и преувеличено.

„19-го февраля, въ 4 часа 15 минутъ утра, вслѣдствіе этого я отправилъ слѣдующее приказаніе Лауницу: „Прошу немедленно принять самыя рѣшительныя мѣры къ захвату Сухудяпу, къ поддержкѣ 15-й пѣхотной дивизіи къ возстановленію связи 3-й арміи съ ввѣренной мнѣ 2-ю“. Не зная, гдѣ находятся наши войска вслѣдствіе послѣднихъ передвиженій, я не могу указать, какія мѣры необходимо принять и поручаю выборъ ихъ распоряженію вашего высокопревосходительства. Необходимо какъ можно скорѣе овладѣть Сухудяпу, выручить 15-ю дивизію и прикрыть угольный развѣздъ, на который двинуть немедленно ближайшіе два батальона“.

„Изъ полученной записки главнокомандующаго, при семъ прилагаемой, вы усмотрите, что мои распоряженія относительно овладѣнія треугольнымъ пространствомъ между теченіемъ Хунхе и старымъ полотномъ желѣзной дороги совпадаютъ съ указаніемъ его высокопревосходительства, а потому обязываютъ васъ безотлагательно приступить къ дѣлу, не стѣсняясь данными мною границами участка, которымъ надлежитъ овладѣть, но обязательно включивъ въ него Сухудяпу“.

„19-го февраля, въ 4 часа утра, вами отправлена слѣдующая записка непосредственно генералу Лауницу:

„По полученнымъ свѣдѣніямъ по телефону изъ 3-й арміи, 15-я дивизія у Татай сильно тѣснится противникомъ и отходить на Сухудяпу. Послалъ это извѣстіе барону Каульбарсу. Какія имѣете донесенія? Надо выручить 15-ю дивизію. Приготовьте къ движенію сильную поддержку. Прошу также направить батальона два на угольный разъѣздъ, для охраны нашего тыла, если вы этого не сдѣлали. Дѣйствуйте быстро. Важно первоначально, быстрая помощь хоть полкомъ пѣхоты, съ направлениемъ ея къ лѣвому флангу отходящей 15-й дивизіи. Что сдѣлаете, донесите“.

На р. Даляохэ. Сплавъ лѣса на постройку мостовъ.

„19-го февраля, въ 4 часа 30 минутъ утра, вы послали мнѣ записку такого содержания: „Свѣдѣнія отъ 15-й дивизіи подтверждаются. Дивизія въ безпорядкѣ отступила за правый флангъ 3-й арміи, въ селеніе Васючжуанцзы, открывъ Сухудяпу, которое занято японцами. Положеніе серьезное. Надо вернуть Сухудяпу, но сдѣлать это въ порядкѣ, серьезными силами, перейдя, быть можетъ, въ наступленіе всѣмъ нашимъ лѣвымъ флангомъ, на правомъ берегу Хунхе. 3-я армія поможетъ“.

„Поэтому 19-го февраля, въ 5 часовъ утра, я отправилъ генералу Лауницу слѣдующую телеграмму: „Въ виду полученныхъ свѣдѣній о занятіи противникомъ деревни Сухудяпу, возлагаю на васъ принятіе рѣшительныхъ мѣръ противъ японскихъ войскъ, находящихся въ Сухудяпу“. Такое же приказаніе послано мною по летучей почтѣ, со станціи Мукденъ. Какъ видно изъ сопоставленія реляціи командира Волынского полка генерала Толмачева, въ это время Сухудяпу было занято

только японской кавалеріей. Пѣхотныя части обнаружены позднѣе, около 6 часовъ утра.

„Въ 9 часовъ 45 минутъ утра, вы послали слѣдующее приказаніе генералу Лауницу: „Мнѣ тоже непонятно, почему такое важное событіе, крайне для насъ неблагоприятное, какъ занятіе Сухудяпу японцами, не было извѣстно вамъ. По полученнымъ мною свѣдѣніямъ—это, къ сожалѣнію, почти фактъ. Полковникъ Гескетъ доносилъ, что наши склады сожжены. Такимъ образомъ, пунктъ, назначенный вамъ для размѣщенія главнаго резерва войскъ лѣваго берега Хунхе, отданъ нами безъ нашего вѣдома“. „Гдѣ именно расположена бригада Голембатовскаго? Кто именно долженъ былъ занимать и начальствовать Сухудяпу? Опасаюсь, что если Сухудяпу сильно занято, то наши разрозненные атаки будутъ отбиты“.

„Если Голембатовскій станеть на правомъ берегу Хунхе, то почему и онъ не приметъ участія въ овладѣніи Сухудяпу?“

„Бильдерлингъ тоже хочетъ послать два батальона для атаки Сухудяпу. Кто объединить всѣ разрозненные усилія. Если Сухудяпу занятъ очень слабо, то, конечно, и разрозненные усилія будутъ имѣть успѣхъ“.

*) Это все, что хотите, только не приказаніе. Это сѣтованіе по поводу случившагося для насъ непріятнаго происшествія, робкое выраженіе мнѣній о томъ, что надо сдѣлать, это означало скорѣе полную растерянность начальства, которое не знало, что дѣлать, на чемъ остановиться, и это происходитъ въ то время, когда необходимо было ясное, опредѣленное и быстрое рѣшеніе. Японцы заняли Сухудяпу на разсвѣтѣ и тогда уже объ этомъ было извѣстно, а до 10-ти часовъ утра время проходитъ въ подобной, до преступности странной, праздной перепискѣ и въ дѣйствительности ничего не дѣлается.

„Наконецъ, послѣдовало на этотъ день рѣшеніе ваше относительно Сухудяпу, собственноручно написанное, которое цитировано въ отвѣтномъ письмѣ моемъ, отъ 8-го іюня с. г. за № 73. Остается замѣтить, что всѣ эти распоряженія получены генераломъ Лауницемъ въ то время, когда всѣ его усилія были направлены къ ускоренію переправы черезъ Хунхе многочисленныхъ обозовъ и болѣе корпуса войскъ черезъ единственный мостъ у Мадяпу, въ немногихъ верстахъ отъ противника, во исполненіе нижеслѣдующаго приказанія вашего высокопревосходительства № 2243:

„Мною сдѣлано распоряженіе сосредоточить на правомъ берегу Хунхе всю 2-ю манджурскую армію за исключеніемъ 24-хъ батальоновъ, которыхъ оставить аррьергардомъ у Сухудяпу и на позиціи въ лукѣ Хунхе у Мадяпу, а также на правомъ берегу Хунхе“.

„***) Въ зависимости отъ успѣшнаго сбора войскъ на указанныхъ имъ мѣстахъ, если мы сами не будемъ сегодня атакованы противникомъ, завтра или послѣзавтра намъ надлежитъ перейти въ энергичное наступленіе противъ обходящихъ нашъ правый флангъ японцевъ“.

*) Отъ редакціи.

**) Выдержки изъ писемъ Куропаткина.

„Въ этихъ видахъ, дабы не подставить свои силы удару противника по частямъ, не представляется желательнымъ (кромѣ особыхъ случаевъ) частичный переходъ войскъ, собранныхъ вами противъ Салинпу, въ наступленіе, пока мы не двинемся всѣми силами“.

„Остающимся временемъ для перехода въ наступленіе всѣми войсками, собранными мною на правомъ берегу, предлагаю вамъ воспользоваться, дабы возможно точнѣе выяснить силы и расположеніе противника и составить предположеніе о способѣ дѣйствій противъ него“.

„Необходимы энергичныя мѣры, чтобы выяснить, гдѣ находятся главныя силы противъ насъ, или онѣ совершаютъ болѣе глубокой обходъ. Пришлите ваши соображенія. Сегодня переѣду въ Мукденъ“.

Генераль Каульбарсъ переѣзжаетъ мостъ.

„Резюмируя вышесказанное, можно прійти къ слѣдующему заключенію:

1. „Время перехода въ наступленіе противъ Ноги не могло быть назначено на 19-е февраля, такъ какъ оно было въ зависимости отъ успѣшности переправы 2-й арміи, каковая закончилась къ полудню 19-го февраля, при чемъ войска далеко не занимали исходнаго для сего положенія.

2. „Всѣ распоряженія объ атакѣ Сухудяпу и отмѣнѣ ея дѣлались по вашимъ собственноручно написаннымъ приказаніямъ.

„Если бы ваше высокопревосходительство дѣйствительно настояли на переходѣ уже 19-го февраля въ наступленіе, то задача 2-й арміи на этотъ день должна была бы быть формулирована такимъ образомъ:

1. „Не получивъ ни одной роты изъ вашего резерва, выдѣлить дивизію въ 3-ю армію.

2. „Перевести 37 батальоновъ съ лѣваго на правый берегъ Хунхе.

3. „Приостановивъ отчасти эту переправу, произвести наступленіе на южный фронтъ (Сухудяпу) силами примѣрно отъ 8 до 12-ти батальоновъ.

4. „Перевести къ району синминтинской дороги съ Хоухе 28 батальоновъ генераловъ Васильева и де-Витте, по вашему же указанію, поставленныхъ наканунѣ.

5. „При соблюденіи этихъ 4-хъ условій, произвести наступленіе и на западномъ фронтѣ, атаковавъ на первый случай 3 дивизіи (40.000) арміи Ноги, не съ 90, а съ 45-ю батальонами, не болѣе 32-хъ тысячъ штыковъ.

6. „За 19-е февраля ни штабъ 2-й арміи, ни части ея не теряли времени, проволочка произошла вслѣдствіе вышеприведенныхъ директивъ или недоразумѣній.

7. „Напоминая мнѣ о взятіи позиціи Дембовскаго, вы не приняли во вниманіе, что распоряженія объ этомъ мною своевременно сдѣланы. Но взять ихъ нужно было войсками, кои были въ наличности только къ полудню 19-го февраля; не будь перемѣны диспозиціи № 10 на таковую же № 11 20-го февраля, противъ японцевъ было бы 60 батальоновъ и 182 орудія. Полагаю, что въ этотъ день бугры были бы наши.

„Вы считаете, что я 29-го и 21-го февраля располагалъ 159 батальонами, тогда какъ ихъ число 20-го февраля доходило только до 132-хъ.

„На театрѣ дѣйствій 2-й арміи 20-го февраля разыгралось то, что могло бы имѣть мѣсто наканунѣ, если бы, получивъ помощь съ 18-го на 19-е, я бы перешелъ въ неподготовленное наступленіе утромъ 19-го февраля.

„Чтобы составить, разослать диспозицію по арміи, обработать ее въ штабахъ корпусовъ, дивизій и отрядовъ и перевести армію въ новое исходное положеніе, семи ночныхъ часовъ мало. Это задача очень трудная, особенно принимая во вниманіе, что войска 5 сутокъ вели бой, совершая всѣ переходы преимущественно ночью.

„Получивъ въ 4-му часу утра диспозицію № 11, которая возлагала на него главную задачу, генераль Гернгросъ немедленно распорядился о сосредоточеніи и полной готовности войскъ ввѣреннаго ему отряда къ 7 часамъ утра на своихъ ночлегахъ.

„Диспозиція же требовала сосредоточенія на линіи Сяохентунь—Хоуха.

„Въ 8 часовъ утра я былъ въ Хуангутанѣ. Части сводной дивизіи были готовы, но диспозиція по 1-му сибирскому корпусу еще не отдана; генерала Гернгроса еще не было, она была готова черезъ часъ послѣ назначеннаго начала наступленія. Генераль де-Витте получилъ приказаніе Гернгроса въ 11 часовъ 18 минутъ утра. Въ общемъ на исходное положеніе части колоннъ генерала де-Витте подошли на 5—6 часовъ позднѣе назначеннаго срока. Помимо поздняго распоряженія вашего, отвѣтственность за это должна всецѣло пасть на меня, какъ главнаго руководителя. Но я обязанъ упомянуть въ пользу генерала Гернгроса, что онъ прибылъ на незнакомый ему театръ и черезъ 4 часа по полученіи диспозиціи колонны его должны были быть направлены, сосредоточены и начать дѣйствія. Разсчитывать на готовую ориентировку при помощи штабовъ онъ не могъ, получивъ, на примѣръ, такую

на 18-е февраля, которая имѣла такъ мало общаго съ дѣйствительностью, я не могу не высказаться въ его защиту въ смыслѣ склонности къ осторожности и нащупыванію“.

„Въ началѣ 2-го часа дня главнокомандующій пригласилъ къ телефону генерала Церпицкаго и приказалъ ему удерживать деревню Эльтхайцзы во что бы то ни стало, такъ какъ иначе могъ обнажиться флангъ 3-й арміи. Затѣмъ генералъ Куропаткинъ по телефону изволилъ передать слѣдующее: „ввѣренный вамъ отрядъ расположенъ на ближайшемъ пути къ мукденскому вокзалу, вблизи котораго находится весь подвижной составъ, арсеналъ и почти всѣ запасы, а потому на вашъ отрядъ направлены будутъ, вѣроятно, главныя атаки, и если вы очистите позицію,

Отступление отъ Мукдена.

занимаемую вами, то все достанется въ руки непріятеля, а тогда всѣмъ придется уходить. Дайте мнѣ слово, что какъ бы ни было тяжело положеніе ввѣреннаго вамъ отряда, вы не очистите занимаемой вами позиціи до полученія моего приказанія о томъ“. Къ этому главнокомандующій изволилъ добавить: „я радъ, что вы попали на такой тяжелый и отвѣтственный постъ, я вполне рассчитываю на васъ. Наблюдайте за дорогой, ведущей въ Мукденъ, находящейся на правомъ флангѣ вашего отряда“.

„Вы требовали отъ Церпицкаго смерти Горталова. Я далъ ему бригаду. Успѣхъ Гернгросса цѣною пораженія Церпицкаго было бы пораженіемъ всей 2-й арміи (оговариваю 20-го февраля). Другая бригада этой же сводной дивизіи выступила въ 11 часовъ ночи въ Цхоцзуантунъ, на лѣвый берегъ Хунхе, въ районъ 5-го корпуса 3-й арміи, мнѣ не подчиненной, за которую я не несъ никакой отвѣтственности.

„Положеніе Церпицкаго было въ дѣйствительности очень трудное. Вотъ, что онъ писалъ генералу Каульбарсу 21 февраля въ 2 часа дня: „Противникъ ведетъ сильную атаку на меня. Три атаки на Тасинтунъ отбиты. Прошу послать въ мое распоряженіе бригаду 31-й пѣхотной дивизіи, которую главнокомандующій предлагаетъ направить къ Лугуантуню. Главная атака, вѣроятно, ведется на меня“.

„Письменныхъ документовъ, удостовѣряющихъ въ силу какихъ обстоятельствъ эта бригада пришла по назначенію, въ штабѣ 2-й арміи не сохранилось, принимая во вниманіе, что мнѣ не было никакихъ основаній ослаблять себя передачей цѣлой бригады на лѣвый берегъ Хунхе, я могу только возстановить обстановку, при которой это совершилось. Я помню, что отъ меня требовалась бригада резерва на правый флангъ 3-й арміи и требовали спѣшно. Чтобы выиграть время и избѣжать излишняго утомленія людей, я приказалъ бригаду 31-й дивизіи передвинуть въ Лугунтунъ, а бригаду 9-й пѣхотной дивизіи поднять и спѣшно переправить въ Цхоцзуантунъ. Будемъ надѣяться, что этотъ вопросъ современемъ выяснится.

„20-го февраля, въ 7 часовъ 30 минутъ вечера, помѣчено вами слѣдующее приказаніе: „Нынѣ выяснилось, что противъ нашего праваго фланга дѣйствуетъ армія Ноги, изъ состава которой совершенно опредѣлились 1-я, 7-я и 9-я дивизіи; что касается 11-й, то вполне точно выяснилось, что она находится противъ цинхченскаго отряда. Въ теченіе дня атакованныя части всѣхъ армій и особенно 1-й армейскій и 2-й сибирскій корпуса побѣдоносно отбили атаки съ частными переходами въ наступленіе, при чемъ 1-й армейскій корпусъ взялъ два пулемета и болѣе 100 плѣнныхъ. Предписываю завтра войскамъ 1-й и 3-й армій, удерживаясь на своихъ мѣстахъ, при каждой малѣйшей возможности переходить въ частныя наступленія, дабы не дать противнику подтянуть свои резервы къ намѣченнымъ имъ пунктамъ атаки на фронтъ этихъ армій, или же оттянуть на крайній свой флангъ“.

„2-й арміи выполнить съ возможно большей энергіей возложенную на нее задачу, памятуя, чѣмъ скорѣе она будетъ выполнена, тѣмъ меньшее сопротивленіе противникъ въ состояніи будетъ ей оказать“.

„Въ теченіе ночи прошу энергично тревожить противника охотниками и отдѣльными ротами, помня, что онъ утомленъ и потрясенъ потерями болѣе насъ“.

„2-я армія, выдѣливъ изъ своего состава бригаду, включила 4 маршевыхъ батальона полковника Запольскаго. Силы остались почти тѣ же. Я рѣшился на крайнее напряженіе правымъ флангомъ, поддержавъ его съ лѣваго фланга батальонами своего резерва. Такимъ образомъ „тяжелый молотъ“ въ этотъ день состоялъ изъ:

Маршевыхъ батальоновъ	4 бат.
1-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи	2 „
Самаркандскаго полка	3 „
12-го, 138-го и 140 пѣхот. полковъ	12 „
1 бригады 10-го корпуса	18 „
1 бригады 10-го корпуса	8 „

Итого . . . . . 47 бат.

„Всего 47 батальоновъ, а не 84, исчисленные въ вашемъ письмѣ отъ 4-го апрѣля за № 37. Вы не извоили считать колонну, выдвинутую изъ Сяндяфыра на Нингуантунъ потому, что она шла вдоль позицій, нами уже занятыхъ.

„Позицій передовыхъ, прибавлю я для поясненія, по дорогѣ, не отходившей нигдѣ далѣе 2-хъ верстъ отъ ближайшей сосѣдней правифланговой колонны. Не усматривая никакихъ основаній въ содѣйствіи этой колонны, я не могу согласиться съ вами и считаю ее, въ силу моей диспозиціи, въ составѣ силъ генерала Гернгросса.

„Диспозиція по арміи была отдана черезъ 4 часа по подписаніи вами вышеприведеннаго приказанія за № 2420 въ 11 часовъ 41 минута ночи“.

Встрѣча свода кавказской казачьей дивизіи командующимъ 2-й арміи.

„Опускаю часть тактическую, ходъ дѣйствій отрядовъ 21-го февраля, тѣмъ болѣе, что предвидѣть ихъ результатъ не трудно. Та же задача съ меньшими средствами по числу батальоновъ и по числу батарей въ виду противника, къ которому день и ночь придвигались колонны, иногда днемъ на виду, такъ что обстрѣливались нашими батареями, въ самой постановкѣ своей носила зародышъ неудачи. 2-й арміи не удалось овладѣть линіей Пухе, она удержала свое положеніе, продвинувъ правый флангъ до линіи: Цаохетунъ—Цуанвъ—Тинтянтунъ.

„Въ такомъ положеніи дѣлъ, занимая 2-й арміей фронтъ въ 38 верстъ, безъ резерва, живя арміей изо дня въ день, при полной неувѣренности въ возможности исполнить тотъ или другой планъ вслѣдствіе неустойчивости, съ которой мнѣ пришлось считаться, за нѣсколько часовъ до боя, я рѣшилъ составить вамъ записку о назрѣвшемъ способѣ дѣйствій, которая была вамъ представлена на разсвѣтъ 22-го февраля, за 16 часовъ до приказа вашего объ оставленіи Шахе. Этимъ приказомъ вашимъ за № 4 отъ того же 22-го февраля:

1. „Выдѣляется отъ третьей арміи въ стратегическій резервъ 16 батальоновъ“.
2. „То же отъ 1-й арміи 24 батальона.“
3. „Войскамъ 1-й и 3-й арміи отойти главными силами въ теченіе ночи совершенно скрытно, оставивъ на позиціяхъ аррьергарды, коимъ отходить только подъ напоромъ противника, по возможности задерживая его“.

„Стратегическій резервъ сосредоточивался въ Мукденѣ. Такимъ образомъ, существенная разница между идеей вашей въ приказѣ 22-го февраля за № 4 и моей запиской отъ того же числа въ 6 часовъ утра заключается въ томъ, что вы приказали арміямъ отойти къ Мукдену, а я основывалъ весь успѣхъ на удержаніи линіи Шахе. Я полагалъ стянуть въ резервъ все, что было возможно, но отнюдь не уменьшая периферію нашего фронта, дабы не дать возможности японцамъ сдѣлать то же самое съ большею для нихъ выгодною, чѣмъ для насъ, такъ какъ укорачивая нашу отлично укрѣпленную линію обороны, мы тѣмъ самымъ превращали невыгодную для японцевъ сторону стратегическаго обхода въ тяжкую для насъ тактическаго окруженія.

„Но передъ тѣмъ, чтобы перейти къ 22-му февраля, я позволяю себѣ остановиться на диспозиціяхъ № 8 и 10 и таковой же № 11-й на то же 20-е февраля, послѣдовавшей вслѣдствіе крупной перемѣны способа дѣйствій не на правый, а на лѣвый флангъ Ноги.

„Задача мнѣ дана въ ясной формѣ вашей телеграммой за № 2400, прикрыть Мукденъ, разбить войска противника, наступающія на фронтъ къ сѣверо-западу отъ Хунхе. Ничего не могло быть болѣе опредѣленнаго. Дана полная мощь.

„И я придумалъ планъ дѣйствій, вылившійся въ диспозиціи № 10 на 20-е февраля. Только 20-го, не ранѣе, эта задача могла быть выполнена съ увѣренностью въ успѣхѣ, такъ какъ для выполненія ея нужно было удержать за собою плацдармъ и сосредоточить войска. 17-го не было ни одного штыка на избранной линіи и нужно было воспользоваться присутствіемъ главной массы на лѣвомъ берегу Хунхе, чтобы, использовавъ ея силу, дать здѣсь японцамъ отпоръ. 18-го, удерживая за собой избранную линію, подъ прикрытіемъ передовыхъ войскъ, вести сосредоточеніе, закончивъ 19-го все перемѣщеніе 2-й арміи съ лѣваго на правый берегъ Хунхе, въ районъ, къ ней непосредственно прилегающій. 20-го переходъ въ наступленіе—день, который вы такъ пророчески назвали историческимъ днемъ для Россіи.

„Вмѣсто всего этого старательно подготовленнаго плана—перемѣна, но не цѣли и средства, а лишь способа дѣйствій, и импровизированная спѣшная диспозиція, съ участіемъ генераль-квартирмейстера главнокомандующаго, съ требованіемъ рѣшающихъ дѣйствій черезъ 7 часовъ послѣ ея составленія. Въ теченіе этихъ 7 ночныхъ часовъ нужно было и перевести войска на новое исходное положеніе, чтобы на рѣшительномъ пунктѣ имѣть соотвѣтственныя силы. Первая вполнѣ удовлетворяла поставленнымъ вами цѣлямъ: Мукденъ прикрытъ и „тяжелый молотъ“ готовъ. Вторая же давала на противоположномъ флангѣ не „молотъ“, а молоточекъ, и держала главнокомандующаго и командующаго 2-й арміей подъ дамокловымъ мечомъ гнетущей тяжкой думы: удержится ли Церпицкій или не удержится“.

„Вотъ истинное объясненіе причинъ нерѣшительности, а слѣдовательно и неудачи нашихъ дѣйствій 20-го и 21-го февраля. Въ виду возможности, что эти строки современемъ послужатъ матеріаломъ для будущей исторіи этой кампаніи, я не могу скрыть, что многіе старшіе начальники не вѣрили въ возможность въ сутки совершить указанный въ предписаніи № 246 маневръ согласно диспозиціи.

„Это возможно было при единственномъ условіи, что японцы не будутъ оказывать никакого сопротивленія; при этомъ высказывалось мнѣніе, что нужно три

Смотръ войскъ Главнокомандующимъ и Командующимъ 2 арміи вскорѣ послѣ Мукденскаго боя въ окрестностяхъ гор. Маймакай.

дня, чтобы дойти до бугровъ (позиціи Дембовскаго). Въ теченіе этого срока обстановка могла вынудить всецѣло измѣнить указанія диспозиціи на 20-е февраля за № 11“.

„22-е февраля. Въ этотъ день число батальоновъ 2-й арміи дошло до апогея 142, на 29 батальоновъ менѣе, чѣмъ приводится въ вашемъ письмѣ за № 37. Обстановка сложилась такимъ образомъ. Двухдневныя усилія, по причинамъ какъ стратегическаго, такъ и тактическаго характера, не привели къ достиженію цѣли; лѣвый флангъ Ноги не былъ отброшенъ, а только пріостановилъ наступленіе головной части японцевъ. Резервъ арміи ограничивался 8-ю батальонами, кажется, около бригады было въ стратегическомъ резервѣ главнокомандующаго. Наступалъ седьмой день боя.

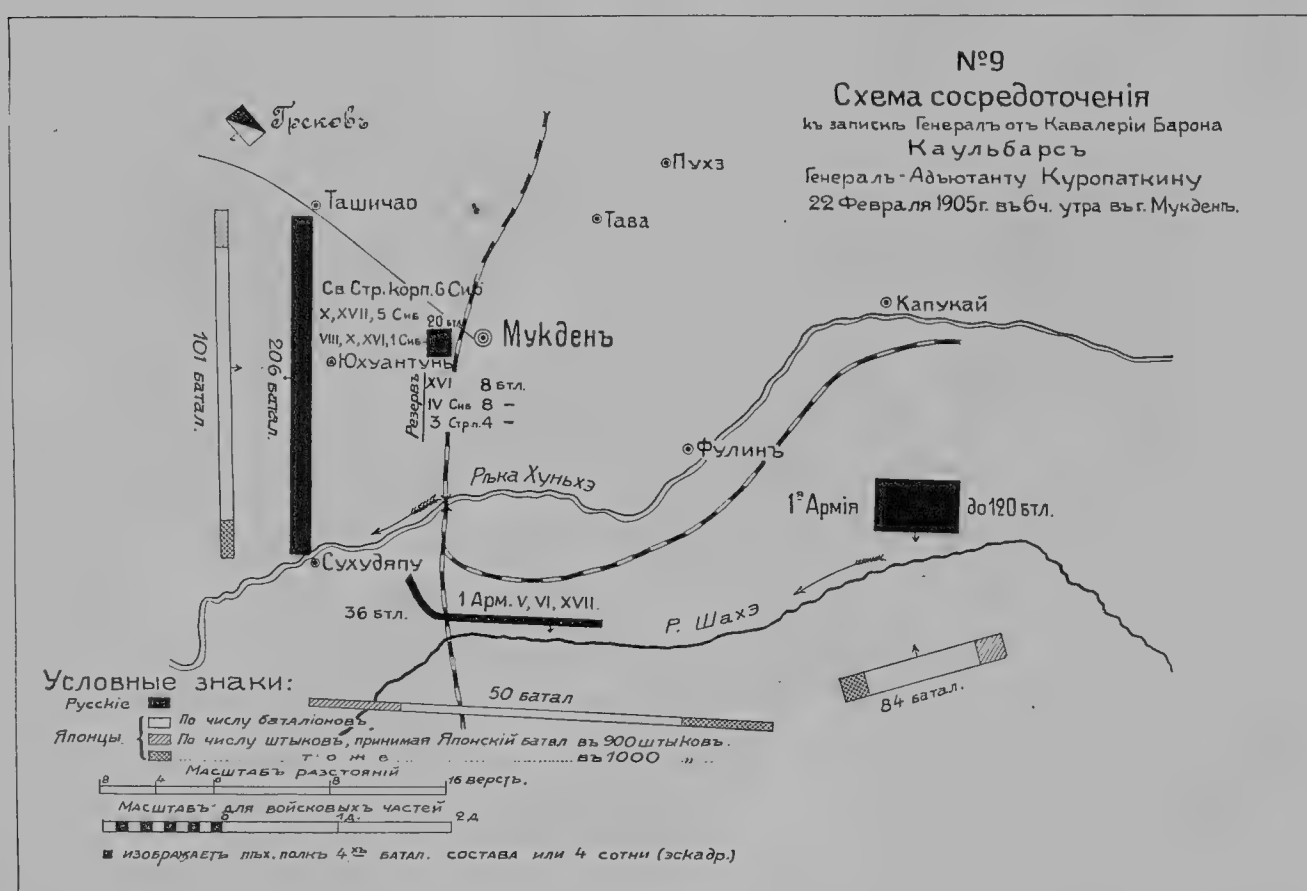
„Пріемъ японцевъ опредѣлился весьма ясно. Чтобы облегчить скорое наступленіе къ сѣверу головы своихъ обходящихъ колоннъ—предпринимались рѣшительныя дѣйствія на южныхъ участкахъ линіи 2-й арміи и притомъ соотвѣтствующими силами, дабы случайный успѣхъ использовать въ смыслѣ прорыва къ Мукдену.

„Затѣмъ, по мѣрѣ накопленія силъ на сѣверѣ, японцы переходили къ болѣе

пассивному дѣйствию и на всемъ фронтѣ 3-й арміи и на южныхъ участкахъ 2-й арміи. Необходимо было быстрое сосредоточеніе всего, что можно было собрать изъ всѣхъ трехъ армій къ головѣ отходящихъ силъ Ноги (районъ Цуертунъ или къ ея хвосту Янсинтунъ). Въ первый районъ скорѣе сосредоточиться. Этотъ районъ болѣе соотвѣтствовалъ вашему взгляду, отдававшему предпочтеніе дѣйствию на лѣвомъ флангѣ Ноги, прикрывая вмѣстѣ съ тѣмъ желѣзную дорогу.

„Немедленное исполненіе такого рѣшенія имѣло за собой многія выгоды, даже было необходимо.

„Руководимый этимъ, я рѣшилъ обезпечить васъ запиской, написанной собственноручно, въ которой цифры, за неимѣніемъ документовъ подъ рукою, не

могли быть точны до батальоновъ, такъ какъ за исходное положеніе принято штатное число батальоновъ въ корпусахъ. По моимъ соображеніямъ, изъ 412 можно бы собрать отъ 200 до 221 батальона, коими обрушиться на обходящія силы японцевъ со всей линіи 2-й арміи“.

Записка генерала Каульбарса:

„Обстановка.

„Непріятель съ трехъ сторонъ окружаетъ Мукденъ. На лѣвомъ флангѣ онъ дѣлаетъ попытки прорвать полотно желѣзной дороги. Можно думать, что значительная часть его силъ сосредоточена на фронтѣ Сахепу — Ташичао вообще и на фронтѣ Сухудяпу—Ташичао въ частности“.

„Отсюда прямо слѣдуетъ: мы должны собрать превосходныя силы на фронтѣ Сухудяпу—Ташичао и повести рѣшительное наступленіе на всемъ этомъ фронтѣ, съ цѣлью отбросить противника къ западу“.

„Данныя.

„Длина фронта Сухудяпу—Ташичао 20 верстъ. Считая по три версты на корпусъ, нужно для атаки по всему фронту 7 корпусовъ. За этимъ желателенъ небольшой резервъ.

„Принять участіе въ сосредоточеніи могутъ:

6-й сибирскій корпусъ	28 бат.
17-й армейскій „	28 „
5-й сибирскій „	28 „
8-й армейскій „	32 „
10-й „ „	32 „
16-й „ „	24 „
1-й сибирскій „	24 „
Сводно-стрѣлковый	24 „
<hr/>	
Итого	220 бат.

„Остальные батальоны должны остаться на позиціяхъ для демонстраціи“.

Общій резервъ:

Бригада генерала Биргера	8 бат.
2 стрѣлковыхъ полка	4 „
Бригада 4-го сибирскаго корпуса	8 „
<hr/>	
Всего	20 бат.

„Повторяю, что въ перечисленіи войскъ ошибки вполне возможны, такъ какъ записка имѣла цѣлью указать идею, а не выполненіе ея. Основная мысль сосредоточеніе 2-й и 3-й армій для рѣшительнаго дѣйствія, оставляя 1-ю армию на ея укрѣпленныхъ позиціяхъ, охраняя лѣвый флангъ, удерживая за нами пути, ведущіе къ желѣзной дорогѣ“.

Способъ дѣйствія.

„Въ ночь, съ 22-го на 23-е, сосредоточить всѣ эти силы на фронтѣ Сухудяпу—Ташичао, оставивъ на фронтахъ 6-го сибирскаго, 17-го и 5-го сибирскаго корпусовъ демонстративныя прикрытія фронтовъ.

„На фронтахъ 5-го, 6-го и 17-го корпусовъ, 22-го февраля, орудійная пальба и передвиженіе цѣпей пѣхоты въ южномъ направленіи къ вечеру.

„23-го февраля, на разсвѣтѣ, общая атака западнаго фронта.

„22-го передать войскамъ возможно большее число запасныхъ нижнихъ чиновъ.

„Конницу сосредоточить 22-го числа на правомъ флангѣ къ сѣверу отъ Ташичао (вѣрнѣе, параллельно дороги Ташичао—Синминтинъ)—охрана желѣзной дороги и дѣйствія въ тылъ противника“.

Развлеченія.

„При такой обстановкѣ, задача 2-й арміи сводилась къ удержанію своего положенія, исподоволь по возможности рокируясь къ сѣверу, примѣрно въ участкѣ Тахентунь—Унгентунь.

„Къ 4 часамъ утра, стянувъ къ передовымъ линіямъ поддержки, японцы внезапно атаковали и овладѣли южною частью Юхуантуня. Усилія нашихъ подошедшихъ резервовъ были неудачны. Положеніе стало угрожающимъ. Съ запада и юго-запада были замѣтны подходившія колонны японцевъ, державшіяся внѣ артиллерійскаго огня. Необходимо было возстановить наше положеніе во что бы то ни стало.

„Посланные вами два батальона Сѣвскаго и одинъ батальонъ Кромскаго полковъ и 3-я батарея 29-й артиллерійской бригады въ 9 часовъ утра тронулись на выручку. Не успѣли эти части подойти къ перевязочному пункту, какъ прибылъ отъ главнокомандующаго хорунжій Нарышкинъ съ приказаніемъ вернуть въ резервъ главнокомандующаго три поименованные батальона.

„Это приказаніе было исполнено генераломъ Пневскимъ. Помощь повернула къ Мукдену. Но дойдя до Вафана, командиръ Сѣвскаго полка доносилъ начальнику резерва главнокомандующаго: „Въ виду крайней необходимости поддержать 25-ю дивизію, я съ отрядомъ двинулся обратно къ Юхуантаню. Командиръ корпуса черезъ посланнаго офицера умоляетъ поддержать скорѣе“.

„Полковникъ Шитковскій опять повернулъ къ Юхуантаню, гдѣ 25-я дивизія къ этому времени потеряла 3.976 человекъ (36%).

„Напутствуемый вашим личным обѣщаніемъ дать мнѣ Волынской полкъ изъ вашего резерва, стоявшаго у этапа, я, разославъ приказанія Гернгросу и Церпицкому, поскакалъ въ Юхуантунъ, по пути лично предупредивъ этотъ полкъ.

„Къ Юхуантуню стекались: 4 батальона отряда полковника Циховича съ сѣвера, бригада 31-й дивизіи и 97-й полкъ съ юга. На виду надежной поддержки 25-й пѣхотной дивизіи двумя батальонами 34-го и 35-го вост.-сибирск. стрѣлк. полковъ, я приказалъ перейти въ наступленіе. Юхуантунъ, кромѣ двухъ дворовъ, перешла въ наши руки. Японцы обратились въ бѣгство. Чтобы развить этотъ успѣхъ, подъ руками ничего не было, только 4 батальона полковника Циховича.

„Со стороны отряда генерала Гернгроса нельзя было притянуть ничего. 39 его батальоновъ, растянутые на 10 верстъ, атакованные съ Уанютуня японцами, не имѣли ни одной роты въ резервѣ. Попытка начальника отряда создать таковой, выведя нѣкоторыя части изъ огня, привела къ очищенію всего праваго фланга полковника Леша. Волынской полкъ все еще не подходилъ.

„Въ реляціи его командира приведено: „Въ 1-мъ часу дня главнокомандующій обѣзжалъ войска, благодарилъ полкъ за понесенные труды и доблестную службу и приказалъ нижнимъ чинамъ выдать по чаркѣ водки. Вечеромъ, часа въ 4, получилъ приказаніе выступить полку на работы по укрѣпленію позиціи въ 2-хъ съ половиною верстахъ къ западу отъ Мукдена“.

„Я приказалъ развернуться батальонамъ полковника Циховича. Въ это время мнѣ доложили о пріѣздѣ вашего высокопревосходительства. Я свернулъ, чтобы васъ встрѣтить. Наша контръ-атака за недостаткомъ силъ вышла на короткѣ. Въ этотъ день отрядъ генерала Топорнина потерялъ 5.400 человекъ. Возвращаясь въ Мукденъ, я видѣлъ Волынской полкъ на томъ же мѣстѣ, люди въ амуниціи кипятили свои чайники.

„Противъ отряда генерала Церпицкаго оставался только заслонъ, поэтому изъ его состава было выдѣлено все, что было возможно, чтобы собрать резервъ, который неминуемо понадобится на сѣверномъ фронтѣ, куда японцы видимо переносятъ свой центръ тяжести. Всего могло быть собрано до 17 съ четвертью батальоновъ, которые подъ начальствомъ генерала Гершельмана были на первое время сосредоточены мною у Лугуантуна“.

„Наступалъ восьмой день боя“.

23-е и 24-е февраля.

„Число штыковъ въ батальонахъ и число послѣднихъ уменьшались. Повелѣніемъ вашего высокопревосходительства сформированъ сѣверный отрядъ съ особымъ назначеніемъ, прикрывая сѣверный фронтъ, отбѣснить японцевъ отъ желѣзной дороги.

„Созданный въ составѣ 27 батальоновъ отрядъ фонъ-деръ-Лауница достигъ къ 10 часамъ утра 25-го февраля до мощной, на первый взглядъ, силы въ 51 батальонъ, но его организація, составлявшая источникъ его слабости, приведена въ особомъ приложеніи № 10. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя части проходили черезъ этотъ отрядъ какъ бы транзитомъ, оставаясь въ подчиненіи ге-

нерала Лауница не полныя сутки, силы въ 51 батальонъ, 21 съ половиною сотни, 120 пѣшихъ и 12 конныхъ орудій были составлены изъ 43-хъ полковъ и 5 артиллерійскихъ бригадъ, взятыхъ изъ 16 дивизій, 11 корпусовъ всѣхъ армій и тыла.

„Это не былъ тотъ „тяжелый молотъ“, который вы имѣли въ виду создать 20-го февраля, не только по своему своеобразному составу, но и по направленію фронта. Выборъ линіи Тахентунь—Сантайцзы—Унгентунь болѣе соотвѣтствовалъ идеѣ пассивной обороны, занимая участокъ, слабо занятый раньше.

Командующій 2-й арміей награждаетъ казаковъ Екатеринодарцевъ за набѣгъ г.-ад. Мищенко.

„23-го февраля, когда японцы распространились до линіи Цахентунь—Тхени-тунь, молотъ долженъ былъ быть обращенъ:

„1. Фронтомъ на западъ. 2. Дѣйствія этого молота должны быть согласованы съ дѣйствіями сѣвернаго отряда или вѣрнѣе наоборотъ, но во всякомъ случаѣ надъ ними долженъ былъ быть общій начальникъ.

„Сила этого молота должна была бы превосходить силу отряда генерала Лауница, такъ какъ активная роль принадлежала молоту.

„Эти требованія организациі естественно вытекали изъ создавшейся обстановки, которая, несмотря на то, что мы недѣлю отступали, складывалась для насъ очень благопріятно: чѣмъ далѣе на сѣверъ продвигались японцы, тѣмъ ближе были они къ Полтавѣ.

„Въ дѣйствительности произошло слѣдующее: сѣверный отрядъ Лауница продолжилъ фронтъ 1-го сибирскаго корпуса, занимая отрядомъ полковника Запольскаго Тахентунъ, генерала Биргера Сантайцзы и генерала Домбровскаго Унгентунъ. Къ 6 часамъ утра въ этихъ трехъ отрядахъ было 15 батальоновъ, у Запольскаго 2 маршевыхъ, прочіе два не были приняты его преемникомъ генераломъ Баумгартеномъ.

„Генераль Биргеръ располагалъ кромѣ своей пострадавшей бригады еще и Модлинскимъ полкомъ и въ Унгентунѣ находился батальонъ Кромскаго полка. Первоначально этотъ отрядъ долженъ былъ быть подчиненъ генералу Мылову, причемъ генераль Домбровскийъ съ резервомъ въ 5 батальоновъ, ему подчиненный, долженъ былъ находиться въ Вазые.

„Резервъ главнокомандующаго (6 батальоновъ 4-го сибирскаго корпуса съ батареей 26-й артиллерійской бригады) долженъ былъ оставаться на этапѣ.

„Черезъ 20 минутъ генераль-квартирмейстеръ при главнокомандующемъ аналогичной запиской уведомляетъ полковника Циховича, что начальникомъ отряда назначенъ генераль Лауницъ, которому генераль Эвертъ и сообщилъ для свѣдѣнія о распредѣленіи трехъ группъ резерва главнокомандующаго. Въ то время, пока отрядъ генерала Лауница отбивался отъ атакъ японцевъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ формировался, мнѣ не подчиненный, отрядъ генерала Мылова, фронтомъ на западъ, собираясь довольно медленно у Цуертуня. Поэтому все 23-е число этотъ отрядъ генерала Мылова былъ осужденъ на бездѣйствіе.

„Въ непосредственномъ же сосѣдствѣ съ отрядомъ генерала Мылова, одновременно съ появленіемъ въ Цуертунѣ первыхъ частей отряда Борисова съ юга, дѣйствовалъ весьма успѣшно и въ опасномъ для японцевъ направленіи тяжелаго молота на лѣвый флангъ и даже тылъ ихъ небольшой отрядъ полковника Громова на фронтѣ Уасытунъ—Кусантунъ съ резервами на линіи Уаньсудза—Ядыгань.

„Положеніе наше освѣщается донесеніемъ Приморскаго драгунскаго полка поручика Щербачева: „еще разъ посылаю вамъ схему расположенія японскихъ войскъ. Нельзя ли послать сюда батарею и одинъ батальонъ пѣхоты. Вѣдь тогда можно ударить японцамъ въ тылъ и всѣ планы ихъ пойдутъ на смарку. Движенія колоннъ по большой дорогѣ на юго-востокъ теперь нѣтъ, обратно идутъ только раненые и двуколки. Еще двухъ драгунъ убили“. Если изолированныя дѣйствія полковника Громова поставили его въ такое выгодное положеніе, то каковы были бы послѣдствія соединенныхъ усилій отрядовъ сѣвернаго генерала Лауница, полковника Громова, генерала Домбровскаго, поддержанныхъ 12-ю батальонами генерала Васильева. Къ нимъ бы въ 5 часовъ дня подоспѣли свѣжими 17 съ половиной батальоновъ генерала Гершельмана. Эти отряды давали сумму въ 61 батальонъ—результаты были бы несомнѣнно не къ выгодѣ японцевъ, которые понимали свой кризисъ и неустанно бросались на отряды Гернгросса и Лауница, отвлекая вниманіе наше отъ опаснаго дня ихъ сосредоточенія нашихъ резервовъ на линіи Унгентунъ—Туннядза. Ничего подобнаго не произошло, и причина, повидимому, кроется въ организаціи командной части. Ни я, ни Лауницъ не были уведомлены объ отрядѣ полковника Громова, его силахъ и назначеніи. Онъ былъ подчиненъ непосредственно

главнокомандующему, равно какъ и генералъ Мыловъ. Оговариваю, что привожу эти обстоятельства вовсе не въ видѣ упрека, что ввѣренная мнѣ армія не была усилена еще нѣсколькими батальонами полковника Громова, а исключительно въ томъ смыслѣ, что дѣйствія отрядовъ Лауница, Мылова и Громова, имѣвшихъ одну общую цѣль на одномъ и томъ же участкѣ театра, должны были быть объединены въ однѣхъ рукахъ. Между тѣмъ генералъ Лауницъ былъ подчиненъ мнѣ, а генералъ Мыловъ и полковникъ Громовъ—непосредственно главнокомандующему“.

„Въ письмѣ отъ 4-го апрѣля за № 37, перечисляя батальоны, которые въ числѣ 169 вы считали въ моемъ распоряженіи, вы приводите: „одновременно для охраны тыла на ст. Хушитай сформированъ отрядъ полковника Громова первоначально изъ трехъ, а затѣмъ изъ 5-ти маршевыхъ батальоновъ. Цѣлью дѣйствій вамъ было поставлено отбросить силы противника, обходившія нашъ правый флангъ. Эта цѣль достигнута не была“. Упомяная въ концѣ перечня силъ мнѣ ввѣренныхъ и передѣ поставленною мнѣ задачей объ отрядѣ этомъ, вы производите впечатлѣніе, что онъ также былъ подчиненъ мнѣ. Въ силу вышеизложеннаго я это категорически отрицаю и доказываю тѣмъ, что дѣйствовавшій между отрядами Лауница и Громова арьергардъ Мылова былъ непосредственно подчиненъ вамъ, какъ это документально усматривается и удостоверяется“.

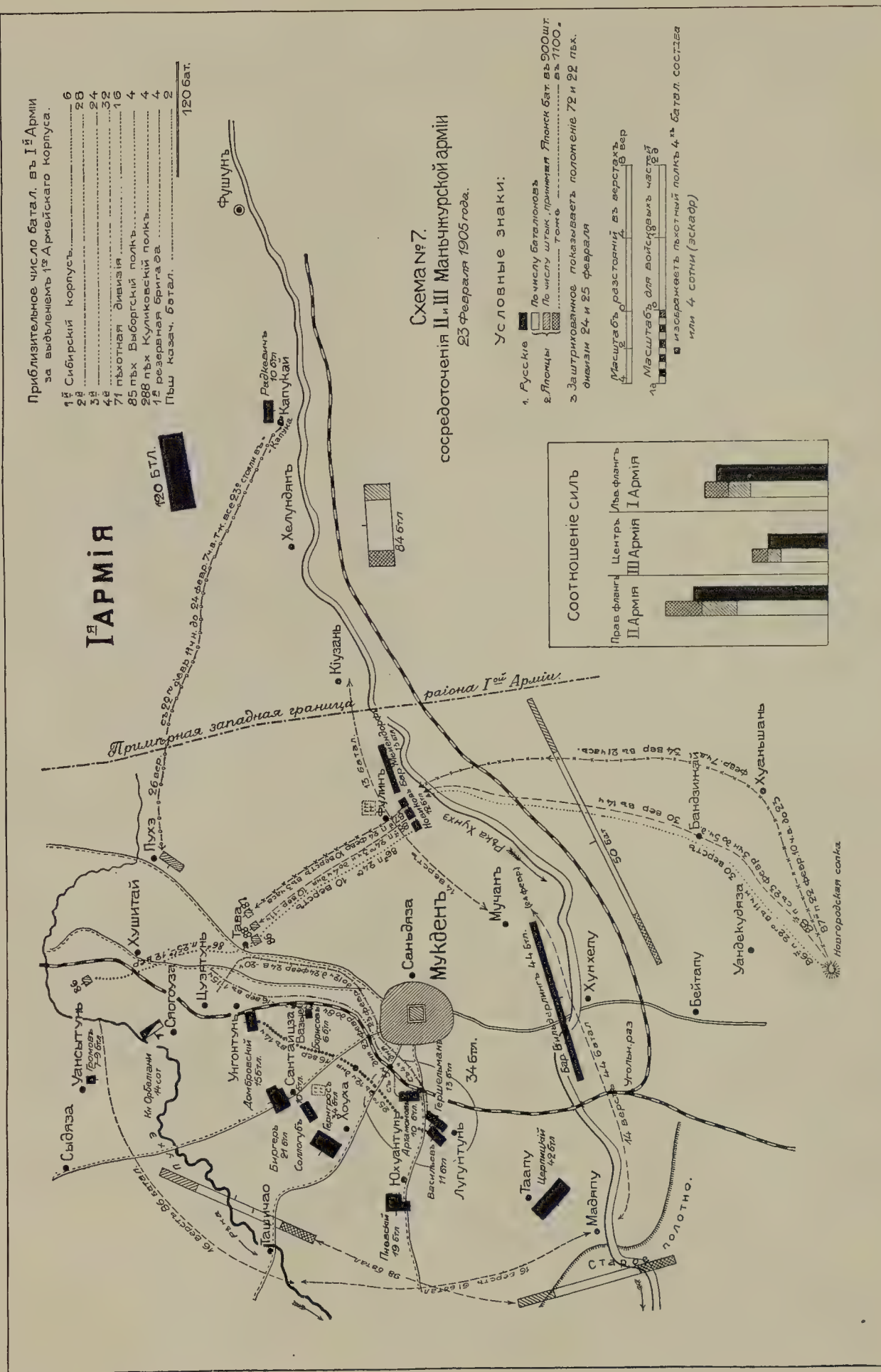
Далѣе генералъ Каульбарсъ приводитъ многочисленныя выборки изъ реляцій и донесеній, доказывающія его послѣднее категорическое отрицаніе, которыя мы не будемъ здѣсь приводить, чтобы не растягивать уже слишкомъ сильно нашъ трудъ. Въ концѣ онъ говоритъ:

„Письмо это приняло бы размѣры монографіи, если бы включить въ эти страницы всѣ подобные факты, но если здѣсь я вынужденъ касаться движенія отдѣльных полковъ, а не крупныхъ отрядовъ, то это вызывается исключительно сборнымъ характеромъ организациі сѣвернаго отряда, въ сферѣ дѣйствій котораго разрѣшились главнѣйшія фазы операцій 23-го—25-го февраля.“

„Такія передвиженія частей не могли отозваться благопріятно на выигрышѣ главнаго—„времени“ для сосредоточенія нашихъ резервовъ. Въ данномъ случаѣ этотъ факторъ пріобрѣталъ первенствующее значеніе, такъ какъ съ переносомъ центра тяжести операцій на сѣверный районъ 2-й арміи, критическое положеніе японцевъ, въ случаѣ неуспѣха, еще болѣе обострялось. Въ этотъ періодъ мукденской операціи все сводилось къ тому, чтобы имѣть численный перевѣсъ на цуертунскомъ участкѣ, такъ какъ вездѣ японцы не могли быть сильнѣе насъ, а неизбежныя заслоны противъ нашей укрѣпленной линіи ослабляли ихъ въ районѣ сѣвернаго отряда, предоставляя намъ, кромѣ численнаго превосходства, всѣ выгоды дѣйствій по внутреннимъ линіямъ“.

„Вышеприведенныя выдержки изъ реляцій характеризуютъ исполненіе сосредоточенія, какъ оно происходило по той или другой причинѣ.“

„23-го февраля былъ сосредоточенъ резервъ западнѣе Мукдена силою всего до 34-хъ батальоновъ. Правда, онъ непосредственно прикрывалъ Мукденъ съ запада, но находился въ 16 верстахъ отъ цуертунскаго участка, гдѣ рѣшалась судьба

мукденской операціи задолго до кіузань-фулинскаго прорыва, который при нашем успѣхѣ на сѣверѣ могъ и не имѣть мѣста или послѣдствій.

„При сосредоточеніи резерва именно въ районѣ сѣвернаго отряда былъ бы „молоть“ тяжелѣе, шансы и послѣдствія удара которыхъ могли бы идти въ сравненіе непропорціонально, а какъ квадраты, и притомъ такой „молоть“ не нуждался въ утяжелѣніи отрядами Зарубаева и Морозова, которые при другой организаціи сосредоточенія, быть можетъ, въ нужную минуту были бы у Кіузана. Приведенныя схемы показываютъ, что вмѣсто средняго перехода въ 22 версты на долю войскъ пришлось бы 16, что составляло уже сбереженіе силъ солдата на 25%—данная рѣшающей важности, такъ какъ начальствующимъ лицамъ всѣхъ степеней приходилось считаться съ подчиненными, переживавшими 9-й день непрерывнаго боя и походовъ.

„Фактическое сосредоточеніе резервовъ, не считая отрядовъ Зарубаева и Морозова, состоялось около 9-ти часовъ вечера 24-го февраля, черезъ нѣсколько минутъ послѣ полученнаго мною приказа объ отступленіи. Это доказываетъ, что всѣ распоряженія по отношенію къ вашимъ указаніямъ и умыслу операцій—опоздали. И эта потеря времени опредѣляется примѣрно въ 23 часа.

„Этотъ доказанный фактъ легко объясняетъ неудачи 23-го и 24-го февраля и вмѣстѣ съ тѣмъ остается причиной, почему переходъ въ наступленіе къ 25-му февраля,—если хотите,—побѣды, въ которую такъ вѣрила 2-я армія и о которой вы говорили, даже писали начальникамъ отрядовъ, склонилась на сторону японцевъ.

а) „Если бы Модлинскій полкъ сдѣлалъ бы 10, а не 26 верстъ и былъ бы въ Сантайцзы 22-го февраля не въ 10 часовъ вечера, а въ 7 часовъ утра, это селеніе было бы укрѣплено; а 23-го февраля, къ началу первой атаки, въ 6 съ половиной часовъ утра были только элементарныя приспособленія, сдѣланныя въ западной половинѣ селенія.

б) „Будь Волынскій полкъ на своемъ мѣстѣ не 23-го въ 2 часа дня, а 22-го въ 11 часовъ ночи, не пришлось бы его искать 9 часовъ и былъ бы резервъ, который не приходилось бы 12 часовъ устраивать изъ остатковъ 4-хъ маршевыхъ батальоновъ полковника Запольскаго. Этотъ полкъ не ходилъ бы взадъ и впередъ 16 верстъ.

в) „Развѣ можно было бы допустить овладѣніе японцами сѣверо-восточными фанзами деревни Сантайцзы въ ночь на 24-е февраля, если бы вмѣсто резерва въ составѣ полуроты Волынскаго полка въ императорской рошѣ 23-го февраля, съ 9 часовъ вечера стояли 3 батальона Орловцевъ послѣ перехода всего 10 верстъ вмѣсто 26, выпавшихъ на ихъ долю благодаря 4-мъ различнымъ приказаніямъ именемъ главнокомандующаго въ теченіе 4—5 часовъ времени.

г) „Прибытіе 22-й дивизіи въ Таву днемъ 24-го февраля и далѣе на Хушитай 25-го февраля лишило эти 12 батальоновъ случая оказать и свое вліяніе на исходъ боя. Она могла быть на своемъ мѣстѣ еще 23-го февраля днемъ, послѣ обѣда, и одно ея присутствіе на линіи Унегетунь—Цуертунъ дало бы устойчивость и генералу Домбровскому и полковнику Громову.

д) „Ваше высокопревосходительство изволили дать указаніе, чтобы въ ночь на 24-е февраля части отрядовъ Биргера и Домбровскаго сдѣлали попытку овладѣть Танхитунемъ. Это было бы легко совершено и почти безъ потерь, если бы мощная сила въ 30 батальоновъ генерала Гершельмана и Радкевича была бы въ Унгентунѣ въ 10 часовъ вечера 23-го февраля, на мандаринской дорогѣ на Таву, а дивизія 72-я, послѣ дневки въ Капукаѣ, не была бы направлена черезъ Хушинпу на Пухе, гдѣ она не могла удержать японцевъ на горахъ къ югу отъ Пухе, а подъ Хушитаемъ затерялась въ общемъ потокѣ отступленія.

„Такимъ образомъ, своевременное прибытіе отрядовъ и полковъ, перечисленныхъ въ вышеприведенныхъ 6 пунктахъ, не только абсолютно обезпечивало бы осуществленіе всѣхъ вашихъ указаній относительно сѣверо-западнаго фронта, но парализовало бы и стихійную невзгоду, съ которой пришлось считаться 24-го февраля частямъ 2-й арміи.

„Я подразумѣваю буранъ, разыгравшійся послѣ полудня съ чрезвычайною силою, исключавшей корректированіе артиллерійской стрѣльбы и западнымъ направленіемъ благопріятствовавшей японцамъ. Не было бы никакой надобности 24-го февраля брать линію Тхенитунъ—Госинтунъ въ буранъ утомленными войсками Гершельмана, которыя въ непроглядной лессовой пыли не могли держать связи съ поддерживавшими ихъ частями сѣвернаго отряда и не имѣли никакой поддержки со стороны артиллеріи этого отряда, которая не могла стрѣлять, рискуя поражать въ густой пыли своихъ, не нанося при этомъ никакого вреда японцамъ“.

Примѣч.: „Въ реляціи начальника 9-й пѣхотной дивизіи сказано: „Дѣло это показало, что своевременный переходъ въ наступленіе обѣщаетъ гораздо больше успѣха, чѣмъ пассивная оборона: неожиданная контръ-атака нарушаетъ расчетъ методичныхъ японцевъ и передаетъ инициативу въ наши руки. Къ сожалѣнію, бой не удалось довести до конца. Одной изъ причинъ было несомнѣнно то, что атака была ведена частями четырехъ разныхъ полковъ и не было объединено взаимодѣйствіе войскъ, занимавшихъ пункты четырехугольника, середина котораго служила полемъ сраженія“.

„Но потерявъ время и потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ къ овладѣнію селеніемъ Тхенитунъ ударомъ десятка батальоновъ въ лобъ, дальнѣйшія усилія сломить врага были отмѣнены вашимъ приказомъ объ отступленіи къ Тѣлину. Японцы прорвались на линіи Кіузанъ—Фулинъ“.

„24-го февраля, въ 8 съ половиной часовъ вечера, получено на этапѣ близъ станціи желѣзной дороги Мукденъ приказаніе главнокомандующаго объ отступленіи къ Тѣлину. 2-й арміи приказывалось: „задерживать противника до отхода 3-й арміи изъ предмостныхъ укрѣпленій, а затѣмъ отойти вдоль желѣзной дороги, прикрывая движеніе 3-й арміи отъ ударовъ съ запада“.

„3-й арміи съ наступленіемъ темноты отойти изъ предмостныхъ укрѣпленій вдоль мандаринской дороги, не втягиваясь въ Мукденъ“.

„Такимъ образомъ, общая задача 2-й арміи на 25-е февраля распадалась на 3 частныхъ:

- 1) Удержать свое положеніе до отхода 3-й арміи съ линіи Хунхе.
- 2) Прикрыть съ запада ея отступленіе по мандаринской дорогѣ и
- 3) Отойти къ Хушитаю только тогда, когда первыя двѣ задачи будутъ самоотверженно исполнены“.

„Такимъ образомъ, 2-я армія зависѣла отъ положенія 3-й. А эта въ свою очередь не могла начать отступленіе съ наступленіемъ темноты 24-го февраля потому, что ваша диспозиція № 12 подписана въ 7 часовъ 15 минутъ вечера, а получена мною въ 8 часовъ 20 минутъ вечера, полагаю, что 3-я армія получила ее не ранѣе, вѣроятно даже позднѣе. Поэтому ваши указанія не могли быть исполнены въ точ-

Раздача рисовой каши въ переднихъ окопахъ
у д. Линшинпу.

ности. 3-я армія могла начать отступленіе не вечеромъ, а ночью, съ нею должна была сообразоваться 2-я армія. Нужно было взаимное согласованіе двухъ армій, но телефоны дѣйствовали плохо, гдѣ-то въ нашу линію включился японскій шпіонъ и его рѣчь слышна была въ телефонъ желѣзной дороги; наконецъ, съ полученіемъ вашего приказанія № 12, кое-гдѣ стали снимать телефоны, времени было мало.

„Оставалось одно средство: генералу Церпицкому было приказано отходить тогда, когда тронется сосѣдній флангъ 3-й арміи, обеспечивъ послѣднему при этомъ безпрепятственное движеніе.

„Это и было исполнено передвиженіемъ къ желѣзной дорогѣ, столь сильно пострадавшей на разсвѣтъ этого дня, сводной бригады генерала Ганненфельда на линіи Утаодзянцзы — Паученцзы и Улихедзы, на глазахъ командированнаго съ этою цѣлью подполковника Улама-Каменскаго, лично установившаго части отряда

генерала Ганненфельда въ первыхъ двухъ селеніяхъ и убѣдившагося, что Орскій полкъ прошелъ уже впередъ, на востокъ въ Уляхедзу съ самимъ Ганненфельдомъ.

„Отступленіе 2-й арміи было обставлено трудностями помимо чрезвычайнаго скопленія обозовъ изъ Мукдена, къ 2-й арміи не принадлежащихъ, прохожденіемъ еще двухъ дефиле: Юхуаюэнъ—Мукденъ и Вазые—Сяотунтырь.

„По причинамъ отъ 2-й арміи независящимъ, къ 11 часамъ утра японцы успѣли овладѣть южными и восточными воротами Мукдена, а на высотѣ западныхъ стоялъ наиболѣе удаленный южный нашъ арьергардъ генерала Ганненфельда, въ трехъ четвертяхъ верстахъ отъ котораго и я находился. Хвостъ колонны генерала Церпицкаго въ это время находился еще на линіи сѣверныхъ воротъ.

„Три попытки японцевъ сдѣлать прорывъ въ районъ 2-й арміи (на императорскую рощу и Тинтянтунъ) были отбиты. Съ запада и до юга отступленіе 3-й арміи было прикрыто.

„Будущій безпристрастный разборъ выяснитъ, почему погибли арьергарды генераловъ Соллогуба и Ганненфельда, но уже теперь въ достаточной мѣрѣ выяснилось, что ихъ гибель была обусловлена надеждой найти въ восточномъ направленіи болѣе увѣренный путь отхода, примкнувъ къ 3-й арміи. Какъ личный свидѣтель отхода частей 2-й арміи съ 6 съ половиной часовъ утра до полуночи, я могу съ увѣренностью сказать, что все, что пошло по диспозиціи на Сяогоцзу и Чапзаньтунъ, презрѣвъ высокіе разрывы шрапнелей и шимозы, дошло счастливо, благодаря выставленнымъ во-время арьергардамъ и боковымъ арьергардамъ, общее число которыхъ достигло 38.

„4 съ половиной полка, увлекшіеся къ востоку, погибли, за исключеніемъ двухъ ротъ Орскаго и 19-го стрѣлковаго полковъ, прорвавшихся въ указанномъ направленіи на сѣверъ“.

„Когда драма 25-го февраля во всѣхъ подробностяхъ выяснится, тогда будетъ ясно, что гибель этихъ частей не могла быть отвращена дѣйствіями главныхъ силъ генераловъ Церпицкаго и Лауница и произошла она потому, что начальники арьергардовъ сами, по недостаточно выясненнымъ причинамъ нарушили диспозицію“.

„2-я армія нигдѣ прорыва японцевъ не допустила.

„Положеніе этой арміи было исключительно трудное.

„Что при данныхъ условіяхъ гибель сравнительно небольшого числа отрядовъ было явленіемъ почти неизбѣжнымъ и есть основаніе думать, что 2-я армія сравнительно вышла благополучно изъ этого тяжелаго испытанія.

„Этимъ заканчивается 10-ти дневная мукденская операція, а слѣдовательно и фактическая сторона моего отвѣта съ послѣднимъ добавленіемъ, что запискою отъ 25-го февраля безъ номера изъ Хушитай вы передаете мнѣ 10 батальоновъ генерала Артамонова, 12 батальоновъ 22-й пѣхотной дивизіи, которые я увидалъ только 28-го февраля и 6 батальоновъ генерала Морозова.

„За вычетомъ 22-й дивизіи и съ добавленіемъ 16 батальоновъ генерала Гершельмана, упущенныхъ въ вышеупомянутой запискѣ, число батальоновъ достигло до приведенной въ вашемъ письмѣ цифры 169, но уже на 26-е февраля.

„Если вамъ угодно будетъ взглянуть на относящіяся къ 25-му февраля реляціи 10-го сводно-стрѣлковаго и 6-го сибирскаго корпусовъ и 14-й пѣх. дивизіи, то не трудно будетъ убѣдиться, съ какимъ чувствомъ разочарованія и неудовлетвореннаго сознанія до конца исполненнаго долга большинство частей, исполняя приказъ главнокомандующаго, оставили свои позиціи, стойко удержанныя въ теченіе 8 дней.

„Формальная сторона вопроса, должны ли мы были 25-го жечь Мукденъ и отступать, исчерпывается въ утвердительномъ смыслѣ письменнымъ приказомъ главнокомандующаго и я далекъ отъ мысли брать на себя критику или осужденіе приказа бывшаго главнокомандующаго, но я былъ отвѣтственнымъ начальникомъ большей части линіи обороны, что обязываетъ меня, заканчивая 25-е февраля, очертить обстановку въ смыслѣ этого вопроса.

Окопы.

„Семидневныя усилія японцевъ не заставили 2-ю армію уступить намѣченную линію Унгентунъ—Юхуантунъ—Сатхоза. Изнуренный видъ полуголодныхъ плѣнныхъ и неубранные впереди нашихъ позицій трупы поднимали духъ въ нашихъ войскахъ, правда, порѣдѣвшихъ, физически утомленныхъ, но бодрыхъ и гордыхъ сознаніемъ, что всѣ усилія японцевъ не привели ни къ чему. Мы стояли, гдѣ стали и давно жданный приказъ общаго перехода въ наступленіе удесатерилъ бы нетронутыя нравственныя силы оставшихся защитниковъ линіи вѣрной мнѣ арміи. Въ смыслѣ средствъ мы были обеспечены. Продовольственныхъ и артиллерійскихъ запасовъ было вдоволь.

„Были силы нравственныя и средства; вопросъ сводился къ резерву, безусловно необходимому, чтобы, сосредоточивъ превосходныя силы, дать массѣ импульсъ для первыхъ шаговъ перехода къ активному способу дѣйствій.

„Во 2-й арміи было 12 батальоновъ 31-й пѣхотной дивизіи; небольшія частички были въ отрядахъ: сѣверномъ 6 батальоновъ, у генерала Гернгросса 3, у Топорнина 3, у Церпицкаго 5; всего 17. Полагаю, что эти силы не могутъ быть признаны

достаточными, чтобы съ ними перейти въ общее наступленіе. Сосредоточить ихъ было трудно и опасно, такъ какъ только благодаря ихъ присутствію удалось отбить многочисленныя атаки японцевъ, и я склоняюсь къ мнѣнію, что своими собственными силами 25-го февраля 2-я армія могла только держаться и перейти въ частичное наступленіе. Былъ ли у главнокомандующаго въ районѣ Хушитай резервъ и резервъ свободный для протіводѣйствія прорыву у Кіузана? Вопросъ этотъ логически вытекаетъ изъ предъидущаго, но не входитъ въ мою компетенцію.

„Насколько высшіе начальники не были ориентированы о положеніи дѣлъ на мандаринской дорогѣ, иллюстрируется изъ слѣдующаго факта: Подѣхавъ близъ Вазы къ 20-му стрѣлковому полку, имѣвшему фронтъ обращеннымъ на востокъ, я приказалъ прекратить огонь, предполагая, что бьютъ по своимъ.

„Только поднявшись на насыпь желѣзной дороги, гдѣ залегли цѣпи стрѣлковъ, я убѣдился въ противномъ, разсмотрѣвъ въ бинокль перебѣжки цѣпей японцевъ. Поданная мнѣ вскорѣ японская пуля устранила всякія сомнѣнія. Это было между 4 и 5-ю часами дня 25-го февраля. Генералъ Лауницъ узналъ о фулинскомъ прорывѣ въ 3 часа дня, увидѣвъ японскую кавалерію, атаковавшую во флангъ нашу батарею въ Синтайцзы.

„Кромѣ того, нужно принять въ соображеніе, что 2-й арміи нужно было отступать днёмъ 28 верстъ, часто среди пылающихъ складовъ не только обороняясь съ запада и юга, какъ это было сказано въ вашей диспозиціи № 12, но прикрываясь даже съ востока и вообще со всѣхъ румбовъ, кромѣ сѣвера.

„Японцы насъ не преслѣдовали, не использовали своего положенія, несмотря на тотъ могучій подъемъ духа, который вызывался въ каждомъ чинѣ японской арміи реальнымъ, неожиданнымъ даромъ успѣха, въ минуту полного израсходования своихъ послѣднихъ ресурсов“.

„Послѣ того какъ 1-й сибирскій корпусъ съ бригадою 6-й вост.-сиб. стрѣлк. дивизіи былъ переведенъ въ составъ 1-й арміи (чтобы оказать протіводѣйствіе демонстраціямъ Куроки) правильное положеніе ввѣренной мнѣ арміи было въ корню подорвано и впослѣдствіи не могло быть восстановлено подкрѣпленіями, которыя вы изволили присылать иногда частями, подходившими не всегда во-время (Салинпу, Юхуантунъ, Синтайцзы).

„Очутившись къ началу наступленія японцевъ (13—14 февраля) съ ничтожными силами, съ резервомъ, стянутымъ съ обходимаго фланга, 2-я армія была лишена устойчивости.

„Съ появленіемъ арміи Ноги на параллели Салинпу, фронтъ 2-й арміи достигъ около 35 верстъ, имѣя всего отъ 2 — 7 батальоновъ на каждую версту съ армейскимъ резервомъ въ 14% состава.

„При такомъ положеніи арміи, планы перехода въ наступленіе не могли носить рѣшительнаго характера, въ особенности при столкновеніяхъ съ японцами, силы которыхъ были сосредоточены; потомъ, послѣ 19-го февраля фронтъ арміи видимо усиливался, но чтобы дать себѣ отчетъ о дѣйствительности, нужно въ число батальоновъ внести поправку за потери, чтобы перейти на число штыковъ на версту

фронта. Последнее пока на каждый день в полках не восстановлено и выяснить это соотношение можно только приблизительно, сопоставлением общего числа убитых и раненых нижних чинов, равномерно числу батальонов, допуская гипотезу.

„Въ такомъ случаѣ, распредѣляя 22.426 раненыхъ и убитыхъ на 137 батальоновъ, получимъ наличный составъ отъ 722 до 164, въ среднемъ 558, т. е. почти половина штатнаго числа штыковъ, и всѣ приведенныя въ приложеніяхъ цифры при переходѣ къ дѣйствительности должны быть принимаемы съ коэффициентомъ въ 0,6.

Заключеніе перемирія.

„Именно это обстоятельство, неоднократно упоминаемое въ этомъ письмѣ, парализовало всѣ усилія всѣхъ чиновъ штаба 2-й арміи, такъ какъ безъ соотвѣтствующаго резерва произведенныя попытки наступленія были безплодны, а оборона лишена элемента активности. Собираетъ же резервъ, уводя части изъ боя — пріемъ опасный, подтвержденный пережитымъ.

„Прорывовъ во 2-й арміи не было, такъ какъ частные резервы въ армейскій не сводились.

„Общій недостатокъ стратегическаго резерва для всѣхъ трехъ армій, въ частности, отражался на ввѣренной мнѣ арміи.

„Необходимость для васъ, какъ бывшаго главнокомандующаго, стратегическаго резерва не давала возможности командующему 2-й арміей создать армейскій резервъ своими средствами, такъ какъ все, что собиравось и что можно было собрать, переводилось въ стратегическій резервъ главнокомандующаго.

„Полки: 5-й стрѣлковый, Волынской, Модлинскій, Сѣвскій, Прагскій, Замосцскій, Брянскій, Елецкій, прошли черезъ резервъ главнокомандующаго.

„Всего 38 батальоновъ; изъ нихъ 18, послѣ 25-го февраля остались въ отрядѣ генерала Мылова, мнѣ не подчиненномъ.

„Если сопоставить эту сумму 38 батальоновъ съ общимъ итогомъ батальоновъ, усилившихъ 2-ю армію, за все время мукденской операціи 41 съ четвертью, то окажется—эта армія была усилена только тремя съ четвертью батальонами.

„Если исключить изъ суммы 41 съ четвертью батальоновъ 30 восточно-сибирскихъ, которыхъ 2-я армія лишилась 12-го февраля, то все усиленіе выразится разностью въ 11 съ четвертью батальоновъ, которая очень отстаетъ отъ приведенной цифры въ письмѣ вашемъ отъ 4-го апрѣля сего года за № 37, цифры 68 батальоновъ.

„Въ заключеніе я считаю долгомъ еще разъ просить снисхожденія вашего высокопревосходительства за его позднее представленіе. Оправдывающимъ мотивомъ этого невольнаго опозданія остается въ своей силѣ тотъ, который приведенъ въ заключеніи письма моего с. г. за № 73, т. е. невозможность оторвать гг. офицеровъ генеральнаго штаба отъ своихъ прямыхъ обязанностей, усугубленная отсутствіемъ начальника штаба арміи и офицеровъ оперативнаго отдѣленія управленія генераль-квартирмейстера 2-й арміи“.

Не дождавшись этого, только что цитированнаго, отвѣта генерала Каульбарса, Куропаткинъ 16-го іюня за № 117 пишетъ ему 2-е письмо, въ которомъ уже прямо ставитъ ему пункты обвиненія, и къ вопросу о дѣйствіяхъ 2-й арміи на западномъ и юго-западномъ фронтахъ присоединяетъ и о несостоявшейся атакѣ Сандепу. Цитируемъ этотъ интересный документъ.

„Послѣ назначенія васъ командующимъ 2-й арміей, цѣлью дѣйствій ввѣренныхъ вамъ войскъ было поставлено овладѣніе укрѣпленнымъ селеніемъ Сандепу. Вамъ была предоставлена полная свобода дѣйствій и, въ зависимости отъ вашей готовности, предоставлено опредѣлить время начала наступательныхъ дѣйствій.

„Нѣсколько разъ указывалось при этомъ не терять время, въ виду получаемыхъ японцами подкрѣпленій изъ арміи Ноги. Несмотря на принимавшіяся вами мѣры, вамъ не удалось подготовиться къ штурму Сандепу въ теченіе января мѣсяца, мы не готовы и въ первыхъ числахъ февраля.

„Согласно съ вашимъ желаніемъ, штурмовать Сандепу было назначено только на 10-е февраля, но затѣмъ, дабы дать войскамъ передъ штурмомъ полный отдыхъ, вы просили отложить на 12-е февраля, на что и послѣдовало мое согласіе.

„Для штурма Сандепу и дальнѣйшихъ дѣйствій вы располагали 8-мъ, 10-мъ и сводно-сибирскимъ корпусами, 1-мъ сибирскимъ корпусомъ, бригадою 5-го сибирскаго корпуса и 6-ю вост.-сиб. стр. дивизіей 3-го сибирскаго корпуса—всего 128-ю батальонами.

„11-го февраля, въ 5 часовъ 11 минутъ пополудни, вы вызвали меня къ телефону и спрашивали мое мнѣніе, въ виду полученныхъ японцами свѣдѣній о томъ,

что мы хотимъ брать Сандепу, не слѣдуетъ ли начало операцій отложить на нѣкоторое время.

„Несмотря на то, что наступленіе японцевъ противъ лѣваго нашего фланга уже обозначилось и мы вынуждены были отступить отъ Цинхечена, я отвѣтилъ вамъ, что вопросъ о штурмѣ Сандепу вы должны рѣшить сами безъ моего участія и какое рѣшеніе примете, таковое я и буду считать наилучшимъ.

„Вы запросили тогда, можете ли рассчитывать на содѣйствіе стратегическаго резерва; я отвѣтилъ, что, въ виду невыясненнаго положенія на лѣвомъ флангѣ, я никакихъ обѣщаній относительно резерва давать не могу, но одна бригада изъ состава этого резерва уже стоитъ въ Тасудяпу. О вашемъ окончательномъ рѣшеніи я просилъ быстро телеграфировать мнѣ. Черезъ нѣсколько времени вы меня снова вызвали къ телефону и доложили, что признаете необходимымъ штурмъ

Отъ Мукдена.

Сандепу отложить на неопредѣленное время. Телефонограмма нашего разговора передана начальнику штаба армій и на ней есть замѣтка генерала Сахарова: „получилъ въ 5 часовъ 30 минутъ дня“. Свою депешу начальнику штаба 2-й арміи генералу Рузскому отъ 11-го февраля за № 2943 объ отправкѣ въ 1-ю армію бригады 6-й вост.-сиб. стр. дивизіи генералъ Сахаровъ, по моему приказанію, начинаетъ такъ: „Въ виду рѣшенія командующаго 2-й арміей отложить наступленіе, главнокомандующій приказалъ и т. д.“.

„Указанные мною выше документы находятся въ дѣлахъ штаба главнокомандующаго.

„Между тѣмъ мнѣ не разъ приходилось слышать, что среди чиновъ 2-й манджурской арміи распространено мнѣніе, что штурмъ Сандепу былъ отложенъ по моему приказанію и что лично вы высказывали такое же мнѣніе.

„15-го февраля я получилъ донесеніе, что конницей генерала Грекова обнаруженъ обходъ противникомъ нашего праваго фланга. Указывалось на колонны противника; общео силою до двухъ дивизій, шедшія ускореннымъ маршемъ по обо-

нимъ берегамъ Ляохе. Японскіе передовые отряды показались также и въ окрестностяхъ Синминтина. Въ 10 часовъ 40 минутъ вечера 15-го февраля комендантъ Салинпу донесъ о занятіи японскою конницей селенія Чанлинзы.

„16-го февраля сильныя колонны противника уже прошли параллель Сыфонтая.

„Для противодѣйствія обходу мною были направлены въ составъ 2-й арміи 1-й сибирскій корпусъ—18 батальоновъ. Мною указано было вамъ о необходимости быстро передвинуть часть 2-й арміи на правый берегъ Хунхе и предложено вамъ лично вступить въ командованіе всѣми, собираемыми на правомъ берегу Хунхе войсками, при чемъ вамъ мною была указана особая важность энергичныхъ дѣйствій противъ обходящихъ войскъ, угрожающихъ Мукдену и нашему пути подвоза.

„Къ сожалѣнію, вашъ отѣздъ нѣсколько замедлился начавшимся наступленіемъ японцевъ противъ позицій 2-й арміи на правомъ берегу Хунхе. Вслѣдствіе отхода сводно-стрѣлковаго корпуса на лѣвый берегъ Хунхе, японцы стали распространяться вдоль праваго берега, не встрѣчая должнаго отпора, и стали обстрѣливать правый флангъ расположенія 8-го армейскаго корпуса. Генераль Мыловъ просилъ поддержки. Въ это время, по вашему приказанію, уже собранъ былъ на правомъ берегу отрядъ генерала Голембатовскаго изъ 16-ти батальоновъ съ приказаніемъ слѣдовать на присоединеніе къ отряду генерала Топорнина для дѣйствій противъ обходящихъ колоннъ.

„Генераль Лауницъ, согласно съ представленною имъ мнѣ запискою, обратился къ вамъ съ просьбой, не только задержать этотъ отрядъ, но и перейти съ нимъ въ наступленіе, что и было вами разрѣшено. Эти 16 батальоновъ, послѣ небольшого успѣха, вынуждены были къ отступленію и понесли тяжелыя потери.

„Но главное это то, что ни 17-го, ни 18-го февраля вамъ не удалось подкрѣпить войска, собираемая у Салинпу. По донесенію генерала Топорнина, 17-го февраля у Салинпу находилось лишь до бригады японской пѣхоты; но 18-го туда прибыло уже до 2-хъ дивизій. Веденный бой у Салинпу не имѣлъ рѣшительнаго результата, но японцы пріостановились. Тѣмъ не менѣе, если бы сводно-стрѣлковый корпусъ оставался на правомъ берегу Хунхе и сдерживалъ бы натискъ японцевъ, прибытіе 16 батальоновъ Голембатовскаго въ Салинпу давало бы возможность генералу Топорнину располагать утромъ 18-го февраля для отгнѣсенія японцевъ отъ Салинпу 48 батальонами.

„Согласно имѣющимся донесеніямъ, батареи отряда генерала Топорнина 18-го февраля, съ 6-и съ половиной утра, начали подготовку атаки. Обнаружился обходъ нашего праваго фланга. Для парированія обхода, генераль Топорнинъ выслалъ полкъ съ двумя батареями. Около 9 съ половиной часовъ утра вы прибыли къ полю сраженія и, ознакомившись съ обстановкой, отдали приказаніе объ отступленіи на линію западныхъ укрѣпленій Мукдена на фронтъ Хоуха—Сахедза.

„Такъ какъ этотъ участокъ позиціи уже былъ занятъ частями 17-го корпуса, находившимися подъ начальствомъ генерала де-Витта, то войска генерала Топорнина передвинулись на участокъ позиціи Имайюенза—Юхунтуань.

„19-го февраля явился ко мнѣ генераль Топорнинъ съ докладомъ о дѣйствіяхъ ввѣренныхъ его командованію войскъ у Салинпу. По его словамъ, онъ 18-го

февраля надѣялся овладѣть Салинпу, и приказъ объ отступленіи былъ для него неожиданностью. При этомъ генераль Топорнинъ доложилъ мнѣ, что ваше высокопревосходительство, отдавая приказъ объ отступленіи, пояснили генералу Топорнину, что таковой отдается по моему приказанію. Такого приказанія мною не отдавалось и не могло быть отдано.

„По „памятной запискѣ“, представленной мнѣ генераломъ Лауницемъ о дѣйствіяхъ войскъ, находившихся подъ его начальствомъ съ 17-го по 20-е февраля, значитъ, что 19-го февраля съ 5 съ половиной часовъ пополудни начальникомъ штаба арміи генераломъ Рузскимъ сообщено Лауницу, что вами 20-го февраля было назначено общее наступленіе войскъ, находившихся подъ начальствомъ генерала Лауница, въ наступленіи на деревню Сухудяпу, при чемъ для участія въ этой атакѣ къ генералу Лауницу долженъ былъ прибыть генераль Церпицкій.

„На основаніи сего распоряженія, генераломъ Лауницемъ была отдана диспозиція, по которой цѣлью дѣйствій войскъ, находившихся на обоихъ берегахъ Хунхе, ставилось овладѣніе селеніями Сухудяпу и затѣмъ дальнѣйшее наступленіе на западъ.

„Около часу ночи на 20-е февраля генераль Лауницъ получилъ новое распоряженіе вашего высокопревосходительства, на основаніи котораго цѣлью дѣйствій войскъ, находившихся въ подчиненіи генерала Лауница, ставилось вмѣсто наступленія сохраненіе занятыхъ войсками позицій.

„5-го іюня въ Херсу генераль Лауницъ передалъ мнѣ, что на вопросъ, обращенный къ вамъ: почему отмѣнено было распоряженіе ваше относительно наступленія на Сухудяпу, вы отвѣтили ему, что отмѣна распоряженія о наступленіи послѣдовала по моему приказанію. Такого приказанія вамъ я не отдавалъ.

„Согласно имѣющимся документамъ, въ 12 часовъ ночи съ 18-го на 19-е къ вамъ былъ посланъ мною генераль-квартирмейстеръ генераль Эвертъ съ порученіемъ передать мое приказаніе, въ которомъ указывалось, что я ожидаю отъ васъ энергичнаго наступленія 19-го февраля, что собранные 90 батальоновъ для сего достаточны, что потеря даже одного дня для насъ опасна и что направленіе атаки правымъ или лѣвымъ плечомъ предоставляется вамъ.

„Что было сдѣлано вами для исполненія этого приказанія, мнѣ неизвѣстно, но все 19-е февраля было потеряно для наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны. Между тѣмъ, по получаемымъ донесеніямъ видно было, что войска арміи Ноги продолжаютъ свой обходъ. Обезпокоенный такимъ положеніемъ дѣлъ, я просилъ васъ пожаловать ко мнѣ для совмѣстнаго съ вами обсужденія: какой способъ дѣйствій надлежитъ принять.

„Можно было перейти въ наступленіе какъ съ позицій, лежащихъ къ юго-западу отъ Мукдена, такъ и съ нашихъ позицій, лежащихъ къ сѣверо-западу отъ Мукдена. Въ виду потеряннаго нами времени, противникъ могъ настолько глубоко обойти нашъ флангъ, что я считалъ болѣе выгоднымъ для насъ переходъ въ наступленіе съ позицій, лежащихъ къ сѣверо-западу отъ Мукдена съ линіи Сахедза—Хоуха—Матюенца, противъ лѣваго фланга противника.

„Вы, напротивъ того, предполагали, что болѣе рѣшительные результаты могутъ

быть достигнуты при переходѣ въ наступленіе съ позицій, лежащихъ къ юго-западу отъ Мукдена (съ линіи Янсытунь—Мадяпу). Къ сожалѣнію, вы, несмотря на мои напоминанія, не приняли мѣръ къ занятію и удержанію за нами, такъ называемой, позиціи Дембовскаго, имѣвшей весьма важное значеніе. Поэтому, при наступленіи въ указанномъ вами направленіи намъ приходилось бы брать эту сильную позицію въ лобъ. Въ результатѣ совѣщанія вы тоже пришли къ заключенію, что болѣе соотвѣтственно боевой обстановкѣ, уже сложившейся къ 20-му февраля, перейти въ наступленіе съ указанныхъ выше позицій, лежащихъ къ сѣверо-западу отъ Мукдена. Для удара въ этомъ направленіи въ первую очередь рѣшено было назначить 49 батальоновъ, къ которымъ должны были присоединиться, по мѣрѣ движенія впередъ, генерала Гернгросса 16 батальоновъ 25-й дивизіи, а затѣмъ и войска, находившіяся подъ начальствомъ генерала Церпицкаго. Съ этимъ рѣшеніемъ вы отправились къ себѣ въ вагонъ для распоряженій, а для исполнительной работы въ помощь вамъ для составленія диспозицій я отправилъ, въ виду отсутствія въ такую важную минуту чиновъ вашего штаба, генерала Эверта.

„Такимъ образомъ, никакой отмѣны наступленія войскъ, находившихся въ подчиненіи генерала Лауница, я не дѣлалъ.

„Покорно прошу васъ не оставить меня увѣдомленіемъ по содержанію сего письма:

„1) Правильно ли въ немъ изложена фактическая сторона дѣла, и если не правильно, то въ чемъ именно;

„2) Имѣютъ ли какое-либо основаніе доходящія до меня свѣдѣнія, что отмѣна атаки на Сандепу приписывается вами моему на то приказанію;

„3) Справедливы ли заявленія генерала Топорнина, что, давая ему приказъ объ отступленіи, вы указали, что такое распоряженіе дѣлается по моему приказанію;

„4) Справедливы ли заявленія генерала Лауница, что, передавая ему приказаніе не производить атаки ввѣренными ему войсками 20-го февраля, вы указали ему, что такое распоряженіе дѣлается на основаніи моего приказанія“.

Генералъ Каульбарсъ отвѣчалъ:

„Въ нижеизложенномъ ваше высокопревосходительство изволите найти нѣкоторые отвѣты на вопросы, возбужденные письмомъ вашимъ отъ 16-го іюня с. г. за № 117; они относятся къ разъясненію дѣла относительно Сандепу и недоразумѣній, вызванныхъ докладами генераловъ Лауница и Топорнина. Все же, что касается до дѣйствій 2-й арміи съ 17-го по 25-е февраля, изложено въ отвѣтѣ моемъ на письмо ваше отъ 4-го апрѣля за № 37, который будетъ препровожденъ вашему высокопревосходительству въ самомъ непродолжительномъ времени“.

„Отвѣты въ порядкѣ послѣдовательности вашего письма и поставленныхъ въ немъ вопросовъ.

„1) Послѣ назначенія васъ командующимъ 2-й манджурской арміей, цѣлью дѣйствій ввѣренныхъ вамъ войскъ было поставлено овладѣніе укрѣпленнымъ населеніемъ Сандепу“.

„Нѣсколько разъ вамъ докладывалъ, что я совершенно расхожусь съ этимъ взглядомъ.

„Цѣлью дѣйствій ввѣренной мнѣ арміи была армія противника, собранная на лѣвомъ флангѣ своего общаго расположенія, опиравшаяся на укрѣпленную полосу, лѣвофланговымъ пунктомъ, опорнымъ пунктомъ которой было укрѣпленное селеніе Сандепу. Я не признавалъ и не признаю штурма Сандепу, какъ отдѣльную операцію, что видно изъ представленнаго вамъ доклада моего по поводу январскихъ операцій генерала Гриппенберга. Выноска: „Мощный ударъ, нанесенный во флангъ противника, несомнѣнно вынудить его сосредоточить всѣ силы, а потому послужить лучшимъ средствомъ отказаться отъ активныхъ дѣйствій въ центрѣ или на правомъ флангѣ. Въ виду этого надо сосредоточить подавляющія силы въ направленіи главнаго удара на флангъ, защищать пассивно центръ, а къ противоположному флангу постепенно ослаблять силу занятыхъ позицій и, наконецъ, на крайнемъ направленіи (отрядъ генерала Ренненкампа) ограничиться наблюденіемъ“.

„Армія не можетъ имѣть цѣлью штурмъ незначительнаго селенія Сандепу, площадью въ 1 версту (а съ нѣкоторыми усадьбами въ 2—5 верстѣ).

„36 осадныхъ мортиръ. Выноска: „Въ томъ числѣ 8 восьмидюймовыхъ, бросающихъ бомбы, снаряженные 57-ю фунтами меленита (не считая полевыхъ 24) съ дистанціи 900—1500 саж. обстрѣливали это селеніе.

„Кромѣ мортиръ, 68 осадныхъ орудій, не считая 110 полевыхъ, съ дистанціи 3—6 верстѣ могли имѣть содѣйствовать. Одинъ залпъ осадной артиллеріи давалъ возможность бросить въ это укрѣпленное селеніе 21 пудъ меленита и 170 пудовъ металла. И такихъ залповъ я могъ приказать повторить 88. Такимъ образомъ, даже допуская равномерное обстрѣливаніе, не сосредоточивая огня, на каждую квадратную сажень укрѣпленнаго селенія Сандепу, въ 3 часа времени было бы брошено 3—4 пуда меленита и 6 пудовъ металла. Такая организація артиллерійской подготовки превосходила норму, принятую для современныхъ долговременныхъ крѣпостей, такъ какъ для послѣднихъ на версту атакованнаго фронта признается достаточнымъ 18 тяжелыхъ и 22 полевыхъ орудій, а при Сандепу приходилось по 20 тяжелыхъ и по 19 полевыхъ, принимая въ соображеніе только артиллерію 8-го корпуса; но въ стрѣльбѣ могли принимать участіе еще 80 орудій сводно-стрѣлкового и части 10-го армейскаго корпусовъ“.

„Такимъ образомъ, не было основаній предполагать необходимости въ штурмѣ Сандепу, о чемъ вы изволите неоднократно упоминать на первыхъ страницахъ письма и для котораго предназначили особую сборную бригаду отъ каждаго пѣхотнаго полка 1-й и 3-й армій.

„Повторяю еще разъ, что вамъ, какъ бывшему главнокомандующему, я докладывалъ при свиданіяхъ по телефону и во время многократныхъ обсужденій проекта январскихъ операцій по плану генерала Гриппенберга, что овладѣніе Сандепу было не цѣлью, а однимъ изъ средствъ, и притомъ средствомъ второстепеннымъ, такъ какъ первенствующее значеніе я придавалъ наступленію на лѣвый флангъ противника, связанному съ дѣйствіями кавалеріи на ихъ тылъ; при этомъ считалъ обязательнымъ демонстраціи на ихъ фронтъ и уничтоженіе артиллерійскими средствами опорныхъ пунктовъ лѣваго фланга японцевъ: Сандепу, Лабата и Лидіатуня.

„При энергичномъ, талантливомъ руководствѣ генерала Иванова и генерала Холодовскаго удалось организовать артиллерійскую подготовку такъ, что, покончивъ съ разгромленіемъ Сандепу, съ темнотою можно было перевезти значительную часть орудій въ заранѣе заготовленные батареи противъ Лабатая и Лидіатуня. Штурмы такихъ пунктовъ приводили къ бесполезнымъ жертвамъ; представлялось конечно вѣроятнымъ, что за ними были ряды такихъ же Сандепу, съ разницею въ наименованіи, хотя по силѣ и количеству укрѣпленій они во всякомъ случаѣ уступали передовымъ пунктамъ“.

„Письмо отъ 19-го іюня. Ст. 1. „Несмотря на принимаемыя вами мѣры, вамъ не удалось подготовиться къ штурму Сандепу въ теченіе еще января мѣсяца. Мы не были готовы и въ первыхъ числахъ февраля“.

„Приказъ главнокомандующаго за № 157 съ объявленіемъ о послѣдовавшемъ Высочайшемъ назначеніи меня командующимъ 2-й арміей состоялся 28-го января, а приказъ мой о вступленіи въ командованіе 2-й арміей отданъ въ день моего пріѣзда, 30-го января, за № 33. Слѣдовательно, слова: „еще января“—описка.

„Послѣдняя серія осадныхъ орудій доставлена мнѣ 6-го февраля, а три дня спустя, къ 10-му февраля, черезъ 11 дней послѣ моего прибытія въ новую для меня армію все было готово къ наступленію.

„Между прочими мѣрами были заняты и укрѣплены бугры между Чжантань-хенанемъ и Сандепу, устроена траншея на два батальона въ 400 шагахъ отъ японскихъ окоповъ, облегчавшая связь стрѣлковъ съ 14-й дивизіей, и устроено до 14-ти новыхъ батарей. Все это въ мерзломъ грунтѣ. Смѣю думать, что все было скоро и хорошо подготовлено.

„9-го февраля были собраны командиры корпусовъ съ начальниками штабовъ, начальники дивизій и артиллеріи для выясненія плана дѣйствій. Присутствовалъ представитель 3-й арміи генераль Алексѣевъ, привезшій обѣщаніе сильной помощи во время предстоящаго, какъ мы всѣ полагали, развитія операцій послѣ паденія Сандепу.

„На этомъ засѣданіи, между прочимъ, выяснилось, что земляныя работы въ мерзломъ грунтѣ по-близости противника и биваки на морозѣ, въ открытомъ полѣ, истощили силы людей, а потому явилась необходимость дать войскамъ полный отдыхъ до начала рѣшительныхъ дѣйствій. 10-го февраля была разслана диспозиція, сочувственно встрѣченная войсками.

„Приняты мѣры, чтобы каждый ротный командиръ ознакомился съ предстоящими полку дѣйствіями. Артиллерія получила отъ генерала Иванова послѣднюю подробную инструкцію. 11-го февраля, утромъ, разсланъ приказъ войскамъ 2-й манджурской арміи за № 46 о началѣ атаки на 12-е февраля на разсвѣтѣ.

„Духъ войскъ казался превосходнымъ. Но 11-го февраля, въ 4 часа пополудни, прибылъ въ Матуранъ начальникъ транспортовъ манджурскихъ армій генераль Ухачъ-Огаровичъ, который заявилъ, что посланъ вашимъ высокопревосходительствомъ съ тѣмъ, чтобы сообщить мнѣ:

„1) Что за Сандепу собралось 100.000 японцевъ при 340 орудіяхъ.

„2) Что на крайнемъ лѣвомъ флангѣ 1-й арміи японцы насъ сильно тѣснятъ, а потому ваше высокопревосходительство предоставляете мнѣ выборъ рѣшенія, атаковать ли мнѣ завтра или нѣтъ“.

„Я спросилъ генерала Ухачъ-Огаровича, могу ли я при такихъ условіяхъ разсчитывать, что вы сдержите данное мнѣ лично обѣщаніе, подойти ко 2-й арміи съ силами стратегическаго резерва. На это генераль отвѣтилъ съ увѣренностью, что вы не дадите намъ ни одного солдата изъ вашего стратегическаго резерва. Глубоко убѣжденный, что Сандепу само по себѣ не имѣетъ никакого значенія (кромѣ узко-тактическаго, мѣстнаго) и что жертвы людьми и матеріаломъ при овладѣніи имъ оправдаются только тогда, если вслѣдъ за паденіемъ Сандепу мощная сила будетъ продолжать успѣхъ въ направленіи средняго теченія Шахе и желѣзной дороги, я просилъ васъ подойти къ телефону.

„Въ началѣ разговора я доложилъ вамъ о сообщенныхъ черезъ генерала Ухачъ-Огаровича свѣдѣніяхъ насчетъ японскихъ силъ и просилъ вашего рѣшенія. Вы начали свой отвѣтъ соображеніями общаго характера о томъ, что, атаковать или отказаться отъ атаки, зависитъ отъ вдохновенія начальника, что въ этомъ вы меня тѣснять не хотите, но рекомендуете взвѣсить всѣ обстоятельства и т. д. Общій тонъ вашихъ словъ, сопоставленный съ фактомъ пріѣзда генерала Ухачъ-Огаровича и его доклада, склонялся въ сторону отмѣны атаки; но, зная, что дѣло хорошо подготовлено, я вѣрилъ въ успѣхъ и потому просилъ вашего категорическаго отвѣта, подойдетъ ли къ намъ стратегическій резервъ.

„На что послѣдовалъ отвѣтъ: „Ни одного штыка изъ стратегическаго резерва“. Эта фраза записана и включена въ описаніе военныхъ дѣйствій 2-й манджурской арміи генераломъ Рузскимъ, 3 недѣли тому назадъ, покинувшимъ армію.

„Принимая во вниманіе все вышесказанное, я, скрѣпя сердце, отмѣнилъ наступленіе, такъ какъ считалъ и считаю, что на войнѣ слѣдуетъ жертвовать жизнями людей, но только тогда, когда необходимо для пользы дѣла. Не отмѣнить наступленія, значило бы овладѣть Сандепу 12-го февраля, а затѣмъ атаковать Лабатай—Татай, пожертвовавъ жизнью нѣсколькихъ тысячъ людей. Атака Сандепу въ январѣ обошлась генералу Гриппенбергу убитыми и ранеными 17.700 нижнихъ чиновъ и 387 офицеровъ.

„Дальнѣйшее движеніе безъ стратегическаго резерва было бы невозможно и мы не были бы въ состояніи помѣшать японцамъ овладѣть черезъ 5 дней, 16-го февраля, Сыфантаемъ на правомъ флангѣ всей нашей укрѣпленной линіи, что заставило бы насъ покинуть Сандепу. (Уже 13-го февраля армія Ноги начала свое обходное движеніе, продолживъ его 16-го до параллели Сыфантая).

„Правдивый выводъ изъ этого слѣдующій: „Вы предоставили мнѣ рѣшеніе вопроса атаковать или не атаковать Сандепу, но вы же обставили эту операцію такъ, что заставили меня отъ нея отказаться“.

„Письмо отъ 16-го іюня: „Вамъ была предоставлена самая полная свобода дѣйствій и, въ зависимости отъ вашей готовности, опредѣлить время начала наступательныхъ дѣйствій. Далѣе упоминается, что для штурма Сандепу вы располагали 126-ю батальонами“.

„Статьею 103 Высочайше утвержденного положенія предоставляется каждому командующему арміей эта свобода въ полной мѣрѣ. Но время готовности 2-й арміи къ началу активныхъ дѣйствій въ данномъ случаѣ зависѣло не отъ одной свободы дѣйствій ея командующаго, а единственно отъ средствъ, которыя были или могли быть предоставлены въ мое распоряженіе бывшимъ главнокомандующимъ. Ваша цифра 126 батальоновъ говоритъ много и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего. Важно не число батальоновъ, а число въ нихъ штыковъ, но изъ нижеслѣдующей таблицы видно, что на укрѣпленной линіи Сыфантай—Холентай я располагалъ слѣдующими цифрами:

1-й сибирскій корпусъ	13.196	не комплектъ	7.804	штыка
8-й армейскій „	21.966	„ „	6.204	„
10-й „ „	25.166	„ „	2.882	„
Сводно-стрѣлковый	14.417	„ „	6.587	„
Орскій и Бузулукскій полки	7.559	„ „	1.419	„
Бригада 6-й вост.-сиб. стр. див.	4.320	„ „	960	„
Итого	86.424	„ „	25.856	„

„Японцы на своемъ лѣвомъ крылѣ располагали:

а) Въ восточной группѣ (Сюэрпу—Сандепу—Татай—Шилихе) 72.000 штыковъ и еще нѣсколькими резервными бригадами.

б) Въ западной группѣ (Сяобейхе) 40.000—45.000, считая и резервную бригаду. Въ общемъ 115.000—125.000 штыковъ“.

„Разсчитывая на силу укрѣпленій, не оставляя ни одного человѣка въ общемъ резервѣ на линіи Сыфантай и Ходянтай 28 верстъ, я долженъ былъ оставить не менѣе двухъ дивизій и одной стрѣлковой бригады (38.305 штыковъ).

„Въ заслонъ противъ арміи Ноги дивизию съ двумя стрѣлковыми бригадами (20.361 шт.). Такимъ образомъ, для активныхъ дѣйствій оставалось 27.756 штыковъ.

„Въ распоряженіи главнокомандующаго было 386 батальоновъ, не считая 2-й бригады 41-й пѣхотной дивизіи, командированной вами для усиленія охраны желѣзной дороги, 6 маршевыхъ и стрѣлковыхъ батальоновъ, всего 26 батальоновъ.

„Только 14% этой суммы и то всецѣло изъ состава 2-й арміи было предоставлено для сосредоточенія на рѣшительномъ пунктѣ.

„Для штурма Сандепу этихъ силъ было недостаточно, но, какъ доказано выше, Сандепу могло увѣренно быть уничтожено артиллеріей.

„Если допустить, что японцы заняли бы укрѣпленную позицію такими же силами, какъ и мы (хотя наша объемлющая линія длиннѣе ихъ объемлемой), то они могли противопоставить тѣмъ 28.000-мъ штыкамъ, которые я могъ выдѣлить, 34.000 и еще нѣсколько резервныхъ бригадъ, число и номера которыхъ документально не опредѣлены. Предоставляя судить вамъ, могъ ли я рѣшить наступленіе безъ одного солдата вашего резерва, я считаю умѣстнымъ теперь заявить, что совѣсть вмѣняетъ мнѣ въ особую заслугу, что штурмъ Сандепу не имѣлъ мѣста

и что я съ глубокою скорбью отказался нанести мощный ударъ съ 28.000 штыковъ безъ поддержки вашей.

„Будучи совершенно изолированъ и выставивъ заслонъ противъ арміи Ноги вполонину слабѣе противника, я отказался отъ атаки японцевъ, часть которыхъ встрѣтили бы батальоны 2-й арміи на заранѣе подготовленныхъ позиціяхъ“.

Письмо 16-го іюня: „Не смотря на то, что наступленіе японцевъ противъ лѣваго фланга нашего расположенія уже обозначилось и мы вынуждены были отступить отъ Цинхечена, я отвѣтилъ вамъ, что вопросъ о штурмѣ Сандепу вы должны рѣшить сами, безъ моего участія, и какое рѣшеніе примете, такое буду считать наилучшимъ. „Вы запросили тогда, можете ли разсчитывать на содѣйствіе стратегическаго резерва, я отвѣчалъ, что въ виду не выясненнаго нашего положенія на лѣвомъ флангѣ я такихъ обѣщаній относительно резерва давать не могу, но одна бригада этого резерва стоитъ уже въ Тасудяпу (въ 25 верстахъ отъ Сандепу)“.

„Теперь общеизвѣстно, что наступленіе было направлено въ обходъ праваго фланга ввѣренной мнѣ арміи, а Куроки на Цинхеченъ повелъ только демонстрацію противъ лѣваго фланга 1-й арміи.

„Вы изволили утверждать, что въ 5 часовъ дня 11-го февраля я просилъ васъ къ телефону и послѣ всего вышеизложеннаго отказался отъ наступленія.

„Но не прошло и 5-ти часовъ послѣ нашего разговора, какъ была подана на аппаратъ въ 10 часовъ 39 минутъ ночи слѣдующая телеграмма мнѣ: „Необходимо быстро прибыть генералу Ренненкампу Мадзяданъ. Желательно, чтобы онъ завтра, 12-го экстренно отправился въ Фушунъ съ однимъ изъ поѣздовъ, коимъ будетъ перевозиться бригада 6-й вост.-сиб. стр. дивизіи“.

„Черезъ 6 минутъ (въ 10 часовъ 45 минутъ ночи) подана была слѣдующая телеграмма за № 1843: „по полученнымъ свѣдѣніямъ цинхеченскій отрядъ подъ давленіемъ противника вынужденъ былъ сегодня отойти съ занимаемой имъ позиціи къ Далинскому перевалу. Въ виду рѣшенія командующаго арміей отложить наступленіе, главнокомандующій считаетъ необходимымъ, для поддержки цинхеченскаго отряда, отправить бригаду 6-й вост.-сиб. стр. бригады, для чего приказалъ 23-му полку прибыть къ Даваньганьпу къ 8 часамъ утра, головному батальону съ обозомъ 1-го разряда къ 7 часамъ утра. Посадкѣ остальныхъ эшелоновъ снестись съ генераломъ Забѣлинымъ. Со 2-мъ эшелономъ отправиться начальнику дивизіи и обозамъ 2-го разряда подъ прикрытіемъ двухъ ротъ и конно-охотничьихъ командъ, выступить завтра утромъ и слѣдовать въ Фушунъ въ два перехода. По возможности облегчить людей этихъ ротъ. Полкамъ оставаться въ ближайшихъ деревняхъ къ станціи Фушунъ, впредь до приказанія“.

„Въ 4 часа 40 минутъ ночи подана телеграмма командующему 2-й арміей:

„Прикажете 1-му сибирскому корпусу сего 12-го февраля передвинуться въ полномъ составѣ Чансамутунъ и близлежащія селенія къ востоку отъ него, которыя раньше занимались конницею генерала Мищенко. Гернгросъ предупрежденъ по телефону“.

„Это распоряженіе ваше приведено въ исполненіе помимо меня непосредствен-

нымъ сношеніемъ съ командиромъ 1-го сибирскаго корпуса и поспѣшно въ такой степени, что генераль Гернгросъ счелъ нужнымъ телеграфировать мнѣ изъ Чансантуня: „Согласно приказанію главнокомандующаго 1-й корпусъ выступилъ въ 8 съ половиной часовъ утра 12-го февраля изъ окрестностей Шуанго; прибылъ въ окрестности Чансумутуня того же числа“.

„Понятно, если командующій арміей отказывается отъ той или другой операціи, то главнокомандующій оставляетъ ему столько силъ, сколько признаетъ нужнымъ, располагая прочими по своему усмотрѣнію. Но все вышесказанное и поспѣшность, съ которой вы 11-го февраля распорядились передачей 30 сибирскихъ батальоновъ въ 1-ю армію, а также спѣшный отъѣздъ генерала Ренненкампа и требуемая вами быстрота передвиженія войскъ къ лѣвому флангу—все это наглядно доказываетъ, что эти силы были вамъ спѣшно нужны и дало мнѣ право предполагать, что вы не желали атаки Сандепу. Но даже 30 батальоновъ вы изволили считать недостаточнымъ, чтобы остановить демонстраціи Куроки. За ними должны были слѣдовать 24 батальона 16-го корпуса, направленные вами на лѣвый флангъ 1-й арміи, какъ это видно изъ слѣдующей телеграммы вашей отъ 13-го февраля въ 42 минуты за № 210, которая гласитъ: „Противникъ значительными силами атакуетъ лѣвый флангъ общаго расположенія армій и успѣлъ отгнать промежуточный отрядъ между позиціями 3-го корпуса и отрядомъ генерала Алексѣева. Опасаюсь, что лѣвый флангъ корпуса вынужденъ будетъ къ отступленію. Для нанесенія японцамъ частнаго пораженія направляю на подкрѣпленіе Линевича 1-й сибирскій и 16-й корпуса. Послѣдній въ составѣ 24-хъ батальоновъ. Такимъ образомъ для этой операціи мною расходуется, съ цѣлью сохраненія занятыхъ нами позицій, большая часть стратегическаго резерва. Между тѣмъ главныя силы противника еще находятся передъ центромъ и правымъ флангомъ нашего расположенія“.

„Мы можемъ быть атакованы превосходными силами на томъ или другомъ участкѣ нашихъ позицій; необходимо, опираясь на укрѣпленные позиціи и на могущественную артиллерію, проявить крайнее упорство, дабы отразить врага; особенно важно, чтобы въ вашихъ рукахъ образовался сильный резервъ—позиція ваша растянута, весьма желательно опредѣлить на этой позиціи такіе опорные пункты, которые могли бы быть заняты вполне достаточными силами и защищались бы съ непобѣдимымъ упорствомъ. Надо, чтобы на вашей позиціи были также Сандепу и Лидіатунъ, требующіе для овладѣнія ими дѣйствій нѣсколькихъ корпусовъ“.

„Все это указываетъ, что мой отказъ отъ наступленія правымъ флангомъ (оговариваю, при поставленномъ условіи, что я не буду поддержанъ вашимъ резервомъ) и появленіе у меня генерала Ухачъ-Огаровича—не случайное совпаденіе обстоятельствъ; первое вызвано вторымъ.“

„Тѣмъ не менѣе вы утверждаете въ письмѣ вашемъ, что передвиженіе бригады 6-й вост.-сиб. стр. дивизіи является прямымъ послѣдствіемъ моего отказа наступать 12-го февраля, и вы изволили написать доподлинно: „свою депешу начальнику штаба 2-й арміи генералу Рузскому отъ 11-го февраля, за № 1943, объ отправкѣ въ 1-ю армію 6-й дивизіи, генераль Сахаровъ по моему приказанію началъ такъ: „въ виду

рѣшенія командующаго 2-й арміей отмѣнить наступленіе, главнокомандующій приказалъ и т. д.“ Однако, исполняя это приказаніе, генералъ Сахаровъ началъ телеграмму № 1943 съ изложенія истинной причины, т. е. отступленія цинхеченскаго отряда на Далинскій перевалъ, а потомъ уже привелъ мое рѣшеніе и, наконецъ, приступилъ къ изложенію приказанія главнокомандующаго.

„Признавая поднятый вами вопросъ, по чьему желанію, вашему или моему, не состоялось 12-го февраля наступленія въ направленіи на линію Сандепу, выясненнымъ вышеизложеннымъ совершенно ясно, считаю умѣстнымъ изложить вамъ послѣдствія демонстраціи Куроки въ той мѣрѣ, какъ это отразилось на дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ 2-й арміи. За выдѣленіемъ изъ состава 2-й арміи 30-ти сибирскихъ батальоновъ, въ остальныхъ частяхъ было 68.908 штыковъ, за исключеніемъ необходимаго числа для занятія позиціи 38.305 штыковъ оставалось для активныхъ дѣйствій 30.603 штыка, а за выдѣленіемъ 6-го стрѣлковаго полка въ Тѣлинъ, оставалось въ большую сторону не болѣе 30.000 штыковъ. Вотъ все, что при крайнемъ напряженіи я могъ противопоставить обходящимъ силамъ арміи Ноги, которыя въ первое время, какъ это доказано документально, состояли изъ 3-хъ дивизій, двухъ резервныхъ бригадъ и на 20.000—25.000 штыковъ превосходили мои силы. Это не могло не отразиться на моихъ рѣшеніяхъ и на дѣйствіяхъ войскъ, мною руководимыхъ“.

Далѣе генералъ Каульбарсъ говоритъ о присылаемыхъ ему впослѣдствіи подкрѣпленій, но прибавляетъ: „уже было поздно, войска эти всегда опаздывали, первое подкрѣпленіе подошло (25-я пѣхотная дивизія) 17-го февраля, а послѣднее 25-го февраля въ 7 часовъ вечера“. Размѣръ ихъ колебался отъ трехъ ротъ до могучей поддержки въ 28 батальоновъ—послѣднее согласно запискѣ вашей отъ 25-го февраля въ 5 часовъ 15 минутъ вечера:

„Противникъ прорвалъ расположеніе 1-й арміи, продвинулся къ мандаринской дорогѣ по направленію къ селенію Тава, такъ и къ селенію Пухе. На послѣднемъ направленіи обнаружено до 6-ти полковъ. У генерала Бильдерлинга, который, повидимому, лично находится въ Пухе, должно быть подъ рукою 7 полковъ пѣхоты, но весьма сильно утомленныхъ. Въ интересахъ всѣхъ трехъ армій прошу васъ оказать войсками ввѣренной вамъ арміи содѣйствіе для выручки 3-й арміи, если она находится въ тяжеломъ положеніи, но если эти войска подъ напоромъ противника отошли къ Пухе, то вы должны приготовиться отразить ударъ вамъ во флангъ со стороны японскихъ войскъ у Пухе. Примите всѣ мѣры предосторожности и о принятыхъ мѣрахъ донесите мнѣ.“

„Я буду до сумерекъ на артиллерійской позиціи на станціи Хушитай, затѣмъ приѣду на станцію Синтайцзы. Въ моемъ стратегическомъ резервѣ я оставилъ прибывшую къ утру сего числа бригаду сибирской пѣхотной дивизіи. Прибывшую ко мнѣ бригаду 72-й пѣхотной дивизіи я назначилъ временно въ отрядъ генерала Мылова. Части 1-й и 3-й армій, входившія въ составъ стратегическаго моего резерва и нынѣ ведущія бой фронтомъ на западъ, поступаютъ въ составъ 2-й арміи, а именно: 12 батальоновъ 1-го армейскаго корпуса, 17 батальоновъ 54-й пѣхотной дивизіи и 4-го сибирскаго корпуса 6 батальоновъ. Распоряженія этимъ войскамъ

на сегодняшнюю ночь и на завтрашний день отданы, а именно слѣдовать къ Тѣлину, охраняя правый флангъ 2-й арміи.

„Послѣ самага необходимаго отдыха продолжайте движеніе на Синтайцзы.

„Аррьергардъ генерала Мылова желательно остановить на линіи селенія Салинпу“.

„Но въ это время, какъ извѣстно, аррьергарды 2-й арміи были уже къ сѣверу въ 7 верстахъ отъ Мукдена, боевая же работа 30 доблестныхъ сибирскихъ батальоновъ на правомъ флангѣ 2-й арміи съ 12-го по 17-е февраля была безвозвратно потеряна, такъ какъ, не вдаваясь въ оцѣнку пользы, принесенной ихъ присутствіемъ на лѣвомъ флангѣ армій, все же надо признать, что 4 дня прошли безъ пользы на форсированное движеніе туда и обратно.

„Если это положеніе мое можетъ носить характеръ условности по отношенію всѣхъ 30 батальоновъ, то для 1-го сибирскаго корпуса, появившагося 18-го февраля днемъ опять на правомъ флангѣ 2-й арміи, это неопровержимо вѣрно“.

„Письмо 16-го іюня за № 117: „Вы изволите ставить мнѣ въ вину: но главное это то, что ни 17-го, ни 18-го февраля вамъ не удалось подкрѣпить войска, собранныя у Салинпу“.

„Въ отвѣтѣ моемъ на ваше письмо отъ 4-го апрѣля за № 37 вы найдете причины этого; тамъ же кстати приведено, что и какъ нужно было сдѣлать, чтобы, не нарушая вашего плана, имѣть у Салинпу 15-го февраля 8 батальоновъ, къ утру 17-го февраля 40 батальоновъ, а къ утру 18-го февраля 60 и даже 80 батальоновъ, при этомъ свѣжихъ, а не замотанныхъ“.

„Ваше высокопревосходительство признали нужнымъ официально сообщить мнѣ, что къ вамъ дошли слухи, что среди чиновъ 2-й манджурской арміи распространено мнѣніе, что штурмъ Сандепу былъ отложенъ по моему приказанію и что вы лично высказали такое же мнѣніе.

„Операція на Сандепу входила лишь частною задачей въ общій планъ наступленія всѣхъ трехъ армій, конечно я не могъ отмѣнить штурмъ Сандепу безъ вашего на то согласія. Таковое и послѣдовало, какъ видно изъ выписки вашего же письма.

„Все вышеизложенное достаточно выясняетъ мои воззрѣнія, которыя я высказывалъ во всеуслышаніе. Возможно, что такъ смотреть на дѣло не только во 2-й арміи.

„Относительно памятной записки генерала Лауница и поднятыхъ въ ней вопросовъ, я, конечно, не считаю себя обязаннымъ давать какія-либо объясненія. Записка написана на память, безъ документовъ подъ рукою, безъ содѣйствія непосредственныхъ сотрудниковъ и всѣ вопросы, полагаю, найдутъ объясненіе въ письмѣ моемъ отъ 20-го іюня за № 3.054 и въ печатающемся отчетѣ штаба 2-й арміи.

„Въ письмѣ отъ 16-го іюня вы между прочимъ приводите: „5-го іюня въ Херсу генераль Лауницъ передалъ мнѣ, что на вопросъ его, обращенный къ вамъ, почему было отмѣнено распоряженіе наступленія на Сухудяпу, вы отвѣтили, что это сдѣлано по моему приказанію. Такого приказанія я вамъ не отдавалъ“.

„Далѣ вы пишете, что „все 19-е февраля было потеряно для наступательныхъ дѣйствій“ и заключаете фразой: „такимъ образомъ, никакой отмѣны наступленія войскъ, находившихся въ подчиненіи Лауница, я не сдѣлалъ“.

„Это собственноручное приказаніе ваше, отредактированное слѣдующимъ образомъ: „Какъ теперь выясняется обстановка, намъ главная опасность, повидимому, угрожаетъ съ сѣверо-запада и даже съ сѣвера. Поэтому расходование большихъ силъ для атаки отдаленнаго, относительно, отъ Мукдена пункта, какъ Сухудяпу, признаю дѣломъ опаснымъ. Кого только можно, надо направить на западный фронтъ и ближе къ Синминтинской дорогѣ“.

„19-го февраля, 3 часа 20 минутъ пополудни: „Послѣ удара на Сандепу надо войска, если то окажется возможнымъ, отвести какъ сказано выше“.

„Что касается до доклада вамъ подчиненнаго мнѣ генерала Топорнина о томъ, что приказъ отступить отъ Салинпу я отдалъ, ссылаясь на ваше приказаніе—то это недоразумѣніе.

„Я присутствовалъ въ бою и, признавъ несоотвѣтствующими послѣдующія попытки одержать кровавый мимолетный успѣхъ, приказалъ начать отступление своевременно, не прикрываясь вашимъ именемъ, въ чемъ и не было надобности, такъ какъ отвѣтственность за это приказаніе я всегда и всецѣло принимаю на себя.

„Полагаю, что источникомъ этого недоразумѣнія послужила записка ваша этому генералу, съ припискою мнѣ, когда прибуду (№ 2401). „Главная опасность угрожаетъ вамъ съ праваго фланга. Обходящія силы противника еще не выяснены. Предполагается 4 дивизіи. Пойдя въ обходъ, вы подставите свой флангъ. Примите всѣ мѣры, чтобы войти въ связь съ генераломъ Биргеромъ. Опасаюсь, что онъ въ тяжеломъ положеніи. Онъ можетъ быть отрѣзанъ. Надо скорѣе оттянуть его къ Мукдену или ему отступить къ Тѣлину, задерживая противника“.

„Полагаю, что прежде всего нужно выяснить, какія силы имѣете противъ себя съ фронта, чтобы потомъ рѣшить о способѣ дѣйствій“.

„Вамъ надо базироваться на Мукденъ“.

Уже приведенной части переписки между генералами Куропаткинымъ и Каульбарсомъ вполне достаточно, чтобы уяснить себѣ то отрицательное значеніе, которое имѣлъ Куропаткинъ въ смыслѣ успѣха нашего дѣла подъ Мукденомъ. Можно почти съ увѣренностью сказать, что мы проиграли всю войну, главнымъ образомъ, потому, что главнокомандующимъ у насъ былъ Куропаткинъ; при его способѣ управленія войсками никакая армія, будь она безъ всякихъ недостатковъ, не могла бы выйти побѣдительницей, и залогъ нашего пораженія лежалъ не столько въ дефектахъ арміи, о которыхъ мы уже неоднократно говорили, сколько въ дефектахъ самого главнокомандующаго. Здѣсь, подъ Мукденомъ, подобно тому, какъ и въ другихъ мѣстахъ, Куропаткинъ точно нарочно отворачивался отъ моментовъ, когда побѣда могла быть у него въ рукахъ, и даже были случаи, когда этотъ полководецъ вырывалъ побѣду изъ рукъ собственныхъ войскъ, почти въ моментъ ея осуществленія.

Что касается до оцѣнки нравственного облика генерала Куропаткина, то здѣсь мы воздерживаемся отъ нея, предоставляя каждому читателю сдѣлать свои собственные выводы, которые врядъ ли будутъ особенно разнообразны.

Въ приведенной перепискѣ личность Куропаткина, какъ военно-начальника и человѣка, обрисовывается вполне ясно и отчетливо, и становится понятнымъ, почему мы проиграли кампанію и покрыли позоромъ нашу, до сихъ поръ, непобѣдимую армію. Конечно, многіе пробѣлы въ подготовкѣ арміи, о которыхъ такъ много говорилось и писалось, оказывали свою долю вліянія на наши пораженія, но они имѣли второстепенное значеніе, и если вспомнить, что Куропаткинъ много лѣтъ передъ этимъ занималъ высокіе посты въ арміи и даже лѣтъ 6 или 7 непосредственно передъ войной занималъ постъ военнаго министра, то и въ этихъ пробѣлахъ виновникомъ надо признать того же Куропаткина, который ничего не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть и не принималъ никакихъ мѣръ къ устраненію различныхъ недостатковъ и къ поддержанію арміи на должной высотѣ. Куропаткинъ не понималъ всего этого. Будучи самъ кругомъ виноватымъ, онъ съ беззащитчивостью искалъ всюду и вездѣ виновниковъ нашихъ неудачъ, доходя до поголовнаго обвиненія всей нашей арміи въ полномъ ея составѣ и въ сваливаніи собственныхъ ошибокъ и промаховъ на другихъ. Раздаются голоса, что причинами нашихъ неудачъ была вся наша государственная система; можетъ быть это и такъ, но все-таки можно съ успѣхомъ утверждать, что она имѣла второстепенное значеніе и причина всего зла въ минувшую войну лежала въ Куропаткинѣ, котораго можно разсматривать какъ злого духа нашей арміи, и что не будь онъ во главѣ нашей арміи, мы, можетъ быть были бы и биты, но не были бы такъ ужасно, такъ всесторонне и такъ окончательно и совершенно разбиты, какъ это случилось въ войну съ Японіей. Будущіе изслѣдователи этой міровой войны, расшатавшей рѣшительно всѣ устои нашей общественной и государственной жизни, конечно останутся надъ многими моментами этой войны и прольютъ свѣтъ на многое, что теперь еще недостаточно ясно. Такъ, напримѣръ, почему движеніе на выручку Портъ-Артура было такъ несвоевременно предпринято и такъ мало обдумано и плохо рассчитано, почему мы отступили подъ Ляояномъ, когда побѣда была у насъ въ рукахъ, почему было приостановлено наступленіе генерала Гриппенберга и откуда и къмъ было послано генералу Куропаткину донесеніе о сосредоточеніи японскихъ силъ противъ нашего центра, на которое послѣдній ссылался, когда ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ не было, и еще на многое другое. Мы не беремся высказываться по этому поводу, какъ потому, что не имѣемъ достаточныхъ для этого данныхъ, такъ и потому, что событія не отошли еще на разстояніе историческаго фокуса, когда безпристрастное и спокойное разслѣдованіе только и возможно. Будемъ надѣяться, что исторія отвѣтитъ на всю мрачную картину нашихъ поражений и произнесетъ свой суровый приговоръ надъ виновниками нашихъ несчастій, которые, вѣроятно, тогда и понесутъ должную кару.

Большая разница лежала также въ характерѣ и воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ столкнувшихся народностей. Японцы проявили такое упорство, такое беззавѣтное

мужество, такой патриотизмъ, которыхъ у насъ не было, или они были не достаточно развиты. Въ то время, когда наши воины, проявляя непоколебимое мужество и самоотверженіе, шли на войну, считая за счастье выбраться изъ нея благополучно, японскій солдатъ считалъ за счастье для себя умереть за честь и успѣхъ родины, и въ этомъ отношеніи идеалы сильно разнились.

Генераль-лейтенантъ англійской службы, проведеншій всю войну среди японской арміи, имѣлъ много случаевъ наблюдать японцевъ, какъ въ бою, такъ и внѣ боя. Весьма интересенъ и знаменателенъ одинъ рассказъ его о развлеченіяхъ японскихъ солдатъ во время перерыва въ военныхъ дѣйствіяхъ. „Въ день новаго года въ угольныхъ копяхъ давался солдатскій спектакль, въ немъ было очень мало любви, вина, какой-нибудь интриги или плана, но за то было много мечей, дуэлей, битвъ и кликовъ. Японскіе солдаты обожаютъ опасность. Храбрость—качество, передъ которымъ они преклоняются. Кажется, что мнѣ слѣдуетъ набросать въ легкихъ чертахъ одну изъ разыгранныхъ пьесъ, такъ какъ въ ней ясно выдвигается эта черта.

„Герой—бѣдный молодой человѣкъ, у него больная жена и ребенокъ. Къ нему являются съ приставаніями кредиторы, точно также какъ они пристають къ молодымъ людямъ въ Англіи. Послѣ долгихъ переговоровъ они, наконецъ, теряютъ терпѣніе и стаскиваютъ послѣднее одѣяло съ кровати больной жены. Во время этой тягостной сцены является почтальонъ, вручающій роковую повѣстку о призывѣ запаснаго присоединиться къ его полку. Объявлена война Россіи, и бѣдный молодой человѣкъ долженъ идти сражаться за свою родину съ непріателемъ. Онъ пораженъ, какъ громомъ. Это послѣдній ударъ.

„Когда, однако, кредиторы понимаютъ, что случилось, они начинаютъ сожалѣть его.

„Они разрываютъ свои счета и, недовольные этой снисходительностью, начинаютъ еще соперничать другъ съ другомъ, предлагая своему должнику все, что имѣютъ. Первый снимаетъ съ себя поясъ, говоря: „вотъ, это стоило мнѣ 7 іенъ 50 сенъ—возьми это себѣ“. И всѣ продолжаютъ въ томъ же духѣ, пока не остаются совершенно голыми. У нихъ не остается другого выхода, какъ отправиться въ припляску домой, черезъ улицы, полныя народа, почти въ природномъ видѣ, и, разумѣется, тутъ происходитъ много забавнаго.

„Молодой человѣкъ, предоставленный себѣ, разбираетъ ту душевную муку, которую онъ только что пережилъ, и убѣждается въ томъ, что его привязанность къ семьѣ такъ сильна, что можетъ помѣшать ему отъ всей души исполнить долгъ солдата. Онъ боится того, что мысли его будутъ уноситься къ любимой семьѣ вмѣсто того, чтобы сосредоточиваться на томъ, какъ бы лучше послужить своей родинѣ. Поэтому онъ убиваетъ свою жену и ребенка. Публика съ дикимъ восторгомъ аплодируетъ этому поступку, смотря на него, какъ на нѣчто возвышенное и почти сверхчеловѣческое.

„Случайно является полицейскій и открываетъ смерть жены, благодаря крови, просачивающейся черезъ одѣяло. Но когда онъ, однако, уясняетъ себѣ вполнѣ

что случилось и по какому поводу, то онъ проникается такимъ восторгомъ, что съ радостью отказывается отъ случая составить себѣ имя путемъ ареста молодого человѣка, и, вмѣсто того, горячо поздравляетъ его“.

Этотъ эпизодъ чрезвычайно ярко характеризуетъ народъ, среди котораго подобныя драмы вызываютъ восторги одобренія, и какая непроходимая бездна лежитъ между военной этикой японцевъ и европейскихъ народностей, — такихъ воиновъ легче уничтожить, чѣмъ побѣдить. Что это вѣрно, то это подтверждаетъ и та масса самоубійствъ японцевъ, которыхъ рокъ вынуждалъ попасть военнопленными.

Конецъ III-го тома.

О Т Ъ   Р Е Д А К Ц И И.

Опечатки II-го тома. Помѣщенный на страницѣ 465-й рисунокъ, озаглавленный „Инструкторы санитарныхъ частей во дворѣ фанзы, во время стоянки на Шахе“, слѣдуетъ озаглавить: „Иностранные аташэ нашей арміи во дворѣ фанзы во время стоянки на Шахе“.

5,47)
1-3
300 9

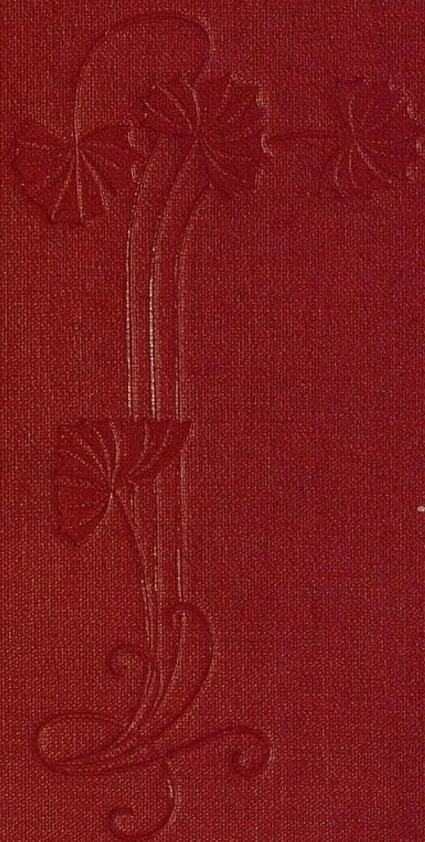

THE UNIVERSITY OF CHICAGO